

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2025. Том 12. № 4

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2025

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 25.12.2025.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

© Северо-Кавказский федеральный университет, оригинал-макет, оформление, 2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2025. Volume 12. No. 4

Published four times a year

Stavropol
2025

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal Research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanitarian and Law Research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 12.25.2025.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkina Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

© North-Caucasus Federal University, original layout, design, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента мировой политики и зарубежной регионоведения Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, профессор департамента медиакommunikаций Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагибад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, Заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р полит. наук, Университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, и.о. ректора Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Professor, Head, Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, World Politics and Foreign Regional Studies Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károlyi Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Media Communications Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamensky – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor, István Széchenyi University (Győr, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuхова – Doctor of History, Professor, Acting Rector of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Березутская А. А., Кудрявцев А. А., Судавцов Н. Д. Роль прокуратуры в рассмотрении дел с участием присяжных заседателей в Ставропольской губернии на рубеже XIX – XX веков	573
Бурков С. Б. Археологическое наследие как часть культурной среды в исследованиях середины XX – первой четверти XXI вв. Вопросы историографии	580
Величко Л. Н., Рыкун Г. Н. «Прометеизм» и идеи независимости Кавказа во внешнеполитических планах Польши в 20-30-е гг. XX в.	592
Гелла Т. Н. Спорт в концепции и практике «цивилизаторской миссии» Великобритании во второй половине XIX века	599
Журтова А. А., Кузьминов П. А., Кагазежев Ж. В. Опыт применения цифровых технологий и контент-анализа в отечественных историографических исследованиях	607
Каширина Т. В. Проблема ядерного оружия в российско-американских отношениях: от разрядки к стратегической нестабильности	615
Малинова-Тзиафета О. Ю. Изгнание как дарование голоса, или как исследования Холокоста в Европе стали «подрывными темами»	621
Мкртчян Н. А. «Всегдашнее пламенное усердие к пользам государства...»: о некоторых фактах военной и административной биографии М.С. Воронцова на страницах газеты «Кавказ»	632
Мутушев И. А. Торговая деятельность как форма социального лифта для горских жителей Северо-Восточного Кавказа второй половины XIX века	639
Пальчикова А. С. Крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII века	645
Панов С. В. Репрезентация истории польских восстаний в советских учебниках 1947–1956 гг.	651
Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А. Женщина и повседневность в проектах большевиков и советская реальность 1920-х годов (на материалах Ставрополя)	658
Рыкун Г. Н., Вартумян А. А., Тельменко Е. П. Возможности междисциплинарного подхода исторического исследования на современном этапе развития отечественной и зарубежной истории	665
Тельменко Е. П. Начало Итальянских войн: Карл VIII, Флоренция и ее пророк	672
Труфанова В. М. Формирование советской милиции в контексте повседневности южной провинции (на материалах Кавказских Минеральных Вод)	682
Черницына С. Ю. Каспийский регион в системе международных отношений: правовой статус, ресурсы и внешнеполитические стратегии	690

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александрова Ю. А. Языковая адаптация иностранных граждан в российское общество как элемент миграционной политики государства: нормативно-правовой аспект	698
Бирюков А. А. Юридическая конструкция эмфитевзиса в римском, византийском и современном европейском праве	705
Демидова И. А. Правовая культура: отдельные аспекты в контексте юридической теории и правовой организации белорусского общества	712
Клюковская И. Н., Контлакова Ф. Р. Lex mercatoria: ретроспективы и перспективы	718
Машкова А. Д. К вопросу о вещной природе биомедицинского клеточного продукта как объекта гражданских прав	726
Нутрихин Р. В., Буркин Д. О. Правовые проблемы развития курортной инфраструктуры на Кавказских Минеральных Водах: достижения и недостатки федерального и регионального законодательства	733
Подройкина И. А., Джагарян И. В. Наказуемость взяточничества: законодательный потенциал и реальная судебная практика	744

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Классова Д. С. Семантика и прагматика метафорических квантитативных значений / употреблений номинаций большого количества предметов	752
--	-----

IN MEMORIAM

Клычников Ю. Ю., Панарин А. А. «Постоянно набирающий опыт и зрелость исследователь»: в память о коллеге и соратнике Сергее Леонидовиче Дудареве	760
--	-----

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Berezutskaya AA, Kudryavtsev AA, Sudavtsov ND. The role of prosecutor's office in jury trials in the Stavropol province at the turn of the 19th and 20th centuries	573
Burkov SB. Archeological heritage as a component of cultural environment in the studies of mid XX – first half XXI	580
Velichko LN, Rykun GN. “Prometheism” and the ideas of independence of the Caucasus in the foreign policy plans of Poland in the 1920-1930s	592
Gella TN. Sport in the concept and practice of the “civilizing mission” of Great Britain in the second half of the XIX century	599
Zhurtova AA, Kuzminov AA, Kagazezhev ZV. Experience of using digital technologies and content analysis in domestic historiographic research	607
Kashirina TV. The Nuclear weapons problem in Russian-American relations: From détente to strategic instability	615
Malinova-Tziafeta OYu. Repression as a voice giving, or how Holocaust studies in Europe became subversive subjects	621
Mkrtychyan NA. “The ever-fervent zeal for the benefits of the state...”: about some facts of M.S. Vorontsov's military and administrative biography on the pages of the Kavkaz newspaper	632
Mutusev IA. Trade activity as a form of social elevator for mountain residents of the north-eastern Caucasus in the second half of the 19th century	639
Palchikova AS. Peasant population of Yelets district in the first third of the 17th century	645
Panov SV. The representation of the history of Polish uprisings in Soviet textbooks in 1947-1956	651
Pokotilova TE, Shebzuhova TA. Women and Everyday Life in Bolshevik Projects and Soviet Reality of the 1920s (Based on the Materials from Stavropol region)	658
Rykun GN, Vartumyan AA, Telmenko EP. The Potential of an Interdisciplinary Approach to Historical Research in the Current Development of Russian and International History	665
Telmenko EP. The Beginning of the Italian Wars: Charles VIII, Florence and its Prophet	672
Trufanova VM. The formation of the Soviet militia in the context of daily life of the Southern province (based on the materials of the Caucasian Mineral Waters)	682
Chernitsyna SYu. The Caspian region in the system of international relations: legal status, resources and foreign policy strategies	690

LEGAL SCIENCES

Alexandrova JA. Linguistic adaptation of foreign citizens to Russian society as an element of the state migration policy: a regulatory aspect	698
Biryukov AA. The legal construction of emphyteusis in Roman, Byzantine and Modern European law	705
Demidova IA. Legal culture: selected aspects in the context of legal theory and the legal organization of Belarusian society	712
Klukovskaya IN, Kontlakova FR. Lex mercatoria: retrospectives and prospects	718
Mashkova AD. On the material nature of a biomedical cell product as an object of civil rights	726
Nutrikhin RV, Burkin DO. Legal issues of resort infrastructure development in the Caucasian Mineral Waters: achievements and shortcomings of federal and regional legislation	733
Podroykina IA. Criminalization of bribery: legislative potential and real judicial practice	744

PHILOLOGICAL SCIENCES

Klassova DS. Semantics and pragmatics of metaphorical quantitative meanings/uses of nominations of a large number of objects	752
---	-----

IN MEMORIAM

KlychnikovYuYu, Panarin AA. “A researcher constantly gaining experience and maturity”: in memory of the colleague and comrade Sergei Leonidovich Dudarev	760
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 93 (347.99)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.1>

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Анастасия Алексеевна Березутская^{1*}, Александр Абакарович Кудрявцев²,
Николай Дмитриевич Судавцов³

^{1, 2, 3} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Аспирант

berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>

² Доктор исторических наук, профессор

kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

³ Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

249609@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В данной статье рассматривается деятельность прокуратуры и присяжных заседателей в разрешении уголовных дел в Ставропольской губернии в пореформенной России. Подробно изучаются задачи прокуроров в процессе судопроизводства в период введения института присяжных заседателей, а также влияние на реализацию новых принципов правосудия, а именно – гласности и беспристрастности правосудия. Цель исследования заключается в проведении анализа роли прокуратуры в суде присяжных, в обеспечении гласности и справедливости суда в пореформенной России. **Анализ.** Значимость рассматриваемого вопроса определяется ценностью накопленного опыта в становлении современной системы отправления правосудия, и потребностью в осознании участия прокуратуры в повышении общественного доверия к судам посредством демонстрации ее полномочий и целей в связи с совершенствованием института присяжных заседателей. **Материалы и методы.** Статья написана с учетом принципа объективности и историзма, использованы методы традиционного исторического исследования. В качестве источников применены неопубликованные делопроизводственные документы, нормативно-правовые документы и материалы местных газет. **Результаты.** В ходе проведенного анализа выявлено, что прокуратура Ставропольской губернии выступала в роли представителя государственной власти и органа

надзора за соблюдением законности во время рассмотрения дел с участием присяжных заседателей. Как показывает исследование, их работа заключалась не только в поддержании правопорядка, справедливости и гласности, она повышала веру населения в справедливость судопроизводства и судопроизводства, что сыграло важную роль в развитии института присяжных заседателей.

Ключевые слова: судебная реформа, правоохранительная система, прокуратура, присяжные заседатели, Северный Кавказ, Ставропольская губерния

Для цитирования: Березутская А. А., Кудрявцев А. А., Судавцов Н. Д. Роль прокуратуры в рассмотрении дел с участием присяжных заседателей в Ставропольской губернии на рубеже XIX – XX веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 573–579. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.1>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.05.2025.

Research article

THE ROLE OF PROSECUTOR'S OFFICE IN JURY TRIALS IN THE STAVROPOL PROVINCE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Anastasia A. Berezutskaya^{1*}, Alexander A. Kudryavtsev², Nikolay D. Sudavtsov³

^{1, 2, 3} North-Caucasus Federal University (Building 1, Pushkin Street, 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Postgraduate Student

berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>

² Dr. Sc. (History), Professor

kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

³ Dr. Sc. (History), Leading Researcher

249609@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. This article examines the activities of prosecutor's office and jurors in considering criminal cases in Stavropol Province in post-reform Russia. It scrutinizes the tasks of prosecutors in the judicial process during the introduction of the jury system, as well as their impact on the implementation of new principles of justice, namely, the transparency and impartiality of the judi-

ciary. The purpose of the study is to analyze the role of prosecutor's office in jury trials, ensuring the transparency and fairness of trials in post-reform Russia. **Analysis.** The significance of the topic is determined by the value of accumulated experience in the development of the modern justice system, and the need to reflect on the role of prosecutor's office in increasing public trust in the courts by

demonstrating its powers and goals in connection with the improvement of the jury system. **Materials and Methods.** The article is based on objectivity and historicism and employs traditional historical research methods. Unpublished office documents, regulatory documents, and local newspaper materials were used as sources. **Results.** The analysis revealed that the prosecutor's office of Stavropol Governorate acted as a representative of state authority and a body overseeing compliance with the law during jury trials. As the study demonstrates, their work not only maintained law and order, justice, and transparency, but also increased public confidence in the fairness of the judiciary and legal proceedings, which played a significant role in the development of the institution of jurors.

Keywords: judicial reform, law enforcement system, prose-

cutor's office, jurors, North Caucasus, Stavropol Governorate

For citation: Berezhitskaya AA, Kudryavtsev AA, Sudavtsov ND. The role of prosecutor's office in jury trials in the Stavropol province at the turn of the 19th and 20th centuries. Humanities and law research. 2025;12(4):573-579. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.1>

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 21.01.2025

The article was approved after reviewing: 13.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.05.2025.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена интересом к прошлому отечественной судебной практики, которая сегодня подтверждается масштабными изменениями в структуре и процедуре правосудия, находящимися в стадии развития. Для повышения качества современного законодательства о судах необходимо глубокое понимание исторических основ судебного процесса, заложенных Судебными уставами 1864 г.

В российской истории государства и права, охватывающей последние два века, судебная реформа 1864 г. выделяется как одно из ключевых преобразований. Одним из заметных результатов реформы стало, как известно, существенное повышение качества кадров в судебной системе. Этот прогресс выразился, прежде всего, в увеличении числа специалистов с высшим юридическим образованием в судах и прокуратуре, что в свою очередь способствовало становлению юридической профессии в России и вызвало большой интерес среди населения.

В ходе судебной реформы претерпел изменения и институт прокуратуры. В пореформенной России был сохранен функционал прокурорского надзора в лице обер-прокуроров, прокуроров и их товарищей под высшим наблюдением министра юстиции, который будучи генерал-прокурором, изменил свою работу в действовавших на новых основаниях судебных институтах на уровне окружного суда и судебной палаты [16].

В уголовном процессе прокуратуре отводилась особая роль. Согласно Учреждению судебных установлений 1864 г. уголовное преследование являлось одной из основных задач в деятельности органов прокурорского надзора. Пореформенное процессуальное законодательство предусматривало, что «прокурор должен являться публичным обвинителем во всех уголовных делах и вести их во всех судебных инстанциях в качестве представителя правительства и закона». При этом за органами прокуратуры сохранился предусмотренный еще с петровских реформ функционал осуществления надзора за законностью. Возникла парадоксальная ситуация, когда в условиях нового судебного законодательства прокурор уже на стадии предварительного следствия, с одной стороны, становился заинтересованной стороной в уголовном процессе при возбуждении дел, а, с дру-

гой, одновременно выступал в качестве лица, осуществляющего надзор и руководство за действиями следователей. Иными словами, прокуратура контролировала дознавательную деятельность полицейских органов (ст. 279 УСУ) [6, с. 83].

Появляется новый институт в противовес прокуратуре – адвокатура. В судебном заседании у прокурора были такие же права, как и у стороны защиты. Он представлял в суде доказательства, учувствовал в допросах свидетелей, в том числе и тех, которые были указаны в обвинительном акте. Прокурор опровергал доводы противоположной стороны. В ходе судебного разбирательства обязанность прокурора заключалась в том, что в обвинительной речи он должен был представить доказательства обвинения по итогам судебного следствия и предоставить заключение о степени виновности подсудимого [3, с. 347].

В это же время вводится институт присяжных заседателей – группа людей из представителей народа, которые в ходе уголовного процесса выносят свой вердикт: виновен или невиновен. Участие прокурора в суде с присяжными заседателями характеризовалось своей особой спецификой, существенно отличающейся от функций, реализуемых им в рамках обычного порядка судопроизводства. Именно посредством осуществления процессуальных прав прокурор демонстрировал другие аспекты своего правового статуса [2, с. 24].

Материалы и методы. При исследовании деятельности органов прокуратуры и их роли в уголовном процессе с участием присяжных заседателей нами был использован широкий спектр методологического инструментария, как исторической науки, так и целого ряда других общественных наук. Традиционные методы исторического исследования дали возможность выявить исторические события, воссоздав процесс эволюции органов прокурорского надзора в хронологической последовательности – от петровских преобразований до судебной реформы 1864 г. и пореформенного развития страны во второй половине XIX – начале XX столетий. Количественные методы сбора информации, чаще всего применяемые в социологии, позволили нам раскрыть и структурировать информацию о статистике совершенных уголовных преступлений в рассматриваемый период.

Источниковую базу исследования сформировали такие исторические документы как: нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, местная периодика. Использованы правовые документы отражающие принципы устройства и деятельности прокуратуры и судебных органов Ставропольской губернии. Например, на основе Учреждения судебных установлений в статье представлен детализированный анализ структуры и деятельности прокуратуры и присяжных заседателей в судопроизводстве.

Анализ. Реформаторы судебной системы 1964 г. подробно изучили европейскую модель судоустройства и судопроизводства. Значительной новацией судебной реформы было появление судов присяжных. Родиной таких судов считается Англия, которая активно вела практику привлечения людей из числа простого народа для соблюдения справедливого решения суда. Великая Французская революция дала толчок широкому распространению данной практики в Европе. Авторы судебной реформы в Российской империи заимствовали европейскую систему, адаптировав её под особенности действовавшей политической и социально-экономической жизни страны, например, ввели имущественный ценз [17, с. 276-281].

Таким образом, с появлением присяжных заседателей фактически часть судебной ответственности перенеслась на граждан. И здесь для понимания нами новых черт российского судоустройства и судопроизводства с изменённой ролью функционала деятельности лиц прокурорского надзора так важно остановиться на анализе особенностей критериального отбора в кандидаты в присяжные заседатели, специфики установленных российским законодательством ограничений, имевшихся для этого. Немаловажное значение при этом необходимо уделить характеристике процесса формирования коллегии присяжных заседателей и ряду особенностей разрешения уголовных дел судом присяжных.

Обращаясь более предметно к установленным Учреждениями судебных установлений критериям для отбора в кандидаты в присяжные заседатели, остановимся на основных из них, заключающихся в обязательном наличии:

- гражданства Российской империи;
- возраста от 25 до 70 лет;
- гендерной составляющей в предоставлении права только мужчинам;
- «оседлости» - проживании жителей губернии в уезде не менее двух лет;
- определенного имущественного статуса – достаточного уровня дохода или собственной недвижимости в предусмотренных законом размерах;
- грамотности (ст. 81, 84, 87-88).

Если провести сравнение с первоначальными требованиями, предъявляемыми к присяжным, то они выглядели гораздо проще и заключались в элементарных навыках владения

письмом и чтением хотя бы у одного из двенадцати из них [19].

Позднее это условие было применено для всех участников, представляющих общественность, при решении уголовных дел судом присяжных. В соответствии с новым судебным законодательством были установлены определённые барьеры для занятия ими статуса присяжного заседателя. Основными ограничениями, прописанными в ст. 82 Учреждения судебных установлений стали:

- нахождение кандидата под следствием или судом, или наличие у него судимости;
- факты нарушения трудовой дисциплины;
- не способность вести управление личным имуществом или проживать не по средствам;
- медицинские противопоказания, заключающиеся в физических увечьях или психических заболеваниях [16].

Для нас представляет интерес и то, что часть ограничений, действовавших в дореволюционной России, разительно отличались от современного отечественного уголовного законодательства не только из-за различий в политическом устройстве и социально-экономической жизни на рубежах XIX–XX и XX–XXI столетий, но и в действовавших принципах права. В отличие от дня сегодняшнего в пореформенном законодательстве не существовало термина погашенной или снятой судимости. Даже после отбывания сроков заключения в тюрьме или других видов наказания по суду такие граждане империи не могли стать присяжными заседателями.

Не менее важным согласно ст. 99 при составлении списков являлись и моральные качества кандидата в присяжные. Там содержались условия поддержания благопристойного поведения, подразумевающие отсутствие недостатков, из-за которых человека могли исключить из государственных структур, общественных организаций или профессиональных сообществ по решениям соответствующих органов управления.

Также как мы видели выше, обязательным для соискателя должности присяжного заседателя было и безукоризненное выполнение рабочих обязанностей (п. 2 ст. 82). Уголовно-процессуальное законодательство сегодня исключает возможным использовать факты нарушения трудовой дисциплины, даже вплоть до увольнения сотрудника в качестве препятствия выступать в роли присяжного заседателя в суде [19].

Помимо несостоятельности лица в финансовом плане [15, с. 89] еще одним ограничением на пути к соисканию звания присяжного заседателя был запрет войти в их состав священнослужителям, военнослужащим и еще ряду государственных профессий [19]. По мнению О. Н. Тисена, «вопреки имущественным и должностным цензам, в составе коллегии присяжных заседателей преобладали крестьяне, а в городах – мелкие чиновники и мещане» [18, с. 43-44].

С преобразованием судебной системы была реорганизована и прокуратура. В пореформенной России второй половины XIX в., как и раньше, прокурорский надзор вверялся обер-прокурорам, прокурорам и их товарищам под высшим наблюдением министра юстиции. Последний в иерархии правоохранительной системы занимал место генерал-прокурора. Вслед за произошедшими изменениями в российском судостроительстве и судопроизводстве прокуроры стали неперенными участниками при разрешении и (или) пересмотре уголовных дел в окружных судах и судебных палатах [16].

Судебные уставы Александра II серьезно сократили функционал органов прокуратуры, сделав упор на их непосредственной работе в суде. Правда, при этом это не сказалось значительным образом на важности их роли при разрешении уголовных дел. Появление адвокатуры и суда с участием присяжных заседателей способствовало возрастанию значения лиц прокурорского надзора в суде. Сам состязательный процесс требовал этого, ведь прокурорам необходимо было не только показать и доказать свой профессионализм посредством знания и применения уголовного законодательства, но и проявить ораторское искусство во время судебного процесса. Зачастую именно выказанный лицами органов прокуратуры уровень судебного красноречия мог стать последним звеном в разрешении уголовных дел в суде [3, с. 372].

Напомним еще раз о роли прокуратуры, как обвинителя в суде. Суд с участием присяжных заседателей не только не упростил, но и в значительной степени усилил эту роль, так как именно от того, кто выйдет победителем в состязательном процессе, участниками которого являлись обвинительная сторона и защита, зависело окончательное решение присяжных, выносимое ими в форме вердикта. Это было особенно важно, учитывая то, что присяжные заседатели не были профессиональными юристами и не имели ни малейшего представления о юридических нюансах и коллизиях уголовно-процессуального права.

При рассмотрении дела в суде прокурор и остальные процессуальные участники анализировали доказательства, собранные следователем во время предварительного следствия [20, с. 363–367].

В соответствии со статьей 751 Устава уголовного судопроизводства, по окончании прений судья переходил к формированию вопросного листа. В свою очередь, прокурор должен был тщательно анализировать и исследовать представленные вопросы, внося, при необходимости, свои правки и рекомендации. Уже на этой стадии выявляется активная роль прокурора в подготовке и корректировке вопросного листа. Уголовный кассационный департамент выделял важность своевременной подачи заключений по

вопросам в суд, как один из ключевых компонентов прокурорского надзора за соблюдением законности [10, с. 151–155].

На Ставрополье введение суда присяжных имело выраженные политические, социальные и культурные особенности. По мнению правительства, низкий уровень правовой культуры и общей грамотности среди местного населения, включая проживавших на данных территориях представителей иных народностей с ограниченным знанием русского языка, усложнял внедрение такой судебной системы [11, с. 103–106]. Это усугублялось последствиями недавней Кавказской войны, которые делали регион, по оценке центральных властей, не подходящим местом для апробации реформы. Однако местные власти пытались убедить императора и правительство в возможности и необходимости введения института присяжных заседателей. Их решения не всегда совпадали с официальной позицией властей, что отражало сложность адаптации новой судебной практики к особенностям местного населения [4].

Все перечисленные и другие факторы рассматривались как аргумент со стороны властей, чтобы не вводить новую форму судопроизводства в регионе. В Ставропольской губернии суд присяжных заседателей ввели только спустя полвека существования деятельности данного института. Возможным это стало при поддержке знаменитого русского юриста А. Ф. Кони [8, с. 176–178]. Он приезжал с инспекцией в Тифлисский окружной суд и пришел к выводу, что на Ставрополье есть необходимость ввести суд с участием института присяжных заседателей.

Окончательное решение о возможности появления суда присяжных на части территории Северного Кавказа состоялось в соответствии с высочайше утвержденным 13 ноября 1906 году мнением Государственного совета «О введении суда присяжных заседателей в губерниях Ставропольской, Черноморской, а также в Кубанской области» [9, с. 15–18; 7, с. 40].

Разительной особенностью, сразу бросившейся в глаза широкой общественности, стало место, выбранное для открытия суда присяжных на Ставрополье. Им стал вовсе не губернский центр, а уездный, что на первый взгляд не соответствовало уровню столь долгожданного для региона института присяжных заседателей и значимости предстоящего события. Однако это было не так: напротив, именно таким образом центральные и местные власти проявили особое отношение, соответствующее духу времени, как в стране в целом, так и в провинции.

Первая сессия Ставропольского окружного суда с участием присяжных заседателей состоялась 7 декабря 1906 г. Открытие суда присяжных прошло в селе Благодарном с присущей для этого помпезностью [7, с. 40]. После состоявшегося торжественного молебна в переполненном публикой зале с речами выступили священник о.

Куликов, председатель суда Н. Т. Жила и прокурор А. Н. Вильрот. Позже в адрес правительствующих органов от лица сотрудников суда губернии в Петербург были отправлены телеграммы. В них помимо верноподданнических чувств, выраженных к российскому императору, [13, с. 5] прозвучали и слова благодарности действующему министру юстиции [5, л. 23]. Это было не случайно, т.к. и император Николай II и министр И.Г. Щегловитов приняли непосредственное участие в судьбе появления суда присяжных, как на Ставрополье, так и на Кубани.

Примечателен и сам процесс организации судебного заседания, которому предшествовал выбор присяжных заседателей из числа заявленных кандидатов. Несмотря на длительный предварительный этап подготовки к первой сессии суда присяжных, из заявленных и отобранных для заседания 30 лиц реально пришли только 24. Именно из них и были избраны по жребию 14 присяжных заседателя (с учетом 2 запасных). Учитывая аграрный характер Ставропольской губернии неудивительно, что первоначальный состав присяжных наполовину представляли крестьяне. Чтобы упростить задачу присяжным, первый разбор уголовного дела предусматривал два эпизода о кражах. Именно благодаря этому присяжные заседатели достаточно быстро приняли решение и вынесли обвинительный вердикт в отношении вора, у которого уже было четыре судимости за кражи – рецидив был налицо, не вызвав ни у кого из них ни малейших сомнений в виновности подсудимого [14, с. 3].

Подобных дел в практике Ставропольского окружного суда встречается немало. Так, например, из протокола судебного заседания от 12 де-

кабря 1907 года в том же селении Благодарном мы узнаем еще об одном деле о краже, совершенном двумя крестьянами: Нестором Сорокиным, жителем села Медвенского (27 лет) и Афанасием Балабановым, уроженцем села Александрия (38 лет). Дело рассматривалась здесь по причине того, что оба подсудимых были из Благодарненского уезда Ставропольской губернии.

Суть совершенного преступления, выявленного в ходе следствия, заключалась в том, что 9 февраля 1907 г. в селе Александрия они, подобрав ключ к замку конюшни дьякона Андрея Гончарова, смогли похитить его линейку и лошадь, позже оцененные примерно в 300 рублей. Совершив кражу, преступникам оставалось только как можно быстрее избавиться от похищенного, что они и попытались осуществить в самое ближайшее время. Н. Сорокину вскоре удалось продать неизвестному в губернском центре Ставрополе линейку, лошадь же была найдена на постоялом дворе гостиницы «Бристоль». Как и в случае с первой сессией суда с участием присяжных, состоявшейся чуть более года назад, перед новым составом присяжных стоял достаточно легкий выбор: подсудимый Н. Сорокин дважды уже был судим за кражи и отбывал шестимесячное и годичное тюремное заключение [22, с. 43].

Сомнений в виновности подсудимых не возникло, и присяжные без труда вынесли обвинительный приговор. Снисхождения благодаря чистосердечному признанию добился только Н. Сорокин, отправленный по решению суда в исправительное арестантское отделение на два с половиной года, а А. Балабанов получил срок – один год заключения в тюрьме [21, с. 56-60].

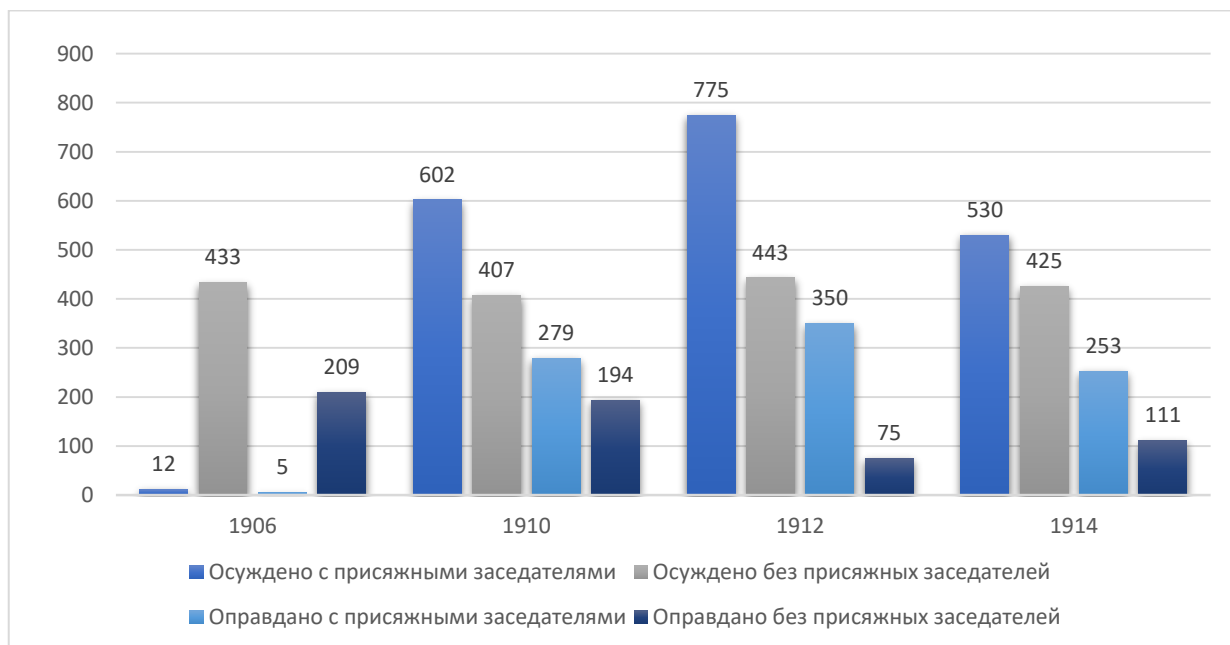

График 1. Сведения о числе лиц осуждённых, оправданных от суда в заседаниях Ставропольского окружного суда в начале XX века / Figure 1. Information on the number of persons convicted and acquitted by the court in sessions of the Stavropol District Court at the beginning of the 20th century

Таким образом, исходя из проведенного нами анализа, данные которого представлены в графике, мы можем сделать вывод, что суд с участием присяжных заседателей показал свою эффективность работы и своевременность его введения в Ставропольской губернии [1, с. 15-38].

Порою более высокая репрессивность суда именно с участием присяжных заседателей, выявленная в ходе рассмотрения конкретных дел, доказывает особый и скрупулёзный подход к вынесению вердиктов. В свою очередь это приводило и к тому, что участие представителей самых широких слоев российской общественности в судебном процессе заставляло следственные и судебные органы еще пристальнее осуществлять ведение уголовных дел, попадавших в суд присяжных. Так, например, выездная сессия Ставропольского окружного суда в с. Благодарном, рассмотрев 14 октября 1916 г. все стороны уголовного дела жены чиновника благодаренского казначейства А. Мануйловой, обвинявшийся в покушении на убийство бывшего судебного следователя 1 участка Благодаренского уезда И. Аكوпова, закончилась вынесением оправдательного вердикта присяжными заседателями, признавшими Мануйлову невиновной [12, с.3].

Результаты. Подводя итоги нашего исследования, следует подчеркнуть, что прокурор, выступающий в роли стороны, осуществляющей уголовное преследование в суде при участии присяжных, должен был проявлять высокий профессионализм в ходе судебного разбирательства. При составлении вопросов прокурор обязан был не только четко и точно формулировать обвинение, но и грамотно проводить анализ, а также проверять соответствие формулировок нормам формальной логики, что являлось весьма значимым аспектом. Для того чтобы полностью соответствовать требованиям уголовного процессуального

законодательства, крайне важно было влиять на процесс выработки вопросов, которые решались присяжными заседателями. От уровня профессионализма и активности прокурора во многом зависело качество рассмотрения уголовного дела, а также соблюдение принципов законности в судебном процессе.

Проведенный нами анализ ситуации, сложившейся в Ставропольской губернии после введения суда присяжных даёт нам основание говорить о росте правосознания в обществе. Институт присяжных заседателей появился в Российской империи благодаря судебной реформе 1864 года, являвшейся частью масштабного плана по обновлению государственной власти и правосудия. В регионах, включая Ставропольскую губернию, он предоставил жителям шанс выступать в суде в качестве присяжных. Эта практика позволила обычным людям непосредственно влиять на результаты рассмотрения дел, тем самым формируя ощущение своей личной значимости в общественной жизни региона и усиливая веру местного населения в законность решений судов.

В результате, появление суда присяжных способствовало эволюционным процессам по пути повышения правосознания более широких масс населения, что, в свою очередь, служило основой для последующих преобразований в социальной и правовой сферах в условиях трансформации государства и общества начала XX века. И, как мы видели, Ставропольская губерния не стала исключением, а, напротив, явила нам яркий пример того, как центральная и местная власти смогли найти единство взглядов в вопросе введения суда с участием присяжных заседателей, в том числе и для снижения революционных настроений, как в регионе, так и в стране в целом.

Литература

- 150 лет судебной системе Ставропольского края / Смирнов Д. А., Зозуля И. В., Гондаренко А. С., Нутрихин Р. В., Терещенко Е. А., Жуков А. П., Трофимов М. С.; под общей ред. Кузина Е. Б. Ставрополь: СКФУ, 2018. 312 с.
- Агабаева А. В. Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 225 с.
- Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб: Типография Скарятин, 1874. 614 с.
- Бушная Н. В. Генезис института присяжных заседателей: общероссийский и региональный аспект (на примере Ставропольской губернии) URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/viewFile/296/266> (дата обращения: 11.11.2025 г.). ГАСК. Ф.398. Оп.3. Д.137.
- Горячкова Ю. М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII-начале XX вв.: Историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. 195 с.
- Зозуля И.В. Суд присяжных в Ставропольской губернии: из истории открытия и деятельности в начале XX в. // Суд присяжных на Северном Кавказе: история и современность (К 100-летию со дня введения на Кубани и Ставрополье): Материалы межрегиональной научно-практической конференции (10-11 ноября 2006 г.). Ставрополь: СГУ, 2007. 192 с.
- Кравченко А. А. Ф. Кони и суд присяжных // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 6. С. 176-178.
- Кони А. Ф. Присяжные заседатели // Советская юстиция. 1993. № 17. С. 15 – 18.
- Кудряшова С. Д., Зубач А. В., Томилина Е. Е. Роль прокурора в формулировании вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, в различные периоды истории уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 151 – 155.

11. Мальцев В. Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар: КГУ, 1995 г. 272 с.
12. Северокавказский край. 1916. 22 октября. № 230.
13. Ставропольские губернские ведомости. 1906. 23 декабря. № 53.
14. Ставропольский вестник. 1906. 14 декабря. № 61.
15. Судавцов Н.Д. Судебная реформа 1864 г. и суд присяжных // Суд присяжных на Северном Кавказе: история и современность (К 100-летию со дня введения на Кубани и Ставрополье): Материалы межрегиональной научно-практической конференции (10-11 ноября 2006 г.). Ставрополь: СГУ, 2007. 192 с.
16. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С.-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Ч. 1. URL: <https://www.prilib.ru/item/372590> (дата обращения: 11.11.2025 г.).
17. Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России: Судебные очерки. Москва: тип. А.М. Мамонтова и К, 1881. 636 с.
18. Тисен О.Н. Особенности формирования коллегии присяжных заседателей после судебной реформы 1864 г. // Администратор суда. 2009. № 3. С. 43 – 44.
19. Учреждение судебных установлений. Издание неофициальное. Сост. Шрейбер Н. Санкт-Петербург URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13688> (дата обращения 09.11.2025).
20. Хадисов Г. Х., Кухтяева Е. А., Абдулаева З. Г. Особенности участия прокурора в суде с участием присяжных заседателей // Современный ученый. 2024. № 2. С. 363 – 367.
21. Шевченко С. В. Некоторые особенности становления суда присяжных в Ставропольской губернии (1906-1917) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2. С. 56-60.
22. Шевченко С. В. Ставропольский окружной суд в системе судебной власти Российской империи: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2010. 187 с.

References

1. 150 Years of the Judicial System of Stavropol Krai / Smirnov DA, Zozulya IV, Gondarenko AS, Nutrikhin RV, Tereshchenko EA, Zhukov AP, Trofimov MS; edited by Kuzin EB. Stavropol: NCFU publ., 2018. 312 p. (In Russ.).
2. Agabaeva AV. Procedural and Legal Status of the Prosecutor in Court with the Participation of Jury Members: thesis. Moscow, 2015. 225 p. (In Russ.).
3. Butskovsky NA. Essays on Judicial Procedures under the Statutes of November 20, 1864. St. Petersburg: Skaryatin Printing House, 1874. 614 p. (In Russ.).
4. Bushnaya NV. Genesis of the Institute of Jury Trials: All-Russian and Regional Aspects (using the Stavropol Province as an Example) URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/viewFile/296/266> (accessed: 11.11.2025). (In Russ.).
5. State archive of Stavropol Krai. F.398. Inv.3. D.137. (In Russ.).
6. Goryachkovskaya YuM. The Prosecutor's Office and Prosecutor's Supervision in Russia in the 18th-Early 20th Centuries: Historical and Legal Research: thesis. Belgorod, 2001. 195 p. (In Russ.).
7. Zozulya IV. Jury Trial in Stavropol Province: From the History of Its Discovery and Activities in the Early Twentieth Century in Jury Trial in the North Caucasus: History and Modernity (On the 100th Anniversary of Its Introduction in Kuban and Stavropol): Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference (November 10-11, 2006). Stavropol: SSU, 2007. 192 p. (In Russ.).
8. Kravchenko AA. AF. Koni and Jury Trial. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2018;6:176-178. (In Russ.).
9. Koni AF. Jurors. *Sovetskaya yusticiya*. 1993;17:15-18. (In Russ.).
10. Kudryashova SD, Zubach AV, Tomilina EE. The Role of the Prosecutor in Formulating Issues to be Resolved by Jury Members in Different Periods of the History of Criminal Proceedings. *Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti*. 2022;6:151-155. (In Russ.).
11. Maltsev VN. The Impact of the Caucasian War on Administrative-Judicial Reforms in the North Caucasus in the Second Half of the 19th Century in The Caucasian War: Lessons of History and Modernity. Proceedings of a Scientific Conference. Krasnodar: KSU, 1995, 272 p. (In Russ.).
12. *Severokavkazskij kraj*. 1916. October 22. (In Russ.).
13. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. 1906. December 23. (In Russ.).
14. *Stavropol'skij vestnik*. 1906. December 14. (In Russ.).
15. Sudavtsov ND. Judicial Reform of 1864 and Trial by Jury in Trial by Jury in the North Caucasus: History and Modernity (On the 100th Anniversary of its Introduction in Kuban and Stavropol): Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference (November 10-11, 2006). Stavropol: SSU, 2007. 192 p. (In Russ.).
16. Judicial Statutes of November 20, 1864. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1867. Part 1. URL: <https://www.prilib.ru/item/372590> (accessed: 11.11.2025). (In Russ.).
17. Timofeev NP. Jury Trial in Russia: Court Essays. Moscow: A.M. Mamontov and Co. Printing House, 1881. 636 p. (In Russ.).
18. Tisen ON. Features of the Formation of the Jury after the Judicial Reform of 1864. *Administrators suda*. 2009;3:43-44. (In Russ.).
19. Establishment of Judicial Institutions. Unofficial Edition. Comp. N. Shreiber. St. Petersburg: URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13688> (accessed: 09.11.2025). (In Russ.).
20. Khadisov GK, Kukhtyaeva EA, Abdullayeva ZG. Features of the prosecutor's participation in a trial with the participation of jurors. *Sovremennyy'j uchenyy'j*. 2024;2:363-367. (In Russ.).
21. Shevchenko S.V. Some Features of the Formation of a Jury Trial in the Stavropol Province (1906-1917). *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 2009;2:56-60. (In Russ.).
22. Shevchenko S.V. Stavropol District Court in the System of Judicial Authority of the Russian Empire: thesis. Stavropol, 2010. 187 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 902.7.025 : 502.8 : 930.25

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.2>

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕРЕДИНЫ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВВ. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Сергей Борисович Бурков

Институт истории и археологии РСО-Алания (д.46, ул. Ватутина, Владикавказ, 362025, Российская Федерация)
Старший научный сотрудник
sergeyburkov59@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>

Аннотация. Введение. Представленная статья посвящена историографическому анализу изученности вопросов, связанных с формами и методами представления археологического наследия в туристско-рекреационной деятельности. Отобранные по степени значимости исследования характеризуют как общетеоретические, так и практические стороны усилий работников музейно-архивной служб, органов охраны памятников, археологического сообщества, представителей туристической индустрии как в общем Евразийском культурном пространстве, так и в северокавказском – в частности. **Анализ.** В статье рассматриваются наиболее значимые для выбранной темы работы, которые сгруппированы в три блока. Они отражают такие стороны изучения, как формы экспонирования древних предметов, музеефикацию и вовлечение недвижимых археологических объектов в общий современный культурный контекст, опыт работы с археологическим наследием не только европейской части России, но и публикаций, посвященных северокавказскому региону, обобщенный и представленный в трудах научно-краеведческого сообщества, что является первым опытом такого рода. **Материалы и методы.** В процессе работы над темой автор использовал такие методы, как историко-сравнительный, аналитический, метод исторических аналогий, метод систематизации первичных источников. В исследовании особое внимание было уделено работам, основанных

на северокавказских материалах. **Результаты.** В итоге нами были сделаны выводы о том, что более всего разработаны методы работы с археологическими предметами, представленными в стационарных экспозициях музейных собраний, тогда как их использование для передвижных выставок или музеев пока не востребовано. Всё большее значение приобретают вопросы, связанные с музеефикацией недвижимых объектов археологического наследия, а также тематика их защиты от антропогенной нагрузки. Основные проблемы – незначительное число специализированных пособий по работе с данным видом исторических источников, а также недостаточное качество подготовки лекторов.

Ключевые слова: археологическое наследие, туризм, исследование, музеефикация, фонды, экспонирование

Для цитирования: Бурков С. Б. Археологическое наследие как часть культурной среды в исследованиях середины XX – первой четверти XXI вв. Вопросы историографии // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 580–591. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

ARCHEOLOGICAL HERITAGE AS A COMPONENT OF CULTURAL ENVIRONMENT IN THE STUDIES OF MID XX – FIRST HALF XXI. QUESTIONS OF HISTORIOGRAPHY

Sergey B. Burkov

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania (46 Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Russian Federation)
Senior Researcher
sergeyburkov59@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>

Abstract. Introduction. The article is devoted to a historiographical analysis of the study of issues related to the forms and methods of representing the archaeological heritage in tourist and recreational activities. The studies, selected according to the degree of importance, characterize both the general theoretical and practical aspects of the efforts of employees of museum and archival services, the authorities responsible for protection of monuments, the archaeological community, and representatives of the tourism industry both in the overall Eurasian cultural space and in the North Caucasus in particular. **Materials and Methods.** The author used such methods as historical-comparative, analytical, method of historical analogies, method of systematization of primary sources. Special attention was paid to the works based on the North Caucasian materials. **Analysis.** The article examines the most significant works relevant for the chosen topic, which are grouped into three blocks. They reflect such aspects of the study as the forms of exhibiting the ancient objects, museification and the involvement of archaeologically immovable objects in the overall modern cultural context, the experience of working with the archaeological heritage not only of the European part of

Russia, but also publications devoted to the North Caucasus region, summarized and presented in the works of the scientific and local history community, which is the first experience of this kind. **Results.** As a result, we concluded that the methods of working with archaeological objects presented in the stable exhibitions of museum collections have been most developed, while their use for the movable exhibitions or museums is not yet in demand. Issues related to the museification of immovable archaeological heritage sites, as well as their protection from anthropogenic stress, are becoming increasingly important. The main problems are the small number of specialized manuals for working with this type of historical sources, as well as the insufficient level of the trainers' preparedness.

Keywords: archaeological heritage, tourism, research, museification, funds, exhibition

For citation: Burkov SB. Archeological Heritage as a Component of Cultural Environment in the Studies of Mid XX – First Half XXI. Questions of Historiography. Humanities and law research. 2025;12(4):580-591. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.2>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.02.2025

The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Объекты и предметы археологии являются важной составной частью историко-культурного наследия. Их использование в туристско-рекреационной деятельности в современных условиях происходит в различных формах. Одна из наиболее востребованной связана с демонстрацией древних предметов посредством их музейного экспонирования. Гораздо реже используются возможности для показа самих памятников, что связано с ограничениями как законодательного, так и практического характера. В то же время, в ряде случаев, при соблюдении определенных условий, прежде всего, связанных с их музеефикацией, последние также становятся объектами туристической деятельности. Однако вплоть до настоящего времени специальных обзорных работ историографического плана, с анализом состояния изученности данного направления исторического знания, в том числе - применительно к древностям Северного Кавказа, не публиковалось. На наш взгляд, это во многом связано с малой востребованностью, прежде всего, самих археологических памятников в практической туристической деятельности. Однако иногда они оказываются встроены в эту работу, и её итоги подводятся в ходе выступлений на конференциях, в публикациях и диссертационных работах. Вопросам, связанным с вовлечением этого важного сегмента древней и средневековой культуры в практику работы с населением, посвящено определенное число научных исследований. Встречаются обзоры произведенных практических действий, чаще всего – относительно предметов археологии, реже – памятников, в основном – архитектурного характера, имеющих культурные слои, которые изучались при помощи археологических методов. Почти нет работ, в которых бы анализировались приемы и методы привлечения в работу с туристами объектов, обладающих характеристиками исключительно археологического свойства – поселений, городищ, еще реже – древних некрополей. В этой связи, основной задачей настоящей статьи является обзор таких трудов, выявление основных вопросов, связанных с привлечением археологического наследия в практику туристско-рекреационной деятельности, основываясь, в том числе, и на опыте в этом направлении северокавказских исследователей.

Материалы и методы. Исследуя вопросы вовлечения археологического наследия в общекультурную среду, автор опирался на работы, изданные за период с середины XX по первую четверть XXI вв., используя для этого материалы конференций, публикации в научных журналах, а также диссертационные исследования. Для их анализа, помимо предлагаемых исследователями методов комплексного исторического анализа,

нами использовались собственные, полученные в ходе многолетних исследований, приемы обработки различных информационных блоков. Опираясь на них, в результате мы пришли к пониманию, какие из производимых практических действий с объектами и предметами археологии могут быть наиболее полезны и эффективны для работы в туристической индустрии. Для удобства работы с привлекаемыми источниками мы условно разделили их на несколько групп, представленных ниже. В основу категоризации положен критерий значимости для демонстрации в туристическом кластере базовых элементов археологического наследия – предметов, извлеченных из контекста памятника в ходе исследовательских практик, а также самих памятников, как целостных объектов историко-культурной среды.

Анализ. В первую группу нами включены те публикации, в которых анализируются способы и приемы представления движимых объектов - находок, сделанных в ходе полевых исследований, произведенных на основании Открытых листов при стационарных раскопках бытовых и погребальных памятников, находящихся на хранении в государственных фондах (основном фонде, фонде массовых археологических предметов, фонде сырьевых материалов), и включенные в состав Государственного каталога Музейного фонда РФ [23, гл. LV, пп.55.8]. Работ, в которых анализируются вопросы представления археологических находок посетителям музеев, больше всего. Нами исследуются те из них, в которых нашли отражение наиболее значимые наблюдения за результатами экспонирования древних предметов в музеях краеведческого характера, выводы из таких действий и предложения по их использованию.

Проблематика использования археологических материалов в музейных экспозициях исследуется, начиная с 30-х гг. XX в. [7; 32]. Обобщение опыта выставочной деятельности в последующем происходило в методических трудах Т. Б. Поповой, В. М. Раушенбаха, М. Г. Рабиновича, А. М. Разгона [49; 51; 52], представлялось в виде докладов на научных конференциях различного уровня [22; 26; 27; 35; 42]. Вопросы познавательного, в т.ч. научного туризма путем включения в работу туристических фирм и музеев памятников археологии представлены в докладе Е. А. Черненко, озвученного им в ходе работы III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Им отмечено слабое представление этого продукта на интернет-платформах, а также в туристических маршрутах, хотя в ряде случаев (Аркаим, Танаис, Сунгирь, «Томская писаница») объекты археологического наследия успешно «работают», принося социально-политические и экономические дивиденды [60].

Данная тематика, с опорой на археологические материалы, присутствует и в учебных пособиях для студентов, изучающих музееведение [37; 44]. Одна из наиболее разработанных тем, связанных с представлением археологического наследия широким слоям населения, – выставочная деятельность краеведческих музеев. Ряд интересных исследований был посвящен использованию археологических материалов при создании стационарных экспозиций [40; 41; 57]. В некоторых трудах И. А. Сорокиной дается анализ приемов, методов и результатов экспонирования предметов археологии в ИА РАН [55; 56].

В разное время выходили и работы обзорного характера, в которых подробно разбирались вопросы представления как памятников, так и предметов археологии. Так, основательная статья И.Л. Тихонова посвящена анализу различных подходов в музейном экспонировании предметов археологии, начиная с 30-х гг. XX в. Автором отмечено, что т.н. «академический принцип» построения экспозиции, заключающийся в демонстрации многочисленных и зачастую – однотипных комплексов и отдельных находок, без пояснительного материала, оказывается интересен только узкому кругу специалистов, но не широкой публике, не знакомой с основами археологии. Кроме того, фрагментарность ряда предметов не позволяет правильно понимать их предназначение. Для повышения зрелищности использовался такой прием, как размещение предметов на графических прорисовках, показывающих не только недостающие части предметов, но и то, как ими пользовались. Ещё одним приемом было экспонирование находок в т.н. «открытом хранении». При этом важно было соблюдать не только тематико-хронологическую последовательность эпох, но и территориально-культурный принцип. От типа музея во многом зависят и способы показа материала, например – собрания, хранящиеся на кафедрах исторических факультетов университетов, которые обладают ярко выраженной учебной функцией. Современные мультимедийные технологии позволили «оживить» экспозиции. Особый интерес у посетителей вызывают видеоролики, показывающие реконструкции погребального обряда, или технологические приемы в изготовлении предметов. Отмечены особенности в восприятии посетителями массового материала, не обладающего чертами культурного шедевра. Использование компьютерных технологий предоставляет посетителям возможность в формате видеоигры собрать, например, древнее жилище из фрагментов, найденных при раскопках. В последнее время музеи стали широко применять манекены или модели в одежде былых эпох. Важную роль играют различные реконструкции, которые позволяют более предметно передавать особенности быта древних и средневековых обитателей. Важно, какое место занимает экспонат в витрине, которых не должно быть в ней слишком

много – это отвлекает посетителей. Однако универсальных способов показа археологических коллекций автор предложить не может. Им предложена типология музеев, обладающих археологическими коллекциями, включая зарубежные хранилища [57, с. 74, 76, 77, 79, 80].

Во второй кластер нами были включены работы, в которых показаны процессы и процедуры, связанные с музеефикацией памятников археологии, чаще всего – расположенные в границах их охранных зон. В современных условиях музеефикация недвижимых объектов археологического наследия признается одним из основных способов его актуализации и сохранения. Именно музейная деятельность создает условия для сохранения, изучения и репрезентации объектов археологии. Этот вывод был сделан ранее на основании анализа возможностей специализированных археологических музеев-заповедников [58]. Опыт, а также некоторые предложения по показу недвижимого археологического наследия России были в определенной степени обобщены Л. П. Воскресенской [16]. Вопросы организации работы по представлению археологических памятников в границах музеев-заповедников были исследованы в ряде обстоятельных статей [4; 8; 19; 41]. Рассматривая проблемы музеефикации памятников археологии, представленные в трудах российских исследователей, вышедших до 2015 г., В. А. Каплунов, А. Ф. Покровская и М. А. Евдокимова делают вывод о том, что археологический памятник в современном обществе предстает как экономический ресурс развития территории, где он находится, связанный с туристической отраслью. Такая тема, как публичное представление археологического наследия, является актуальной для современной России [31, с. 36]. Однако, судя по данной статье, этот вывод был сделан авторами не на основании выделения базовых позиций анализируемых материалов, а исходя из собственного понимания важности данного вопроса. Вопросы сохранения и экспонирования памятников археологии в их естественном положении детально рассматриваются в обстоятельной статье Д. В. Кетина. В ней археопарк предстает не только в качестве природно-археологического, но и геолого-археологического объекта, который автор предпочитает называть «геопарком». Всего в группе музеев-заповедников им выделяется несколько подтипов: геолого-археологический, археопалеонтологический, экоэтно-археологический, и «археодом». Автор указывает, что при музеефикации памятников археологии важен не только учет структурных элементов культурного слоя, но и мониторинг его сохранности, необходимость укрепления грунтов специальными методами консервации. Всего им выделено 7 различных зон охраны археологических памятников, а для археолого-палеонтологических предусмотрено функциональное зонирование на 8 зон. Особо оговорено, что функционирование таких «архео-

парков» даст возможность расширить сферу музейной педагогики и будет способствовать популяризации и сохранению археологического наследия, позволит расширить экскурсионно-туристическую деятельность [33, с. 151, 153, 155].

Вопросы процедур подготовки объектов археологии к демонстрации посетителям музея-заповедника имеют важное практическое значение. Одним из методов в рамках такой деятельности признается возведение над ним защитного сооружения, что отличается от другого метода – натурной консервации, но – может следовать за ним. При таком подходе в облик памятника вносятся наименьшее число изменений, что позволяет сохранить памятник на длительный срок и подготовить его к показу в неизменном виде [46, с. 122]. Применение этого метода является актуальным и для культурных слоев бытовых памятников, которые, таким образом, проходят стадию консервации. Этот же прием возможно применить и для руинированных сооружений из камня [19, с. 96]. Это особенно важно для объектов горной зоны Чечни, Ингушетии, РСО-Алания, Кабардино-Балкарии, где значительная часть архитектурных объектов, включая археологические слои башенных комплексов, до сих пор прибывает в полуразрушенном состоянии.

Вопросы музеефикации объектов археологического наследия обобщались и в монографических трудах [17; 39]. Тема музеефикации и представления объектов и предметов археологического наследия отражена в диссертационных работах. Так, А. М. Разгон часть своего исследования посвятил деятельности дореволюционных археологических музеев России, а также месту и роли предметов археологии в экспозиционно-выставочной деятельности [53]. Этой тематике во-многом посвящены диссертационные исследования А. Н. Медведя и В. М. Авдеева. В первом случае основное внимание автором было уделено проблемам музеефикации лишь отдельной категории памятников археологии европейской части России, наиболее изученной в археологическом аспекте и подготовленной для музеефикации [38]. Предмет исследования второй диссертации – место и роль памятника археологии в современной культуре как важного составного элемента наследия прошлых веков. В ней отражены проблемы, связанные с адаптацией памятников археологии в современных условиях их экспонирования и включения этих объектов в этнокультурную практику современного сообщества, а также представлены некоторые вопросы их восприятия современным сообществом [1]. Теоретические исследования 1961 – 2012 гг., связанные с проблемами музеефикации археологических объектов, детально проанализированы в диссертации Е. В. Ефремовой. В ней, помимо глубокого анализа многочисленной научной литературы, была представлена и авторская концепция музеефикации памятника археологии – городища. Эти

наработки можно использовать при подготовке документации на наиболее презентабельные памятники предгорной зоны Центрального Предкавказья, где очень много различных городищ, которые могут стать привлекательными объектами для археологического туризма. Для территории Северного Кавказа ею (на 2016 г.) отмечены только 2 археологических музея-заповедника: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына (филиалы: Анапский археологический музей, Таманский музейный комплекс) и археологический и природный музей-заповедник «Татарское городище». Всего для территории РФ к 2016 г. ей было известно 20 таких объектов [20]. А. В. Жуковой анализируются взаимоотношения археологической науки и музея с точки зрения влияния научно-методических подходов к исследованию археологических артефактов на организацию музейно-экспозиционного пространства на примере археологических экспозиций музеев г. Москвы. Большое внимание уделено принципам формирования археологических коллекций [21].

И. М. Минеева исследовала комплекс вопросов по сохранению, использованию и государственной охране археологического наследия Южного Урала со второй половины XIX по начало XXI в. При этом значительное внимание было уделено проблемам музеефикации объектов археологии и развитию в регионе археологического туризма. Автором было предложено 15 культурно-ландшафтных зон с включением в них памятников археологии, из которых 9 могут быть использованы для их музеефикации как археологические микрорайоны [43, с. 40, 45]. Принципы информационного обеспечения в формировании музейной экспозиции Государственного Исторического Музея стали предметом исследования Н. Н. Заславец. Основной упор был сделан на разработку новых информационных технологий и выяснение форм их использования в экспозициях музеев исторического профиля. Определенная часть исследования была построена на археологических коллекциях музеев Москвы и Санкт-Петербурга [24].

А. Н. Дробышев рассматривает комплекс вопросов по музеефикации недвижимых памятников археологии, в том числе – законодательного характера. По его мнению, актуальной тенденцией современности является расширение процесса музеефикации археологического наследия. Интересно наблюдение автора о том, что в связи с внешней невыразительностью презентация археологических объектов сложна, поэтому они остаются вне «культурного оборота». Подобное состояние автор связывает с отсутствием нормативно-правовой базы, регулирующей механизм превращения памятника археологии в музейный объект. Работа отличается тщательной проработкой всех типов и видов научных источников по проблемам музеефикации археологических объ-

ектов. Разработаны принципы их музеефикации. Один из наиболее интересных разделов исследования посвящен вопросам вовлечения историко-культурного наследия в туристическую деятельность [18, с.3,5,11,17].

В исследовании А. Е. Мурзинцевой показана деятельность музеев Российской академии наук, в которых часть экспонатов представляют предметы археологии. В работе продемонстрирована, в том числе, выставочная деятельность Института Археологии РАН как презентация результатов полевых исследований археологов. Отмечено, что традиционно гуманитарные музеи, в том числе – археологические, в системе РАН немногочисленны [45, с.19].

Во многих обзорных статьях, посвященных анализу публикаций на тему музеефикации памятников археологии, встречаются ссылки на книгу Н. А. Медведя, вышедшую в 2004 г., написанную частично по результатам защиты им кандидатской диссертации и единственную пока публикацию такого уровня. Несмотря на небольшой объем (80 страниц), она отличается продуманной схемой подачи материала, детальной проработкой ранее опубликованных исследований на избранную автором тему, ретроспективным обзором истории музеефикации археологических памятников, прежде всего – советского периода, в границах бывшего СССР. В ней отмечены противоречия между методиками проведения полевых археологических работ и задачами музеефикации, представлены этапы музеефикации памятников археологии и определены критерии их отбора для музеефикации, в том числе – в городских условиях, обозначены формы использования и способы показа объектов археологии [38; 39].

С. Ю. Каменский свою работу посвятил проблематике включения археологического наследия в пространство современной культуры и социокультурных практик. По его мнению, диалог между археологическими предметами и современным человеком должен строиться на ценностно-смысловом уровне. Для этого необходимо шире привлекать возможности экспериментальной археологии, практиковать посещение полевых экспедиций. Это позволит не только глубже информировать и заинтересовывать посетителя музея, но и изменит его отношение к проблемам сохранности культурного наследия [30].

Ещё одно направление, наиболее интересное нам с точки зрения заявленной проблематики, касается вопросов современного использования памятников археологии в туристической деятельности. Некоторый опыт в этом направлении уже накоплен, определенным образом обобщен и успешно применяется в самых разнообразных формах. Он представлен ниже в виде третьего информационного блока.

Осознание важности включения объектов археологического наследия в туристическую деятельность содержится в статье А. Ф. Федосеевой.

Автор отмечает, что по темпам развития и роли в экономике познавательный туризм в мировом экспорте товаров и услуг занимает третье место после продажи энергоносителей и автомобилей. Однако в России это направление не развито, а археологические объекты в большинстве случаев разрушаются без необходимого ухода и инвестиций в их изучение, к ним не созданы туристические маршруты, и они известны только местному населению. В то же время, неорганизованный туризм может быть опасен для сохранности объектов, а организованный – напротив, способен решать многие вопросы по их сохранению, изучению и использованию. В статье приводится типология форм экскурсионно-познавательного показа: классическая – с созерцанием объекта археологии в его природном рельефе, анимационная (культурно-развлекательная), экспериментальная археология и культурная реконструкция, т.н. «живая археология» – привлечение туристов к участию в полевых работах и лабораторной обработке добытых материалов (т.н. «научный туризм»). На наш взгляд, последний вид деятельности больше подходит к поездкам профессиональных археологов в экспедиции к своим коллегам с целью ознакомления с результатами их трудов, либо – посещение музеев и прочих мест хранения древностей с целью изучения находящихся там раритетов. Ещё один вид – т.н. «интерактивный туризм», подразумевающий, прежде всего, трехмерные модели-реконструкции, а также различные варианты компьютерных игр, – вряд ли можно считать полноценным видом туристической деятельности, скорее, это некоторое дополнение, помогающее восприятию древностей. Виртуальный экскурсовод в качестве помощника для представления памятников и предметов археологии может в какой-то степени заменить «живое» общение, но под понятие «деятельность» может подпадать лишь в качестве составного элемента такого продукта, как «компьютерное моделирование». В перечень мероприятий, которые, по мнению автора, следует провести для развития археологического туризма, вероятно, следовало бы добавить установление прочных контактов с работающими в крае археологическими экспедициями, написание и издание научно-популярной литературы на археологическую тематику, учебных и наглядных пособий для учителей школ, преподавателей ВУЗов и краеведов, широкого привлечения различных СМИ для популяризации важности изучения и сохранения памятников археологии. Вывод исследователя о том, что в настоящее время «культура становится важнейшим стратегическим ресурсом устойчивого социально-экономического развития территорий», вероятно, следует воспринимать как желаемое и необходимое, но вряд ли – как уже осуществленное действие [59, с.41,42]. В то же время, объекты археологии как составная часть культурного наследия России, при условии их грамотного

«включения» в общий контекст развития туристического кластера, действительно могут стать важным элементом устойчивого развития страны.

Этой же теме посвящены некоторые из работ С.Ю. Каменского [28; 29].

В ряде трудов развивается тема использования туризма в качестве ресурса для сохранения археологического наследия. При этом анализируются как положительные результаты, так и некоторые «узкие» места, до сих пор присущие этому направлению деятельности. Так, в статье Ю. С. Путрика отмечается слабое развитие инфраструктуры, отсутствие должной рекламы, недостаточная подготовленность экскурсоводов для работы с туристами на объектах археологии России. Туристический потенциал данного вида культурного наследия до сих пор используется слабо. При этом в стране традиционно предлагается лишь пассивная форма познавательного туризма, тогда как в других странах туристы давно активно участвуют в археологических раскопках, становятся общественными агентами по охране памятников истории и культуры. Автором отмечено, что в нашем государстве давно назрела необходимость разработки и принятия государственной программы по музеефикации археологического наследия. Хаотичное развитие туризма ведет к разрушению памятников. Роль туризма как фактора сохранения культурного наследия должна быть усилена. Для этого потребуются компетентное управление туристическими ресурсами на региональном уровне [50, с.97, 101].

Тема научного туризма представлена в публикации О. М. Пахомовой. Автор выделяет несколько пунктов в этом виде контакта посетителей и древностей: туристическая деятельность в форме путешествия (научно-познавательный туризм); экспедиционный научный туризм (работа в составе экспедиции, туры самостоятельных путешественников) с оформлением и публикацией видео и – фотодневников и описанием научных объектов. Как самостоятельное направление туристкой деятельности т.н. «научный туризм» возник в СССР в 1980-е гг. XX в. в рамках деятельности Географического общества АН СССР. Во время нахождения в экспедиции туристы проходили тренинги, позволявшие им участвовать в поисках и фиксации, в т.ч. археологических памятников. По мнению автора, подобные же приемы знакомства с древностями, практикуемые в настоящее время, позволяют не только знакомиться с практикой археологических работ, но и обладают важным познавательным потенциалом [48, с.183, 184].

Опыт работы с населением для обеспечения сохранности памятников археологии представлен в публикации А.Н. Кириллова. В ней обобщены практические предложения по работе с местным сообществом по их охране. Для их реализации были задействованы как профессиональные археологи, так и краеведы и историки [34]. Отметим

также важность работы со СМИ, прежде всего – с интернет-ресурсами, где интервью с профессиональными археологами и историками могут соседствовать с мнениями туристов – посетителей памятников. Следует помнить, что включение археологического памятника в современную культурную среду возможно пока лишь в форме музейного показа. Это исключает нанесение ущерба основным ценностным качествам сохраняемого объекта, который тесно связан с историко-культурным и природным ландшафтом. Из методов актуализации для объектов археологии подходят информационно-просветительный (публикационный), и метод музеефикации. В последнем следует выделить такое направление, как организация экспозиционного пространства: создание экспозиции, прокладка туристических маршрутов, создание инфраструктуры вокруг объекта культурного наследия.

Выше были представлены исследования, основу для которых составляли материалы в основном европейской части России. Эта проблематика затрагивается и в трудах и северокавказских исследователей. Следует отметить, что специальных работ, основанных на местных материалах и посвященных использованию недвижимых археологических объектов края в туристской деятельности, немного. Некоторые сведения об этом содержат работы С. Н. Савенко. Имеются упоминания о том, что в период работ на городище «Горное эхо» А.И. Аржанцевой места раскопок посещались туристами. В 2002 г. был издан туристический план г. Кисловодска, куда входил и комплекс археологических памятников «Горное эхо». В это же время был разработан и культурно-познавательный маршрут, включавший в себя памятники археологии [3, с.32]. Примеры работы со школьниками-экскурсантами, в том числе – членами археологического кружка, открытие и функционирование в школах краеведческих уголков, включающих археологические разделы, содержат публикации Я. Б. Березина [5, с.67; 6, с.14, 15]. Некоторые наблюдения, а также предложения по использованию археологического наследия в туристско-рекреационной деятельности приведены в ряде авторских работ [9–12]. Однако произведенных ранее исследований явно недостаточно для полноценного анализа деятельности по вовлечению археологического наследия края в работу по его презентации для гостей нашего края. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с тем, что пока отсутствует сама практика организованного использования данного вида туристического ресурса, который имеет богатый потенциал. Работа в этом направлении нам только предстоит. Вместе с тем, отметим, что использование памятников археологии применительно к организованному туризму и экскурсионной деятельности должно быть комплексным и ретроспективным.

Теоретическое обоснование создания музейно-археологических комплексов для территории Северного Кавказа, которые могут быть использованы для вовлечения памятников археологии в деятельность по развитию туристического комплекса края, представлено в ряде публикаций. Так, в 2002 г. Н. А. Охонько и С. Н. Савенко издают работу, в которой излагают концептуальные предложения по сохранению, использованию и развитию комплекса памятников, располагающихся на Ставропольской крепостной горе. В разделе № 5 ими перечислены признанные необходимыми меры по экспонированию и экскурсионному показу части археологических объектов и территорий, расположенных в этой зоне [47, с.37]. В дальнейшем предложенные идеи были расширены и конкретизированы в рамках концепции создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника [54]. Эта работа во-многом способствовала успешной реализации данного проекта и не осталась без внимания специалистов, занимающихся проблемами музеефикации недвижимого археологического наследия. Северокавказский регион в коллективной монографии 2011 г. представляет археологический и природно-ландшафтный музей-заповедник «Татарское городище» [17, с. 68–88]. Результативные археологические изыскания у г. Кисловодска во-многом способствовали появлению в 2003 г. концепции создания здесь археологического музея под открытым небом, которая была основана на идее музеефикации территориально близкой группы памятников от эпохи бронзы до раннего средневековья [3]. Принципам музеефикации группы памятников эпохи раннего средневековья у г. Кисловодска посвящена и специальная статья И. А. Аржанцевой [2]. По мнению В. В. Засухиной, археологический заповедник является комплексным образовательным и научным учреждением. Объекты, размещенные в нем, могут быть использованы для изучения истории строительной техники, древних и средневековых технологий, принципов планировки поселенческой структуры, в которую органично входили как бытовые, так культовые и погребальные сооружения [25, с.146].

В последнее время в деле привлечения археологического наследия для работы с туристами региона заметно активизировались региональные музеи. Так, например, сотрудники отдела археологии Ставропольского историко-культурного и природного музея-заповедника в ходе ежегодной акции «Ночь в музее» отсняли и в дальнейшем смонтировали небольшой фильм, основанный на интервью с учеными-археологами, деятелями культуры и посетителями музея, и посвященный истории формирования археологической коллекции. В разработке аудио-экскурсии по различным историческим эпохам ими используются и аудиовизуальные материалы, которые помогают посетителям ориентироваться в представленных на выставках предметах старины [36, с.228]. Вопросы,

связанные с образованием и деятельностью специализированных археологических музеев Северного Кавказа, разрабатывались и нами. Отмечено, что это направление деятельности нуждается в пристальном внимании, особенно – в вопросах правового статуса, надлежащего формирования фондов и экспозиций [14, с.208, 209; 15, с.187, 188]. Ещё одним направлением деятельности, пока практически не представленным в работе с туристическим сообществом, являются т.н. «передвижные» музеи, в том числе – и археологической направленности. Общие принципы их формирования и использования показаны нами в серии специальных работ. В процессе их подготовки были обобщены некоторые приемы и методы работы с предметами археологии, применяемые в различных музеях Северного Кавказа [12;13].

Результаты. Подводя итог нашим оценкам представления археологического наследия в трудах современных исследователей, можно отметить следующее. Наибольшее разнообразие мнений, подходов к интерпретации предлагаемых способов и форм восприятия предметов археологии наблюдается в работах, посвященных музейным собраниям, формированию стационарных выставок, работе с посетителями в границах заранее организованных пространств. Тема, связанная с передвижными выставками или музеями, как одна из форм мобильной подачи информации, пока не получила надлежащего внимания, хотя потенциал у данного направления взаимоотношений древностей и современного сообщества, вне всякого сомнения, большой. Заметно больше внимания исследователями уделено теме, связанной с музеефикацией недвижимых объектов археологического наследия. Здесь встречены работы, в которых анализируются результаты практического характера, которые привели к созданию разнообразных возможностей для его сохранения. Важно то, что заметное место занимают вопросы привлечения этих памятников для работы с посетителями, с соблюдением при этом их сохранности. В последнее время проблемы, связанные с антропогенной нагрузкой на охраняемые объекты, становятся всё более важным разделом в таких публикациях. Однако такая тема, как законодательная практика по обеспечению сохранности объектов археологии при проведении проектных, земельных и иных работ в зонах регулируемой застройки, пока не стала предметом специального изучения. Нет и анализа проблем, с которыми сталкиваются органы охраны памятников при попытках организации археологических музеев-заповедников, а также ущерба, который получают объекты археологии при их посещении туристическими группами. Относительно использования археологического наследия в туристско-рекреационной деятельности, прежде всего, следует отметить, что в последнее время наблюдается увеличение числа и повышение качества работ, посвященных результатам практической

реализации усилий в этом направлении как археологического сообщества, так и турагентств. Вторая группа работ касается предложений, которые пытаются осмыслить и применить на практике, прежде всего, работники музейного сообщества. При этом отмечается, что основное место в таких контактах с древностями предлагается «переносить» в сторону активных мероприятий, а не пассивного созерцания, как было принято ранее. Всё больше публикуется предложений, касающихся использования интернет-технологий, комбинированных способов, связанных, прежде всего, с самостоятельным восприятием и изучением древностей. Важно и то, что в демонстрации как объектов, так и предметов археологии всё больше используются результаты именно научных исследований. Однако до сих пор наиболее «уз-

ким» местом является уровень профессиональной подготовки лекторов, которых привлекают туристические агентства. Вероятно, настало время издания специальных пособий, либо специализированного электронного ресурса, которые бы помогали им ориентироваться в научной терминологии и фактическом материале. Значительный рост числа диссертационных работ пока заметно диссонирует с публикационными усилиями по представлению полученных результатов. Работы в этом направлении необходимо продолжать, однако в настоящее время стремление представить результаты своих трудов связано, в основном, с участием в научных форумах. Вероятно, стадия «осмысления» данной проблематики к настоящему времени ещё не вышла за рамки малых форм.

Литература

1. Андреев В. М. Археологический памятник в современном культурном пространстве: культурологический анализ: автореф. ... дисс. канд. культурологии. Челябинск, 2014. 25 с.
2. Аржанцева И. А. Проблемы исследования и принципы музеефикации (Аланская крепость «Горное эхо» VII-X вв.) // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. Труды ГИМ. 2006. Вып. 160. С. 225 -238.
3. Аржанцева И. А., Савенко С. Н., Сычев А.А. Кисловодский археологический музей под открытым небом «Горное эхо». Основы концепции. Кисловодск: «Колорит», 2003. 45 с.
4. Базарова Э. Л., Новгородов В. Н., Разумов Г. А. Сохранение памятников археологии (организационные и инженерные вопросы) // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М.: Научно-методический совет министерства культуры СССР, 1987. С. 48-57.
5. Березин Я. Б. Из опыта школьной археолого-краеведческой работы в г. Кисловодске // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный: ЧИГУ, 1981. С.67-69.
6. Березин Я. Б. Кисловодской археолого-краеведческий клуб «Искатель», история и новые находки // Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-й региональной конференции памяти Н. Н. Егорова. Кисловодск: Кисловодский филиал Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве, 1992. С.14-19.
7. Брюсов А. Я. Экспозиция отдела древнейшей истории // Советский музей. 1938 № 3. С.23-27.
8. Булатов Н. И. Принципы организации археологических музеев – заповедников // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып.3. М.: Научно-исследовательский институт культуры, 1975. С. 77-113.
9. Бурков С. Б. Приемы и методы активизации деятельности музеев Северного Кавказского региона в условиях новых туристско-рекреационных возможностей // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.6. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет, 2009. С.288-303.
10. Бурков С. Б. Туристические возможности археологического наследия: теория и практика // Глобализация и туризм: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов I международной научной конференции. Саратов, 15-16 апреля 2009 г. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет, 2010. С.207-210.
11. Бурков С. Б. Археологические выставки краеведческих музеев Ставропольского края в контексте развития внутреннего туризма в СКФО // «Кавминводы – жемчужина Кавказа». Материалы региональной научно – краеведческой конференции, посвящённой 210-летию КМВ и города – курорта Кисловодска. Кисловодск, 18 апреля 2013 г. Кисловодск: «МИП», 2013. С.34 – 40.
12. Бурков С. Б. О роли и значении передвижных музеев для развития межкультурной коммуникации, исторического краеведения и обеспечения сохранности культурного наследия на Северном Кавказе // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.9. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет, 2013. С.153-171.
13. Бурков С. Б. Археологические выставки и музеи Северного Кавказа в контексте развития внутреннего туризма, образования и охраны памятников СКФО // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 20-25 октября 2014 г. Том IV. М.: СПб.: Казань: 2014. С.387-389.
14. Бурков С. Б. Археологические музеи Северного Кавказа: история создания, теория и практика // Девятые Прозрителевские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 24-25 ноября 2016 г. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2018. С.206-210.
15. Бурков С. Б., Брилева О. А. Археологические коллекции в частных и ведомственных музеях Чечни и Ингушетии // Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь, 14-15 марта 2019 г. Выпуск 10. Ставрополь: «Бюро новостей», 2019. С.181-189.
16. Воскресенская Л. П. Организация открытого показа археологических памятников в РСФСР. М.: Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры, 1969. 68 с.
17. Гусев С. В., Загорюлько А. В., Минеева И. М., Ожередов Ю. И., Ксенц А.С. . Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2011. 260 с.

18. Дробышев А. Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: автореф. ... канд. культурологии. Кемерово, 2011. 24 с.
19. Ефремова Е. В. Консервация и реставрация памятников археологии в процессе их музеефикации // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 3 (84). С. 95-101.
20. Ефремова Е. В. Проблемы музеефикации объектов археологического наследия в России в отечественных исследованиях 1961-2012 гг.: автореф. ... дисс. канд. историч. наук. Тюмень: 2016. 23 с.
21. Жукова А. В. Эволюция взаимоотношений археологической науки и музея на материалах экспозиций музеев Москвы: автореф. ... дисс. кан. ист. наук. М., 2000. 25 с.
22. Жукова А. В. Археология и музееведение: грани взаимодействия. Сборник научных трудов. // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 27-29 ноября 2008 г. Омск: Омский государственный университет, 2008. С. 332-336.
23. Закон РФ от 25.06. 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс»
24. Заславец Н. Н. Информационное обеспечение музейной экспозиции: на примере ГИМ: автореф. ... дисс. канд. культурологии. СПб., 2008. 22 с.
25. Засухина В. В. Проблемы музеефикации памятников археологии Ставропольского края // Вторые Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции 29-30 ноября 2005 г. Ставрополь: «Вестник Кавказа», 2006. С. 144-146.
26. Жирных Е. А., Каменский С. Ю. Экспериментальная археология в Югре: перспективы направления // Провинциальный музей в рамках разработки проектов гуманизации археологических объектов. Материалы региональной научно – практической конференции. г. Советский, 3-6 октября 2006 г. Екатеринбург: «Волот», 2006. С.165-169.
27. Каменский С. Ю. Ценность археологического наследия как товара // Человеческая жизнь: ценность повседневности в социокультурных программах и практиках. Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета. Том 2. Екатеринбург, 5-6 апреля 2007 г. Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2007. С.496-499.
28. Каменский С. Ю. Памятники археологии в познавательном туризме: специфика и возможности использования // II Югорская полевая музейная биеннале. Сборник докладов и сообщений научно – практической конференции «Роль полевых исследований в сохранении историко – культурного наследия Югры». Ханты-Мансийск, 26 октября-6 ноября 2006 г. Ханты – Мансийск: «Полиграфист». 2006, С.73-83.
29. Каменский С. Ю. Глубокий туризм: от тур – продукта к тур-приключению // Современная Россия: путь к миру – путь к себе. Материалы XI Всероссийской научно – практической конференции Гуманитарного университета 10-11 апреля 2008 г. Доклады в 2-х томах. Том 2. Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2008. С.491-494.
30. Каменский С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социо – культурных практиках: автореф. ... дисс. канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. 24 с.
31. Каплунов В. А., Покровская А. Ф., Евдокимова М. А. Проблемы музеефикации памятников археологии в трудах российских исследователей // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2015. № 2. С.32-38.
32. Карцев В. Г. К вопросу экспозиции археологических материалов в краеведческих музеях // Советский музей. 1931. № 6. С.71-75.
33. Кетин Д. В. Концептуальные подходы к проектированию «археопарков» // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С.150-159.
34. Кириллов А. Н. «Проект «Дружина»: опыт взаимодействия с обществом в области сохранения археологического наследия» // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы. Материалы конференции «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». Москва, 9–10 декабря 2013 г. М.: ИА РАН, 2015. С. 137–140.
35. Колло Ж. Проблемы экспозиции музеев археологии и истории. Материалы международной конференции комитета музеев археологии и истории международного совета музеев 9-18 сентября 1970 г. Л.: М.: б/и, 1970. 8 с.
36. Леонова С. Г., Григорьева М. А. Интерактивные формы экскурсий: на примере мероприятий отдела археологии Ставропольского государственного музея-заповедника // Прозрителевские чтения: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Выпуск 9. Ставрополь, 24-25 ноября 2018 г. Ставрополь: «Дизайн-студия – Б», 2018. С.226-229.
37. Лобова Л. В., Складчиков М. Я. Менеджмент историко-культурного наследия: государственное регулирование в области охраны археологического наследия. Учебно – методическое пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2007. 83 с.
38. Медведь А. Н. Музеефикация средневековых памятников археологии: автореф. ... дисс. кан. ист. наук. М., 1999. 17 с.
39. Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: «ГНОМ и Д», 2004. 80 с.
40. Минеева И. М. Музейная археология // Музей в современном мире. Традиционализм и новаторство. Труды ГИМ. Вып.104. М.: ГИМ, 1999. С. 61-70.
41. Минеева И. М. Музейная археология и особенности развития археологических исследований в краеведческом музее // Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. Современные концепции первобытной истории. Труды ГИМ. Вып.113. М.: ГИМ, 2000. С.44-53.
42. Минеева И. М. Археологическое наследие как социокультурный феномен // Материалы международного научного симпозиума «Время культурологии», посвященной 75-летию Российского института культурологии. Москва, 24-26 мая 2007 г. М.: Российский институт культурологии, 2007. С.46-51.
43. Минеева И.М. Сохранение, использование и государственная охрана археологического наследия Южного Урала во 2-й половине - XIX начале XXI века: автореф. ... дисс. док. ист. наук. Казань, 2011. 50 с.

44. Минеева И. М., Обыденнов М.Ф. Экскурсионная практика по археологии. Учебное пособие. Уфа: «Юрика» 2008. 134 с.
45. Мурзинцева А. Е. Музеи Российской академии наук: историко – культурологический анализ. Улан – Уде: Институт повышения квалификации ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», 2006. 22 с.
46. Недович Н. Д., Беляев Л. А. Из практики объединения «Росреставрация» по консервации и музеефикации памятников археологии // Методические основы охраны и использования памятников археологии. Сборник научных трудов. М.: Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, 1987. С. 120–126.
47. Охонько Н. А., Савенко С. Н. Концепция сохранения, использования и дальнейшего развития Ставропольской крепостной горы. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 39 с.
48. Пахомова О. М. Археологические исследования как основа для развития научного туризма // Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом. Материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции. Чита, 29-30 ноября 2017 г. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. С. 180-185.
49. Попова Т. Б., Раушенбах В. М. Археологические материалы в краеведческих музеях. Методические материалы. Часть 1. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 124 с.
50. Путрик Ю. С. Туризм как фактор сохранения наследия: исторический опыт и традиции // Вестник Томского государственного университета. «Прочие социальные науки». 2008. № 311. С.95-101.
51. Рабинович М. Г. Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев. Часть 2. Период феодализма. М.: б/и, 1961. 161 с.
52. Разгон А. М. Археологические музеи в России с начала XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории музейного дела СССР. Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып.5. М.: ГИМ, 1963. С.189-275.
53. Разгон А. М. Исторические музеи России 1861-1917 гг.: автореф. ... дисс. док. ист. наук. Саратов, 1973. 54 с.
54. Савенко С. Н., Данилевич В. Г., Охонько Н. А. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. Ставрополь, Ставропольское книжное издательство, СГКМ, 2005. 175 с.
55. Сорокина И. А. Опыт выставочной деятельности Института археологии РАН // Альманах – 2000. Музеи Российской академии наук. М.: «Научный мир», 2001, С.208-277.
56. Сорокина И. А. Выставочная деятельность отдела охранных раскопок // Тридцать лет отделу охранных раскопок (Сборник статей). Труды отдела охранных раскопок. Том 2. Тула: Гриф и К, 2004.- 188 с. С.52-59.
57. Тихонов И. Л. Проблемы экспонирования археологических коллекций // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 1 (9). С.71-84.
58. Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М. Археологические музеи-заповедники (проблемы и перспективы // Методические основы охраны и использования памятников археологии. Сборник научных трудов. М.: Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, 1987. С. 111–119.
59. Федосеева А. Ф. Культурно-познавательный туризм памятников археологии в региональном развитии территорий. Специфика и возможности использования // Проблемы и перспективы студенческой науки. 2018. № 1 (3). С. 39-42.
60. Черненко Е. А. Использование памятников археологии в развитии познавательного туризма // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Том II. Великий Новгород – Старая Русса, 24-29 октября 2011 г. СПб: ИИМК РАН, М.: ИА РАН; Новосибирск, институт истории и этнографии Сибирского отделения РАН, 2011. С.358.

References

1. Andreev VM. Archaeological monument in modern cultural space: cultural analysis. Abstract of thesis. Chelyabinsk; 2014. 25 p. (In Russ.).
2. Arzhantseva IA. Problems of research and principles of museification (Alan fortress Mountain Echo of the 7th-10th centuries) in Scientific reconstructions in modern exposition and educational activities of museums. Proceedings of the State Historical Institute. 2006. Issue 160. pp. 225-238. (In Russ.).
3. Arzhantseva IA., Savenko SN., Sychev AA. Kislovodsk Archaeological Open-air Museum Mountain Echo. Fundamentals of the concept. Kislovodsk: Kolorit, 2003. 45 p. (In Russ.).
4. Bazarova EL., Novgorodov VN., Razumov GA. Preservation of archaeological monuments (organizational and engineering issues) in Methodological foundations of the protection and use of archaeological monuments. Moscow: Scientific and Methodological Council of the Ministry of Culture of the USSR, 1987. p. 48-57. (In Russ.).
5. Berezin YaB. From the experience of school archaeological and local history work in the city of Kislovodsk in Archeology and local history - university and school – Grozny: Chechen-Ingush State University, 1981. p.67-69. (In Russ.).
6. Berezin YaB. Kislovodsk archaeological and local history club The Seeker, history and new finds in Archeology and local history of Kavminvody. Proceedings of the 1st Regional conference in memory of N.N. Egorov. Kislovodsk: Kislovodsk branch of the Stavropol State United Museum of Local Lore named after G.K. Prave, 1992. pp.14-19. (In Russ.).
7. Bryusov AYa. The exposition of the Department of ancient History. *Sovetskii musey*. 1938;3:23-27. (In Russ.).
8. Bulatov NI. Principles of organization of archaeological museum – reserves in Issues of protection, restoration and promotion of historical and cultural monuments. Issue 3. Moscow: Scientific Research Institute of Culture, 1975. p. 77-113. (In Russ.).
9. Burkov SB. Techniques and methods of fostering the activities of museums in the North Caucasus region in the context of new tourist and recreational opportunities in Tourism and cultural heritage. Interuniversity collection of scientific papers. Issue.6. Saratov: Saratov National Research State University, 2009. p.288-203. (In Russ.).
10. Burkov SB. Tourist opportunities of archaeological heritage: theory and practice in globalization and tourism: problems of interaction. Abstracts of the I International Scientific Conference. Saratov, April 15-16, 2009. Saratov: Saratov National Research State University, 2010. p.207-210. (In Russ.).

11. Burkov SB. Archaeological exhibitions of local history museums of the Stavropol Krai in the context of the development of domestic tourism in the North Caucasus Federal District in Kavminvody – pearl of the Caucasus. Materials of the regional scientific and local history conference dedicated to the 210th anniversary of the Kavkazskie Mineralnye Vody and the resort city of Kislovodsk. Kislovodsk, April 18, 2013. Kislovodsk: MIL, 2013. p.34-40. (In Russ.).
12. Burkov SB. On the role and importance of mobile museums for the development of intercultural communication, historical local lore and ensuring the preservation of cultural heritage in the North Caucasus in Tourism and Cultural Heritage. Interuniversity collection of scientific papers. Issue.9. Saratov: Saratov National Research State University, 2013. p.153-171. (In Russ.).
13. Burkov SB. Archaeological exhibitions and museums of the North Caucasus in the context of the development of domestic tourism, education and protection of monuments of the North Caucasus Federal District in Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress. Kazan, October 20-25, 2014 Volume IV. Moscow: Saint Petersburg: Kazan: 2014. pp.387-389. (In Russ.).
14. Burkov SB. Archaeological museums of the North Caucasus: history of creation, theory and practice in The ninth Prozritelev readings. Proceedings of the interregional scientific and practical conference on November 24-25, 2016 Stavropol: Design Studio B, 2018. pp.206-210. (In Russ.).
15. Burkov SB., Brileva OA. Archaeological collections in private and departmental museums of Chechnya and Ingushetia in Prozritelev readings: Collection of materials of the interregional scientific and practical conference. Stavropol, March 14-15, 2019 Issue 10. Stavropol: News Bureau, 2019. pp.181-189.
16. Voskresenskaya LP. Organization of an open display of archaeological monuments in the Russian Soviet Federative Socialist Republic. Moscow: All-Union Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, 1969. 68 p. (In Russ.).
17. Gusev SV., Zagorulko AV., Mineeva IM., Ozheredov Yul., Kents AS. Archaeological heritage in museums-reserves of the European part of Russia. Tomsk: TML-Press, 2011. 260 p. (In Russ.).
18. Drobyshev AN. Museum park as a form of presentation of archaeological heritage. Abstract of the dissertation for the degree of PhD in cultural studies. Kemerovo: Langepass city municipal autonomous institution Press-Inform, 2011. 24 p. (In Russ.).
19. Efremova E. V. Conservation and restoration of archaeological monuments in the process of their museification. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta*. 2014; No. 3 (84): 95-101. (In Russ.).
20. Efremova EV. Problems of museification of archaeological heritage sites in Russia in domestic research in 1961-2012. Abstract thesis. Tyumen: 2016. 23 p. (In Russ.).
21. Zhukova AV. The evolution of the relationship between archaeological science and the museum based on the materials of the expositions of Moscow museums. Abstract of thesis. Moscow; 2000. 25 p. (In Russ.).
22. Zhukova AV. Archeology and museology: facets of interaction. Collection of scientific papers In VII historical readings in memory of M.P. Gryaznov. Omsk, November 27-29, 2008. Omsk: Omsk State University, 2008. p.332-336. (In Russ.).
23. The Law of the Russian Federation of 06/25. 2002 No. 73-FZ "On Cultural Heritage sites (historical and Cultural Monuments) of the peoples of the Russian Federation" in Consultant Plus (In Russ.).
24. Zaslavets NN. Information support of the museum exposition: on the example of State Historical Museum. Abstract of thesis. St.Petersburg, 2008. 22 p. (In Russ.).
25. Zasukhina VV. Problems of museification of archaeological monuments of the Stavropol Territory in The second Prozritelev readings. Proceedings of the scientific and practical conference on November 29-30, 2005. Stavropol: Vestnik Kavkaza, 2006. p.144-146. (In Russ.).
26. Zhirnykh EA., Kamensky SY. Experimental archeology in Ugra: perspectives of the direction in A provincial museum within the framework of the development of projects for the humanization of archaeological sites. Materials of the regional scientific and practical conference. Sovetsky city, October 3-6, 2006 Yekaterinburg: Volot, 2006. p.165-169. (In Russ.).
27. Kamensky SY. The value of archaeological heritage as a commodity in Human life: the value of everyday life in socio-cultural programs and practices. Materials of the X Scientific and practical conference of the University of Humanities. Volume 2. Yekaterinburg, April 5-6, 2007 Yekaterinburg: Autonomous Non-profit Organization of Higher Education Humanitarian University, 2007. p.496-499. (In Russ.).
28. Kamensky SY. Monuments of archeology in educational tourism: specifics and possibilities of use in II Yugorsk Field Museum Biennale. Collection of reports and reports of the scientific and practical conference The role of field research in preserving the historical and cultural heritage of Ugra. Khanty-Mansiysk, October 26-November 6, 2006. Khanty-Mansiysk: Polygraphist. 2006. p.73-83. (In Russ.).
29. Kamensky SY. Deep tourism: from a tour product to a tour adventure in Modern Russia: the path to peace is the path to oneself. Proceedings of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference of the University of Humanities on April 10-11, 2008 Reports in 2 volumes. Volume 2. Yekaterinburg: Autonomous Non-profit Organization of Higher Education Humanitarian University, 2008. p.491-494. (In Russ.).
30. Kamensky SY. Actualization of archaeological heritage in modern socio-cultural practices. Abstract of thesis. Yekaterinburg; 2009. 24 p. (In Russ.).
31. Kaplunov VA., Pokrovskaya AF., Evdokimova MA. Problems of museification of archaeological monuments in the works of Russian researchers. *Uchenye zapiski muzeja-zapovednika Tomskaja pisanica*. 2015;2:32-38. (In Russ.).
32. Kartsev V.G. On the issue of the exposition of archaeological materials in local history museums. *Sovetskij muzej*. 1931;6:71-75. (In Russ.).
33. Ketin DV. Conceptual approaches to the design of archeoparks. *Voprosy muzeologii*. 2013;2 (8):150-159. (In Russ.).
34. Kirillov AN. The Druzhina project: experience of interaction with society in the field of preservation of archaeological heritage In Preservation of archaeological heritage: problems and prospects. Materials of the conference Countering illegal activities in the field of archeology. Moscow, December 9-10, 2013. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2013. p.137-140. (In Russ.).
35. Collot J. Problems of the exposition of museums of archeology and history. Proceedings of the International Conference of the Committee of Museums of Archeology and History of the International Council of Museums on September 9-18, 1970. Lenin-grad: Moscow, 1970. 8 p. (In Russ.).

36. Leonova SG., Grigorieva MA. Interactive forms of excursions: on the example of the events of the Department of Archeology of the Stavropol State Museum-Reserve in Prozritelev readings: collection of materials of the interregional scientific and practical conference. Issue 9. Stavropol, November 24-25, 2018 Stavropol: Design Studio – B, 2018. p.226-229. (In Russ.).
37. Lobova LV., Sklyarevsky MYa. Management of historical and cultural heritage: state regulation in the field of archaeological heritage protection. Educational and methodical manual. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2007. 83 p. (In Russ.).
38. Medved AN. Museification of medieval archaeological sites. Abstract of thesis. Moscow, 1999. 17 p. (In Russ.).
39. Medved AN. Museification of archaeological monuments in Russia (past and present). Moscow: 'GNOM and D', 2004. 80 p. (In Russ.).
40. Mineeva IM. Museum archeology in A museum in the modern world. Traditionalism and innovation. Proceedings of the State Historical Museum. Issue 104. Moscow: State Historical Museum, 1999. p. 61-70. (In Russ.).
41. Mineeva IM. Museum archeology and the peculiarities of the development of archaeological research in the Museum of local lore in Problems of interpretation of archaeological monuments in the expositions of historical, local history and archaeological museums. Modern concepts of primitive history. Proceedings of the State Historical Museum. Issue 113. Moscow: State Historical Museum, 2000. p.44-53. (In Russ.).
42. Mineeva IM. Archaeological heritage as a sociocultural phenomenon in Proceedings of the international scientific symposium "Time of Cultural Studies" dedicated to the 75th anniversary of the Russian Institute of Cultural Studies. Moscow, May 24-26, 2007. Moscow: Russian Institute of Cultural Studies, 2007. p.46-51. (In Russ.).
43. Mineeva IM. Preservation, use and state protection of the archaeological heritage of the Southern Urals in the 2nd half - 19th and early 21st centuries. Abstract of thesis. Kazan; 2011. 50 p. (In Russ.).
44. Mineeva IM., Obydenov MF. Excursion practice in archeology. The training manual. Ufa: Yurika, 2008. 134 p. (In Russ.).
45. Murzintseva AE. Museums of the Russian Academy of Sciences: historical and cultural analysis. Abstract of the thesis. Ulan-Ude, 2006. 22 p. (In Russ.).
46. Nedovich ND., Belyaev LA. From the practice of the association "Rosrestavratsiya" for the conservation and museification of archaeological monuments in Methodological foundations of the protection and use of archaeological monuments. Collection of scientific papers. Moscow: Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments of the USSR Ministry of Culture, 1987. p. 120-126. (In Russ.).
47. Okhonko NA., Savenko SN. The concept of preservation, use and further development of the Stavropol fortress mountain. Stavropol: Stavropol'servishkola, 2002. 39 p. (In Russ.).
48. Pakhomova OM. Archaeological research as a basis for the development of scientific tourism in Problems, experience and prospects for the development of tourism, service and socio-cultural activities in Russia and abroad. Materials of the IV International Scientific and Practical Internet Conference. Chita, November 29-30, 2017. Chita: Zabaykalsky State University, 2017. p. 180-185. (In Russ.).
49. Popova TB., Rauschenbach VM. Archaeological materials in local history museums. Methodological materials. Part 1. Moscow: Goskultprosvetizdat, 1954. 124 p. (In Russ.).
50. Putrik YuS. Tourism as a factor of heritage preservation: historical experience and traditions. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Prochie social'nye nauki*. 2008;311:95-101. (In Russ.).
51. Rabinovich MG. Archaeological materials in the exposition of local history museums. Part 2. The period of feudalism. Moscow, 1961. 161 p. (In Russ.).
52. Razgon AM. Archaeological museums in Russia from the beginning of the XVIII century to 1861 in Essays on the history of museum business of the USSR. Proceedings of the Scientific Research Institute of Museology. Issue 5. Moscow: State Historical Museum, 1963. p.189-275. (In Russ.).
53. Razgon AM. Historical museums of Russia 1861-1917. Abstract of thesis. Saratov; 1973. 54 p. (In Russ.).
54. Savenko SN., Danilevich VG., Okhonko NA. The concept of the Stavropol State Historical, Cultural and Natural landscape Museum-Reserve. Stavropol, Stavropol Book Publishing House, Stavropol State Lore Museum, 2005. 175 p. (In Russ.).
55. Sorokina IA. The experience of exhibition activities at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in Almanac – 2000. Museums of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Scientific World, 2001. p.208 – 277. (In Russ.).
56. Sorokina IA. Exhibition activity of the department of security excavations in Thirty years of the Department of security excavations (Collection of articles). Proceedings of the Security Excavation Department. Volume 2. Tula: Grif and K, 2004. 188 p.52-59. (In Russ.).
57. Tikhonov IL., Problems of exhibiting archaeological collections. *Muzej. Pamjatnik. Nasledie*. 2021;1 (9):71-84. (In Russ.).
58. Fedorov-Davydov GA., Bulatov NM. Archaeological Museum reserves (problems and prospects in Methodological foundations of the protection and use of archaeological monuments. Collection of scientific papers. Moscow: Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments of the USSR Ministry of Culture, 1987. p. 111-119. (In Russ.).
59. Fedoseeva AF. Cultural and educational tourism of archaeological monuments in the regional development of territories. Specifics and possibilities of use. *Problemy i perspektivy studentcheskoj nauki*. 2018;1 (3):39-42. (In Russ.).
60. Chernenko EA. The use of archaeological sites in the development of educational tourism in Proceedings III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Volume II. Veliky Novgorod – Staraya Russa, October 24-29, 2011. Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk, Institute of History and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. p.358. (In Russ.).

Научная статья

УДК 343.378

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.3>

«ПРОМЕТЕИЗМ» И ИДЕИ НЕЗАВИСИМОСТИ КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ПОЛЬШИ В 20-30-Е ГГ. XX В.

Людмила Николаевна Величко^{1*}, Галина Николаевна Рыкун²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

lvelichko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9911-8169>

² Пятигорский институт (филиал) СКФУ (д.46, пр. 40 лет Октября, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-2733-1629>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Проблематика отношений между Польшей и Россией остается важным полем исследований не только политологов, но и историков. «Политика памяти» становится важной оставляющей публичной политической стратегии интерпретации и закрепления в общественном сознании исторического дискурса, позволяющего регулировать функционирование коллективной памяти. Коммеморативные практики оказываются особенно востребованными в переломные для общества периоды, прежде всего в условиях формирования или восстановления государственности, когда идёт поиск концептуальных принципов национальной идеи. В этой связи представляется интересным рассмотрение идеи «прометеизма» как особой составляющей внешнеполитической концепции Польши (Второй Речи Посполитой) в отношении СССР. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе дипломатической переписки, донесений польской разведки и отчётов прометеевских организаций документов на основе диахронического метода, с учётом исторического контекста. **Анализ** показал, что «кавказский» прометеевский вектор политики Польши находился в прямой зависимости от её внешнеполитических задач и текущей политической обстановки, которая определялась её взаимодействием с Германией и СССР. **Результаты.** Кавказ в политике Польши в 20-30-е гг. XX в. не играл определяющей роли, но рассматривался в качестве существенного направле-

ния, способного подорвать внутривнутриполитическую стабильность СССР, через дестабилизацию его национальных окраин, что рассматривалось как желаемый результат деятельности разделявших прометеевскую идею эмигрантских кругов, выходцев из Армении, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа. Образование под эгидой Польши Конфедерации Кавказа не удалось в XX в., но её продолжением можно считать усилия Польши по вовлечению государств Южного Кавказа в орбиту политики ЕС.

Ключевые слова: Прометеизм, пьастовская и ягеллонская парадигмы, Комитетом освобождения Кавказа, Комитетом независимости Кавказа, Конфедерация Кавказа

Для цитирования: Величко Л. Н., Рыкун Г. Н. «Прометеизм» и идеи независимости Кавказа во внешнеполитических планах Польши в 20-30-е гг. XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 592–598. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.3>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

“PROMETHEISM” AND THE IDEAS OF INDEPENDENCE OF THE CAUCASUS IN THE FOREIGN POLICY PLANS OF POLAND IN THE 1920-1930S

Lyudmila N. Velichko^{1*}, Galina N. Rykun²

¹ North-Caucasus Federal University, (1 Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

lvelichko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9911-8169>

² Pyatigorsk Institute (branch) of North-Caucasus Federal University (46, 40th Anniversary of October Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-2733-1629>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The issue of international relations between Poland and Russia remains an important field of research not only for political scientists but also for historians. The politics of memory is becoming an important component of the public political strategy for interpreting and consolidating historical discourse in the public consciousness, which helps regulate the functioning of collective memory. Commemorative practices are particularly in demand during periods of change for society, primarily during the formation or restoration of statehood, when the search for conceptual principles of a national idea is underway. In this regard, it is interesting to consider the idea of Prometheus as a special component of the foreign policy concept of Poland (the Second Polish Republic) in relation to the USSR. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of diplomatic correspondence, Polish intelligence reports, and reports of Prometheus organizations, documents based on the

diachronic method, taking into account the historical context. **Analysis** showed that the Caucasian Prometheus vector of the policy of Poland was directly dependent on its foreign policy objectives and the current political situation, which was determined by its interactions with Germany and the USSR. **Results.** The Caucasus did not play a decisive role in Polish policy in the 1920s and 1930s, but was viewed as a significant area capable of undermining the USSR domestic political stability through the destabilization of its national outskirts. It was seen as a desired outcome of the activities of émigré circles from Armenia, Georgia, Azerbaijan, and the North Caucasus who shared the Promethean idea. The formation of the Confederation of the Caucasus under Polish auspices failed in the 20th century, but the efforts of Poland to integrate the states of the South Caucasus into the orbit of EU policy can be considered as a follow-up.

Keywords: Prometheism, Piast and Jagiellonian paradigms, Committee for the Liberation of the Caucasus, Committee for the Independence of the Caucasus, Confederation of the Caucasus

For citation: Velichko LN, Rykun GN. "Prometheism" and the ideas of independence of the Caucasus in the foreign policy plans of Poland in the 1920-1930s. Humanities and law research. 2025;12(4):592-598. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.3>

Введение. Целью исследования является анализ внешнеполитического курса Польши в 20-30-е гг. XX в., формирование подходов и инструментов ведения «восточного» направления её политики в отношении Советской России / СССР.

«Восточное направление» на протяжении длительного времени занимает существенное место во внешней и внутренней политике Польши. В истории внешней политики Польши известны две взаимоисключающие парадигмы – пястовская и ягеллонская, названные так по правящим династиям. В основе пястовской парадигмы лежал принцип построения этнически однородного польского национального государства, располагавшегося между Германией и Россией. Внешнеполитические приоритеты пястовской Польши находились на Западе, что делало неизбежным её конфликты с немецкими соседями. России в этой доктрине отводилась роль вероятного союзника поляков против немецких феодалов. В ягеллонской доктрине Польше отводилась роль «региональной сверхдержавы», на которую возлагалась цивилизаторская миссия, прежде всего на землях Восточной Европы, включая территории, на которые претендовала Россия (Литва, Украина, Белоруссия) [12; 8, с. 372]. В современной Польше «восточное направление», с одной стороны, определяется как политика в отношении государств постсоветского пространства, с другой стороны, видится как взаимодействие со странами Востока: от Израиля до Японии и от Ирана до Индонезии. М. Рац условно разделит геополитическое понятие «Восток» на две составляющие: Восток «европейский», под которым понимается Восточная Европа, европейская часть России и Закавказье, а также Восток «азиатский», т.е. территории, не относящиеся к европейской культурной традиции. Он отмечает, что географически к нему может быть отнесена и азиатская часть России, и то же Закавказье [10, с. 368–369].

Оформлением «восточного измерения» польской внешней политики в самостоятельное направление следует считать XVI в., когда началось геополитическое противостояние двух, формирующих границы, государств – Российского государства и Речи Посполитой. Сложные внутривосточные процессы, включающие формирование общей идентичности и институтов власти, сопровождались оправданием внешней экспансии и обоснованием внешнеполитических притязаний с обеих сторон. Рождение этногенетического мифа о сарматском происхождении поляков стало развитием исто-

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

риографической концепции происхождения народов от древних предков, широко распространённой в период XV–XVII вв.

Уже к концу XVI в., по мнению А. Г. Васильева, «сарматизм» оформился в польско-шляхетско-католическую идентичность, отличающуюся рядом специфических черт. Во-первых, Польша определялась как «свободное общество» в окружении господства деспотических режимов. Основанием для такого утверждения послужила Радомская конституция (*Nihil novi*), ограничившая власть короля и усилившая власть Сейма и шляхты. Во-вторых, Польша виделась оплотом истинной католической веры, форпостом Европы, стоящим на защите от «восточных схизматиков», протестантов и мусульман. В-третьих, восточное происхождение «поляков-сарматов» обосновывало их продвижение на Восток, а препятствием для этого продвижения являлись Османская империя и Россия. Вторая половина XVI и весь XVII вв. прошли под знаменем борьбы за геополитическое пространство между Польшей и Россией. В XVIII в. три раздела Речи Посполитой окончательно определили Россию в качестве экзистенциальной угрозы в сознании поляков. В конце XIX в. на разделённых польских землях сформировались две идеи формирования независимого государства – Романа Домовского, приверженца «пястовской» идеи и Юзефа Пилсудского, сторонника «ягеллонской» идеи. Если первый определял будущее Польши в союзе с Россией, а главным врагом обеих держав считал Германию, то второй видел основу независимой Польши в возрождении государства в границах 1772 г., т.е. до первого раздела Речи Посполитой, считая главным геополитическим противником Россию.

Материалы и методы. Исследование построено на методе диахронического анализа, позволившего раскрыть политику Польши в отношении Кавказа в период формирования её внешнеполитической доктрины «равного расстояния». Источниковая база сформирована польской дипломатической перепиской, обращениями кавказских организаций в адрес Ю. Пилсудского, донесениями польской разведки.

Анализ. Польское внешнеполитическое сознание формировалось через отношение к соседним государствам, вырабатывая определённую идентичность, «представление одного объекта через посредство другого». «Другим» в начале XX в. являлась Россия [9, с. 51]. После Первой мировой войны и восстановления Польшей независимости, представление о России как об «историче-

ском враге» укрепилось в ходе советско-польской войны 1918 – 1921 гг. В это же время окончательно оформились две внешнеполитические доктрины – «прометеизм» и «Междуморье». Доктрина «прометеизма», возведённая Ю. Пилсудским в ранг составной части стратегии национальной безопасности, являлась продолжением мессианской идеи Польши, в которой польскому народу отводилась роль координатора в борьбе народов, находящихся в составе Российской империи, за освобождение от «русского империализма». Став главой независимой Польши, Ю. Пилсудский определил её новую роль как передний край фронта, государство вставшего на защиту Европы от коммунизма. Он утверждал, что Россия как евразийская держава рухнет, если ее многочисленные меньшинства получат власть извне. Следовательно, Польше необходимо было принять участие в политической трансформации национальных территорий распавшейся Российской империи таким образом, чтобы это удовлетворило польскую политику и обеспечило восточноевропейскую безопасность [2, с. 56-57; 7, с.38-39].

Геополитический проект «Междуморья» Ю. Пилсудского т.е. идея создания «Восточноевропейской Федерации», «Восточноевропейской Лиги Наций» включал территории Белоруссии и Украины, рассматривавшиеся как исторические земли Польши и «санитарный коридор» между Европой и Россией. Кавказ, не входивший в непосредственную «Восточноевропейскую Федерацию», мог, при условии создания независимого государственного объединения» стать союзником в борьбе против геополитических амбиций России [1, с. 826].

Закавказье находилось в центре внимания польских политиков в первые годы после распада Российской империи. Интерес к региону был обусловлен тем, что на Кавказе, и особенно в Грузии, с конца XIX в. существовали крупные польские общины [4], а в начале XX в. в Тифлисе и Батуме появились общественные организации – «польские дома». В марте 1917 г. крупнейшие польские организации Тифлиса – Товарищество «Польский дом», Благотворительное общество и Польское общество помощи пострадавшим от войны – учредили Совет польских организаций. В апреле 1917 г. в Тифлисе была создана ещё одна организация – Польский демократический союз и организация военных польского происхождения Польский военный союз, аналог которого был создан и в Батуми. Эти объединения тесно сотрудничали с другими польскими организациями региона и занимались, прежде всего, благотворительной, культурной и образовательной деятельностью [18]. На фоне изменения политической ситуации в России весной 1917 г. в польской среде возникла идея создания национальных воинских частей. Дискуссии того времени свидетельствуют о существовании трёх основных течений среди

поляков, проживающих на Кавказе, относительно решения этого вопроса. Часть поляков выступала за создание самостоятельных польских частей, другие – за их подчинение Временному Государственному совету Королевства Польского в Варшаве, и, наконец, третья группа выступала против создания польской армии [18].

9–11 декабря 1917 г. в Тифлисе состоялся съезд польских организаций, созванный Польским окружным советом. В докладе, представленном на съезде, указывалось, что на Кавказе действовало семнадцать региональных отделений (организаций) общей численностью около 4500–5000 человек. Важнейшим итогом съезда стало решение о создании польских воинских формирований на Кавказе, которые впоследствии возможно было бы отправить вооружёнными в Польшу. Польский исследователь М. Мучек отмечал, что в конце февраля 1918 г. была образована Отдельная польская бригада на Кавказе, насчитывавшая всего несколько сотен солдат в нескольких подразделениях, дислоцированных в Тифлисе, и Польский легион в Пятигорске. На рубеже 1917 – 1918 гг., её польские формирования, дислоцированные в Тифлисе, Баку, Батуми и Пятигорске, насчитывали в общей сложности около 1500 солдат под общим командованием. Но отсутствие постоянной поддержки с польской стороны и общая политическая и социально-экономическая ситуация вокруг привела к тому, что в 1918 г. упоминается только о польской бригаде, которая 26 июля того же года была расформирована по требованию немецких войск в Грузии. На момент расформирования в ней насчитывалось всего 138 офицеров и 269 солдат [18].

После объявления Национальным Советом Грузии создания независимой республики в мае 1918 г. Регентский совет Королевства Польского установил контакт с правительством Грузии и назначил своего посланника Вацлава Островского, в задачу которого входило создание сети представительств: Юзеф Мыслинский стал вице-консулом в Грозном, Рудольф Юркевич агентом в Батуми, а в Баку делегирован Тадеуша Тыдельский. И хотя основной задачей польского представительства была помощь этническим полякам, желающим вернуться в Польшу, В. Островский писал о работе по установлению контактов с правительствами Грузии и Азербайджана для налаживания торгово-экономических и дипломатических контактов.

29 января 1919 г. польское правительство признало независимую республику Грузию, но подготовка к выезду специальной миссии Республики Польша на Южный Кавказ (она называлась именно так) во главе с Титусом Филипович затянулась на год. В марте 1920 г. миссия прибыла в Тбилиси, во время советско-польской войны (1919 – 2021 гг.). О поставленных перед ней задачах известно немного. Польские исследователи

утверждают, что на Филиповича была возложена задача заключения военного договора с кавказскими государствами, а также установление тесных контактов с ведомствами государств, входивших в Антанту и располагавшимися в Баку и Эрзеруме. 24 апреля 1920 г. Т. Филипович прибыл в Баку для ведения переговоров с министром иностранных дел Азербайджанской республики Фатали Ханом Хойским, но вошедшие в город войска РККА арестовали польских представителей и отправили в Москву. Оставшиеся в Тбилиси польские представители продолжили работу до декабря 1920 г. 29 января 1921 года, через три дня после юридического признания Грузинской Республики Верховным советом Антанты, польское правительство признало её независимость. В начале 1921 г. в рамках реализации военного соглашения и деятельности союза предполагалось также направить на Кавказ польского посланника Романа Кнолля и военного атташе майора Вацлава Енджеевича. Миссия не была осуществлена, поскольку в феврале 1921 г. Тбилиси был взят частями Красной Армии, а в марте представители правительства независимой Грузии покинули ее территорию и отправились в изгнание.

Польские власти продолжили отношения с грузинскими политическими деятелями, оказавшимися в эмиграции, не признав советизацию Грузии. Осенью 1921 г. военный атташе в Константинополе полковник Л. Бобицкий установил контакт с грузинской стороной и обсуждая условия военно-политического сотрудничества с представителями эмигрантского правительства министром внутренних дел Н. Рамишвили и начальником Генерального штаба Грузии генералом А. Захариадзе. С ними была достигнута договоренность о приеме грузинских офицеров в польскую армию на контрактной основе [13]. По личному указанию Ю. Пилсудского в польские вооруженные силы на обучение было принято в 1922 г. 42 офицера и 48 подхорунжих по контракту «как служащие демократического грузинского правительства» [11, с. 65].

Поддержка грузинского правительства в эмиграции усилилась после подписания польско-турецких соглашений 23 июля 1923 г., которые позволили Польше рассматривать Турцию в качестве союзника в борьбе с Советской Россией, а её участие в «кавказских делах» укрепляло позиции Варшавы в реализации внешнеполитической доктрины «прометеизма». Признание Польшей 13 декабря 1923 г. СССР не повлекло отказа польского руководства от связей с представителями правительств Армении, Грузии и Азербайджана в эмиграции, напротив, вывело на новый уровень проведение политики «прометеизма» [18].

Организацией, объединившей антисоветские националистические силы различного толка, стал Второй Отдел Генерального штаба Главного командования Войска польского, в

частности, «Двуйка» (разведка и контрразведка). При МИД Польши была создана специальная группа «Восток», отвечающая за отношения с государствами по линии Гельсингфорс (Хельсинки) – Анкара – Тегеран, включая Москву. Для реализации прометеевой идеи свои усилия объединили разведка (отдел Тадеуша Шетцеля) и МИД Польши (глава дипмиссий в Советской России, Персии и Турции Роман Кнолль, и посланник МИД Польши в Париже и Константинополе Тадеуш Голувко) [3].

Под «прометеевой идеей» объединились эмигрантские круги из распавшейся Российской империи. «Кавказский» прометеизм имел три центра: Францию, Турцию и Польшу. Польские политические круги стремились к созданию условий для объединения кавказской эмиграции, внутри которой шли непримиримые споры о будущей форме государственного устройства и не утихали территориальные претензии друг к другу. В Париже, на основе представительств уже не существующих кавказских республик, прибывших в 1919 г. на мирные переговоры с Германией, был создан Кавказский комитет, который позже стал называться Комитетом освобождения Кавказа. Комитет наладил сотрудничество с правительством Украинской Народной Республики в изгнании, и 26 июля 1925 г. стороны подписали совместную декларацию о координации усилий по восстановлению независимости [15; 16; 17].

В октябре 1924 г. по инициативе Р. Кнолля в Турции был организован Кавказский конфедеративный комитет, объединивший кавказских политиков с правыми взглядами, оппозиционным грузинским меньшевикам и азербайджанским мусаватам. Посол Польши в Турции Р. Кнолль в мае 1925 г. в письме к руководителю «Восточного отдела» МИДа Польши Ю. Лукасевичу подробно излагал своё видение кавказских дел, отмечая, что это направление незаслуженно обходит вниманием в польском дипломатическом ведомстве [13]. А между тем именно на восточном направлении Польша действует ни как «сателлит одной из великих держав, а как самостоятельная сила» и возможное создание независимого государства на Кавказе при участии Польши приведёт к союзническим отношениям между ними, создаст противовес России на Ближнем Востоке. Кнолль утверждал – есть все основания полагать, что в Турции находятся авторитетные силы Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа, способных объединиться ради этой цели. «Однако я сознательно акцентирую внимание на армянах, поскольку этот народ по своей природе и в силу недавних трагедий своей истории обречён на роль российского агента на Кавказе или, в лучшем случае, пассивного наблюдателя возможных боевых действий. Как я уже упоминал, в отношении Армении проводится активная политика, направленная не столько на пропаганду и организацию армянских наци-

ональных сил, сколько на обеспечение в подходящий момент надлежащего военного прикрытия турецкой границы, чтобы предотвратить диверсии армян в тылу воюющих сторон или подготовку кавказских племён» [14, с.124].

В ответном письме от 11 июля 1925 г., адресованному Р. Кноллю Ю. Лукасевич признавал, что кавказскому направлению не уделялось достаточного внимания. Он объяснял это стремлением Варшавы закрепить свой суверенитет, заручившись поддержкой Англии и Франции, а также сосредоточением на вопросах безопасности собственных границ. Тем не менее, благодаря активной деятельности Р. Кнолля и Т. Голувко, в 1926 г. в Стамбуле был основан Комитет независимости Кавказа (КНК). КНК стал представлять различные силы, стоящие на позиции политико-пропагандистской деятельности, а польское правительство обещало ему постоянную финансовую поддержку, с целью распространение идей независимости среди мусульман Поволжья и Средней Азии. Особое внимание уделялось пропагандистской деятельности. С целью распространения информации о намерениях эмигрантских политических групп, в Турции начали издавать газету «Новый Кавказ», первый номер которой вышел в 1923 г. под редакцией лидера партии «Мусават» М. Э. Расулзаде. Однако после заключения советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете в декабре 1925 г. издательскую деятельность Комитета было решено перенести в Париж, где вышел первый номер журнала «Прометей, органа национальной защиты народов Кавказа и Украины». К тому же здесь находилось грузинское дипломатическое представительство, поскольку Грузия до 1933 г. во Франции статусом юридически признанного независимого государства. Фактически с 1926 г. началось прометеевское движение, объединившее все антисоветские эмигрантские силы.

После прихода к власти в Польше режима подконтрольного Ю. Пилсудскому, прометеевское движение активизировалось. В Варшаве возникает целая сеть прометеевских организаций: в 1928 г. клуб «Прометей», который курирует Второй Отдел Генштаба Войска Польского; женский клуб «Прометей» во главе с грузинской княжной Б. Багратиони; студенческий «Молодой Прометей», в числе руководителей которого был осетин Б. Бало. В Восточном институте в Варшаве была предпринята попытка создать единый для всего Северного Кавказа язык на основе кумыкского языка.

Польша в период с 1926 по 1932 гг. не ограничивалась поддержкой политических и общественных кругов кавказской эмиграции. Активизация польского руководства в направлении прометеевского движения, в частности его кавказского крыла, объяснялась тем, что Кавказский регион воспринимался во Второй Речи Посполитой как «как естественные ворота для польской политической и экономической

экспансии в Азию и учитывая значительную ценность кавказских народов для Польши как естественных военных союзников в борьбе против России» [14, с. 194].

Кавказ стал представлять больший интерес для польской дипломатической службы после того, как Министерство иностранных дел открыло в Тбилиси в феврале 1927 г. Генеральное консульство Республики Польша. Были предприняты усилия по использованию результатов уже существующего сотрудничества с грузинами для налаживания связей с горцами Северного Кавказа. Это направление курировалось польским разведывательным управлением «Консполь», расположенным в Константинополе, который передавал сообщения во Второй отдел Генерального штаба Войска Польского. В одном из сообщений от сентября 1927 г. рассматривался вопрос о выдаче польских паспортов кавказским горцам Польским консульством в Турции для облегчения их въезда в Польшу с информацией, ценной для Второго отдела Генерального штаба Войска Польского. В задачу польских дипломатов входило создание конспиративных точек, мониторинг настроений местного населения и определение «уровня прочности советской власти» в регионе, а также содействие проведению диверсионных мероприятий. В 1930 г. был подготовлен доклад капитана Стефана Новачека о подготовке специальной грузинской диверсионной группы, которая проходила обучение с 4 по 20 апреля 1930 г. В её обязанности входило устройство диверсий непосредственно в шестнадцати областях Грузии, включая уничтожение оборудования железнодорожных станций, разрушение путей, сход поездов с рельсов, диверсии на телеграфных станциях, телефонах, радиостанциях, водопроводных сооружениях, заводах, электростанциях и т. д. «Курсанты запросили информацию о методах саботажа в самом чувствительном промышленном районе Кавказа: транспортировке керосина по трубопроводам и промежуточным насосным станциям из Тифлиса в Баку на протяжении 900 км» [14, с. 175]. Нет сведений о том, имела ли эта подготовка практическую реализацию, но польские исследователи отмечают, что подобная политика не была средством для ведения наступательных действий против Советского Союза, а являлась «оборонительной тактикой», превентивным инструментом [15, р. 316]. В октябре 1930 г. польское руководство направило инструкции по сотрудничеству с Комитетом независимости Кавказа польскому посланнику в Тегеране Станиславу Гемпелю, который должен был осуществлять регулярную связь с конкретными кавказскими группами, включая Азербайджанский национальный центр, Грузинский национальный центр и Народную партию Кавказских горцев. Армянские группы были исключены из сотрудничества польской разведкой, поскольку определялись ею как просоветские. В задачи польских миссий, действовавших в Пер-

сии, входили: наблюдение за развитием событий среди кавказских народов, посредничество в отправке корреспонденции во Второй отдел Генерального штаба Войска Польского, а также оказывать моральную поддержку представителям кавказских организаций и, по возможности, противодействовать требованиям советских миссий об их высылке из региона [15, р. 307]. Участие Второго Отдела Генерального штаба Войска Польского в реализации этого направления восточной политики продемонстрировало, насколько важной была эта концепция для укрепления внешней безопасности Второй Речи Посполитой.

В середине января 1932 г. Правление Ассоциации бывших членов Польской военной организации – Восток подготовило меморандум, в котором обобщалась текущая ситуация польско-грузинского сотрудничества в рамках движения «Прометей» с 1918 г. В нём подчёркивалось признательность Польше за поддержку грузинского правительства в изгнании в Париже и усилия по созданию Устава и основ деятельности Грузинской военной организации. В дополнении к меморандуму, адресованному Юзефу Пилсудскому в феврале 1932 г., отмечалось, что данное сотрудничество «основано на грузинском движении за независимость, которое может быть использовано в интересах польской государственности» [14, р.249 – 252].

Но в 1932 г. возобновились прерванные после убийства в Варшаве советского полпреда П. Войкова в 1927 г. переговоры между Польшей и СССР, завершившиеся 25 июля 1932 г. заключением договора о ненападении и его ратификацией в декабре того же года. Польская сторона стала сворачивать финансовую поддержку «прометеистов», а затем, в целях недопущения осложнений отношений с СССР дистанцировалась от прометеевских лидеров.

Результаты. После смерти в 1935 г. Ю. Пилсудского интерес к деятельности организаций «прометеевского» толка угасает в руководстве Польши. Это было связано с рядом причин: во-первых, менялась геополитическая ситуация в Европе, на повестку дня вновь вставал вопрос о безопасности Польши, теперь уже на Западе. Политика «равного расстояния», которую проводил

глава МИД Польши Юзеф Бек, заключающаяся в равном удалении от Германии и СССР, оказалась несостоятельной, назревал конфликт между Варшавой и Берлином и внимание польских властей было сосредоточено уже в этом направлении. Во-вторых, внутри эмигрантских кругов не было единства по вопросу о возможном будущем независимого Кавказа. В 1934 г. в Брюсселе был подписан Пакт Кавказской конфедерации, который проигнорировали армяне, опасавшиеся, что им не удастся создать государство в его исторических границах [6, с. 95-96]. В 1939 г. и армянская сторона присоединилась к Пакту, тогда же были определены границы независимого Кавказа (Кавказской конфедерации), но начавшаяся Вторая мировая война поставила точку в «прометеевском движении» под эгидой Польши. В-третьих, кавказскими эмигрантами заинтересовались представители нацистской Германии, которые рассматривали возможность использования их потенциала против СССР. Сотрудничество одних и отказ от взаимодействия с нацистами других вновь расколол прометеевцев [5].

После распада СССР основным внешнеполитическим вектором Польши стала европейская интеграция. До 2004 г. главной внешнеполитической целью Польши было вступление в ЕС и НАТО. Достижение этих целей позволило польской дипломатии позиционировать себя в качестве эксперта ЕС по вопросам восточноевропейской политики, прежде всего с государствами, образовавшимися на постсоветском пространстве. Также как и в первой четверти XX в. польские политики стали руководствоваться знаменитой фразой Ежи Гедройца «чем сильнее будет наша позиция на Востоке, тем больше с нами будут считаться на Западе». Рассматривая Россию в качестве геополитического противника, Польша стремилась создать «буферную зону», в которую должны были войти Беларусь, Украина и Молдова, а также государства Южного Кавказа – Грузия, Армения и Азербайджан. Варшава стала последовательно продвигать проект «Восточного партнёрства» в рамках Европейской Политики соседства и до настоящего времени настойчиво продолжает вписывать свою «восточную политику» в контекст внешней политики ЕС.

Литература

1. Адамчевский П. Россия и Кавказ в польском этнополитическом мифе// Вестник Российской Академии наук. 2018. Т. 88. № 9. С. 826-834. URL.: <https://ras.jes.su/rasherald/s207987840000931-3-1> (дата обращения: 20.10.2025)
2. Бовдунов А.Л. Восточный вектор внешней политики Польши: геополитическая традиция и современность//Россия в XXI в. 2012. №2. С.54-69.
3. Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометеиское» движение в планах польской разведки по развалу России – СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. 439 с. URL.: <https://history.wikireading.ru/hD79LNu3Zv> (дата обращения: 20.10.2025)
4. Зейналова С. Формирование этнических общин западнославянских народов на Кавказе (XIX - начало XX вв.)// Кавказ&глобализация 2011.Т.5. Вып. 3-4 С.106-119.
5. Исхаков С. Прометейские проблемы к началу Второй мировой войны: взгляд германского дипломата Ф. фон Папена URL.: <https://nowy-prometeusz.pl/category/rus/> (дата обращения: 26.10.2025)
6. Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей»: Сборник документов / Сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулия. М.: Социально-политическая Мысль, 2012. 240 с.

7. Курганский А.А. Прометеизм во внешней политике Польши в межвоенный период // Дни науки – 2018. Сборник статей: научное электронное издание. Калининград: БалтФУ, 2018. С. 35-42.
8. Малышев Д. В. «Междуморье» как виртуальный проект в начале 2020 х гг.: основные реалии // Постсоветские исследования. 2024. 4(7). С.370-375.
9. Офицеров-Бельский Д. Восточная политика Польши: концептуальные основы и практические аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV (LXI). С. 51- 61
10. Ращ М. Восток во внешней политике Польши: эволюция значения и смена приоритетов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2017. №4. С.363-378.
11. Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919-1924 гг.//Новая и Новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.
12. Шустров М. А. Истоки современной восточной политики Польши // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. №4. С. 49–57.
13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925// Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2001. T. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (data dostępu: 21.10.2025).
14. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego/ [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.
15. Landmann T Ruch prometejski jako defensywny element polityki bezpieczeństwa II RP w latach 1926–1932// Wschodni-oznawstwo. 2020. T. 14. S. 297-322.
16. Libera P. Polish authorities and the attempt to create the Caucasian Confederation (1917–1940) // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej [online]. 19 sierpień 2018. T. 52. No. 3. S. 231–252.URL.: <https://apcz.umk.pl/SDR/article/view/SDR.2017.EN3.11> (accessed: 22.10.2025)
17. Łyszek W. Schyłek prometeizmu (1935–1940)//Studia nad Totalitaryzmami i Wiekami XX. 21 wrzesień 2025.T. 4. S. 12–33 (PL), 308.
18. Mądzik M. Próby nawiązania stosunków politycznych między Polską a Gruzją w latach 1918–1921 URL.: <https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Geo-3288.pdf>(data dostępu: 19.10.2025).

References

1. Adamchevskij P. Russia and the Caucasus in the political world. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*. 2018; 88.9:826-834. URL: <https://ras.jes.su/raserald/s207987840000931-3-1> (accessed: 20.10.2025) (In Russ.)
2. Bovdunov AL. The Eastern Vector of Russia's Foreign Policy: Geopolitical Tradition and Modernity. *Rossija v XXI v*. 2012;2:54-69. (In Russ.)
3. Bylinin VK, Zdanovich AA, Korotaev VI. Organization "Prometheus " I" prometheyskoe " dvizhenie in Plana pol'skoj razvedki after the Rossii – USSR collapse In: Proceedings of the Society for the Study of the History of the Russian Special Services. Vol. 3. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 439 p. URL: <https://history.wikireading.ru/hD79LNU3Zv> (accessed: 20.10.2025) (In Russ.)
4. Zejnalova S. Formation of ethnic communities of West Slavic peoples in the Caucasus (19th - early 20th centuries). *Kavkaz&globalizacija* 2011;5;3-4:106-119. (In Russ.)
5. Ishakov S. Promethean Problems at the Beginning of World War II: The View of German Diplomat F. von Papen URL: <https://nowy-prometeusz.pl/category/rus/> (accessed: 26.10.2025) (In Russ.)
6. The Caucasian Confederation in official declarations, secret correspondence and secret documents of the Prometheus movement: collection of documents / G.G. Mamulia. Moscow: Social'no-politicheskaja MYSL, 2012. 240 p. (In Russ.)
7. Kurganskij AA. Prometheism in Russia's Foreign Policy during the Interwar period In: Science Days – 2018. Collection of articles: scientific electronic edition. Kaliningrad: BaltFU, 2018. p. 35-42 (In Russ.)
8. Malyshev DV. Internarium as a virtual project in the early 2020s: key realities. *Postsovetskie issledovanija*. 2024;4(7):370-375. (In Russ.)
9. Oficerov-Bel'skij D. Poland's Eastern Policy: Conceptual Framework and Practical Aspects. *Rossija i novye gosudarstva Evrazii*. 2023;IV (LXI):51- 61. (In Russ.)
10. Rashh M. Poland's Eastern Policy: Conceptual Framework and Practical Aspects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2017;4:363-378. (In Russ.)
11. Simonova TM. "Prometheism" in Polish Foreign Policy, 1919–1924. *Novaja i Novejszaja istorija*. 2002;4:47 – 63. (In Russ.)
12. Shustrov MA. The origins of Poland's modern Eastern policy. *Istorija i sovremennoe mirovozzrenie*. 2021;3;4:49-57. (In Russ.)
13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925 In: Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2001. Vol. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (accessed: 21.10.2025).
14. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego/ [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.
15. Landmann T Ruch prometejski jako defensywny element polityki bezpieczeństwa II RP w latach 1926–1932. *Wschodni-oznawstwo*. 2020;14:297-322.
16. Libera P. Polish authorities and the attempt to create the Caucasian Confederation (1917–1940) In. Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej [online]. 19 sierpień 2018. Vol. 52. No 3. p. 231–252.URL.: <https://apcz.umk.pl/SDR/article/view/SDR.2017.EN3.11> (accessed: 22.10.2025)
17. Łyszek W. Schyłek prometeizmu (1935–1940) In Studia nad Totalitaryzmami i Wiekami XX. 21 wrzesień 2025. Vol. 4. S. 12–33 (PL), 308.
18. Mądzik M. Próby nawiązania stosunków politycznych między Polską a Gruzją w latach 1918 – 1921 URL.: <https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Geo-3288.pdf> (accessed:19.10.2025).

Научная статья

УДК 94(410)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.4>**СПОРТ В КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКЕ «ЦИВИЛИЗАТОРСКОЙ МИССИИ»
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА****Тамара Николаевна Гелла**

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (95, ул. Комсомольская, Орел, 302026, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
gellat@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0079-0151>

Аннотация. Введение. В статье анализируется роль спорта как своеобразного инструмента реализации англичанами политики «мягкой силы» во второй половине XIX в. в рамках Британской империи. Автором обращается внимание на спортивную составляющую в концепции «цивилизаторской миссии» британцев, а также на спортивное воспитание в рамках английской образовательной системы будущих колонизаторов, приводятся примеры распространения таких британских видов спорта, как крикет, регби и бокс, в колониях империи с акцентом на их местную специфику. **Материалы и методы.** Методологической базой стали принципы объективности и историзма, исторические методы исследования: историко-системный и синхронный историко-сравнительный, предполагающий изучение одновременных исторических событий, а также историко-генетический метод, позволивший обозначить векторы распространения английских видов спорта в колониях Британской империи. **Анализ.** Проблематика имперской политики Великобритании в XIX в. является одной из самых дискутируемой в зарубежной и отечественной исторической науке. В настоящее время идеи о «цивилизаторской миссии» англичан подчас соотносятся с политикой «мягкой силы». Анализ исследовательской литературы свидетельствует о том, что для поддержания своей власти и своего авторитета в колониях английские правящие круги использовали различные как насильственные, так и мирные методы. В числе последних можно назвать стремле-

ния колонизаторов распространять среди местного населения британские культурные ценности и традиции. Важнейшим инструментом проявления «мягкой силы» в империи стал английский язык. Но особое место в культурном единстве Британской империи можно отвести спорту и играм, которые выступили цементирующим звеном между метрополией и колониями. **Результаты.** Изучение роли спорта как проявления «мягкой силы» в реализации цивилизаторской миссии Великобритании позволяет рассмотреть историю Британской империи и специфику колониальной системы управления более разносторонне, выявить те факторы, которые способствовали укреплению ее единства, и закладывали основы для будущего Содружества наций.

Ключевые слова: Британская империя, цивилизаторская миссия, «мягкая сила», спорт, бокс, крикет, регби.

Для цитирования: Гелла Т. Н. Спорт в концепции и практике «цивилизаторской миссии» Великобритании во второй половине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 599–606. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

**SPORT IN THE CONCEPT AND PRACTICE OF THE “CIVILIZING MISSION”
OF GREAT BRITAIN IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY****Tamara N. Gella**

Orel State University named after I. S. Turgenev (95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
gellat@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0079-0151>

Abstract. Introduction. The article analyzes the role of sport as a tool for the British to implement soft power policy in the British Empire in the second half of the 19th century. The author draws attention to the sports component in the concept of the “civilizational mission” of the British, as well as to sports education in the English educational system of future colonialists, provides examples of the spread of such British sports as cricket, rugby and boxing in the colonies of the empire with an emphasis on their local specifics. **Materials and methods.** The methodological basis includes the principles of objectivity and historicism, historical research methods: historical-systematic and synchronous historical-comparative, involving the study of simultaneous historical events, as well as the historical-genetic method, which made it possible to identify the vectors of the spread of English sports in the colonies of the British Empire. **Analysis.** The problems of British imperial policy in the 19th century are one of the most debated in foreign and domestic historical scholarship. Currently, the ideas of the “civilizing mission” of the British are sometimes viewed in correlation with the policy of soft power. An analysis of the research literature indicates that the British ruling circles used various violent and peaceful methods to maintain their power and authority in the colonies. Among the latter are the aspirations of the colonialists to spread British cultural values and

traditions among the local population. The English language became the most important tool for the manifestation of soft power in the empire. But a special place in the cultural unity of the British Empire can be given to sports and games, which served as a cementing link between the metropolis and the colonies. **Results.** Studying the role of sport as a manifestation of soft power in the implementation of the UK civilizing mission allows examining the history of the British Empire and the specifics of the colonial system of governance in a more diverse way, identifying those factors that contributed to strengthening its unity, and laid the foundations for the future Commonwealth of Nations.

Keywords: British Empire, civilizing mission, soft power, sport, boxing, cricket, rugby

For citation: Gella TN. Sport in the concept and practice of the “civilizing mission” of Great Britain in the second half of the XIX century. Humanities and law research. 2025;12(4):599-606. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.03.2025

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

© Гелла Т. Н., 2025

Введение. Великобритания во второй половине XIX в. представляла собой крупнейшую европейскую державу, могущество которой во многом определялось наличием у нее многочисленных заморских владений. Британская империя была, если можно так сказать, многоликой, ее владения простирались на территориях всех континентов. Она объединяла различные типы колоний, управляемые разнообразными методами от предоставления самоуправленческих начал на примере доминионов до применения авторитарных в случае с Индией. Сохранение имперского единства в рамках таких огромных территориальных масштабов требовало от британских властей применительно к различным народам, входящих в состав империи, вариативности и гибкости. И, если население «белых» или переселенческих колоний рассматривалось англичанами как «братское / родственное», с которым можно устанавливать «партнерские» отношения, то иные позиции англичане занимали применительно к «отсталым/варварским» народам Азии и Африки. Именно к ним широко применялся тезис о «бремени белого человека» по привнесению в их среду прогресса. Цивилизаторская миссия англичан реализовывалась различными методами, в том числе и путем распространения британских культурных ценностей, традиций, обычаев, образа жизни, системы образования и т.д. Спорт играл не последнюю роль в этом списке. Вопросы о роли спорта в истории Британской империи находят освещение в англоязычной и отечественной научной литературе. Однако, на наш взгляд, еще есть сюжеты, которые требуют более углубленного исследования. Целью данной публикации является рассмотрение проблемы соотношения роли спорта с цивилизаторской практикой британских политических кругов во второй половине XIX в., когда Британская империя достигает своего зенита и при этом сталкивается с конкуренцией других западных держав, что в свою очередь вызывает потребность в поисках новых механизмов сохранения имперского единства. В числе задач можно назвать такие, как: раскрыть понятие «цивилизаторская миссия» в британской восприятии; теоретически обосновать роль спорта как важнейшего инструмента в реализации «мягкой силы» британцев в рассматриваемый период; уточнить значение спортивного компонента британской образовательной системы в подготовке будущих колонистов; рассмотреть примеры вовлечения местного колониального населения в различные виды британского спорта.

Материалы и методы. Методологической основой публикации стали принципы объективности и историзма, также при ее написании применялись общенаучные методы познания, в том числе комплексный и системный подходы с

использованием диалектического метода рассмотрения упомянутых в ней исторических событий. Синхронный историко-сравнительный метод, предполагающий изучение одновременных исторических событий, нашел также применение, равно как и историко-генетический метод, позволивший обозначить векторы распространения английских видов спорта в колониях Британской империи.

Анализ. Специфика международных отношений XXI в. характеризуется тем, что политика «мягкой силы» становится неотъемлемой составляющей внешней политики современного государства. Американский политолог Дж. Най, введший в 80-е гг. XX столетия в научный оборот это понятие, считал, что в отличие от «жесткой силы», основанной на политике принуждения, «мягкая» предполагает политику, базирующуюся на привлекательности национальной культуры и ценностей, способствующих формированию на международной арене положительного имиджа государства. И, следовательно, основной целью политики «мягкой силы» является обеспечение влияния и успешного продвижения национальных ценностей за рубежом, а ее инструментами выступают язык и культура, образование, наука, спорт, историческое наследие, идеи и др.

Идеи о цивилизаторской миссии европейцев зарождаются с момента открытия колоний и постепенно получают распространение среди европейцев, обрастая все новыми и новыми идеологическими обоснованиями о великом предназначении европейцев, в том числе и британцев. В основе самого понимания «цивилизаторской миссии» лежат идеологические концепции и реальные политические действия по привнесению прогресса «отсталым/варварским народам». При этом эти концепции и действия базируются на расовых идеях о превосходстве «белого» человека и его великой миссии облагородить весь мир [1, с.44]. По мнению немецкого историка Ю. Остерхаммеля, до середины XIX в., т.е. в довикторианскую эпоху, цивилизаторская миссия англичан во многом определялась влиянием «евангелического возрождения», «активистскими тенденциями в утилитарной философии» и «вновь утвердившимся британским национализмом», которые «в совокупности породили сильные импульсы к изменению мира». Важнейшей ареной для ее реализации стала борьба за отмену работорговли. «Успешная борьба против работорговли и против института рабства была квинтэссенцией цивилизаторской миссии довикторианской эпохи», – утверждает исследователь [15, p.16-17].

Викторианская эпоха – особый период в истории Британской империи и той роли, которую сыграла Великобритания в воплощении в жизнь идеи о привнесении прогресса «отсталым» народам мира. В 1848 г. известный британский

политик лорд Пальмерстон сказал: «Наш долг – наше призвание состоит не в том, чтобы поработать, а в том, чтобы освободить; и я могу сказать без тщеславного хвастовства или без большой обиды для кого-либо, что мы стоим во главе моральной, социальной и политической цивилизации. Наша задача – указывать путь и направлять шествие других народов» [9]. Империя в XIX в., особенно в его второй половине, приобретает моральный аспект. Быстрый промышленный рост, реализация политики свободной торговли, расширение либеральных и демократических свобод в результате реформ избирательного права, вовлечение более широких слоев британского общества в общественно-политическую жизнь страны способствовали переоценке отношения британцев к империи как таковой.

Понятие «цивилизаторская миссия» у жителей туманного Альбиона неразрывно было связано с расистскими идеями. Чувство расового превосходства европейской, англо-саксонской, цивилизованной расы прослеживается во всех теоретических изысканиях британских мыслителей рассматриваемого периода. По их мнению, именно в отношении «отсталых народов» должна была быть осуществляться цивилизаторская миссия британцев. В частности, идеологи либерализма Дж. С. Милль, Р. Кобден и др. полагали что колонизация «отсталых» азиатских и африканских народов является гуманитарной миссией всех европейских держав, и в первую очередь, англичан. Например, «касаясь вопроса о британском правлении в Индии, Дж. Милль считал, что англичане должны исполнить свой моральный долг, заменив «индийское варварство английской просвещенной цивилизацией»» [2, с.20]. «Бремя белого человека» – это не просто крылатое выражение Р. Киплинга, оно воспринималось как «долг, обязанность, предназначение» цивилизованного человека, которые англичане взяли на вооружение и в преломлении к формировавшимся моральным и этическим нормам викторианского общества старались реализовать на практике. Отношение англичан к империи было специфичным, особенно это проявляется в середине XIX в., когда свободная торговля стала определяющим фактором внутри – и внешнеполитической жизни жителей туманного Альбиона. Они верили, что их империя была либеральной, т.к. олицетворяла собой силу и была носителем добра и прогресса, даже и тогда, когда предлагаемые ею британские варианты торговли и формы управления навязывались «отсталым народам» силой. Свободная торговля была панацеей от всего плохого, «не либерального», поскольку она, по мнению англичан, непосредственно соотносилась со свободой слова, идей и свободой передвижения.

К концу XIX столетия могущество Британской империи основывалось на довольно высоком уровне промышленного развития, несмотря

на потерю ею монопольных позиций на мировом рынке по сравнению с США и Германией, на преобладании в мировой финансовой системе, на мощи торгового и военно-морского флота, но также и на том, что можно назвать культурным единством – культурных ценностях, в том числе наборе идей, верований, правил и условностей, касающихся социального поведения. Эти господствующие культурные особенности сознательно поддерживались в правящих кругах и воспитывались в тщательно отобранных слоях колониального населения скорее через неформальные системы власти, чем через формальные, такие как бюрократия или военные. Проводниками этого культурного единства по всей империи выступали такие британские служащие, как администраторы, военные офицеры, промышленники, земледельцы, торговцы, финансисты, поселенцы, педагоги и советники различного рода [18, р. 650].

Одним из важнейших инструментов цивилизаторской миссии британцев во второй половине XIX в. стал спорт. Особенно его роль возросла в последней трети столетия, когда могущественная до этого времени Британия империя столкнулась со все возрастающей конкуренцией со стороны других западных стран. Империя приобретает особое значение для англичан. Ее роль и предназначение в определенной степени переосмысливается с учетом новой складывающейся ситуацией в мире. Быстрый промышленный рост западных конкурентов Англии, развитие и совершенствование их торгового и военного-морского флота, формирование крупных армий, образование собственных колониальных империй – все это и многое другое вызывало беспокойство и даже страх у англичан. Британский историк Б. Портер считает, что в основе экспансионистской политики Англии лежал именно страх перед возросшей конкуренцией Франции, Германии, России – страх перед неопределенностью, страх за экономическое выживание, за будущее страны и т.д. И именно этот страх был тем фактором, который в 70-80-е гг. XIX в. превратил большую часть англичан в империалистов [16, р. 84]. Единственное средство, которое могло обезопасить британцев от данных угроз – это максимальное укрепление любыми средствами Британской империи. Она – панацея от всех бед. Не только представители политического истеблишмента, но и других слоев британского общества выражали обеспокоенность складывающейся ситуацией не в пользу их страны. «Великобритания, – утверждалось в одном из памфлетов 1880 г., – должна быть готова к тому, что в будущем возникнут враждебные комбинации, намного превосходящие по силе те, о судьбе которых повествует наша история». Возвышение таких соперников, как Соединенные Штаты, означало, что «нам (т.е. англичанам – Т.Г.) грозит опасность быть поглощенными собственным потомством и опу-

ститься до положения второстепенного государства» [10, p.63].

Таким образом, роль колоний резко возрас- тала, и необходимы были новые формы и меха- низмы использования их возможностей для обеспечения безопасности Британской империи. И спорт был одним из тех инструментов, с по- мощью которого можно было укрепить устои империи, поддерживать лояльность местного населения и создавать благоприятную обста- новку в колониях с тем, чтобы использовать их ресурсы для поддержания мирового имиджа Великобритании. Спорт начинает играть важную роль в распространении британских порядков, обычаев и норм жизни. Развитие его различных видов в колониях – это не только поддержание физической формы и обеспечение отдыха и до- суга колонистов, но это и средство распростра- нения британских духовных ценностей среди аборигенов, установление прочных связей с местной племенной элитой, что в свою очередь способствовало стабилизации положения в ко- лониях, формированию проанглийских настрое- ний у местного населения

Через спорт, утверждает Бриан Штоддарт, передавались доминирующие британские пред- ставления о социальном поведении, стандар- тах, отношениях и конформизме, которые со- хранялись и после окончания формального су- ществования империи и имели значительные последствия для постколониального порядка. Широкомасштабное влияние спорта было за- креплено через такие способы, как организация и церемонии, модели участия и исключения, конкуренция как с имперской властью, так и с другими колониальными государствами, а также сильная централизация власти в метрополии, особенно в Лондоне, столице империи. Решаю- щее значение для этого имел тот факт, что, не- смотря на многочисленные свидетельства об- обратного, спорт приобрел репутацию эгалитарно- го и аполитичного учреждения, которое само по себе преодолеvalo обычные секционные раз- деления колониального социального порядка [18, p.650]. Спорт был тем связующим звеном, на котором держалась империя.

В викторианскую эпоху организованный спорт стал важным культурным мероприятием, с помощью которого можно было проверить физи- ческие качества мужчин разных наций и регио- нов, причем эта тенденция была наиболее за- метна в колониях и доминионах Британской им- перии. Островное положение Великобритании определяло ее экономические, политические и культурные особенности развития, в частности, отсутствие острой необходимости в большой су- хопутной армии. Но при этом, владея огромными заморскими территориями и проводя активную экспансионистскую политику по завоеванию но- вых земель, Лондон нуждался в колониальных экспедиционных войсках, состоящих из сильных,

выносливых и мужественных солдат, способных в любых условиях, даже самых тяжелых, выпол- нять предназначенную для них миссию по защи- те интересов Британской империи. Необходим был также штат администраторов и управленцев в уже завоеванных колониях и доминионах для обеспечения в них системы управления и поряд- ка, для поддержания в целом британского режи- ма. И военные и гражданские службы были во много представлены выходцами из колледжей, университетов, военных учебных заведений, в которых спортивная подготовка велась на долж- ном уровне. Необходимо заметить, что спортив- но-игровая система в Англии сложилась раньше, чем в других странах. Этому способствовала са- ма система английского образования в целом.

Государственное образование в Англии в середине XIX в. во многом находилось под влия- нием педагогических идей Томаса Арнольда, ко- торый был директором британской государствен- ной школы «Регби Скул» с 1828 г. до своей смер- ти в 1842 г. По мнению Т. Арнольда, образование должно быть направлено на формирование ха- рактера и воспитание ответственных граждан. Главным он считал, что у учеников необходимо формировать религиозные и моральные принци- пы, воспитывать в них «джентльменов». В госу- дарственных школах основное внимание учите- лями уделялось процессу формирования у уче- ников характера, который рассматривался как фундаментальная часть образования, которое они давали. Они стремились развивать такие черты характера, которые, по их мнению, были необходимы тем, кто работал в отдаленных угол- ках империи. В школах учителями и широкой об- щественностью пропагандировалась идеология атлетизма – сила, скорость, мощь, упругость и выносливость. А также самоконтроль, хорошее здоровье, физическая форма, умение работать в команде и ставить интересы команды выше сво- их собственных, групповое сотрудничество и со- лидарность – вот те качества, которыми должен обладать выпускник государственной школы [6, с. 19]. Показательно, что в них были распростране- ны такие игры, как крикет и регби. Они были важ- ным элементом образовательного процесса, так как то и как в них играли, развивали качества, которые считались необходимыми для победы и сохранения империи. Игры позволяли игрокам демонстрировать лидерство, лояльность, группо- вую работу и солидарность, самопожертвование, самоконтроль и физическую форму, а также ини- циативу и индивидуальность [19]. Фактически, целенаправленно у учеников, благодаря их уча- стию в командных играх, воспитывались и фор- мировались те качества, которые были необхо- димы проводникам колониальной политики и ци- вилизаторской миссии – блестящим, храбрым и выносливым мужчинам, способных стать при- рожденными лидерами. Все эти черты характера нужны были будущим «строителям империи» –

военным, администраторам, колониальным служащим, учителям, врачам и миссионерам.

Другим предназначением спорта в контексте реализации цивилизаторской миссии было то, что он выступал как инструмент «мягкой силы» применительно к местной туземной элите. Британской администрации необходимо было навести мосты с местными правителями, и спорт был именно таким инструментом, который способствовал процессу постепенной ассимиляции и распространению определенной лояльности местных вождей к британской имперской власти. Можно согласиться с австралийским исследователем Брианом Стоддартом, который предложил рассматривать спорт «как мощный, но в значительной степени неформальный социальный институт», который может выстраивать определенные отношения «между правителями и управляемыми», но при этом сохраняя и увеличивая социальную дистанцию между ними [18, p.652].

Интересен тот факт, что популярность британских спортивных игр, собственно, в Империи шла параллельно с распространением и утверждением новых видов спорта. Вторая половина XIX в. отмечена своеобразной революцией в спортивной сфере Великобритании. В 1863 г. была образована первая Футбольная ассоциация Англии, а в 1872 г. прошел финалом первого Кубка вызова Футбольной ассоциации. Профессиональная Футбольная лига основана в 1888 г. и является на современном этапе самой старейшей футбольной лигой в мире. Современный теннис был запатентован и стал распространяться в 1870-х гг., а первый Уимблдонский турнир состоялся в 1877 г. В этом же году в Мельбурне прошел первый официальный матч по крикету между английскими и австралийскими сборными. Регби начинает свое официальное существование с 1871 г., когда был основан Регбийный союз Англии, равно как гольф. Шотландская игра получила популярность к середине XIX в. В 1851 г. основывается гольф клуб Прествик (Prestwick), на поле которого в 1860 г. проходил первый в истории British Open. А в 1890 г. прошел первый официальный чемпионат графств по крикету. Большой популярностью пользовались скачки. К концу столетия спортивные занятия для широкого круга англичан становятся нормой жизни. Недаром один британский современник заметил следующее: «Для англичанина спорт – это соль жизни <...>. Он не считает ни одну игру или времяпрепровождение настоящим спортом, если только игра в них не требует значительных физических нагрузок и некоторой выносливости; а если в ней есть еще и привкус опасности, тем больше она ему нравится» [11, p.23].

Важным назначением спорта было поднятие морального духа колонистов. В суровых условиях, в которых им приходилось жить вдали

от родного дома, спорт становился платформой для развлечений и досуга.

К концу XIX столетия в Британской империи различные виды спорта получают распространение и постепенно завоевывают популярность и признание не только представителей британской администрации, но и местного населения. К числу наиболее популярных спортивных занятий можно отнести скачки, крикет, бокс, стрельбу, гольф и футбол. Скачки стали всеобщим увлечением; к 1870-м гг. большинство основных клубов уже были созданы в африканских колониях, Индии, Гонконге, Австралии, Новой Зеландии, Тринидаде и других странах [1, с. 63].

Наибольшую популярность в колониях получила игра крикет. «Джентльменская игра» стала важнейшей частью социальной и культурной политики Великобритании в колониях. В отличие от футбола, крикет не зависел от погоды, что делало его универсальной игрой для различных регионов Империи игрой. В то же время в силу своей специфики – определенной элитарности – крикет выступал таким символом идентичности британцев в колониях. Как отмечают швейцарские исследователи Манда Бек и Майкл Джукер, поскольку игра в первую очередь ассоциировалась с аристократической элитой, она позволила членам колониальной администрации сохранить свой британский образ жизни и выделиться среди местных жителей [7].

Эта игра было довольно широко распространена в Австралии. На этом континенте спорту в целом уделялось большое внимание. Как подчеркивает отечественный исследователь Е.С. Саукова, «спорт выступал тем звеном, которое объединяло британцев и австралийцев, что помогало последним ощущать и выстраивать свою связь со «страной-матерью». И далее: «Увлечение спортивными состязаниями стало при этом одним из самых ярких проявлений желаний молодой нации разделять идеалы принадлежности к «великой» англосаксонской расе. Спорт был, с одной стороны, возможностью для австралийцев «прикоснуться» к Великобритании, а с другой – он стал частью того, что значило быть британцем» [4, с. 66].

Первые известия о том, что в Австралии началась игра в крикет, относятся к 1804 г., к концу 1820-х гг. стали создаваться первые клубы и игры были более профессионально организованы. К 1840-м гг. крикет был фактически распространен на всей Австралийской колониальной территории. В последующие десятилетия были созданы организационные структуры, которые официально занимались развитием этого вида спорта. «<...> Спорт становился в Австралии более доступным и эгалитарным, чем в Великобритании», – отмечает Е.С. Саукова [4, с. 66]. Этот тезис относился и к крикету. В отличие от английского аналога, он не придерживался жесткой формальной социальной

сегрегации между «джентльменами»-любителями и профессиональными игроками из рабочего класса, которые в метрополии, являясь членами одной командой, пользовались разными раздевалками, выходили на поле через разные ворота и выполняли разные обязанности на поле. «Этот тип явных классовых предрассудков был предан анафеме в австралийском крикете», считают австралийские ученые Д. Ажир, Дж. Найрайт и М.Ф. Нюрэй [5, р. 56]. Более того, уже в 1868 г. первая австралийская команда по крикету отправилась в Англию. Особенностью этого тура было то, что команда состояла из австралийских аборигенов. В дальнейшем были организованы взаимные поездки двух команд в Англию и Австралию, во время которых была сыграна серия контрольных матчей под названием «Пепел», которые стали самым известным традиционным туром по крикету, проводимым каждый год [8]. Соревнования по крикету между британцами и австралийцами стали постоянными. А в 1882 г. колонисты впервые выиграли у англичан, при этом игра проходила в Великобритании, завоевав титул «чемпиона мира» по крикету¹.

Крикет получил распространение и в Южной Африке. Пропаганда командных игр приносила свои плоды, в участии в них вовлекались представители различных слоев колониального общества, в том числе и чернокожие африканцы. «Спорт был неотъемлемой частью ... процесса ассимиляции и мобилизации. Это был один из многих аспектов британской культуры, который новая элита с энтузиазмом переняла, преследуя свои ассимиляционные цели», – замечает А. Одендаль [14, р.15]. Этот тезис можно отнести и к новозеландцам европейского происхождения – пакехам, участвующим в командных соревнованиях по регби. Их команда в 1888г. совершила турне в Великобританию, «в 1889 г. они провели ошеломляющие 107 матчей по регби в Новой Зеландии, Австралии и Великобритании (выиграв 78 из них), плюс 11 матчей, сыгранных по австралийским правилам» [13].

В связи с тем, что именно командные виды спорта отражают национальный дух англичан и являются частью их культуры, подобная тенденция к их насаждению стала одним из значимых инструментов воплощения цивилизаторской миссии. К тому же англичане пользовались этим инструментом еще и с целью «объединения» империи.

Популярным видом спорта среди жителей Великобритании и ее колоний был бокс. Один из старейших вида спорта в стране, он получил наибольшую популярность в XIX веке. Причина его популярности крылась в том, что велись рукопашные бои, которые ассоциировались у англичан с сильными личностями. Отечественный

исследователь Е. С. Жунева пишет, что «<...> благодаря своей популярности бокс вошел в ранг национального достояния. Англичане видели в боксерах источник и символ британского могущества. Бокс стал воплощением уникальных достоинств нации – смелости и мужества, благосклонности к поверженному сопернику, гордости за собственную честь и честь Англии и готовности защищать ее» [3, с. 224].

Бокс получил распространение в колониях, но при этом приобрел свою специфику. Любительский бокс в Индии сделал свои первые шаги в 1867 г., а в 1880 г. был организован первый официальный чемпионат по боксу [12]. Аналогично бокс в Канаде стал широко распространяться с 1880-х гг., когда прошли первые его соревнования. В последующие десятилетия этот вид спорта становится одним из самых популярных в доминионе. Более того, можно отметить, что боксом стали заниматься и канадские женщины. Как отмечают М. Росс и К.Б. Уомсли, «<...> есть свидетельства того, что некоторые женщины в Канаде хорошо разбирались в правилах ведения боя и занимались постановочным боксом. Женщины проводили спарринги и боксировали на театральных площадках, где соревнования можно было охарактеризовать как показательные выступления <...>. Женщины сталкиваются с двойным вызовом морали: во-первых, занимаясь спортом как таковым, и, во-вторых, участвуя в очень физических и жестких мероприятиях» [17, р. 149-150].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что бокс стал не только символом национального достояния, но и инструментом популяризации английских ценностей и принципов в мире. Специфика британского бокса во всех своих проявлениях подтверждает данный тезис. Желание показать власть и силу, зрелищность и даже жестокость – это те черты, которые характеризуют британцев с точки зрения цивилизаторской миссии.

Результаты. Краткий обзор роли спорта как одного из инструментов цивилизаторской миссии Великобританией свидетельствует о многовекторности имперской политики англичан во второй половине XIX в. Завоевать новые территории, подчинив проживающие на них народы и племена, оказывалось недостаточным для полного успеха, необходимо было закрепить их за собой, наладить систему управления и обосновать свое право на владение их землями и своего господства над ними. Для достижения этих целей использовались разнообразные средства, в том числе различные проявления «мягкой силы», например, тот же спорт. Спорт выступал основой британской культуры в колониях, таким связующим звеном между цивилизованными британцами и неполноценными, нецивилизованными туземцами. Британец – военный или гражданский – это физически сильный, морально стойкий и мужественный человек, воплощавший в себе представления об идеаль-

¹ Более подробно об австралийском крикете см.: [4, с. 65-71]

ном английском мужчине за рубежом. И занятия спортом во многом способствовали формированию такого образа. И в то же время спорт являлся той платформой, в рамках которой закла-

дывались основы для привлечения местной элиты и для распространения про-британских настроений среди населения колониального общества.

Литература

1. Гелла Т. Н. Политика «мягкой силы» в британской концепции империализма второй половины XIX века // «Жесткая» и «мягкая сила» британского льва. Из истории колониальной политики. СПб: Алетейя, 2024. 586 с.
2. Гелла Т. Н. К вопросу о понятиях «империя» и «империализм» в британской общественно - политической мысли и практике во второй половине XIX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2. С.18-25.
3. Жунева Е. С. Национальный культ спорта в Англии: история формирования // Манускрипт. 2020. №10. С. 221-224.
4. Саукова Е. С. Спортивное противостояние Великобритании и австралийских колоний в контексте внутриимперских отношений и федералистского движения второй половины XIX в. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2022. № 2. С. 65–71. С.66.
5. Adair D., Nauright J., Murray Ph. Playing Fields Through to Battle Fields: The Development of Australian Sporting Manhood in its Imperial Context, c.1850-1918 // *Journal of Australian Studies*. 1998. Volume 22. P.51-67.
6. Basdeo St. Sport, Masculinity, and the British Empire // *Reynolds's News and Miscellany. History, Literature, Poetry, and Literary Criticism*. 05.01.2025. URL: <https://reynolds-news.com/2025/01/05/sport-masculinity-british-empire-fiction-stephen-basdeo/> (дата обращения: 21.09.2025)
7. Beck M., Jucker M. Sport and colonialism. 20.12.2023. URL: <https://blog.nationalmuseum.ch/en/2023/12/sport-and-colonialism/> (дата обращения: 21.09.2025)
8. Beyer, Gr. Cricket & Colonialism: A Tale of Imperial Power & Influence. The Collector.com, August 29, 2024. URL: <https://www.thecollector.com/greg-beyer/> (дата обращения: 21.09.2025)
9. Crowhurst P. What was the Mission to Civilise? – British Empire. URL: <https://www.britishempire.me.uk/what-was-the-mission-to-civilise-.html> (дата обращения: 21.09.2025)
10. Go J. Capital, Containment, and Competition: The Dynamics of British Imperialism, 1730–1939// *Social Science History* 38. Spring 2014. Pp. 43–69. URL: https://www.jstor.org/stable/90017018?read-ow=1&seq=21#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.09.2025)
11. Hackwood, Fr. W. Old English Sports. London: T.F. Unwin, 1851. 637p.
12. History of boxing in India: From a staggered start to a global powerhouse. URL: <https://www.olympics.com/en/news/indian-boxing-history-olympics-asian-games-commonwealth-games> (дата обращения: 21.09.2025)
13. Natives' Rugby Tour, 1888-89. URL: <https://nzhistory.govt.nz/culture/nz-natives-rugby-tour/matches-played> (дата обращения: 21.09.2025)
14. Odendaal A. South Africa Africa's Black Victorians: Sport, Black and Class in South Africa before Union. 1990. Collected Seminar Papers. Institute of Commonwealth Studies, 38. P. 13-28.
15. Osterhammel J. Europe, the "West" and the Civilizing Mission. The 2005 Annual Lecture. L.: The German Historical Institute, 2006. 55 p.
16. Porter B. The Lion's Share. A Short History of British Imperialism 1850 – 2004. 4th ed. Glasgow: Bell and Bain Ltd. 2004. 445 p.
17. Ross M., Wamsley K.B. "The New Woman and the Manly Art": Women and Boxing in Nineteenth-Century Canada URL: <https://doi.org/10.1123/shr>. (дата обращения: 21.09.2025)
18. Stoddart Br. Sport, Cultural Imperialism, and Colonial Response in the British Empire // *Comparative Studies in Society and History*. 1988. №4. 649-673.
19. What was the role of Sport in the British Empire? URL: <https://www.britishempire.me.uk/sportandempire.html> (дата обращения: 21.09.2025)

References

1. Gella TN. The policy of soft power in the British concept of imperialism in the second half of the 19th century. The hard and soft power of the British lion. From the History of Colonial Policy. St. Petersburg: Alethea, 2024. 586 p. (In Russ.).
2. Gella TN. On the question of the concepts of "empire" and "imperialism" in British socio-political thought and practice in the second half of the 19th century. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;2:18-25. (In Russ.).
3. Zhuneva ES. The national cult of sports in England: the history of its formation. *Manuscript*. 2020;10:221-224. (In Russ.).
4. Saukova ES. The sporting confrontation between Great Britain and the Australian colonies in the context of intra-imperial relations and the federalist movement of the second half of the 19th century. *Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology*. 2022;2:65-71. (In Russ.).
5. Adair D., Nauright J., Murray Ph.. Playing Fields Through to Battle Fields: The Development of Australian Sporting Manhood in its Imperial Context, c.1850-1918// *Journal of Australian Studies* . Volume 22, 1998. P.51-67.
6. Basdeo St. Sport, Masculinity, and the British Empire in Reynolds's News and Miscellany. History, Literature, Poetry, and Literary Criticism. 05.01.2025. URL: <https://reynolds-news.com/2025/01/05/sport-masculinity-british-empire-fiction-stephen-basdeo/> (accessed: 21.09.2025)
7. Beck M., Jucker M. Sport and colonialism. 20.12.2023. URL: <https://blog.nationalmuseum.ch/en/2023/12/sport-and-colonialism/> (accessed: 21.09.2025)
8. Beyer, Gr.. Cricket & Colonialism: A Tale of Imperial Power & Influence. The Collector.com, August 29, 2024. URL: <https://www.thecollector.com/greg-beyer/> (accessed: 21.09.2025)
9. Crowhurst P. What was the Mission to Civilize? – British Empire. URL: <https://www.britishempire.me.uk/what-was-the-mission-to-civilise-.html> (accessed: 21.09.2025)

10. Go J. Capital, Containment, and Competition: The Dynamics of British Imperialism, 1730–1939. *Social Science History* 38;Spring 2014:43–69. URL: https://www.jstor.org/stable/90017018?read-ow=1&seq=21#page_scan_tab_contents (accessed: 21.09.2025)
11. Hackwood, Fr. W. Old English Sports. London: T.F. Unwin, 1851. 637 p.
12. History of boxing in India: From a staggered start to a global powerhouse. URL: <https://www.olympics.com/en/news/indian-boxing-history-olympics-asian-games-commonwealth-games> (accessed: 21.09.2025)
13. Natives' Rugby Tour, 1888-89. URL: <https://nzhistory.govt.nz/culture/nz-natives-rugby-tour/matches-played> (accessed: 21.09.2025)
14. Odendaal A. South Africa Africa's Black Victorians: Sport, Black and Class in South Africa before Union. 1990. Collected Seminar Papers. Institute of Commonwealth Studies, 38. P. 13 – 28.
15. Osterhammel J. Europe, the "West" and the Civilizing Mission. The 2005 Annual Lecture. L: The German Historical Institute, 2006. 55 p.
16. Porter B. The Lion's Share. A Short History of British Imperialism 1850 – 2004. 4th ed. Glasgow: Bell and Bain Ltd. 2004. 445 p.
17. Ross M., Wamsley K.B. "The New Woman and the Manly Art": Women and Boxing in Nineteenth-Century Canada. *Sport History Review*. 2020;51:149–163. URL: <https://doi.org/10.1123/shr>. (accessed: 21.09.2025)
18. Stoddart Br. Sport, Cultural Imperialism, and Colonial Response in the British Empire. *Comparative Studies in Society and History*. 1988;4:649-673.
19. What was the role of Sport in the British Empire? URL: <https://www.britishempire.me.uk/sportandempire.html> (accessed: 21.09.2025)

Научная статья

УДК 433.930.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.5>

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Анжела Ариковна Журтова^{1*}, Петр Абрамович Кузьминов²,
Жираслан Валерьевич Кагазев³

^{1, 2} Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова (д. 173, ул. Чернышевского, Нальчик, 360004, Российская Федерация);
Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (д. 37а, ул. И. Арманд, Нальчик, 360051, Россий-
ская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук, доцент
anzhelka28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-2393>

² Доктор исторических наук, профессор
petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

³ Научно исследовательский центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии»; Федеральный научный
центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (д. 37а, ул. И. Арманд, 360051, Нальчик, Российская Федерация).
Кандидат исторических наук, заведующий НИЦ
jiraslan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0508-3493>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Предметом данной статьи стали историографические исследования, в которых использованы количественные методы и цифровые технологии при анализе источников и научно-исторических баз данных. В частности, в ней изучены различные исследования, в которых посредством современных цифровых технологий исследованы историографические источники. Цель статьи состоит в изучении опыта применения цифровых технологий в современных историографических исследованиях. Особое внимание авторы статьи уделяют научной деятельности членов Ассоциации «История и компьютер», журнала «Историческая информатика» и др., которые активно работают в области компьютерного источниковедения и реализуют в полной мере междисциплинарный подход, связывая исторические исследования с цифровыми технологиями. **Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составляют современные представления о функциях, принципах и методах историографического исследования. Работы историков рассматриваются с учетом их вклада в изучение проблемы, в зависимости от потребностей современной исторической науки, состояния источниковой базы, методологии, и т.д. **Анализ.** В отечественной науке недостаточно изучены работы, в которых авторами применен метод контент-анализа при анализе историографических источников, что определяет новизну постановки данной проблемы. Авторы проанализировали работы, посвященные дореволюционным, советским и современным исследованиям, в рассмотренных историографических источниках представлены такие перспективные проблемы и направления, как контент-анализ содержа-

ния периодической печати, история российского города, историческая биография, проблемы использования нейросети в историографии и др. **Результаты.** Авторы приходят к выводу о том, что корпус опубликованных историографических работ нуждается в систематизации и научном анализе для определения круга нерешенных научных проблем и дальнейшей разработки эффективного механизма изучения историографических источников. Контент-аналитический подход позволит выявить степень изученности той или иной проблемы и обозначить перспективные направления в исторических исследованиях.

Ключевые слова: контент-анализ, цифровые технологии, историографический источник, базы данных, текст, историческая информатика, методология, квантитативная история, количественные методы, нейросеть

Для цитирования: Журтова А. А., Кузьминов П. А., Кагазев Ж. В. Опыт применения цифровых технологий и контент-анализа в отечественных историографических исследованиях // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 607–614. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.5>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-20355

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

EXPERIENCE OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES AND CONTENT ANALYSIS IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHIC RESEARCH

Anzhela A. Zhurtova^{1*}, Petr A. Kuzminov², Zhiraslan V. Kagazezhev³

^{1, 2} Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (173, Chernyshevsky St., 360004, Nalchik, Russian Federation); Federal
Scientific Center Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (37a, I. Armand St., 360051, Nalchik, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor
anzhelka28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-2393>

² Dr. Sc. (History), Professor
petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

³ Research Center Natural Scientific Methods in Archaeology, Anthropology, and Archaeography, Federal Research Center Kabardino-Balkarian
Research Center of the Russian Academy of Sciences (37a, I. Armand St., 360051, Nalchik, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Head of Research Center
jiraslan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0508-3493>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article focuses on historiographic studies that utilize quantitative methods and digital technologies to analyze sources and historical databases. Specifical-

ly, it examines various studies that utilize modern digital technologies to examine historiographic sources. The article aims to explore the application of digital technologies in contemporary

historiographic research. The authors pay particular attention to the research activities of members of the History and Computer Association, the Historical Informatics journal, and others who actively work in the field of computer source studies and fully implement an interdisciplinary approach, linking historical research with digital technologies. **Materials and Methods.** Methodology of the study is based on modern concepts of the functions, principles, and methods of historiographic research. The works of historians are considered in the light of their contribution to the study of the problem, depending on the needs of contemporary historical scholarship, the state of the source base, methodology, etc. **Analysis.** In Russian works employing content analysis in analyzing historiographic sources have been understudied, making this approach novel. The authors analyzed works devoted to pre-revolutionary, Soviet, and contemporary research. The historiographic sources reviewed present promising issues and directions, such as content analysis of periodicals, the history of Russian cities, historical biography, and the use of neural networks in historiography. **Results.** The authors conclude that the corpus of published historiographic works requires systematization and scientific analysis to identify a range of unresolved scientific problems and further develop an effective mechanism for studying

Введение. Развитие современной науки неразрывно связано с междисциплинарным подходом. Особую актуальность он приобретает в рамках исторического исследования, в частности, источниковедческого или историографического анализа, связанного с работой над текстом, с информацией, большими объемами данных и т.д. Расширение корпуса историографических источников, посвященных той или иной проблеме, требует поиска эффективных методов обработки большого объема информации, его обобщения и научного анализа. Одним из методов, способных решить данные проблемы, является метод контент-анализа. Он возник на стыке социальных наук и информатики, позволяет ученым осуществить обработку и исследование больших текстовых баз данных. Данный метод приобретает особую значимость в процессе работы с историческими и историографическими источниками, документами различной видовой принадлежности, в том числе материалами, не введенными до настоящего времени в научный оборот.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать опыт применения метода контент-анализа в современных историографических исследованиях. Необходимость научного анализа результатов применения цифровых технологий и контент-анализа в рамках историографических исследований обуславливает новизну данной работы.

Материалы и методы. Методология контент-анализа привлекла значительное внимание отечественных исследователей в 1960–1970-х гг., когда в рамках ряда социологических исследований был успешно апробирован зарубежный методический инструментарий.

Значительный вклад в развитие данного метода внесли исследования, проведенные в Московском государственном университете под руководством академика И. Д. Ковальченко и его научной школы [22; 23]. В частности, была разработана концепция явной и скрытой информации в ис-

ториографических источниках. А контент-аналитический подход позволит определить степень, до которой данная тема была исследована и выявить перспективные направления в историческом исследовании.

Keywords: content analysis, digital technologies, historiographic source, databases, text, historical informatics, methodology, quantitative history, quantitative methods, neural network

For citation: Zhurtova AA, Kuzminov AA, Kagazezhev ZV. Experience of Using Digital Technologies and Content Analysis in Domestic Historiographic Research. Humanities and law research. 2025;12(4):607-614. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.5>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: This study was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 25-28-20355).

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

торических источниках, а также предложены механизмы их выявления.

В 1980–1990-х гг. появились первые обобщающие труды, посвященные контент-аналитическим исследованиям в исторической науке, среди которых выделим работы Л. И. Бородкина, Б. Н. Миронова и других авторов [6; 28].

Эффективный союз между историей и информатикой нашел отражение в деятельности Ассоциации «История и компьютер», которая много лет способствует развитию научного диалога через организацию конференций, публикацию коллективных монографий и статей [1; 20; 21; 24; 26; 27]. Отдельное исследование истории Ассоциации посвятил Л.И. Бородкин [7]. Как сообщает автор, данное научное объединение было сформировано по инициативе Совета Международной ассоциации «History and Computing» (АНС) и группы российских специалистов в первой половине 1990-х гг. Они занимались анализом статистических источников и разрабатывали архивы машиночитаемых исторических баз данных. Их автор исследования характеризует как участников «квантитативной революции», во многом определившей дальнейший ход развития отечественной исторической науки [7].

Процесс формирования исторической информатики как междисциплинарной области знания, а также особенностей ее институционализации и взаимосвязи с квантитативной историей подробно исследованы в работах И. М. Гарсковой [12; 13; 14; 15; 16]. Указанная проблематика получила детальное освещение в исследованиях И.М. Гарсковой [12–16]. Автор обосновывает положение о том, что современная динамика развития исторической информатики в России, в условиях наблюдаемого кризиса западного направления «historical computing», демонстрирует устойчивость российской исследовательской модели. Её отличительной характеристикой выступает сбалансированность аналитического и информационно-технологического компонентов при сохранении преемственности по отношению к традици-

ям количественной истории, что обеспечивает методологическую релевантность при апробации новых цифровых методов обработки и анализа исторических источников [15].

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают исследования, публикуемые в журнале «Историческая информатика», единственном российском издании, в котором в полной мере реализуется междисциплинарный подход, связывающий гуманитарные науки с цифровыми технологиями. На страницах журнала представлены работы об истории метода, его современном состоянии и перспективах применения в исторических исследованиях, осуществляется апробация научных результатов, полученных историками в процессе использования количественного метода при изучении тех или иных проблем и т.д. [5; 10; 11; 12; 15; 30; 31].

Анализ. За десятилетия своего применения метод контент-анализа претерпел определенную эволюцию: первоначально использовался для анализа части текста или небольших объемов данных, которые требовали лишь воспроизведения некоторых количественных характеристик, в последующем процедуры категоризации и классификации стали более сложными и разнообразными, и на современном этапе стоит задача обнаружения качественных характеристик текстового содержания, выявления скрытой от познающего субъекта информации о человеке, обществе, эпохе. Количественный и качественный анализ историографического источника позволяет сформировать представление не только о взглядах историка, но также об идеологическом и социально-политическом контексте создания того или иного текста.

Контент-анализ позволяет осуществить количественный анализ накопленного массива документов с целью последующей качественной интерпретации выявленных числовых показателей. Частота упоминания той или иной категории позволяет выявить степень общественной значимости определенных исторических событий, переводя, таким образом, исследователя от вербальной информации, к личности автора источника и социальной реальности. Исторический текст создается в пространстве определенной культуры, символы которой находят выражение в содержании сообщения независимо от желания автора. Содержание (тональность) текста позволяет отчасти проникнуть в сознание его создателя, а через него – всего общества. Если те или иные явления, выраженные в категориях, носят массовый и устойчивый характер, то выбранные понятия отразятся в многочисленных документах и материалах, что позволит изучить их и сделать соответствующие выводы.

Каждая публикация несет в себе определенную интенцию, замысел и цель, передавая нужную его автору информацию. Однако конкретное содержание сообщения представляет собой лишь

часть изучаемого текста/сообщения. Независимо от желания автора, текст создается в общественном, научном, культурном пространстве, символы которого находят выражение в содержании сообщения. Грамотно проведенный текстуальный анализ сообщения позволяет проникнуть в сознание индивида, отнести его к определенной научной школе, историографическому направлению.

Таким образом, контент-анализ историографического текста предоставляет исследователю методологический инструментарий для выявления структурных, семантических и прагматических характеристик источника посредством систематического анализа его внешних количественных параметров и лексико-понятийного аппарата. Данный метод позволяет реконструировать скрытую структуру текста, выявить его содержательные доминанты и интерпретировать мотивы и намерения автора и т.п.

В подобном контексте историографические источники изучены, в частности Г. В. Можаяевой и Н. А. Мишанкиной [29; 30]. Объектом их изучения стали труды российских историков второй половины XVIII в. По мнению исследователей, в анализируемых авторами работах присутствует значительный объем неявной исследователю или просто читателю информации, который даёт возможность раскрыть характер взаимодействия между столичной и провинциальной историографией в России и проследить, как средневековая историческая мысль превращалась в научную.

Круг анализируемых источников авторами был определен тематически и посвящен периоду правления Петра I, поскольку интерес к его деятельности является характерной чертой российской историографии XVIII в. Столичных историков в рассматриваемых исследованиях представляют М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин и М. Н. Щербатов, провинциальную – И. И. Голиков и В. В. Крестинин. т. е. известные авторы, вошедшие во все академические историографические исследования, посвященные XVIII веку.

На начальном этапе работы авторы осуществляли сбор эмпирического материала по истории развития исторической мысли в России во второй половине XVIII в., был определен круг историографических источников, их тематика и проблемы, которым в текстах было уделено больше внимания.

Далее авторы выявили лексический состав текстов столичных профессиональных историков, характер референции и выявили соотношение между отдельными понятиями и категориями, т.е. был осуществлен лингвистический анализ источников. Ему был «подвергнут языковой код, фиксирующий информацию об объекте и субъекте текста. По характеру референции и лексического состава текста определены способы моделирования образа Петра I в русской столичной и провинциальной историографии второй половины XVIII века» [30, с. 78].

Г. В. Можаяева и Н. А. Мишанкина в ходе реализации процедур контент-анализа выявили, что изучаемые историографические тексты реализуют событийное (или диктумное) содержание, они посвящены основным фактам жизни и деятельности Петра I. Однако способы реализации в них этой диктумной информации различаются, поскольку мотивы и «характер формирования информационных полей в текстах оказался напрямую связан с прагматическими установками авторов текстов» [30, с. 79]. Исследователи приходят к выводу, что провинциальная историография стала во второй половине XVIII в. «полноправной участницей» процесса «превращения исторических знаний в науку». Таким образом, авторы статьи, опираясь на результаты проведенного исследования, подтвердили выводы академической историографии, получившей обоснование в специальных историографических исследованиях С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Павленко и др.

В ходе исследования авторы обнаружили, что количественные и лингвистические методы могут быть эффективно использованы для анализа историографических источников, позволяя раскрывать скрытую (латентную) информацию, заложенную в текстах [30, с. 79]. Подобные сочетания комплексных методов в исследовании, по мнению Г. В. Можаяевой и Н. А. Мишанкиной, позволяют проанализировать «не только зафиксированную в историческом источнике информацию, но и ее природу, механизмы возникновения и движения ... в истории и другие вопросы, связанные с пониманием сущности исторической информации» [30].

Сетевой анализ исследований представителей четырех школ исторической информатики – московской, минской, барнаульской и тамбовской осуществила И. М. Гарскова [17; 18]. На основе материалов разработанной автором базы данных, содержащей публикации Ассоциации «История и компьютер», И. М. Гарскова изучила возможности применения сетевых методов для анализа научных взаимодействий между историками со схожими исследовательскими интересами. Это позволяет проследить динамику формирования научных коллективов, определить ключевые центры интеллектуального притяжения, их тематическую направленность, научные интересы и др. [18].

Л. И. Бородин изучил работы основателя школы квантитативной истории в России академика И. Д. Ковальченко [4]. Предметом исследования стали различные аспекты научной и организационной деятельности ученого в области применения математических методов и вычислительной техники в исторических исследованиях. Автор опирается на материалы личного архива И. Д. Ковальченко, которые позволили сформировать представление об истории метода, проблемах его научной апробации, дискуссиях о возможностях и пределах использования количественных методов в исторической науке, в которых участвовал академик [4]. Он уделял особое внимание вопросам

корректности применения математических методов в научных работах и выражал убежденность в том, что их использование не является «чисто технической» задачей, данная методология ориентирована на рассмотрение исторических процессов с иной точки зрения для достижения новых исследовательских результатов. И. Д. Ковальченко осуществил апробацию новой методологии во время работы над докторской диссертацией, монографией, посвященной проблеме формирования аграрного рынка в России. По мнению Л. И. Бородинки, разрешению многих спорных вопросов в применении статистической методики способствовало взаимодействие ученого с его коллегами, в частности переписка с известным советским и российским статистиком Н. С. Четвериковым, с которым обсуждались проблемы применения количественных методов при анализе динамических явлений и процессов [4].

Вызывает интерес работа Л. И. Бородинки, посвященная исследованию взглядов студентов-историков на цифровые научно-исторические ресурсы, в частности на проект «1917. Свободная история» [8]. В ходе его реализации в 2017 г. на сайте проекта практически ежедневно публиковались материалы личного происхождения, в которых отразились события 1917 г., общественные настроения, и социально-политическая атмосфера того периода в целом. Студенты изучали эти медиаресурсы, а также их научную критику, затем писали рецензии-эссе, в которых дали свою аргументированную оценку данному проекту. Как полагает Л. И. Бородин, подобные материалы могут внести существенный «вклад в актуальные дебаты» в современной историографии о проблеме «потребления истории» и разработки оснований для профессиональной оценки цифровых медиаресурсов по различным историческим вопросам. Автор считает важным исследовать взгляды именно молодежной аудитории, поскольку главным потребителем интернет-материалов является именно она. Существенно также то, что речь идет о будущих профессиональных историках, которые, согласно авторским выводам, в большинстве своем разделили критическую оценку рассмотренных медиаресурсов [8].

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают работы, в которых осуществляется количественное исследование историографии городской истории [2; 3; 9]. В частности, С. А. Баканов [2] исследовал американскую, британскую и канадскую историографию городской истории на примере публикаций в специализированных журналах «Journal of urban history», «Urban history yearbook» и «Urban history review» за 1972–2014 гг. Автор приходит к выводу, что в отечественной науке назрела необходимость создания аналогичного отраслевого журнала по исторической урбанистике и собственной исследовательской ассоциации, поскольку в глобальной историографии российская городская история мало востребована

в связи с преимущественной ориентацией историографов на национальную тематику. Как справедливо утверждает исследователь, наличие такой ассоциации будет способствовать более эффективной научной коммуникации и позволит расширить представительство российских ученых в международных системах цитирования.

В другой работе С. А. Баканов совместно с К. А. Хамитовой [3] изучили место городской проблематики в российских диссертационных исследованиях в 1991 – 2021 гг. Источником информации для созданной ими базы данных стал электронный каталог авторефератов диссертаций Российской государственной библиотеки, который размещен на ее официальном сайте www.rsl.ru. В ходе исследования было рассмотрено более 25 тысяч диссертаций по историческим специальностям, в том числе затрагивающих историю архитектуры. Из них авторы отобрали 523 диссертационных исследования, так или иначе связанных с урбанистической проблематикой. Далее была сформирована электронная база данных, содержащая различные библиографические и аналитические атрибуты, и осуществлен ее анализ, основанный на подсчете частоты употребления отдельных ключевых слов. В результате исследования авторы выявили, что российские ученые уделяют больше внимания истории городов второй половины XIX – начала XX в., прежде всего социальным проблемам их возникновения и развития, кроме того, исследования носят преимущественно региональный и локальный характер, и очевидна «оторванность истории российского города от истории городов других регионов мира». В заключении авторы в очередной раз поднимают вопрос о необходимости создания профильных кафедр, научных центров, специализированных журналов и т.д., что позволит объединить ученых и их исследования в сфере исторической урбанистики в самостоятельное направление [3].

Опыт применения контент-анализа при изучении историографических источников имеется также в отечественном кавказоведении. В частности, А. А. Журтова, П. А. Кузьминов, И. С. Тахушева, и др. [19; 25] рассмотрели возможность применения метода французского ученого Жака Кайзера в исследовании материалов периодической печати, на примере журнала «Отечественные записки» и «Современник». Данный подход фокусирует внимание на внешних формах организации текстового источника: оглавление, расположение, оформление и другие формальные элементы текста. Он позволил авторам изучить статьи указанных журналов, посвященные истории народов Северного Кавказа, и дать шкалированную оценку публикациям о них. Исследователи убеждены в возможностях выявления благодаря контент-анализу внетекстовой реальности, обусловленной социально-политическим контекстом эпохи и мировоззрением автора историографического источника.

Перспективы применения контент-анализа, по их мнению, определяются дальнейшим совершенствованием механизмов сочетания количественного и качественного подходов в процессе его применения в исторических и историографических исследованиях.

В современной науке приобрели популярность методы, предполагающие анализ источника (документа) с использованием модели искусственного интеллекта. В частности, Н. А. Полевой в своих работах [32; 33; 34] описывает нейросетевую модель процесса познания истории, создаваемую в рамках поиска закономерностей развития теоретической историографии.

По его словам, анализ историографического наследия позволяет выявить устойчивые парадигмы исторического познания, господствовавшие в определённые периоды, а также установить причины и условия смены одних концепций другими.

Как отмечает Н. А. Полевой, существует методологическая необходимость разработки специализированного инструментария, направленного на выявление имманентных закономерностей смены научных парадигм и историософских концептов, а также на анализ механизмов развития историографической теории [32, с. 82]. Согласно его позиции, установление данных закономерностей способно сформировать теоретико-методологический базис для построения ретропрогностических моделей, применение которых позволит осуществить реконструкцию историографических лакун, определить векторы эволюции научных воззрений как в контексте макроисторических процессов, так и в рамках исследования отдельных проблемных полей историографии.

Поскольку физическая основа существования и функционирования человеческого сознания представляет собой сеть мозговых нейронов, то, по утверждению исследователя, можно попытаться построить подходящую модель с аналогичной структурой в виде искусственной нейронной сети, способной обеспечить работу общественного сознания и познавательный процесс в целом [32, с. 83].

По аналогии с человеческим мозгом в искусственных нейронных сетях, «происходит одновременное «схватывание» многообразной информации об объекте». Далее наблюдается одновременная (параллельная) обработка всего полученного объема информации и быстрая агрегация полученного материала (от слоя к слою) [34].

На начальный слой нейросети загружаются все понятия, употребляемые историком в рамках историографической концепции, а также информация о связях между взятыми категориями. На каждом последующем слое понятия проходят через один из фильтров и либо повышают, либо уменьшают свою значимость в рамках отдельно взятой теории [32, с. 88].

Полученную в результате обработки информации совокупность понятий и связей между ними, можно обозначить как систему образов, которая формирует целостное представление об определенной области действительности и отдельной исторической проблеме, затем получает вербальную фиксацию историком в рамках исследования и оформляется в научную теорию или концепцию. В итоге Н. А. Полевой приходит к выводу, что при условии налаживания системной работы нейросети, можно с ее помощью симитировать деятельность историка по созданию понятий и образов «соответствующей концепции всемирно-исторического процесса» [32, с. 89].

Результаты. Таким образом, в отечественной исторической науке накоплен определенный опыт применения метода контент-анализа и цифровых технологий в исследовании историографических источников. В работах анализируются исследования дореволюционного, советского и современного периодов развития науки, труды как профессиональных историков, так личностей, мало связанных с наукой; особое внимание уделяется содержанию материалов периодической печати, в которой зачастую могут быть представлены самые различные точки зрения по той или иной проблеме, что позволяет сформировать наиболее полное представление о личности историка, его творческой лаборатории, идеологических предпочтениях, а че-

рез него обнаружить определенные тенденции в социально-политическом и культурном развитии всего общества. Отдельную нишу занимают контент-аналитические исследования по истории города, они направлены на развитие урбанистического направления исторической науки, которое, по мнению ряда ученых, нуждается в расширении и институционализации.

Совокупность опубликованных в данном русле работ нуждается в систематизации, обобщении и научном анализе для выявления круга нерешенных проблем и дальнейшей разработки эффективного механизма изучения историографических источников. Необходимо использовать и развивать в историографических исследованиях количественные методы обработки текста, поскольку авторская точка зрения и концепция, представленные в его работе, способны предоставить не менее важную научную информацию об общественном событии, процессе и эпохе, чем исторический источник.

Контент-анализ в историографии позволит выявить степень изученности той или иной проблемы, приоритетную тематику в научной практике как одного ученого-историка, так и отдельного научного направления, и, самое главное, определить исторические вопросы, нуждающиеся в исследовании, и заполнить лакуны в исторической науке.

Литература

1. Аналитические методы и информационные технологии в исторических исследованиях: от оцифрованных данных к приращению знания: Материалы XVI международной конференции Ассоциации «История и компьютер». 26-28 октября 2018 г., Москва. М.: МАКС Пресс, 2018. 184 с.
2. Баканов С. А. «Urban history» и тренды конъюнктуры: опыт количественного изучения глобальной историографии // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2-3 (8-9). С. 74-79.
3. Баканов С. А., Хамитова К. А. Городская история в тематике диссертационных исследований в России (1991–2021) // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 52-62.
4. Бородин Л. И. «Эффективность в науке – это прежде всего фундаментальность»: квантитативная история через призму личного архива академика И. Д. Ковальченко // Историческая информатика. 2025. № 4. С. 52–67.
5. Бородин Л. И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14-30.
6. Бородин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1986. 188 с.
7. Бородин Л. И. Становление исторической информатики в России: первые шаги историков на пути «микрокомпьютерной революции» // Историческая информатика. 2017. № 3. С. 155-172.
8. Бородин Л. И. Цифровая публичная история в оценке студентов-историков (на примере проекта «1917. Свободная история») // Историческая информатика. 2018. № 4 (26). С. 123-142.
9. Бородин Л. И., Мироненко М. С., Чертополохов В. А., Белоусова М. Д., Хлопиков В. В. Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) в задачах реконструкции исторической городской застройки (на примере московского Страстного монастыря) // Историческая информатика. 2018. № 3. С. 76-88.
10. Володин А. Ю. 20 лет компьютерному источниковедению: per aspera ad astra? // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2-3 (8-9). С. 130-134.
11. Володин А. Ю. Шифры цифры: поиск ответов на трудные вопросы // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 43-56.
12. Гарскова И. М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57-75.
13. Гарскова И. М. Библиографический анализ развития исторической информатики в начале XXI века // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 111–112.
14. Гарскова И. М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: дисс. ... д-р истор. наук. М., 2018. 618 с.
15. Гарскова И. М. Квантитативная история 1960-х – 1980-х гг. в СССР и ее роль в становлении исторической информатики // Историческая информатика. 2018. № 3. С. 7-24.

16. Гарскова И. М. Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Выпуск 8 (41) Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1> (дата обращения: 28.09.2025).
17. Гарскова И. М. Сетевой анализ историографии: динамика формирования региональных центров исторической информатики [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2017. № 3. С. 94-115.
18. Гарскова И. М. Сетевой анализ историографии: динамика формирования межрегиональной компоненты сети АИИК // Историческая информатика. 2017. № 4. С. 112-129.
19. Журтова А. А., Кузьминов П. А., Кажаров А. Г., Тахушева И. С. Цифровые технологии в источниковедении и историографии: опыт применения метода Жака Кайзера в кавказоведении // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 2. С. 280-296.
20. Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и явлений. Материалы XII конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва, 22-24 октября 2010 г. Специальный выпуск. / Отв. ред. И. М. Гарскова. М.: МГУ, 2010. 217 с.
21. Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии, методы материалы XIV конференции Ассоциации «История и компьютер», Москва, 3-5 октября 2014 г. / отв. ред. И. М. Гарскова. М.: б. и., 2014. № 42. 228 с.
22. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
23. Количественные методы в гуманитарных науках / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: МГУ, 1981. 206 с.
24. Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI века. Труды VI конференции Ассоциации «История и компьютер». М.: Чебоксары, 1999. 452 с.
25. Кузьминов П. А., Тахушева И. С. Подходы к изучению материалов о Северном Кавказе в журнале «Отечественные записки»: метод Жака Кайзера // Кавказология. 2020. № 1. С. 12–41.
26. Материалы IX конференции Ассоциации «История и компьютер». Подмосковье, 22-25 апреля 2004 года. Специальный выпуск. М., 2004. № 32.
27. Материалы XIII конференции Ассоциации АИИК. Санкт-Петербург, 26–29 июня 2002 г. Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Специальный выпуск. М.: б.и., 2002. № 30. 276 с.
28. Миронов Б. Н. Историк и социология. Л.: Наука, 1984. 174 с.
29. Можаяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 52–60.
30. Можаяева Г. В., Мишанкина Н. А., Можаяева Т. В. Контент-анализ в изучении русской историографии второй половины XVIII века // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. №34. С. 78-79.
31. Носевич В. Л. Будущее профессии историка в условиях «цифрового поворота» // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 90-98.
32. Полевой Н. А. Нейросетевая модель развития теоретической историографии // История и математика: анализ и моделирование социально-исторических процессов / отв. ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков Л. Е. Гринин. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 82–91.
33. Полевой Н. А. Опыт построения нейросетевой модели теоретического познания истории (по материалам русской историографии XIX в.) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 57–59.
34. Полевой Н. А. Проблема учета маломасштабных факторов при теоретическом моделировании политического процесса // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/6007> (дата обращения: 28.09.2025).

References

1. Analytical methods and information technologies in historical research: from digitized data to the increment of knowledge: Proceedings of the XVI International Conference of the Association «History and Computer». October 26–28, 2018, Moscow. Moscow, 2018. 184 p. (In Russ.).
2. Bakanov SA. «Urban history» and market trends: an experience of quantitative study of global historiography. *Istoricheskaya informatika. Informacionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*. 2014;(2-3 (8-9)):74-79. (In Russ.).
3. Bakanov SA., Khamitova, KA. Urban History in the Topics of Dissertation Research in Russia (1991–2021). *Istoricheskaya informatika*. 2022;(1):52-62. (In Russ.).
4. Borodkin LI. «Efficiency in Science is, First of All, Fundamental»: Quantitative History through the Prism of the Personal Archive of Academician I. D. Kovalchenko. *Istoricheskaya informatika*. 2025;(4):52-67. (In Russ.).
5. Borodkin LI. Historian and the World of (Big) Data: Challenges of the Digital Turn. *Istoricheskaya informatika*. 2019;(3):14-30. (In Russ.).
6. Borodkin LI. Multivariate statistical analysis in historical research. Moscow: MSU publ., 1986. 188 p. (In Russ.).
7. Borodkin LI. Formation of Historical Informatics in Russia: The First Steps of Historians on the Path of the «Microcomputer Revolution». *Istoricheskaya informatika*. 2017;(3):155-172. (In Russ.).
8. Borodkin LI. Digital public history as assessed by history students (using the project «1917. Free history» as an example). *Istoricheskaya informatika*. 2018;(4(26)):123-142. (In Russ.).
9. Borodkin LI., Mironenko MS., Chertopolokhov VA., Belousova MD., Khlopikov VV. Virtual and Augmented Reality (VR/AR) Technologies in the Problems of Reconstruction of Historical Urban Development (using the Moscow Passion Monastery as an Example). *Istoricheskaya informatika*. 2018;(3):76-88. (In Russ.).
10. Volodin AYU. 20 years of computer source studies: per aspera ad astra? *Istoricheskaya informatika. Informacionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*. 2014;(2-3(8-9)):130-134. (In Russ.).
11. Volodin AYU. Digital ciphers: finding answers to difficult questions. *Istoricheskaya informatika*. 2019;(3):43-56. (In Russ.).
12. Garskova IM. Digital turn in historical research: long-term trends. *Istoricheskaya informatika*. 2019;(3):57-75. (In Russ.).
13. Garskova IM. Bibliographic analysis of the development of historical informatics at the beginning of the XXI century. *Informacionnyj byulleten' Associacii Istoriya i komp'yuter*. 2006;(34):111–112. (In Russ.).

14. Garskova IM. Historical informatics: methodological and historiographical aspects of development (dissertation). Moscow, 2018 URL: <https://www.dissercat.com/content/istoricheskaya-informatika-metodologicheskie-i-istoriograficheskie-aspekty-razvitiya>. (In Russ.).
15. Garskova IM. Quantitative history of the 1960s – 1980s in the USSR and its role in the development of historical informatics. *Istoricheskaya informatika*. 2018;(3): 7-24. (In Russ.).
16. Garskova IM. New trends in computerized text analysis: concepts, methods, technologies. *Istoriya*. 2015;(6(8)). URL: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1> DOI: 10.18254/S0001255-9-1 (accessed: 28.09.2025). (In Russ.).
17. Garskova IM. Network analysis of historiography: the dynamics of the formation of regional centers of historical informatics. *Istoricheskaya informatika*. 2017;(3):94-115. (In Russ.).
18. Garskova IM. Network analysis of historiography: the dynamics of the formation of the interregional component of the AIC network. *Istoricheskaya informatika*. 2017;(4):112-129. (In Russ.).
19. Zhurtova AA., Kuzminov PA., Kazharov AG., Takhusheva IS. Digital technologies in source studies and historiography: experience of applying the Jacques Kaiser method in Caucasian studies. *Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza*. 2024;(2):280-296 (In Russ.).
20. Garskova IM. Ed. Information resources, technologies and models for the reconstruction of historical processes and phenomena special issue Proceedings of the XII Conference of the Association History and Computer, Moscow, October 22-24, 2010. Moscow, 2010. 217 p. (In Russ.).
21. Garskova IM. Ed. Historical research in the digital age: information resources, technologies, methods materials of the XIV conference of the Association History and Computer. Moscow, October 3-5, 2014. Moscow, 2014. 228 p. (In Russ.).
22. Koval'chenko ID. Methods of historical research. Moscow: Nauka, 2003. 486 p. (In Russ.).
23. Koval'chenko ID. Quantitative Methods in the Humanities. Moscow: MSU publ., 1981. 206 p. (In Russ.).
24. Circle of ideas: Historical informatics on the threshold of the 21st century. Proceedings of the VI Conference of the Association History and Computer. Moscow; Cheboksary, 1999. 452 p. (In Russ.).
25. Kuz'minov PA., Takhusheva IS. Approaches to the study of materials about the North Caucasus in the journal *Otechestvennye zapiski: Jacques Kaiser's method. Kavkazologiya*. 2020;(1):12–41. (In Russ.).
26. Materials of the IX Conference of the Association «History and Computer». Moscow, 2004;(32). (In Russ.).
27. Materials of the XIII conference of the AIK Association. St. Petersburg, June 26–29, 2002. Newsletter of the History and Computer Association. Special issue. Moscow, 2002;(30):276 p. (In Russ.).
28. Mironov BN. Historian and sociology. Leningrad: Nauka, 1984. 174 p. (In Russ.).
29. Mozhaeva GV., Mishankina NA. Content analysis of a historiographic source (to the question of interdisciplinarity of linguistic methods). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007;(294):52–60. (In Russ.).
30. Mozhaeva GV., Mishankina NA., Mozhaeva TV. Content analysis in the study of Russian historiography of the second half of the 18th century. *Informacionnyj byulleten' Associacii «Istoriya i komp'yuter»*. 2006;(34):78–79. (In Russ.).
31. Nosevich VL. The Future of the Historian's Profession in the Context of the «Digital Turn». *Istoricheskaya informatika*. 2019;(3):90-98. (In Russ.).
32. Polevoi NA. Neural network model for the development of theoretical historiography in History and Mathematics: Analysis and Modeling of Socio-Historical Processes / ed. AV. Korotaev, SYu. Malkov, LE. Grinin. 2016:82–91. (In Russ.).
33. Polevoi NA. Experience in building a neural network model of theoretical knowledge of history (based on Russian historiography of the 19th century). *Informacionnyj byulleten' Associacii Istoriya i komp'yuter*. 2006;(34):57–59. (In Russ.).
34. Polevoi NA. The problem of accounting for small-scale factors in the theoretical modeling of the political process. URL: <http://econf.rae.ru/article/6007> (accessed: 28.09.2025). (In Russ.).

Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.6>

ПРОБЛЕМА ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ОТ РАЗРЯДКИ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Татьяна Владиславовна Каширина

Московский государственный лингвистический университет (стр.1, д.38, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
Kashirina73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4361-7778>

Аннотация. Введение. В данной статье проводится комплексный анализ эволюции проблемы ядерного оружия в отношениях между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки, которая претерпела кардинальные изменения за последние десятилетия. Исследование начинается с рассмотрения исторического контекста договоров о контроле над вооружениями, начиная с эпохи Холодной войны, когда были заложены основы режима стратегической стабильности (Договор по ПРО, ОСВ-1, ОСВ-2, СНВ-1, СНВ-2), и вплоть до текущего глубокого кризиса вокруг Договора СНВ-III, который фактически приостановил функционирование этой системы. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе советско-американских и российско-американских договоров в сфере разоружения, материалов МИД России, американских администраций, публикаций американской прессы. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторические методы. **Анализ.** Особое внимание в работе уделяется детальному разбору ключевых факторов, обусловивших переход от ограниченного сотрудничества к открытой конфронтации. Среди них: фундаментальное изменение миропорядка и рост многополярности, появление новых технологических вызовов (таких как гиперзвуковое оружие, системы ПРО и милитаризация космоса), системное ухудшение общего политического климата и взаимного доверия, а также нарастающий кризис режима нераспространения,

связанный с выходом ключевых игроков из важнейших соглашений. **Результаты.** На основе актуальных данных и заявлений сторон дается оценка рисков развязывания полномасштабной гонки вооружений нового типа, которая будет включать не только стратегические ядерные, но и тактические, а также высокоточные обычные вооружения. Анализируются конкретные угрозы ядерной эскалации в контексте региональных конфликтов и инцидентов и формулируются возможные пути снижения напряжённости, включая меры по восстановлению доверия, и рассматриваются перспективы возобновления полноформатного диалога по стратегической стабильности в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: международные отношения, ядерное оружие, российско-американские отношения, стратегическая стабильность, контроль над вооружениями, Договор СНВ-III, гонка вооружений, ядерное сдерживание

Для цитирования: Каширина Т. В. Проблема ядерного оружия в российско-американских отношениях: от разрядки к стратегической нестабильности // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 615–620. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.05.2025.

Research article

THE NUCLEAR WEAPONS PROBLEM IN RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS: FROM DÉTENTE TO STRATEGIC INSTABILITY

Tatiana V. Kashirina

Moscow State Linguistic University (1, Bldg. 38, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
Kashirina73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4361-7778>

Abstract. Introduction. The article provides a comprehensive analysis of the evolution of the nuclear weapons issue in relations between the Russian Federation and the United States of America, which has undergone fundamental changes over the past decades. The study begins with an examination of the historical context of arms control treaties, starting from the Cold War era, when the foundations of the strategic stability regime were laid (the ABM Treaty, SALT I, SALT II, START I, START II), and up to the current deep crisis around the New START Treaty, which has effectively suspended the functioning of this system. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of Soviet-American and Russian-American disarmament treaties, materials of the Russian Foreign Ministry, American administrations, and publications in the American press. A systemic integrated approach, specific historical and comparative historical methods were used. **Analysis.** Special attention is paid to a detailed analysis of the key factors that led to the transition from limited cooperation to open confrontation. These include a fundamental change in the world order and the

growth of multipolarity, the emergence of new technological challenges (such as hypersonic weapons, missile defense systems, and the militarization of space), a systemic deterioration of the overall political climate and mutual trust, and a growing crisis in the non-proliferation regime associated with the withdrawal of key players from key agreements. **Results.** Based on current data and statements by the parties, an assessment is made of the risks of a new type of full-scale arms race, which would include not only strategic nuclear weapons but also tactical and high-precision conventional weapons. Specific threats of nuclear escalation in the context of regional conflicts and incidents are analyzed, and possible ways to reduce tensions are proposed, including measures to restore trust. Prospects for resuming a full-fledged dialogue on strategic stability in the new geopolitical environment are considered.

Keywords: international relations, nuclear weapons, Russian-American relations, strategic stability, arms control, New START, arms race, nuclear deterrence

For citation: Kashirina TV. The Nuclear Weapons Problem in Russian-American Relations: From Détente to Strategic Instability Humanities and law research. 2025;12(4):615-620. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.6>

Введение. Ядерное оружие на протяжении десятилетий остаётся центральным элементом в стратегической динамике отношений между Россией и США. Это не просто символ могущества, но и инструмент принуждения в кризисных ситуациях, а в случае войны – смертоносное оружие, применение которого будет иметь катастрофические последствия для всей планеты. После распада биполярной системы и краткого периода относительной разрядки проблема контроля над ядерными вооружениями вновь вышла на первый план, приобретая новые, более сложные очертания.

Современное состояние российско-американских отношений характеризуется экспертами как наиболее конфронтационное со времён окончания Холодной войны [16]. Истечение срока действия последнего оставшегося договора об ограничении стратегических вооружений – СНВ-III – в феврале 2026 г. и отсутствие видимых перспектив для заключения нового соглашения создают реальные предпосылки для начала новой, непредсказуемой гонки ядерных вооружений. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления глубоких причин текущего кризиса и поиска путей предотвращения дальнейшей дестабилизации международной безопасности.

Целью данной статьи является комплексный анализ проблемы ядерного оружия в российско-американских отношениях в исторической ретроспективе и оценка современных вызовов стратегической стабильности. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Проследить эволюцию двусторонних договоров по контролю над вооружениями.
2. Выявить ключевые факторы, приведшие к приостановке действия СНВ-III и кризису доверия.
3. Проанализировать текущее состояние ядерных арсеналов и программ модернизации.
4. Оценить риски эскалации и перспективы возобновления диалога в новых геополитических условиях.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе советско-американских и российско-американских договоров в сфере разоружения, материалов МИД России, американских администраций, публикаций американской прессы. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический, сравнительно-исторический, хронологический, ретроспективный методы.

Анализ. Эра двусторонних соглашений по контролю над ядерными вооружениями началась в период разрядки международной напряжённости. Договор ОСВ-I (1972 г.) закрепил ко-

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.01.2025

The article was approved after reviewing: 13.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.05.2025.

личество средств доставки ядерного оружия на существовавшем уровне, а ОСВ-II (1979 г.) установил «потолки» для пусковых установок, стратегической авиации и ракет. Знаковым достижением стал бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) 1987 г., впервые уничтоживший целый класс вооружений [6].

Распад СССР и последовавшая за ним денуклеаризация Украины, Беларуси и Казахстана создали новые условия для диалога. Подписанный в 1991 году договор СНВ-I установил жёсткие лимиты на количество развёрнутых носителей (1600 единиц) и боезарядов (6000 единиц), которые к 2001 г. были выполнены обеими сторонами [5]. Договор СНВ-II (1993 г.), предполагавший дальнейшее сокращение, не вступил в силу после выхода США из Договора по ПРО в 2002 году, что Москва расценила как угрозу своей стратегической безопасности [9, с.390 – 397]. Это стало первым тревожным сигналом о начале эрозии договорной базы.

В 2002 г. был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) [3], установивший более мягкий лимит в 1700–2200 боезарядов, однако он не содержал механизмов проверки. Таким образом, к концу 2000-х гг. архитектура контроля над вооружениями, созданная в предыдущие десятилетия, оказалась в глубоком кризисе.

Подписанный в 2010 г. в Праге Договор СНВ-III стал важным достижением «перезагрузки» в российско-американских отношениях. Он ввёл количественные ограничения, актуальные и на сегодняшний день:

- 1550 единиц – развёрнутых ядерных боезарядов.
- 700 единиц – развёрнутых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и тяжёлых бомбардировщиков.
- 800 единиц – развёрнутых и неразвёрнутых пусковых установок и бомбардировщиков [4, 9, с. 390-397].

Договор также предусматривал комплексный режим верификации, включавший 18 инспекций в год, обмен данными и уведомлениями, что делало его эффективным инструментом взаимного доверия и предсказуемости.

Однако с самого начала в его реализации возникали проблемы. Развитие технологий привело к появлению новых видов вооружений, не подпадавших под ограничения СНВ-III. Россия разработала и анонсировала в 2018 г. ряд стратегических систем, таких как крылатая ракета неограниченной дальности «Буревестник»

(Skyfall), подводный беспилотный аппарат «Посейдон», а также гиперзвуковой комплекс «Кинжал» [17]. США, в свою очередь, предъявляли претензии по поводу значительного превосходства России в области тактического ядерного оружия (ТЯО), которое также не регламентировалось договором: по оценкам экспертов, Россия обладает около 2000 единиц ТЯО, в то время как США – лишь около 200 [12].

Пандемия COVID-19 в 2020 г. приостановила инспекционную деятельность, а после начала российской специальной военной операции на Украине в 2022 г. политический климат резко ухудшился. Россия ссылаясь на невозможность проведения инспекций из-за санкций, затруднявших выдачу виз российским инспекторам, и в августе 2022 г. официально отказала США в проведении проверок. В феврале 2023 г. Президент России Владимир Путин объявил о приостановке участия страны в договоре, что было оформлено соответствующим федеральным законом 28 февраля 2023 г. [15]. Хотя Россия подтвердила политическое обязательство соблюдать количественные лимиты, режим проверок и обмена данными, изначально с подачи США, был фактически свёрнут, что лишило договор его основной ценности [14].

На сегодняшний день ситуация характеризуется как кризисная. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), эпоха постепенного сокращения количества ядерных вооружений в мире, длившаяся с конца Холодной войны, «подошла к концу» [18]. На смену ей приходит тенденция к наращиванию и модернизации арсеналов.

- **Наращивание арсеналов и модернизация.** Россия и США вместе обладают около 90% всех ядерных вооружений мира. Обе страны проводят масштабные и дорогостоящие программы модернизации своих ядерных триад. США сталкиваются с проблемами планирования и финансирования, в то время как Россия, по некоторым данным, испытывает трудности с развёртыванием новых систем, таких как тяжёлая МБР «Сармат», что отчасти связано с санкционным давлением и потерей украинских производственных мощностей. При этом эксперты отмечают, что Россия сохраняет значительные преимущества в запасах ядерных материалов и возможности производства боезарядов.

- **Кризис доверия и деградация стратегической культуры.** С точки зрения риска ядерной эскалации, современная ситуация оценивается некоторыми экспертами как «более опасная, чем Карибский кризис 1962 года» [13]. Среди причин – ускоряющийся распад прежнего миропорядка, деградация стратегической культуры западных элит, идеологизация международных отношений и демонизация России. Взаимная уязвимость, долгое время бывшая основой сдерживания, теперь дополняется глубоким недоверием и по-

дозрениями в возможности нанесения обезоруживающего удара с использованием новейших технологий.

- **Новые технологические вызовы.** Быстрое развитие искусственного интеллекта, кибероружия, средств противоракетной обороны (ПРО) и космических вооружений радикально меняет представления о ядерных возможностях, сдерживании и обороне. Планы США по развёртыванию системы ПРО «Golden Dome» в космосе называются Россией в числе дестабилизирующих факторов [19]. Технологии ИИ, ускоряющие принятие решений в кризисных ситуациях, повышают риск начала конфликта из-за ошибки, недопонимания или технического сбоя.

- **Влияние третьих сторон,** в первую очередь Китая. Стремительный рост ядерного арсенала КНР стал ключевым фактором, влияющим на стратегическое планирование и Вашингтона, и Москвы. Китай, по оценкам SIPRI, сейчас обладает не менее чем 600 боезарядами и наращивает свой арсенал быстрее любой другой страны – примерно на 100 единиц в год. США настаивают на включении Пекина в любые будущие переговоры по контролю над вооружениями, однако Китай последовательно отказывается от участия в трёхстороннем формате, требуя от России и США сначала предпринять более существенные сокращения [20].

В условиях почти полного коллапса двусторонних механизмов контроля над вооружениями любые инициативы привлекают повышенное внимание. В сентябре 2025 г. Президент России Владимир Путин предложил продолжить соблюдение «центральных количественных ограничений Договора СНВ-III в течение одного года» после его истечения в феврале 2026 г., при условии, что США «поступят аналогичным образом». Это предложение было в целом позитивно встречено администрацией США.

Однако, как показывают экспертные оценки, данное предложение не лишено подводных камней. Оно не предусматривает возобновления инспекций и верификации, оставляя стороны в неведении относительно реального состояния стратегических сил России. Кроме того, оно фиксирует ограничения только на стратегические вооружения, не затрагивая асимметрию в ТЯО или новые российские системы, такие как «Буревестник» и «Посейдон». США считают, что такие условия могут означать ограничение собственных возможностей по адаптации ядерного арсенала к растущей угрозе со стороны Китая [8].

В этой связи возможные пути снижения напряжённости видятся в следующем:

1. **Восстановление диалога по стратегической стабильности.** Переговоры должны выйти за узкие рамки численных лимитов и охватить все факторы, подрывающие стабильность, включая вопросы ПРО, ТЯО, кибербезопасности и космических вооружений.

2. Поэтапный подход. В условиях глубокого кризиса доверия заключение всеобъемлющего договора маловероятно. Более реалистичным выглядит достижение менее амбициозных, точечных соглашений, например, о мерах по предотвращению инцидентов или о взаимном уведомлении о пусках ракет.

3. Учёт многостороннего контекста. Хотя немедленное включение Китая в договорный процесс затруднительно, Вашингтону и Москве необходимо вести отдельный диалог с Пекином для выработки мер транспарентности и доверия, которые позволили бы в будущем перейти к трёхсторонним обсуждениям.

4. Отказ от идеологизации. Как отмечают аналитики, для снижения рисков необходима деэскалация риторики и возвращение к прагматичному подходу, основанному на взаимном учёте интересов безопасности, а не на конфронтации ценностей [11].

Резюмируя, необходимо подчеркнуть следующее. Проблема ядерного оружия в российско-американских отношениях прошла сложную эволюцию – от конфронтации Холодной войны через краткий период конструктивного сотрудничества к текущему состоянию глубокого кризиса и стратегической нестабильности. Распад системы контроля над вооружениями, обусловленный сочетанием геополитических, военно-технических и идеологических факторов, создал

реальную угрозу начала новой гонки ядерных вооружений, которая будет носить более сложный, многополярный и технологически насыщенный характер.

Последнее оставшееся соглашение – Договор СНВ-III – де-факто перестало функционировать, а его формальное истечение в 2026 г. может стать точкой невозврата. Предложение России о продлении количественных лимитов является тактической возможностью отсрочить наихудший сценарий, но не решает системных проблем. Ядерное оружие по-прежнему остаётся фактором, который Запад обязан учитывать при любом давлении на Москву [2], однако его наличие не гарантирует безопасности, а лишь создаёт риск катастрофической эскалации.

Восстановление доверия и создание новой архитектуры стратегической стабильности потребует длительного времени и политической воли обеих сторон. Однако альтернатива – жизнь в условиях непредсказуемой гонки вооружений, где риск ядерного конфликта из-за просчёта или технической ошибки постоянно возрастает, – неприемлема для всего человечества. Как предупреждают эксперты, гипотетическая ядерная война между США и Россией уничтожит не только противостоящие стороны, но и всю планету [2]. Эта простая, но ужасающая истина должна служить главным стимулом для поиска путей назад от опасной черты.

Литература

1. Академик РАН: предстоят серьезные поиски компромиссов по СНВ. Интервью Алексея Арбатова. Интерфакс, 17 марта 2021 г. URL: <https://www.interfax.ru/interview/756393> (дата обращения 25.10.2025)
2. Богданов К., Стефанович Д. Ядерная война – плохое средство решения проблем. Коммерсантъ, 21.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6055340> (дата обращения 25.10.2025)
3. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных потенциалов. 2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3476> (<http://www.kremlin.ru/supplement/3476>) (дата обращения 25.10.2025)
4. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 2010. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения 25.10.2025)
5. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). 31.07.1991. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/snv/1728996/ (дата обращения 25.10.2025)
6. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). 1987 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения 25.10.2025)
7. Емельяненко А. Генеральный конструктор Владимир Дегтярь: «Сармат» запущен в серийное производство. Российская газета, 23 ноября 2022. URL: <https://rg.ru/2022/11/23/silnee-argumenta-ne-byvaet.html> (дата обращения 25.10.2025)
8. Ермаков А. Новая эпоха контроля над вооружениями. Российский совет по международным делам, 6 июля 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-epokha-kontrolya-nad-vooruzheniyami/> (дата обращения 25.10.2025)
9. Каширина Т. В. Проблема сокращения стратегических вооружений в контексте современных российско-американских отношений // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. № 10(3). С. 390-397.
10. Как США собираются создать крупнейшую в мире систему ПРО. Вашингтон объявил о запуске проекта «Золотой купол». РБК, 31.05.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/05/2025/683974e49a794732c97f6238> (дата обращения 25.10.2025)
11. Мельникова Ю. Управление взаимозависимостью в отношениях ЕС и КНР: экономический аспект. Российский совет по международным делам, 18 октября 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/upravlenie-vzaimozavisimostyu-v-otnosheniyakh-es-i-knr-ekonomicheskii-aspekt/> (дата обращения 25.10.2025)
12. Ракета «Буревестник»: в чем уникальность, почему ее называют неуязвимой. РБК, 27.10.2025. URL: <https://www.rbc.ru/base/27/10/2025/68ff23bf9a79471804ec5a74> (дата обращения 25.10.2025)

13. Соколышчик Л. Россия и США в условиях стратегической нестабильности: каковы риски ядерной эскалации? Российский совет по международным делам, 7 июня 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-ssha-v-usloviyakh-strategicheskoy-nestabilnosti-kakovy-riski-yadernoy-eskalatsii/> (дата обращения 25.10.2025)
14. США пообещали устранить препятствия для поездок российских инспекций в рамках ДЧВ. ТАСС, 28.10.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16940241> (дата обращения 25.10.2025)
15. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. N 38-ФЗ "О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений". Российская газета, 2 марта 2023. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/02/document-dogovor.html> (дата обращения 25.10.2025)
16. Фененко А. Хуже, чем в холодную войну. Конфликтный потенциал российско-американских отношений. Россия в глобальной политике, 25.10.2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/huzhe-chem-v-holodnuyu-voynu/> (дата обращения 25.10.2025)
17. Gabe Whisnant. Russia Testing Nuclear Weapons Due to Security Concerns—Kremlin. Newsweek, OCT 27, 2025. URL: <https://www.newsweek.com/russia-nuclear-weapons-test-kremlin-putin-europe-security-10945076> (дата обращения 25.10.2025)
18. Nuclear risks grow as new arms race looms—new SIPRI Yearbook out now. 16 June 2025. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/nuclear-risks-grow-new-arms-race-looms-new-sipri-yearbook-out-now> (дата обращения 25.10.2025)
19. H.R.1 - One Big Beautiful Bill Act. 119th Congress (2025-2026). Congress.gov, 07/04/2025. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/1/text>
20. Xiaodon Liang. Russia Proposes One-Year New START Extension. Arms Control Association, October 2025. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2025-10/news/russia-proposes-one-year-new-start-extension> (дата обращения 25.10.2025)

References

1. Academician of the Russian Academy of Sciences: serious search for compromises on START is ahead. Interview with Alexey Arbatov. Interfax, March 17, 2021 URL: <https://www.interfax.ru/interview/756393> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
2. Bogdanov K., Stefanovich D. Nuclear war is a bad way to solve problems. Kommersant, 06/21/2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6055340> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
3. The Treaty between the Russian Federation and the United States of America on the Limitation of Strategic Offensive Capabilities. 2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3476>] (<http://www.kremlin.ru/supplement/3476> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
4. The Treaty between the Russian Federation and the United States of America on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms. 2010. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
5. Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America on the Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (START-1). 07/31/1991. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/snv/1728996/ (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
6. The Treaty on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF), 1987. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
7. Emelianenkov A. General Designer Vladimir Degtyar: "Sarmat" has been put into mass production. Rossiyskaya Gazeta, November 23, 2022. URL: <https://rg.ru/2022/11/23/silnee-argumenta-ne-byvaet.html> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
8. Ermakov A. A new era of arms control. Russian International Affairs Council, July 6, 2020. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-epokha-kontrolya-nad-vooruzheniyami/> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
9. Kashirina TV. The problem of strategic arms reduction in the context of modern Russian-American relations. *Gumanitarnye i uridicheskie issledovaniya*. 2023;10(3):390-397. (In Russ.).
10. How the United States is going to create the world's largest missile defense system. Washington has announced the launch of the Golden Dome project. RBC, 05/31/2025. URL: <https://www.rbc.ru/politika/31/05/2025/683974e49a794732c97f6238> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
11. Melnikova Y. Managing interdependence in EU-China relations: an economic aspect. Russian International Affairs Council, October 18, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/upravlenie-vzaimozavisimostyu-v-otnosheniyakh-es-i-knr-ekonomicheskii-aspekt/> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
12. The Burevestnik rocket: what is its uniqueness, why is it called invulnerable. RBC, 10/27/2025. URL: <https://www.rbc.ru/base/27/10/2025/68ff23bf9a79471804ec5a74> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
13. Sokolshchik L. Russia and the United States in the context of strategic instability: what are the risks of nuclear escalation? Russian International Affairs Council, June 7, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-ssha-v-usloviyakh-strategicheskoy-nestabilnosti-kakovy-riski-yadernoy-eskalatsii/> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
14. The United States has promised to remove obstacles to travel by Russian inspectors under the START Treaty. TASS, 10/28/2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16940241> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
15. Federal Law No. 38-FZ of February 28, 2023 "On the Suspension by the Russian Federation of the Treaty between the Russian Federation and the United States of America on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms." Rossiyskaya Gazeta, March 2, 2023. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/02/document-dogovor.html> (accessed 10/25/2025) (In Russ.).

16. Fenenko A. Worse than in the Cold War. The conflict potential of Russian-American relations. Russia in Global Politics, 10/25/2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/huzhe-chem-v-holodnuyu-voynu/> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
17. Gabe Wise. Russia is testing nuclear weapons for security reasons – The Kremlin. Newsweek, October 27, 2025 URL: <https://www.newsweek.com/Russia-expertise-of-the-international-community-kremlin-putin-Eva-safety-10945076> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
18. European studies show that as the new wandering race approaches, a new SIPRI yearbook is now being published. June 16, 2025. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/nuclear-risks-grow-new-arms-race-looms-new-sipri-yearbook-out-сегодня> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
21. Nuclear risks grow as new arms race looms–new SIPRI Yearbook out now. 16 June 2025. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/nuclear-risks-grow-new-arms-race-looms-new-sipri-yearbook-out-now> (accessed: 10.25.2025) (In Russ.).
19. H.R.1 - One big space project. 119th year (2025-2026). Congress.gov , 04.07.2025. URL: <https://www.congress.gov/bills/119/congress/119th/1/text> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).
20. Xiaodong Liang. Russia is proposing to extend the new START 2018 Treaty by one year. Arms Control Association, October 2025. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2025-10/news/russia-proposes-one-year-new-start-extension> (accessed: 25.10.2025) (In Russ.).

Научная статья

УДК 902.7.025:502

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.7>**ИЗГНАНИЕ КАК ДАРОВАНИЕ ГОЛОСА, ИЛИ КАК ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЛОКОСТА
В ЕВРОПЕ СТАЛИ «ПОДРЫВНЫМИ ТЕМАМИ»****Ольга Юрьевна Малинова-Тзиафета**

Московская высшая школа социальных и экономических наук (3-5, стр. 1, Газетный пер., 125009, Москва, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

O_malin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3922-8091>

Аннотация. Введение. Определенные исторические темы оказываются на обочине исторического знания в одном государстве – и широко обсуждаются в другом. Они вытесняются из исследовательского поля, запрещаются, маргинализируются. Особенно шокирует, когда подрывной темой становится история Холокоста или нацистских преступлений в Европе. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе интервью с двумя историками из Литвы и Украины, которые написали о преступлениях гитлеровских коллаборационистов против еврейского населения во времена Второй мировой войны – а затем подверглись психологическому давлению и были вынуждены эмигрировать из своих стран. **Анализ.** Для анализа используются понятия «чрезвычайное положение» (Дж. Агамбен), современные европейские национализмы (М. Херцфельд), множественность интерпретаций (П. Вирно), политические метафоры, изменение общественного мнения. В европейском законодательстве антисемитизм и нацистские преступления давно криминализированы. Однако общество и влиятельные европейские политики в настоящее время не хотят принимать правды о Холокосте. Ведь на другой чаше весов находится

формирование новой антисоветской/антироссийской идеологии с ее героями – профашистскими воинскими подразделениями – например, на Украине или в Литве. **Результаты.** Вытеснение подрывных тем может обернуться взлетом их популярности при изменении экономической и/или политической ситуации. А притеснение авторов приводит к тому, что их голос может стать влиятельным и сильным.

Ключевые слова: подрывные темы, история памяти, войны памяти, антисемитизм в Европе, изменение общественного мнения, Б. Латур, Дж. Агамбен, М. Херцфельд, П. Вирно

Для цитирования: Малинова-Тзиафета О. Ю. Изгнание как дарование голоса, или как исследования Холокоста в Европе стали «подрывными темами» // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 621–631. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

**REPRESSION AS A VOICE GIVING, OR HOW HOLOCAUST STUDIES
IN EUROPE BECAME SUBVERSIVE SUBJECTS****Olga Yu. Malinova-Tziafeta**

Moscow School of Social and Economic Sciences (3-5, building 1, Gazetny Lane, 125009, Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

O_malin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3922-8091>

Abstract. Introduction. Certain historical topics are marginalized in one country and widely discussed in another. They are pushed out of the research field, banned, and marginalized by influential public figures and experts. It is particularly shocking when the history of the Holocaust or Nazi crimes in Europe becomes a subversive topic. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of interviews with two historians from Lithuania and Ukraine who wrote about the crimes of Nazi collaborators against the Jewish population during World War II and were subsequently subject to psychological pressure and forced to emigrate from their countries. **Analysis.** The analysis uses the concepts of state of emergency (George Agamben), modern European nationalisms (Maxim Herzfeld), multiple interpretations (Peter Virno), political metaphors, and changes in public opinion. Anti-Semitism and Nazi crimes have long been criminalized in European legislation. However, society and influential European politicians are currently unwilling to accept the truth about the Holocaust. On the other side of the scale is the formation of a new anti-Soviet/anti-Russian ideology, with its heroes –

pro-fascist military units – for example, in Ukraine or Lithuania. **Results.** The suppression of subversive themes can lead to a surge in their popularity when the economic and/or political situation changes. The oppression of authors leads to their voices becoming influential and powerful.

Keywords: suspensive subjects, historical cultures, memory wars, antisemitism in Europe, opinion change, Latour, Agamben, Virno, Herzfeld

For citation: Malinova-Tziafeta OYu. Repression as a Voice Giving, or How Holocaust Studies in Europe Became Subversive Subjects. Humanities and law research. 2025;12(4):621-631. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.7>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.02.2025

The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Исторические дебаты в современной России и постсоветском пространстве всё чаще получают политическое звучание, во мно-

гом определяя историю памяти XX в. [1]. В этой статье я размышляю о роли и возможностях историка в условиях современных национа-

лизмов [50], войн памяти [41; 63; 57, с. 25-59; 64; 61; 74] и исторической политики [81]. В фокусе внимания статьи находятся две смелые современные исследовательницы из Литвы и Украины, обратившиеся к теме Холокоста и преступлений, совершенных литовскими и украинскими националистическими формированиями во время Второй мировой войны. Сам этот аспект вплоть до 2010-х гг. принадлежал к крайне неудобным темам и потому замалчивался в историографии на Западе и в СССР. Между тем, память о Холокосте стали конструировать сами гитлеровские коллаборационисты ещё в 1940-х гг. Оставлять напоминания о личном участии в массовых убийствах им не хотелось. В ход пошли старательно подделанные документы и сфальсифицированные мемуары. Позже западные историки представляли украинских и литовских националистов борцами за независимость своих стран, что лишь волей судьбы оказались между советской и гитлеровской оккупацией. В СССР о них говорили в контексте коллаборационизма, но не Холокоста [66]. В настоящее время (про)фашистские корни современных антироссийских национализмов в Восточной Европе обсуждаются в исторической науке на Западе [67; 68]. Но, по-видимому, научные труды оказываются слишком академичными для широкой публики. Поэтому реакция современного общества Литвы, Украины и Польши на выход из этой длительной социальной амнезии [3; 15] была и остается неоднозначной. Показательны здесь даже не столько агрессивные протесты националистов – например, срывавших лекции немецкого историка Гжегожа Россолински-Либе в городах Украины (2012). Едва ли не более примечательно здесь обыденное суждение радиослушательницы BBC из Вильнюса, что об участии литовцев в Холокосте «лучше помолчать – кто кого расстреливал» (2018). Возможно, так легче вытеснить неудобные, «подрывные темы» (*suspensive subjects*) из памяти общества: люди сами стараются избегать конфликтных тем. Но как же вышло, что современные историки в европейских странах, говоря о Холокосте и Второй мировой войне, обретают свой полный голос лишь ценой изгнания?

Материалы и методы. Предмет моего исследования смещается с исторических тем – на самих историков. Основными источниками послужили интервью с двумя исследовательницами Холокоста, полные личных суждений и биографических деталей. В данном случае, важно, что эти интервью опубликованы в прессе, т.е. были специально рассчитаны на диалог с обществом в текущий момент. «Подрывные темы» названы здесь так потому, что кристаллизуют в каждой стране сообщества единомышленников и «чужаков», т.е. поборников иных взглядов и мнений [18, с.384]. В этом случае возникают большие проблемы с понятием группы/сообщества, т.к. ее/его точный состав неясен, интересы противоречивы.

Ситуация в целом сходна с той, что описана в работе Роджерса Брубейкера «Этничность без групп», посвященной венграм в румынском городе: сами понятия (этнической) группы и идентичности должны осмысливаться критически [44]. Так, мнения среди патриотически / антисоветски / про- и антироссийски настроенных историков и в целом граждан в постсоветских и бывших социалистических странах по поводу отношения ко Второй мировой войне, истории СССР, антисемитизму далеко не едины. По этой причине использование понятия группы в данной статье очень условно – но совершенно непонятно, чем его заменить. Можно было бы употребить понятие «мнение», однако совсем не мнения, а живые люди борются с «подрывными темами» – запрещают тексты, преследуют авторов.

Анализ. Исторические дебаты в странах Восточной Европы бывают порой настолько острыми и непримиримыми, что даже сами сомнения в общей идее условной группы оказываются неприемлемыми – как это произошло с темой Холокоста в Литве [60] и Польше [65] – и, кроме того, табуированной темой участия украинских и литовских повстанцев в массовых убийствах евреев на территории Литвы, Украины, Белоруссии [72; 43; 79; 60; 75; 17]. Иногда даже частные разговоры об этом служат причиной охлаждения и даже полного разрыва отношений между близкими родственниками [73]. Такая непримиримость не является спецификой, связанной именно с антисемитизмом или историей коллаборационизма на Украине и в Литве. В Германии сложно обсуждать отношение граждан бывшей ГДР к политическому «режиму», повседневности и «повороту» (*Wende*), т.е. вхождению ГДР в состав объединенной Германии. К подрывным темам особенно близко подходят ностальгически-позитивные отзывы респондентов [37; 40]. Они идут вразрез с негативным образом ГДР, представленным в западной историографии, публицистике и журналистике скорее в негативном контексте жесткой диктатуры и общей бедности [59; 43; 75]. Устным историкам сложно работать с темой сталинских репрессий в Беларуси [54; 55] и России [25; 35], несмотря на то, что ведущие политики этих стран признают репрессии и высказывают свое негативное к ним отношение [23; 25]. Для современных украинских историков характерно дистанцирование от российского имперского и советского проектов. Здесь главной «подрывной темой», разделяющей общества, стало отношение к Великой Отечественной войне и роли в ней разных групп украинцев [31]. Одни из них сражались на стороне советской армии, а другие – на стороне нацистов, в ультраправой Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), поверив обещанию руководства «Третьего Рейха» о создании независимого государства Украина [4; 17].

Скорее всего, за вытеснением неудобных тем и понятий скрывается попытка установить контроль над полем исторических тем и интерпретаций. Желание утвердить свою, управляемую модель и не допустить, чтобы читатели/студенты/телезрители получили (более) широкое пространство для интерпретаций [80]. Подрывные темы отфильтровываются исподволь, и пока что нет оснований утверждать, что их где-либо запрещают официально, напрямую со стороны государственных структур. Самый видимый из фильтров – это книжные издательства и престижные научные исторические журналы, посвященные России и Восточной Европе в целом. Без сомнения, каждое издание имеет свою политику. Научные эксперты, составляющие свой отзыв на статью, часто являются профессорами, т.е. одним из семи акторов, формирующих память о прошлом (кроме них также священники и пасторы (*Priester und Pfarrer*), PR-специалисты (*PRSpezialisten*), журналисты (*Presseleute*), поэты (*Poeten*), политики (*Politiker*). Они поддерживают «нужные» и вытесняют «ненужные» темы и трактовки [39, с. 16]. Такое маркирование становится ещё более явным в тех университетах или спонсорских фондах, где есть (не)гласные списки (очень) «хороших» журналов для публикации статей и где в зависимости от установленного престижа публикации начисляются надбавки к заработной плате или принимается решение о дальнейшем финансировании проекта/продлении ставки и о прочих административно-финансовых обстоятельствах. Чем уже круг таких (очень) «хороших», т.е. принятых этой группой, журналов, тем более принятие/отказ от печати статьи становится сходным с бюрократическим актом, маркирующим принятие или исключение человека из какой-либо (над)национальной группы [51, с.6]. В данном случае, речь идет именно о (над)национальных группах интеллектуалов, формирующих некое общее мировоззрение. То есть специфика подрывных тем состоит в том, что они весьма вероятно будут отклонены ведущими журналами (не обязательно лишь) одной страны, зато с большой вероятностью приняты в странах противоположного политического лагеря. Однако же там, где тема условно классифицируется как подрывная, карьерные риски для авторов будут неизбежны, а сама тема рискует остаться малоисследованной. Ведь если статьи будут публиковаться в нецентральных или вовсе – научно-популярных изданиях, то, как показали ещё эксперименты 1950-х гг. по поводу работы по воздействию на общественное мнение (*opinion change*), доверие к такому знанию будет существенно более низким [53, с.27-28].

Другой способ более жесток – это публичное обвинение автора в том, что он потакает идеологии другой, враждебной страны. Напри-

мер, Рута Ванагайте, автор книги о Холокосте в Литве, огульно обвинялась в связях с кремлевской пропагандой – причем дискриминация была явной и жесткой, вплоть до угроз жизни [74]. Однако последней каплей стали ее публичные высказывания об Адольфасе Раманаускасе-Ванагасе (*Adolfas Ramanauskas-Vanagas*, 1918–1957), лидере литовского антисоветского/пронацистского движения. Архивные источники показали, что во время Второй мировой войны он был непосредственным участником расправ над евреями, а потом заключил секретное соглашение с советским КГБ и предавал своих [21]. В Литве эти архивные документы посчитали не заслуживающими доверия. В результате общественного скандала издатель объявил об изъятии из продажи и уничтожении всего оставшегося тиража книги. То есть напечатанные уже бумажные экземпляры уничтожались физически – по другим данным, они (часть из них?) хранятся в гараже [29]. По словам Руты, первый председатель Сейма Литвы Витаутас Ландсбергис в своей статье посоветовал ей «пойти в лес, найти подходящее дерево, помолиться и наложить на себя руки». Здесь очевидно сравнение с Иудой, символом предательства. В итоге Рута вынуждена была эмигрировать, долго скрывала страну своего пребывания и место жительства из-за угроз, жила в Израиле, а теперь в Испании [28].

Марта Гавришко – украинский устный историк, специализирующаяся, в том числе, на гендерных аспектах Второй мировой войны, в частности, на проблемах сексуальности и морали в среде украинских националистов [9; 10; 11; 48; 49]. Она так же обвинялась в связях с Кремлем и тоже вынуждена была эмигрировать в Европу, а затем в США. Тема гендерного неравенства в рядах ОУН и УПА, участие женщин в преступлениях против мирного населения, а также жестокие изнасилования еврейских женщин [34], а также полек и украинок, оказалась неприемлемой для многих историков и общественности Украины. Этого активного сопротивления дискредитации «своих» не могли поколебать голоса (меж)национальных общественных групп. Несмотря на то, что ни научные круги историков, ни еврейские религиозные общины Украины и Израиля не склонны замалчивать эти темы, до сих пор нет даже мемориальной доски, посвященной жертвам жестокого антиеврейского погрома 1941 года во Львове [8]. Позже давление на Марту перешло в политическое русло. Сегодня поиск ее имени в интернете мгновенно приводит на сайт неправительственного центра «Миротворец»². Центр выявляет пророссийских активистов на Украине, базируется в Лэнгли, США (там же находится штаб-квартира ЦРУ, известная также как Разве-

² Признан экстремистским и заблокирован в РФ по решению суда

дывательный центр Джорджа Буша) и Варшаве, Польша. В числе прочего, Марта почему-то обвиняется в пропаганде «российского фашизма, нацизма и антисемитизма». Причиной обвинения, судя по публикации на том же сайте, стал ее пост в Фейсбуке³. Марта, уже живя в США, критиковала героизацию украинских профашистских организаций времен Второй мировой войны среди современных украинских солдат (октябрь 2023). Речь шла о 14-й добровольческой пехотной дивизии СС «Галичина», а также ультраправых организациях ОУН и УПА. Призыв украинского историка дистанцироваться от нацистских идей и символики – немислимых в современном публичном пространстве Германии или Франции, обернулся обвинением в политическом предательстве Украины. Для Марты – родины.

Книга американского ученого польско-еврейского происхождения Я. Гросса об уничтожении еврейского населения польской деревушки Едвабне (*Jedwabne*) в Польше, где во время Второй мировой войны польское население своими руками уничтожило своих соседей – до полутора тысяч евреев [47] и вовсе породила острейшую дискуссию [65]. Та легко шагнула в публичное пространство, причем споры не утихают до сих пор. Националистически настроенные граждане выдвинули антисемитский лозунг «Я не прошу прощения за Едвабне» (*Nie przepraszam za Jedwabne*). [63] В интернете и сейчас легко можно купить толстовку с такой надписью (цена 124 zł = приблизительно 3000 рублей или 30 евро) [32]. В ответ движение «Путь Паликота» (*Ruch Palikota*, с 2013 социал-либеральная партия *Twój Ruch*) предложила альтернативный лозунг «Извинений за Едвабне недостаточно» [69], манифестирующий нерешенность проблемы Едвабне в польском обществе (2022) [56, с. 48]. Однако, как утверждал адвокат четырех молодых людей, обвиняемых в публичном выкрикивании этого лозунга (2013), националистическую идею о невинности поляков в этом преступлении поддерживают до 50% населения Польши. Заявление это в суде, однако, не приняли во внимание и присудили националистам срок тюремного заключения [70]. Что, однако, никак не остановило саму дискуссию.

Нужно специально заметить, что официально эти националистически-антисемитские тенденции не поддерживаются правительствами стран Европейского союза [41, с.25-27]. В Польше (1998) принят закон о запрете отрицания Холокоста [77], в Литве и на Украине действуют меры по противодействию антисемитизму [22]. Но всё же, хотя националистические взгляды разделяют далеко не все ученые, они хорошо известны в (экспертных) сообществах этих стран. Марта прямо говорит в интер-

вью (2021): «Некоторые коллеги, изучающие украинско-еврейские отношения, сталкиваются с проявлениями антисемитизма в научной среде, а порой и с неприкрытыми угрозами. Меня это тоже время от времени затрагивает» [8]. Холокост и, главное, активное участие в нем организованных пронацистских формирований литовцев и украинцев, остается темой, на которую общество не (вполне) готово говорить открыто. Рута прямо называла тему «опасной» и рассказывала, что столкнулась с отрицательной реакцией своих родных, друзей и коллег с самого начала работы над книгой «Наши». Она объясняла это тем, что Литва на протяжении столетий была частью нескольких империй, обрела независимость лишь недавно, и теперь нуждается в исторических героях-патриотах, но найти таковых можно лишь среди антисоветских партизан [5], более известных под названием Лесные братья. А Марта упомянула в интервью, что ей стало вполне очевидно отчуждение коллег и знакомых, так что и дальнейшая работа в Центре исследований освободительного движения (Львов) стала нежелательной – в том числе, и для нее самой. По ее словам, «говорить о погромах означает риск подвергнуться давлению, в том числе, со стороны научных кругов» [8]. В трагическую годовщину антиеврейского погрома во Львове, по словам Марты, СМИ Украины рассказывали мало, «вскользь, лаконично, не упоминая о контексте и последствиях, а также, разумеется, о роли разных политических сил, в том числе ОУН», т.е. о поддержке журналистов тоже речи не шло. Причина та же, что и в Литве: нетерпимость объясняется попыткой написать героическую историю, вымарав оттуда темные пятна и преступления [8].

Для того, чтобы сузить множество интерпретаций и подкрепить «свою», особенно если аргументы ее сомнительны, в ход также идут нехитрые коммуникативные приемы. Они позволяют, например, сочетать несочетаемое, то есть сблизить антисемитскую политику литовских и украинских националистических (военных) организаций времен Второй мировой войны – и современное идеальное представление о европейской демократии. В данном случае, пугающе эффективными оказываются политические метафоры: «агенты/пособники Кремля», «обслуживание интересов кремлевской пропаганды» в случае Руты и Марты, а также «угроза национальной безопасности» в случае книг Руты [25]. Еще до выхода книги об Адольфасе Раманаускасе депутат от партии "Союз Отечества – Христианские демократы Литвы" (СО-ХДЛ) Лауринас Касчюнас раскритиковал председателя Еврейских Общин Литвы Фаину Куклянку за финансовую поддержку проекта Ванагайте [16]. Он назвал это «провокацией и разжиганием ненависти», противопоставив историческое исследование основной коммуника-

³ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

тивной ценности – безопасности целой страны [72, с. 148, 181-182].

Роль политических метафор заключается в воздействии на сознание слушателя/читателя через косвенную номинацию, в существенном расширении границ интерпретации текста или устного выступления [2, с.404]. Политическая метафора-обвинение «агенты/пособники Кремля» обозначают исследователей как лазутчиков врага, их темы – как помогающие врагу, их деятельность – как выгодную для врага. В целом подобные подозрения и даже обвинения характерны и для работы (западных) исследователей в социалистических и современных обществах [79]. Рута и Марта категорически отрицают любые политические связи с Россией [5], но это никак не меняет ситуацию. Цель использования метафор – иная. В коммуникации она прочерчивает резкую границу между «своими», т.е. литовскими и украинскими националистически настроенными условными группами – и «чужими», т.е. нейтральными и/или (про)российскими. Это указание на границу между «нами» и «ими», по Бруно Латуру, является одним из необходимых действий, определяющим само существование группы. Суть ее самоидентификации и развития состоит в противопоставлении одной группы – всем другим. Поскольку группы создаются, чтобы говорить, то для укрепления границ между одной группой и другими группами привлекаются максимально возможные ресурсы и профессионалы [18, с. 384]. Значит, подрывные темы опасны вдвойне. Обсуждения среди единомышленников угрожают ее собственному мировоззрению. А для других групп они как мишени.

Как указывает антрополог Майкл Херцфельд, обсуждение неудобных тем «чужаками» или «среди чужаков», т.е. в публичной сфере, рождает более или менее острое неприятие среди современных национализмов в Европе [50, с.133-135]. Если (националистические) группы и их идеологии имеют значительное влияние в государстве, то работа историков значительно затруднена. Например, исследование массового истребления армян и греков как геноцида (1915) может стоить серьезных неприятностей в карьере в Азербайджане и Турции [20]. На Украине выдвигался отдельный законопроект об уголовной ответственности за непризнание Голодомора 1932-33 гг. как геноцида украинцев со стороны Москвы [6]. Неудивительно, что националистические группы в Украине и Литве, где антисемитизм недвусмысленно проговаривается и даже практикуется среди их адептов [14; 30], публично отрицают активное участие своих героев в Холокосте [13]. По-видимому, эти факты становятся мишенями для других групп и дискредитируют ценности и мировоззрение групп в целом – соответственно, поэтому их стараются не обсуждать.

Метафора «угроза национальной безопасности» играет ещё одну важную роль в коммуни-

кации. Указывая на границы (антироссийских) групп, она противопоставляет исторические исследования всем актуальным общественным ценностям. Среди ценностей легко угадывается европейская демократия, т.е. всё хорошее, что ассоциируется у читателей с понятиями независимости и демократии. Здесь мы видим сочетание коммуникативных приемов. «Угроза» предполагает, что, приняв рекомендации коммуникатора, можно избежать социального неодобрения или предотвратить некоторую форму физической опасности, потери значимых ценностей [53, с. 56-58]. А (косвенная) отсылка к независимости, демократии и европейским ценностям носит название «сияющие обобщения» (*glittering generality*). Этот коммуникативный прием основан на эксплуатации положительных чувств и эмоций людей к определенным понятиям и словам – например, свобода, патриотизм, счастье, победа [12; 40, с.1980]. Оба приема позволяют успешно воздействовать на массовое сознание в политических дебатах, рекламе. Они были разработаны в фашистской Германии и США ещё в конце 1930-х гг. [40, с.1976-1977], а позже исследовались психологами в рамках экспериментов по поводу воздействия на общественное мнение (*opinion change*) [45; 52; 53] - в частности, со ссылками на отчеты нацистов о работе с политзаключенными в концентрационных лагерях [53, с. 82]. В настоящее время эти приемы активно используются в рекламе и политтехнологиях – уже как азбука воздействия на массы. Таким образом, метафора «угроза национальной безопасности» становится мощным негативным обобщением. Угрозой всему светлому и прекрасному, что будто бы воплощает понятие демократии.

Депутат литовского Сейма, выступая персонально против Руты, ловко отвел от себя обвинения в антисемитизме. Он поддержал исследования о Холокосте в Литве в целом, но обвинил Руту в заведомой клевете на литовских национальных героев и усомнился в ее способности провести объективное исследование [13]. То есть, иными словами, угрозой обществу «прекрасному» выступает именно Рута Ванагайте в роли историка. Так слушателя/читателя легко «уводят» от прямой связи между «героями», т.е. антисоветскими сепаратистами – и массовыми убийствами беззащитного еврейского населения, в основном – женщин, стариков и детей. Сходный прием противопоставления конкретного нежелательного объекта и независимости / демократии использовал журнал «Огонек» эпохи перестройки. Так горожан настраивали против строительства Комплекса защиты Ленинграда от наводнений, уже близящегося к завершению. Статья называлась «Дамба против демократии» [24]. Название если и показалось кому-то комичным, то не вызвало публичной критики в ответ. А творческая

интеллигенция активно поддержала остановку строительства масштабнейшего объекта вблизи города, который заведомо невозможно было разобрать или радикально перестроить [76].

Общественные активисты и вовлеченные эксперты могут способствовать замалчиванию подрывных тем, но в таком случае те могут иметь эффект сжатой пружины, которая, распрямляясь, резко выбрасывает их в медийное, социальное и академическое пространство. Более того, такое замалчивание лишь способствует потере доверия к мировоззрению и ценностям условной группы. В теории коммуникации есть случаи, когда идеи/ценности, повторяемые в СМИ, со временем девальвируются, если (подрывные) контраргументы не обсуждались долгое время [72, с. 159-161]. Так происходит обычно во время политических / экономических/социальных кризисов. Например, даже очевидная и общеизвестная угроза катастрофического наводнения в Петербурге-Ленинграде была обесценена в кризисную эпоху перестройки. Протестующие молодежные группы наэлектризовали общественность и политиков настолько, что Ленсовет (городской парламент) настоял на консервации или даже уничтожении почти готовой защитной дамбы в Финском заливе. Власти использовали это экополитическое движение для прекращения финансирования строительства, т. е. спорные идеи молодежи охотно инструментализировались [76].

Руту и Марту, как это показывают интервью в прессе, объединяет то, что они выросли в кругу людей, где силен был местный патриотизм антисоветского толка. Рута вспоминала: «Мой интерес начался с того, что двое моих родственников были вроде бы причастны. Они не стреляли, но когда я узнала, как это все происходило... Люди не стреляли, но они составляли списки, делали свою работу в самоуправлении, охраняли. Они были участниками Холокоста» [5]. Марта с детства слышала семейные рассказы об антисоветских украинских подпольщиках, романтично воспринимала их роль во время учебы в университете Львова – но была шокирована архивными документами, касающихся отношения к женщинам в ОУН и УПА [8]. Занятия историей привели исследовательниц к тем самым подрывным опасным темам, что затрагивают темы вины, ответственности, оправдания. Они оказались сродни агамбеновскому Свидетелю (Номо Sacer. Что остается после Освенцима, 2012) – не непосредственному участнику событий, но проанализировавшему архивные документы и рассказы очевидцев. Свидетель разрывается между Правом как производством (о)суждения и Этикой как предоставлением голоса другим – тем, кто уже не может сказать сам, т.е. жертвам [1, с. 8]. Истории о массовых убийствах и изнасилованиях оказались не

ко двору в Литве и Украине. Ни в смысле (о)суждения, ни в любом другом смысле они не способствовали построению там новой постсоветской/антироссийской идеологии [5]. Значит, оба историка оказались свидетелями нежелательными. При этом меры, которые были применены по отношению к ним, можно описать как чрезвычайные: они (далеко) выходили за рамки закона и обычно не применялись по отношению к другим историкам. По Дж. Агамбену, чрезвычайные меры (чрезвычайное положение) и вводятся с тем, чтобы менять систему в интересах суверена – лица или условной группы. В результате, нежелательные свидетельницы оказались вытесненными из пространства своей родины. Однако именно это (публичное) исключение из общества условного большинства подарило им исключительную же возможность – быть услышанными как внутри своих стран, так и далеко за их пределами. Интервью с Руту активно передавались с помощью перепоста в социальных сетях (2016-по настоящее время). О работах Марты автор статьи впервые узнала из неформальных разговоров с украинскими коллегами-историками. Изгнанник оказывается вне группы – он изначально или в результате изгнания не подчиняется/не подстраивается под правила/идеи группы, вырабатывает свои. И уже эти новые правила или идеи при определенных условиях могут оказывать то или иное влияние на общество [36]. Если представить, что коллеги и националистически настроенные общественные активисты просто оставили бы Руту и Марту в покое, пусть и не (вполне) признавая своевременность или достоверность их работ, то эти случаи, равно как и сами истории, не получили бы такой мощной огласки.

Результаты. Получилось, что изгнанничество принесло не одни лишь тяготы – оно стало и привилегией. Услышанные многочисленной аудиторией, Рута и Марта заставили людей осознать, что нацистские преступления XX в. легко забываются или «заметаются под ковер» ради политических интересов. При этом забвение носит, как это ни странно, вполне активный характер. В нем, конечно, играют свою роль семь «П» (профессора и проч.), давно известные теоретикам истории памяти. Но труд их был бы, возможно, не так и эффективен, если бы коллеги, друзья и родня сначала не предупреждали, а затем не отворачивались от смельчаков. Когда в число «подрывных тем» в европейских странах попадают исследования Холокоста или нацистских преступлений – это по-настоящему шокирует. Как и то, что в век информации значение темам и голос историкам придают гонения – вопрос лишь в том, где, когда и в каком контексте голоса должны прозвучать в полную силу.

Литература

1. Агамбен Дж. Номо Сакер. Что остается после Освенцима. Архив и свидетель. Москва: Издательство Европа, 2012. 192 с.
2. Аكوпова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник ННГУ. 2013. №6-1. С. 403–409.
3. Архипова А.А. Социально-историческая амнезия в Украине: к постановке проблемы // Грані. 2016. №140(12). С. 33–39.
4. Боровик М., Дробкова Н., Пастушенко Т. (eds.): Друга світова війна та нацистська окупація у спогадах киян. Київ: Самит-книга, 2020. 352 с.
5. Вигдорчик П. Рута Ванагайте, автор книги "Наши": про убийц, праведников и евреев. Интервью NEWSru.co.il // Litvakes: The Jewish Community of Lithuania 16.06.2017. URL: <https://www.lzb.lt/ru/2017/> (дата обращения: 02.04.2025).
6. Викривачка дивізії «Галичина» зичить смерті польським дітям, критикує ЗСУ і тішиться профанації храмів // Політична теологія 29.10.2023. URL: <https://politico.online/novyny/vykryvachka-dyviziji-galychyna-zyche-smerti-polskym-dityam-i-tishytsya-profanacziyi-ukrayinskyh-hramiv/> (дата обращения: 02.04.2025).
7. Внесен законопроект об уголовной ответственности за отрицание Голодомора // Юридична практика 25.11.2019. URL: <https://pravo.ua/vnesen-zakonoproekt-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-otricanie-golodomora/> (дата: обращения 02.01.2025).
8. Гавришко М. Во Львові до сих пор нет мемориальной доски в память о жертвах погрома 1941 года // Хадашот. № 8, 16.08.2021 / 5781 URL: <http://hadashot.kiev.ua/node/1812> (дата обращения: 17.02.2023).
9. Гавришко М. Вплив «гендерної політики» в Третью Райху на український феміністичний дискурс у Галичині 1930-х рр // Українознавчий альманах. Вип. 6. Київ, 2011. С. 86 – 90.
10. Гавришко М. Гендерні аспекти сексуальної моралі в ОУН і УПА у 1940–1950 років // Український визвольний рух. Львів, 2015. С. 199–213;
11. Гавришко М. Чоловіки, жінки і насильство в ОУН і УПА у 1940-1950-х роках // Український історичний журнал. 2016. № 4. С. 89 – 107.
12. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия URL: https://evartist.narod.ru/text3/76.htm#_ftnref3 (дата обращения 02.01.2025).
13. Депутат Сейма Литвы назвал Ванагайте угрозой исследованию Холокоста // Sputnik Litva 27.03.2020. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20200327/Deputat-Seyma-Litvy-nazvalVanagayteugrozoy-issledovaniyu-Kholokosta-11694624.html> (дата обращения: 02.01.2025).
14. Долинский Е. Долинский рассказал, кто не согласен с выводами о масштабах антисемитизма на Украине URL: <https://ukraina.ru/20191126/1025805113.html?in=t> (дата обращения: 02.01.2025).
15. Иванова Е. Конструирование коллективной памяти о Холокосте в Украине // Ab Imperio. 2004. №2. С. 369–392.
16. Как это случилось: Ванагайте презентовала новую книгу о Холокосте // Sputnik Litva 25.06.2020. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20200625/Kak-eto-sluchilos-Vanagayte-prezentovala-novuyu-knigu-o-Kholokoste-v-Litve-12477360.html> (дата обращения: 02.04.2025).
17. Куделко С.М., Посохов С.И., Дьякова Е. Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб: Алетейя, 2013. 568 с.
18. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / пер. Полонская И. Москва: Издательский Дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
19. Литовская писательница Рута Ванагайте эмигрировала в Испанию из-за книги о Холокосте // STMEGI 28.11.2022: URL: <https://stmegi.com/posts/103306/litovskaya-pisatel'nitsa-ruta-vanagayte-emigrirovala-v-ispaniyu-iz-za-knigi-o-kholokoste/> (дата обращения: 17.02.2023).
20. МИД Турции покупает отрицание Геноцида армян у своих академиков - Times Higher Education // Регнум. 23.09.2011 URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1448296.html#ixzz1hncBfqow> (дата обращения: 02.01.2025).
21. Михайлов О. Месть за правду о Холокосте в Литве // Regnum, 27.10.2017. URL: <https://regnum.ru/article/2339353> (дата обращения: 11.05.2024).
22. На Украине приняли закон о борьбе с антисемитизмом // Interfaks 22.09.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/792828> (дата обращения: 02.01.2025).
23. Нестеров Г. Президент Лукашенко дал оценку сталинским репрессиям. Президент Белоруссии Лукашенко: в стране не должно быть перегибов, как при Сталине // Lenta.ru 16.12.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/12/16/luca_stalin/ (дата обращения: 11.05.2024).
24. Петриченко О. Дамба против демократии // Огонек. 1989. №7. С.23.
25. Полиция пришла на презентацию книги о Большом терроре в Петербурге // РБК, Санкт-Петербург и область 25.11.2023. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/25/11/2023/656229079a7947627c7a5ce8 (дата обращения: 11.05.2024).
26. Преследуемая в Литве писательница Рута Ванагайте поселилась в Испании // Sputnik Литва 27.11.2022. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20221127/presleduemaya-v-litve-pisatel'nitsa-ruta-vanagayte-poselilas-v-ispanii-25475609.html> (дата обращения: 02.04.2025).
27. Путин призвал не повторять политические репрессии в истории России // Политика 05.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/656e3a899a7947fca57418f0> (дата обращения: 11.05.2024).
28. Рудницкая А. Рута Ванагайте. Антисемитизм никуда не делся. Мир видит происходящее как в кривом зеркале // Delfi. Литва. Общество. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/ruta-vanagayte-antisemitizm-nikuda-ne-delsya-mir-vidit-proishodyashchee-kak-v-krivom-zerkale-94975855> (дата обращения: 11.05.2024).
29. Рута Ванагайте: "Я "оголливила" Холокост в Литве". Как заставить общество задавать себе сложные вопросы? // BBC News. Русская служба. 18 июля 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44863218> (дата обращения: 17.02.2025).
30. Стоякин В. «Теоретический» антисемитизм украинцев не мешает голосовать им за власть // Ukraina.ru 26.11.2019. URL: <https://ukraina.ru/20191126/1025798524.html?in=t> (дата обращения: 02.01.2025).
31. Титаренко Д. «Детство пришлось на войну – видать, в войну придется и умереть...»: свідки Другої світової/Великої Вітчизняної війни в умовах воєнного конфлікту на Донбасі // Слухати, чути, розуміти: усна історія України ХХ–ХХІ століть / ред Гринченко Г. Київ: ТОВ «АРТ-КНИГА», 2021. С. 163–199.

32. Толстовка с надписью «Я не прошу прощения за Едвабне» URL: <https://sklep-wprawo.pl/pl/p/Bluza-Nie-przepraszam-za-Jedwabne/77> (дата обращения: 02.01.2025).
33. Требст Ш. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы. Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 51–55.
34. Усач А. «То не німці...»: місцеві винуватці Голокосту в неєврейських усноісторичних Свідченнях // Гринченко Г. (ed.) *Слухати, чути, розуміти: усна історія України ХХ–ХХІ століть*. Київ: ТОВ «АРТ-КНИГА», 2021. С. 143–161.
35. Флиге И. Сандормох: драматургия смыслов. СПб: Нестор-История, 2019. 205 с.
36. Agamben G. *State of exception*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2005. 95 p.
37. Arp A. and Goudin-Steinmann E. *Die DDR nach der DDR. Ostdeutsche Lebenserzählungen*. Gießen: Psychosozial-Verlag GmbH, 2022. 300 p.
38. Arp A. *Memories of the GDR 20 Years after the Fall of the Wall. Oral History vs The Politics of History during the 2009 Anniversary* // *Zwischen abweichenden Narrativen und nationaler Loyalität: Oral History und Geschichtspolitik im östlichen Europa* (manuscript, not published).
39. Assmann A. *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention*. München: C.H. Beck, 2013.
40. Bauer A.J. *Glittering Generalities: Reconsidering the Institute for Propaganda Analysis* // *International Journal of Communication*. 2024. №18. pp. 1976–1994.
41. Belavusau U., Gliszczyńska-Grabias A., Mälksoo M. *Memory_Laws_and_Memory_Wars_in_Poland, Russia and Ukraine* // *Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart. Neue Folge. Band 69*. Tübingen, 2021. p. 95–116.
42. Bigalke S. *Die Spur des Falken. Eine litauische Autorin erntet Hass mit einer unbedachten Äußerung über einen Nationalhelden* // *Süddeutsche Zeitung* vom 25.11.2017. pp. 7. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/baltikum-die-spur-des-falken-1.3764230> (accessed: 17.02.2023).
43. Bisping H. *Die DDR im Blick der Stasi 1977: die geheimen Berichte an die SED-Führung*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2012. 320 p.
44. Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge Mass. and London: Harvard University Press, 2006. 296 p.
45. Doob L.W. *Public Opinion and Propaganda*. New York: Henry Holt and Co., 1956. 600 p.
46. EJC presents: *Golden Vision award to Lithuanian writer Ruta Vanagaite* // EJC, 18.02.2018, URL: <https://eurojewcong.org/ejc-in-action/statements/ejc-presents-golden-vision-award-lithuanian-writer-ruta-vanagaite/> (accessed: 17.02.2023).
47. Gross J.T. *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 216 p.
48. Havryshko M. *Illegitimate sexual practices in the OUN underground and UPA in Western Ukraine in the 1940s and 1950s* // *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2016. Issue 17: Women in arms: from the Russian Empire to Post-Soviet States.
49. Havryshko M. *Love and Sex in Wartime: Controlling Women's Sexuality in the Ukrainian Nationalist Underground* // *Aspasia*. 2018. Vol. 12. pp. 35–67.
50. Herzfeld M. *Cultural Intimacy. Social Poetics and the Real Life of States, Societies, and Institutions*. New York NY: Psychology Press, 2005. 280 p.
51. Herzfeld M. *States and Nationalism* (15.05.2015) // URL: <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0318> (accessed: 2.04.2025).
52. Hovland C. et al. *Order of presentation persuasion*. New Haven: Yale University Press, 1957. 199 p.
53. Hovland C., Janis I.L., Kelley H. *Communication and persuasion*. New Haven: Yale University Press, 1953. 327 p.
54. Kashtalian I. *Belarus im Zeichen politischer Repressionen während der Sowjetzeit (1917–1953)* // Kaminsky A. (ed.) *Erinnerungsorte an die Opfer des Kommunismus in Belarus*. Berlin, 2011. p. 9–20.
55. Kashtalian I. *The Challenges in Studying Soviet-Era Repressions as an Indicator of the Freedom of Historical Research in Belarus* // Doucette S., et al. (eds.) *Returning to Europe. Belarus Past and Future*. Warsaw, 2011.
56. Kasowska-Pedrycz K. *Mowa nienawiści w przestrzeni publicznej. Analiza prawno-politologiczna*. [PhD dissertation, the supervision of Prof. Dr. Agnieszka Kasińska-Metryka]. (Kielce, 2022).
57. Koposov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 328 p.
58. Leonhard R. *Autorin über Antisemitismus in Litauen: "Ich habe die litauische Lebenslüge zerstört"* // *Die Tageszeitung* 19.04.2018. URL: <https://taz.de/Autorin-ueber-Antisemitismus-in-Litauen/!5497083/> (accessed: 17.02.2023).
59. Lindenberger Th. *Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur: Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR*. Köln [u.a.]: Böhlau, 1999. 370 p.
60. Makhotina E. *Erinnerungen an den Krieg - Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. (Schnittstellen, Studien zum östlichen und südöstlichen Europa, Bd. 4.)*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2017. 478 p.
61. McGlynn J. and Jones O.T. *Researching Memory and Identity in Russia and Eastern Europe. Interdisciplinary Methodologies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 237 p.
62. Medek J. *"Nie przepraszam za Jedwabne" prawomocnie mową nienawiści* // *Gazeta Wyborcza Białystok*. 19.09.2013 (accessed: 2021-08-09).
63. Pakier M. and Wawrzyniak J. *Memory and Change in Europe. Eastern Perspectives*, New York and Oxford: Berghahn Books, 2015. 388 p.
64. Pehe V., Wawrzyniak J. (eds.) *Remembering the Neoliberal Turn: Economic Change and Collective Memory in Eastern Europe after 1989*. London: Routledge, 2024. 334 p.
65. Polonsky A. and Michlic J.B. *The Neighbors Respond: The Controversy over the Jedwabne Massacre in Poland*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 432 p.
66. Rossoliński-Liebe G. *Erinnerungslücke Holocaust. Die ukrainische Diaspora und der Genozid an den Juden* // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Band 62. N2 2014. S. 397-430.
67. Rossoliński-Liebe G. *Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide, and Cult*. Stuttgart: Schutzumschlag, 2014. 574 p.

68. Rossoliński-Liebe G. The Fascist Kernel of Ukrainian Genocidal Nationalism. The Carl Beck Papers in Russian & East European Studies. 2015. Band 2402.
69. Ruch Palikota przeciwko mowie nienawiści. "Przeprosiny za Jedwabne to za mało" - Palikot's movement against hate speech. "An apology for Jedwabne is not enough", Wprost 5.09.2011. (In Polish) URL: <https://www.wprost.pl/kraj/260403/ruch-palikota-przeciwko-mowie-nienawisci-przeprosiny-za-jedwabne.html> (accessed: 02.01.2025).
70. Sąd: Hasło „Nie przepraszam za Jedwabne” to „mowa nienawiści”! // Portal Nacjonalista.pl 6.10.2013 URL: <https://www.salon24.pl/u/nacjonalista/538831,sad-haslo-nie-przepraszam-za-jedwabne-to-mowa-nienawisci> (accessed: 02.01.2025).
71. Schaufuß Th. und Bähre H. Ferienfreizeit mit Spiel, Sport und Abenteuer: Kinder- und Jugendsozialtourismus, das Betriebsferienlager in der DDR und ihre Vorläufer. Berlin: OEZ Berlin-Verlag, 2017. 582 p.
72. Schirmer W. Bedrohungskommunikation. Eine gesellschaftstheoretische Studie zu Sicherheit und Unsicherheit. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 236 p.
73. Schmiester C. Ruta Vanagaite: "Die Unsrigen". Enthüllungen über Litauens Holocaust-Vergangenheit. Deutschlandfunk Kultur. 29.03.2016. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/ruta-vanagaite-die-unsrigen-enthuellungen-ueber-litauens-100.html> (accessed: 17.02.2023).
74. Shkandrij M. Revolutionary Ukraine (1917-2017): History's Flashpoints and Today's Memory Wars. New York and London: Routledge, 2020. 216 p.
75. Thaidigsmann M. An der Seite von Europas Juden // Jüdische Allgemeine. 31.05.2018, URL: <https://www.juedische-allgemeine.de/juedische-welt/an-der-seite-von-europas-juden/> (accessed: 17.02.2023).
76. Tziafetas G. The ecologists versus the builders: the conflict over the Leningrad Dam in 1970-80s // Петербургский исторический журнал. 2014. №1. С. 182–189.
77. Ustawa z dnia 18 grudnia 1998 r.... Act of 18 December 1998 on the Institute of National Remembrance - Commission for the Prosecution of Crimes against the Polish Nation. (Dz.U. z 1998 r. Nr 155, poz. 1016). (In Polish)
78. Verdery K. My life as a spy: Investigations in a Secret Police File. Durham, NC: MNG University Press, 2018. 344 p.
79. Verseck K. Litauische Autorin löst Geschichtsstreit aus: Judenmörder, Kollaborateure, KGB-Agenten. Spiegel Online. 2.11.2017. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/litauen-bestseller-autorin-ruta-vanagaite-kratz-am-nationalmythos-a-1175646.html> (accessed: 17.02.2023).
80. Virno P. A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Form of Life. New York: Semiotext(e), 2004. 120 p.

References

1. Agamben Dzh. Homo Sacer. What Remains After Auschwitz. Archive and Witness. Moscow: Evropa, 2012. 192 p. (In Russ.).
2. Akopova DR. Strategies and Tactics of Political Discourse. *Vestnik NNGU*. 2013;6-1:403-409. (In Russ.).
3. Arhipova AA. Socio-historical amnesia in Ukraine: towards a problem statement. *Grani*. 2016;140(12):33-39. (In Russ.).
4. Borovik M., Drobkova N., Pastushenko T. (eds.): The Second World War and the Nationalist Occupation in the Context of Kyiv. Kyiv: Samit-kniga, 2020. 352 p. (In Ukr.).
5. Vigdorshik P. Ruta Vanagaite, author of the book "Ours": about murderers, righteous people, and Jews. Interview with NEWSru.co.il in Litvakes: The Jewish Community of Lithuania 16.06.2017. URL: <https://www.lzb.lt/ru/2017/> (accessed: 02.04.2025). (In Russ.).
6. The whistleblower of the Galicia Division wishes death to Polish children, criticizes the Armed Forces of Ukraine and rejoices in the desecration of churches. *Politychna teologiya* 29.10.2023. URL: <https://politico.online/novyny/vykryvachka-dyviziya-galychyna-zyche-smerti-polskym-dityam-i-tishytsya-profanaciyi-ukrayinskyh-hramiv/> (accessed: 02.04.2025). (In Ukr.).
7. A bill on criminal liability for denial of the Holodomor has been introduced. *YUridichna praktyka* 25.11.2019. URL: <https://pravo.ua/vnesen-zakonoproekt-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-otricanie-golodomora/> (data: obrashcheniya 02.01.2025). (In Russ.).
8. Gavrishko M. Bo In Lviv, there is still no memorial plaque in memory of the victims of the 1941 pogrom. *Hadashot*. 2021;8, 16.08.2021 / 5781 URL: <http://hadashot.kiev.ua/node/1812> (accessed: 17.02.2023). (In Russ.).
9. Gavrishko M. The infusion of "gender politics" in the Third Reich into the Ukrainian feminist discourse in Galicia in the 1930s. *Ukrainoznavchij al'manah*. 2011;6:86–90. (In Ukr.).
10. Gavrishko M. Gender aspects of sexual morality in the OUN and UPA in 1940-1950 in Ukrainian Free Movement. Lviv, 2015. С. 199–213. (In Ukr.).
11. Gavrishko M. Men, women and violence in the OUN and UPA in the 1940s and 1950s. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal*. 2016;4:89 – 107. (In Ukr.).
12. Grachev GV, Mel'nik IK. Manipulation of personality: organization, methods and technologies of information and psychological influence URL: https://evartist.narod.ru/text3/76.htm#_ftnref3 (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).
13. Deputy of the Seimas of Lithuania called Vanagaite a threat to Holocaust research in Sputnik Litva 27.03.2020. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20200327/Deputat-Seyma-Litvy-nazvalVanagayteugrozoy-issledovaniyu-Kholokosta-11694624.html> (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).
14. Dolinskij E. Dolinsky spoke about those who disagree with the conclusions about the scale of anti-Semitism in Ukraine URL: <https://ukraina.ru/20191126/1025805113.html?in=t> (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).
15. Ivanova E. Construction of collective memory of the Holocaust in Ukraine. *Ab Imperio*. 2004;2:369-392. (In Russ.).
16. How It Happened: Vanagaite Presented a New Book on the Holocaust in Sputnik Litva 25.06.2020. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20200625/Kak-eto-sluchilos-Vanagayte-prezentovala-novuyu-knigu-o-Kholokoste-v-Litve-12477360.html> (accessed: 02.04.2025). (In Russ.).
17. Kudelko SM, Posohov SI, D'yakova E. The City and War: Kharkov During the Great Patriotic War. St. Petersburg: Aleteiya, 2013. 568 p. (In Russ.).
18. Latur B. Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory / trans. Polonskaya, I. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (In Russ.).

19. Lithuanian writer Ruta Vanagaite emigrated to Spain because of a book about the Holocaust in STMEGI 28.11.2022: URL: <https://stmegi.com/posts/103306/litovskaya-pisatel'nitsa-ruta-vanagayte-emigrirovala-v-ispaniyu-iz-za-knigi-o-kholokoste/> (accessed: 17.02.2023). (In Russ.).
20. Turkey's Foreign Ministry is buying Armenian Genocide denial from its academics - Times Higher Education in Regnum. 23.09.2011 URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1448296.html#ixzz1hncBfqow> (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).
21. Mihajlov O. Revenge for the Truth about the Holocaust in Lithuania in Regnum, 27.10.2017. URL: <https://regnum.ru/article/2339353> (accessed: 11.05.2024). (In Russ.).
22. Ukraine Adopts Law on Combating Anti-Semitism in Interfaks 22.09.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/792828> (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).
23. Nesterov G. President Lukashenko Assessed Stalin's Repressions." Belarusian President Lukashenko: There should be no excesses in the country like under Stalin in Lenta.ru 16.12.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/12/16/luka_stalin/ (accessed: 11.05.2024). (In Russ.).
24. Petrichenko O. A Dam Against Democracy. *Ogonek*. 1989;7:23. (In Russ.).
25. Police Attend Presentation of Book about the Great Terror in St. Petersburg in RBK 25.11.2023. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/25/11/2023/656229079a7947627c7a5ce8 (accessed: 11.05.2024). (In Russ.).
26. Persecuted writer Ruta Vanagaite has settled in Spain in Sputnik Litva 27.11.2022. URL: <https://lt.sputnik-news.ru/20221127/presleduemaya-v-litve-pisatel'nitsa-ruta-vanagayte-poselilas-v-ispanii-25475609.html> (accessed: 02.04.2025). (In Russ.).
27. Putin called for not repeating the political repressions in Russian history in Politika 05.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/656e3a899a7947fca57418f0> (accessed: 11.05.2024). (In Russ.).
28. Rudnickaya A. Ruta Vanagaite. Anti-Semitism has not gone away. The world sees what is happening as if in a distorting mirror in Delfi.Litva.Obshchestvo. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/ruta-vanagayte-antisemitizm-nikuda-ne-delsya-mir-vidit-proishodyashchee-kak-v-krivom-zerkale-94975855> (accessed: 11.05.2024). (In Russ.).
29. Ruta Vanagaite: "I 'Hollywoodized' the Holocaust in Lithuania." How to make society ask itself difficult questions? in BBC News. Russkaya sluzhba. 18 iyulya 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44863218> (accessed: 17.02.2025). (In Russ.).
30. Stoyakin V. "Theoretical" anti-Semitism of Ukrainians does not prevent them from voting for the government in Ukraina.ru 26.11.2019. URL: <https://ukraina.ru/20191126/1025798524.html?in=t> (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).
31. Titarenko D. "Childhood had to go to war - apparently, you will have to die in war...": evidence from Another World/Great German War in the minds of the military conflict in Donbass in Listen, hear, understand: oral history of Ukraine in the 20th–21st centuries / ed Grinchenko G. Kyiv: TOV «ART-KNIGA», 2021. p. 163 – 199. (In Ukr.). (In Russ.).
32. Sweatshirt with the inscription "I do not apologize for Jedwabne" URL: <https://sklep-wprawo.pl/pl/p/Bluza-Nie-przepraszam-za-Jedwabne/77> (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).
33. Trebst Sh. "What kind of carpet is this?" The culture of memory in post-communist societies of Eastern Europe. An attempt at a general description and categorization". *Ab Imperio*. 2004;4:51 - 55. (In Russ.).
34. Usach A. "Those are not Germans...": local culprits of the Holocaust in non-Jewish historical accounts Listen, hear, understand: oral history of Ukraine in the 20th–21st centuries / ed Grinchenko G. Kyiv: TOV «ART-KNIGA», 2021. p. 143-161. (In Ukr.).
35. Flige I. Sandormokh: Dramaturgy of Meanings. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 205 p. (In Russ.).
36. Agamben G. State of exception. Chicago and London: University of Chicago Press, 2005. 95 p.
37. Arp A. and Goudin-Steinmann E. Die DDR nach der DDR. Ostdeutsche Lebenserzählungen. Gießen: Psychosozial-Verlag GmbH, 2022. 300 p.
38. Arp A. Memories of the GDR 20 Years after the Fall of the Wall. Oral History vs The Politics of History during the 2009 Anniversary in Zwischen abweichenden Narrativen und nationaler Loyalität: Oral History und Geschichtspolitik im östlichen Europa (manuscript, not published).
39. Assmann A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München: C.H. Beck, 2013.
40. Bauer A.J. Glittering Generalities: Reconsidering the Institute for Propaganda Analysis. *International Journal of Communication*. 2024;18:1976-1994.
41. Belavusau U., Gliszczyńska-Grabias A., Mälksoo M. Memory_Laws_and_Memory_Wars_in_Poland, Russia and Ukraine // Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart. Neue Folge. Band 69. Tübingen, 2021. p. 95-116.
42. Bigalke S. Die Spur des Falken. Eine litauische Autorin erntet Hass mit einer unbedachten Äußerung über einen Nationalhelden in Süddeutsche Zeitung vom 25.11.2017. pp. 7. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/baltikum-die-spur-des-falken-1.3764230> (accessed: 17.02.2023).
43. Bispinck H. Die DDR im Blick der Stasi 1977: die geheimen Berichte an die SED-Führung. Göttingen: Vanderhoeck&Ruprecht, 2012. 320 p.
44. Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge Mass. and London: Harvard University Press, 2006. 296 p.
45. Doob L.W. Public Opinion and Propaganda. New York: Henry Holt and Co., 1956. 600 p.
46. EJC presents: Golden Vision award to Lithuanian writer Ruta Vanagaite in EJC, 18.02.2018, URL: <https://eurojewcong.org/ejc-in-action/statements/ejc-presents-golden-vision-award-lithuanian-writer-ruta-vanagaite/> (accessed: 17.02.2023).
47. Gross J.T. Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. Princeton: Princeton University Press, 2001. 216 p.
48. Havryshko M. Illegitimate sexual practices in the OUN underground and UPA in Western Ukraine in the 1940s and 1950s. *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2016. Issue 17: Women in arms: from the Russian Empire to Post-Soviet States.
49. Havryshko M. Love and Sex in Wartime: Controlling Women's Sexuality in the Ukrainian Nationalist Underground. *Aspasia*. 2018;12:35-67.

50. Herzfeld M. *Cultural Intimacy. Social Poetics and the Real Life of States, Societies, and Institutions*. New York NY: Psychology Press, 2005. 280 p.
51. Herzfeld M. *States and Nationalism* (15.05.2015) URL: <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0318> (accessed: 2.04.2025).
52. Hovland C. et al. *Order of presentation persuasion*. New Haven: Yale University Press, 1957. 199 p.
53. Hovland C., Janis I.L., Kelley H. *Communication and persuasion*. New Haven: Yale University Press, 1953. 327 p.
54. Kashtalian I. Belarus im Zeichen politischer Repressionen während der Sowjetzeit (1917–1953) in Kaminsky A. (ed.) *Erinnerungsorte an die Opfer des Kommunismus in Belarus*. Berlin, 2011. p. 9-20.
55. Kashtalian I. The Challenges in Studying Soviet-Era Repressions as an Indicator of the Freedom of Historical Research in Belarus / Doucette S., et al. (eds.) *Returning to Europe. Belarus Past and Future*. Warsaw, 2011.
56. Kasowska-Pedrycz K. *Mowa nienawiści w przestrzeni publicznej. Analiza prawno-politologiczna*. [PhD dissertation, the supervision of Prof. Dr. Agnieszka Kasińska-Metryka]. (Kielce, 2022).
57. Koposov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 328 p.
58. Leonhard R. Autorin über Antisemitismus in Litauen: "Ich habe die litauische Lebenslüge zerstört" in *Die Tageszeitung* 19.04.2018. URL: <https://taz.de/Autorin-ueber-Antisemitismus-in-Litauen/!5497083/> (accessed: 17.02.2023).
59. Lindenberger Th. *Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur: Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR*. Köln [u.a.]: Böhlau, 1999. 370 p.
60. Makhotina E. *Erinnerungen an den Krieg - Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. (Schnittstellen, Studien zum östlichen und südöstlichen Europa, Bd. 4.)*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2017. 478 p.
61. McGlynn J. and Jones O.T. *Researching Memory and Identity in Russia and Eastern Europe. Interdisciplinary Methodologies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 237 p.
62. Medek J. "Nie przepraszam za Jedwabne" prawomocnie mówią nienawiści. *Gazeta Wyborcza Białystok*. 19.09.2013 (accessed: 2021-08-09).
63. Pakier M. and Wawrzyniak J. *Memory and Change in Europe. Eastern Perspectives*, New York and Oxford: Berghahn Books, 2015. 388 p.
64. Pehe V., Wawrzyniak J. (eds.) *Remembering the Neoliberal Turn: Economic Change and Collective Memory in Eastern Europe after 1989*. London: Routledge, 2024. 334 p.
65. Polonsky A. and Michlic J.B. *The Neighbors Respond: The Controversy over the Jedwabne Massacre in Poland*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 432 p.
66. Rossoliński-Liebe G. Erinnerungslücke Holocaust. Die ukrainische Diaspora und der Genozid an den Juden in *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Band 62. N2 2014. S. 397-430.
67. Rossoliński-Liebe G. *Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide, and Cult*. Stuttgart: Schutumschlag, 2014. 574 p.
68. Rossoliński-Liebe G. *The Fascist Kernel of Ukrainian Genocidal Nationalism. The Carl Beck Papers in Russian & East European Studies*. 2015. Band 2402.
69. Ruch Palikota przeciwko mowie nienawiści. "Przeprosiny za Jedwabne to za mało" - Palikot's movement against hate speech. "An apology for Jedwabne is not enough", *Wprost* 5.09.2011. (In Polish) URL: <https://www.wprost.pl/kraj/260403/ruch-palikota-przeciwko-mowie-nienawisci-przeprosiny-za-jedwabne.html> (accessed: 02.01.2025).
70. Sąd: Hasło „Nie przepraszam za Jedwabne” to „mowa nienawiści”! in *Portal Nacjonalista.pl* 6.10.2013 URL: <https://www.salon24.pl/u/nacjonalista/538831,sad-haslo-nie-przepraszam-za-jedwabne-to-mowa-nienawisci> (accessed: 02.01.2025).
71. Schaufuß Th. und Bähre H. *Ferienfreizeit mit Spiel, Sport und Abenteuer: Kinder- und Jugendsozialtourismus, das Betriebsferienlager in der DDR und ihre Vorläufer*. Berlin: OEZ Berlin-Verlag, 2017. 582 p.
72. Schirmer W. *Bedrohungskommunikation. Eine gesellschaftstheoretische Studie zu Sicherheit und Unsicherheit*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 236 p.
73. Schmiester C. *Ruta Vanagaite: "Die Unsrigen". Enthüllungen über Litauens Holocaust-Vergangenheit*. Deutschlandfunk Kultur. 29.03.2016. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/ruta-vanagaite-die-unsrigen-enthuellungen-ueber-litauens-100.html> (accessed: 17.02.2023).
74. Shkandrij M. *Revolutionary Ukraine (1917-2017): History's Flashpoints and Today's Memory Wars*. New York and London: Routledge, 2020. 216 p.
75. Thaidigsmann M. *An der Seite von Europas Juden in Jüdische Allgemeine*. 31.05.2018, URL: <https://www.juedische-allgemeine.de/juedische-welt/an-der-seite-von-europas-juden/> (accessed: 17.02.2023).
76. Tzifetas G. *The ecologists versus the builders: the conflict over the Leningrad Dam in 1970-80s*. *Peterburgskii istoricheskii jurnal*. 2014;1:182-189.
77. Ustawa z dnia 18 grudnia 1998 r.... Act of 18 December 1998 on the Institute of National Remembrance - Commission for the Prosecution of Crimes against the Polish Nation. (Dz.U. z 1998 r. Nr 155, poz. 1016). (In Polish)
78. Verdery K. *My life as a spy: Investigations in a Secret Police File*. Durham, NC: MNG University Press, 2018. 344 p.
79. Verseck K. *Litauische Autorin löst Geschichtsstreit aus: Judenmörder, Kollaborateure, KGB-Agenten*. Spiegel Online. 2.11.2017. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/litauen-bestseller-autorin-ruta-vanagaite-kratzt-am-nationalmythos-a-1175646.html> (accessed: 17.02.2023).
80. Virno P. *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Form of Life*. New York: Semiotext(e), 2004. 120 p.

Научная статья

УДК 94(470.6)"18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.8>

«ВСЕГДАШНЕЕ ПЛАМЕННОЕ УСЕРДИЕ К ПОЛЬЗАМ ГОСУДАРСТВА...»: О НЕКОТОРЫХ ФАКТАХ ВОЕННОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ БИОГРАФИИ М. С. ВОРОНЦОВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»

Наре Арменовна Мкртчян

Пятигорский государственный университет (д.9, пр. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Аспирант

NareMK8@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9940-4077>

Аннотация. Введение. Формирование кавказского пограничья Российской империи в XIX в. представляет собой сложный и многогранный процесс, связанный с противостоянием части местных народов имперским порядкам. Особое место в этом процессе занимает газета «Кавказ», основанная в 1846 г. и ставшая важным элементом системы периодической печати региона. Издание служило платформой для освещения деятельности военачальников и формирования общественного мнения в условиях сложной политической обстановки. Среди множества выдающихся фигур особого внимания заслуживает наместник Михаил Семёнович Воронцов, инициатор основания газеты. Его деятельность как военачальника и администратора регулярно становилась объектом внимания журналистов, что подчеркивает значимость его вклада в жизни региона. **Материалы и методы.** Исследование основано на анализе текстов, опубликованных в региональной газете «Кавказ», а также на изучении частных источников, включая переписку и мемуары современников. Обращение к творчеству современников и участников описываемых событий, анализ их трактовки происходящего позволили применить методы интеллектуальной истории для оценки личности М. С. Воронцова и его восприятия общественностью. **Анализ.** При подаче материала в публикациях газеты «Кавказ» основное внимание концентрировалось на героизме рядовых участников военных действий, подчеркивалось боевое товарищество и освещались решения командования, направленные на умиротворение региона. При этом личные заслуги М. С. Воронцова упоминаются сдержанно, с акцентом на достижения его подчиненных, формируя образ

скромного, но при этом заботливого командующего и грамотно-го руководителя, о котором говорят достижения подчиненных. **Результаты.** По итогам исследования можно сделать вывод о том, что М. С. Воронцов обладал безусловными военными и административными талантами. Он внес значительный вклад в умиротворение Кавказа, проводя эффективную политику по распространению в крае российских порядков. Его деятельность сочетала силовые, экономические и социокультурные методы воздействия на ситуацию. Газета «Кавказ» знакомила общественность с проводимым наместником курсом и стала важным инструментом формирования его положительного имиджа. В ее публикациях читателям внушалась мысль, что достигнутые результаты являются общим достижением, а М. С. Воронцов не противопоставляет свои личные заслуги заслугам своих подчиненных.

Ключевые слова: газета, публикации, журналисты, наместник, М.С. Воронцов, солдаты, офицеры, горцы, Кавказ

Для цитирования: Мкртчян Н. А. «Всегдашнее пламенное усердие к пользам государства...»: о некоторых фактах военной и административной биографии М.С. Воронцова на страницах газеты «Кавказ» // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 632–638. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

“THE EVER-FERVENT ZEAL FOR THE BENEFITS OF THE STATE...”: ABOUT SOME FACTS OF MS VORONTSOV’S MILITARY AND ADMINISTRATIVE BIOGRAPHY ON THE PAGES OF THE KAVKAZ NEWSPAPER

Nare A. Mkrtchyan

Pyatigorsk State University (9 Kalinin Ave., 357532, Pyatigorsk, Russian Federation)

Postgraduate student

NareMK8@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9940-4077>

Abstract. Introduction. The formation of the Caucasus borderland of the Russian Empire in the 19th century is a complex and multifaceted process associated with the opposition of some local peoples to the imperial order. Founded in 1846 the Kavkaz newspaper, which has become an important element of regional periodical press, occupies a special place in this process. The publication served as a platform for covering the activities of military leaders and shaping public opinion in a difficult political environment. Among the many prominent figures, Governor M. S. Vorontsov, the initiator of the founding of the newspaper, deserves special attention. His activities as a military commander and administrator regularly became the focus of attention of journalists, which underlines the importance of his contribution to the life of the region. **Materials and methods.** The research is based on the analysis of texts published in the re-

gional newspaper Kavkaz, as well as on the study of private sources, including correspondence and memoirs of contemporaries. The appeal to the work of contemporaries and participants of the events described, the analysis of their interpretation of what was happening allowed us to apply the methods of intellectual history to assess the personality of M.S. Vorontsov and his perception by the public. **Analysis.** When presenting the material in the publications of the Kavkaz newspaper, the main focus was on the heroism of ordinary participants in military operations, emphasized military camaraderie and highlighted the decisions of the command aimed at pacifying the region. At the same time, the personal merits of M.S. Vorontsov are mentioned with restraint, with an emphasis on the achievements of his subordinates, forming the image of a modest, but at the same time caring commander and competent leader, which is indi-

cated by the achievements of subordinates. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that M.S. Vorontsov possessed unconditional military and administrative talents. He made a significant contribution to the pacification of the Caucasus, pursuing an effective policy of spreading the Russian order in the region. His work combined power, economic and socio-cultural methods of influencing the situation. The Kavkaz newspaper introduced the course pursued by the governor to the public and became an important tool for shaping his positive image. The readers were encouraged to believe that the results achieved were a common accomplishment, and M.S. Vorontsov did not contrast his personal achievements with those of his subordinates.

Введение. Кавказский регион в середине XIX в. оставался для Российской империи не только важным военно-политическим, но и культурным фронтиром, овладение которым являлось приоритетной целью для государства. Газета «Кавказ» сыграла ключевую роль в формировании информационного пространства в крае, отражая на своих страницах происходившие здесь военно-политические, общественно-экономические и культурные события. Усилиями прессы формировалось необходимое общественное мнение, которое должно было разделять и поддерживать действия властей по умиротворению и обустройству кавказских владений империи. Подчеркивалось значение подвижнических трудов непосредственных исполнителей этого замысла. Среди знаковых фигур-символов местной истории выделялся наместник Михаил Семенович Воронцов, который в значительной степени определял приоритеты проводимого в крае политического курса. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению истории взаимоотношений власти и общества, роли личности в этом процессе. Целью данной статьи является выявление вклада газеты «Кавказ» в продвижении нарратива о развитии и обустройстве кавказских владений Российского государства и формировании образа наместника М. С. Воронцова как ключевой фигуры этого процесса. Для реализации заявленной цели потребовалось проанализировать тематическое содержание публикаций газеты, выявить способы создания позитивного имиджа М. С. Воронцова, продемонстрировать роль газеты в трактовке российской политики на Кавказе и формировании общественного восприятия действий властей в регионе.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе текстов, опубликованных в региональной газете «Кавказ», а также на изучении частных источников и официальных документов. Обращение к творчеству современников и участников описываемых событий, анализ их трактовки происходящего позволили применить методы интеллектуальной истории для оценки личности М. С. Воронцова и его восприятия общественностью. С целью выявления специфики подачи материала авторами издания в статье применялся контент-анализ, что позволило сопоставить образ М. С. Воронцова, созданный журналистами, с воспоминаниями со-

Keywords: newspaper, publications, journalists, governor, M.S. Vorontsov, soldiers, officers, highlanders, Caucasus

For citation: Mkrtchyan NA. "The ever-fervent zeal for the benefits of the state...": about some facts of M.S. Vorontsov's military and administrative biography on the pages of the Kavkaz newspaper. Humanities and law research. 2025;12(4):632-638. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

временников. В работе используются эпистолярные источники, мемуары, а также делопроизводственные источники (приказы по корпусу и т.п.), публиковавшиеся в газете и позволяющие оценить эффективность выбранной главнокомандующим стратегии и тактики борьбы с «немирными» горцами.

Анализ. Формирование кавказского пограничья Российской империи было наполнено яркими, порой драматическими событиями, связанными с противостоянием части местных народов державным порядкам. В этих процессах были широко задействованы силы армии, с помощью которой подавлялось вооруженное сопротивление «немирных» горцев. Действовать приходилось в сложнейших ландшафтно-климатических условиях, против неприятеля, который был хорошо подготовлен к «малой войне», как порой называли партизанские действия, развернувшиеся в крае [25, с. 17–34].

Такое противостояние требовало от российских военных проявления личной храбрости, инициативы, силы и выносливости, умения мыслить нестандартно. Оно порождало особый вид военачальников, чуждых шаблонности и доктринерства, харизматичных, умеющих учиться у противника. О таких людях с восторгом отзывались их сослуживцы, ими интересовались самые широкие круги общественности. Не могла игнорировать столь ярких современников и пресса, стремящаяся привлекать читателей актуальной информацией. Война на Кавказе воспитала немало таких выдающихся полководцев, сумевших оставить заметный след в истории края. Среди них выделяется фигура Михаила Семеновича Воронцова, который сочетал в себе таланты военачальника и администратора, внося существенный вклад в умиротворение региона.

Выбор этого персонажа обусловлен тем, что именно с его именем связывают разработку и воплощение в жизнь плана «правильной стратегии» усмирения мятежных горцев, сочетающего военно-политические, экономические и социокультурные способы воздействия на местные народы с целью их приобщения к российским имперским порядкам. Направленный на Кавказ в конце 1844 г. М. С. Воронцов был человеком, пользовавшимся доверием государя. В своем обращении к нему император Николай I отметил: «Зная ваше всегдашнее пламенное

усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях, неограниченными полномочиями, проникнутые важностью поручения и моего к вам доверия, не откажитесь исполнить мое ожидание» [2, с. 499–500].

Между тем дебют М. С. Воронцова на новой должности оказался неоднозначным. В попытке покончить с главным противником России на Северо-Восточном Кавказе – имамом Шамилем – он лично возглавил поход к его резиденции, селению Дарго. Хотя аул был занят российскими войсками, к успеху это не привело. На обратном пути отряд М.С. Воронцова оказался в окружении, но, понеся серьезные потери, сумел вырваться из смертельной ловушки.

Эта героическая и одновременно трагическая эпопея долгое время предавалась официальному забвению, хотя в частных источниках ей уделялось немало внимания [4, с. 5]. В доверительной переписке между А.П. Ермоловым и М.С. Воронцовым опальный «проконсул Кавказа» откровенно поведал князю о слухах, которые будоражили общество. И хотя, стремясь приободрить давнего товарища, он и утверждал, что «мнение болтливой Москвы почитается ни во что», тем не менее перечислил многочисленные нарекания в адрес М.С. Воронцова. Суть их сводилась к тому, что вообще «лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуемому и окруженному» [20, с. 99]. То, что наместник в этой ситуации стал заложником воли императора, далекие от кавказских реалий и опиравшиеся на слухи обыватели в расчет не брали [15, с. 58–59].

Между тем за происходящими на Кавказе событиями пристально следили не только в России, но и за рубежом. Отмечалось, что иностранные журналисты «умышленно оскорбительны и наглы, и, к досаде, им многие верят, хотя наполнены они неистовою ложью от первой строки до последней» [20, с. 91]. Потому, чтобы противостоять домыслам и откровенно враждебным фальсификациям, следовало представить собственное видение происходивших в крае событий. Для этого в качестве информационной площадки использовалась региональная пресса, лидером которой на Кавказе стала одноименная газета, появившаяся благодаря трудам М. С. Воронцова.

Представляется, что далеко не случайно уже в первом номере газеты были размещены сведения об этом событии. Автор заметки акцентировал внимание на героизме солдат и офицеров, а также отметил личные качества М.С. Воронцова, который нашел возможность поддержать раненых воинов и «ободрял каждого из них и о каждом сожалел» [18]. Имя и фамилия автора заметки не расшифровывались и

были ограничены лишь буквами О.К., но скорее всего, речь идет о главном редакторе издания Осипе Ильиче Константинове, который возглавлял газету до 1849 г.

Примечательно, что размещенный им материал не стал панегириком наместнику, а основное внимание в нём было уделено рядовым участникам похода и их боевому братству. Всячески подчеркивались любовь и уважение рядовых к своим командирам, гибель которых они искренне оплакивали. Представляется, что это передавало дух, царивший в кавказских частях, где сформировались узы подлинного товарищества, а полки становились настоящими семьями для служивших в них людей. Обратил внимание автор и на присущий Отдельному Кавказскому корпусу дух соревновательности между полками, стремящимися превзойти друг друга в воинской славе [16, с. 284–285].

Когда князь обратился со словами поддержки к штабс-капитану фон-Нейману «в то время, когда ему делали перевязку двух тяжелых ран», то услышал от него в ответ: «А что Ваше Сиятельство, Кабардинцы небось хуже Куринцев?» [18]. Речь шла о Куринском пехотном полке, начавшем свою службу на Кавказе еще при А.П. Ермолове в 1819 г. и уже успевшем завоевать уважение в боях с горцами [12, с. 25], и Кабардинском пехотном полке, считавшемся одним из старейших российских полков на Кавказе и ценным местным начальством за свое бесстрашие и прекрасное знание театра военных действий, на котором ему приходилось действовать [6, с.15].

Небольшой по размеру материал был рассчитан, прежде всего, на читателей, которые не понаслышке были знакомы с ситуацией в Кавказском корпусе, и должен был завоевать их доверие к новой газете. И в дальнейшем военная тематика будет одним из приоритетов издания, причем излагаемая информация так или иначе будет согласовываться с личностью наместника. Тонко подметив роль неформальных связей в местной среде, М. С. Воронцов руками своих талантливых помощников будет формировать образ отца-командира, собрата-кавказца, воспитанного в очерке М. Ю. Лермонтова. Это подтверждают и воспоминания его адъютанта князя А. М. Дондукова-Корсакова, который отмечал, что в отношениях с подчиненными и управляемыми наместник «...не опасался никогда показывать себя человеком...» [14, с. 121].

Не пытаясь замалчивать резонансные военные происшествия, М. С. Воронцов не избегал давать пояснения о тех случаях, когда результаты командования были неоднозначны и противник имел успех в своих действиях. Так, поход имама Шамиля в Кабарду в 1846 г., принесший немало волнений и взбудораживший общественное мнение, был прокомментирован лично наместником, постаравшимся объяснить

реальные последствия этого вторжения и высоко оценившим шаги своих подчиненных, сумевших в итоге сорвать замысел имама [21, с. 408–413]. Данный материал не был изначально подготовлен для газеты «Кавказ» и предназначался для ознакомления личного состава Отдельного Кавказского корпуса, но редакция приняла решение опубликовать его, сочтя важным и для своих штатских читателей [23]. И хотя имя самого М. С. Воронцова в данном материале ни разу не прозвучало, но из самого контекста заметки становилось понятно, что за изгнанием «сборища Шамиля» скрывается распорядительность самого наместника и его умение поставить на ключевые посты талантливых исполнителей.

Такая подача материала будет практиковаться в газете и в дальнейшем. Не воспевая непосредственно заслуги князя и подчеркивая тем самым его личную скромность, авторы публикаций уделяют внимание воинским заслугам исполнителей воли М.С. Воронцова. В этом случае он становился причастным к полученным результатам и вскоре стал символом трудов и побед российской армии на Кавказе.

В заметке, информирующей читателей об успешном штурме в 1847 г. хорошо укрепленного селения Салты, расположенного в Южном Дагестане [1, с. 463–468], о личном участии М. С. Воронцова говорится весьма скупое. Автор ограничился лишь упоминанием, что «главнокомандующий... вышел из лагеря и, пользуясь темнотою ночи, самым рассветом подошел к передовым пикетам горцев...». Все дальнейшие перипетии борьбы за твердыню Шамиля связаны уже с именами подчиненных наместника.

Бросается в глаза то обстоятельство, что остальных участников, будь то отдельные подразделения (храбрая Чохская и Аварская милиция, роты пехотного князя Варшавского полка, Мингрельские егеря, Эриванские карабинеры и драгуны) или проявившие храбрость офицеры (князь Аргутинский, князь Гагарин) автор заметки перечисляет весьма скрупулезно, очевидно, зная, как ревниво и внимательно следят в войсках за тем, чтобы их славные подвиги не остались без внимания [17].

Скорее косвенное, но весьма важное присутствие наместника в ярких эпизодах вооруженной борьбы с неприятелем мы видим и в других заметках исследуемого информационно-идеологического рупора кавказской администрации. Перестрелки, даже с использованием артиллерии обеими сторонами, были рутинной и вряд ли могли увлечь читателя – разве что своим масштабом. Поэтому журналисты искали возможность показать неожиданные тактические приемы, да еще и с применением военно-инженерных хитростей, приведших к успеху над осторожным и умелым противником.

К числу таких событий относится реализация замысла, приписываемого лично «господи-

ну главнокомандующему» и связанного с боевой повседневностью Чеченского отряда, который действовал в глубине территории «немирных» горцев на реке Аргун. Здесь была выстроена крепость Воздвиженская, недалеко от которой и стали лагерем силы русских. Дело происходило в начале июля 1848 г., и горцы, пользуясь тем, что окрестные леса были покрыты густой листвой, могли беспрепятственно подходить на расстояние прямого выстрела к противнику и безнаказанно обстреливать его позиции. Этому благоприятствовало наличие кургана, находившегося «за лесом около 700 саженей от левого фланга лагеря». Сюда периодически устанавливали пушку, из которой вели беспокоящий огонь по русскому отряду. Заметив, что горцы уже неоднократно возвращались на это место, «как для устрашения неприятеля, так и для опыта» решили заложить здесь мину, к которой добавили фугас, предназначенный для поражения противника «градом камней». Такие способы довольно редко практиковались против горцев, так как заманить их в ловушку было делом непростым, потому каждый удачный случай становился поводом для обсуждения и находил отражение в мемуарах современников и в полковых историях [33, с. 161].

Так произошло и на этот раз. Когда 11 июля вновь прозвучали артиллерийские выстрелы с кургана, мина и фугас были приведены в действие, и неприятельский расчет был уничтожен. Через лазутчиков удалось узнать, что от взрыва пострадал Талгик – один из близких к имаму Шамилю мюридов, пользовавшийся известностью на Кавказе [24]. В российской военной среде ходили слухи, что «Талгик был старейший по летам и влиятельнейший по заслугам наиб чеченский; Шамиль был очень к нему расположен и в доказательство отдал ему в полное распоряжение два полевых орудия» [22, с. 361]. Победа над таким противником была почетна и работала на авторитет М. С. Воронцова – военачальника, мыслящего и действующего нестандартно.

На страницах газеты наместник предстает как мудрый администратор, который умеет не только силой оружия, но и с помощью переговоров склонять на свою сторону горские общества, считавшиеся ранее «самыми злыми неприятелями нашими». Такое впечатление должно было сложиться у читателей, и когда в одном из июльских номеров за 1850 г. в ставшей регулярной рубрике «Известия с Кавказа» было рассказано о посещении наместником укрепления Тепликичу, незадолго до этого построенного по его приказу. Он встретился с представителями горских обществ галашевцев и карабулаков, которые препроводили его в свои земли «по Ассинской долине, просили о постройке нами в двух местах укреплений и сами, без всякой платы, расчищают дороги, ведущие от нас в их землю» [9].

Местные жители начинали видеть в русской власти защитника своих интересов, и эта идея всячески подчеркивалась журналистами. В газете встречались упоминания о том, что российская армия не позволяла «тревожить мирные аулы» во время полевых работ и отражала неприятельские партии. За это главнокомандующий поставил «себе в приятную обязанность объявить ... полную благодарность за это молодецкое дело», в очередной раз, демонстрируя готовность выделять храбрецов за их заслуги [8].

С именем наместника связан переход к новой стратегии войны на Кавказе, предполагавшей постепенное стеснение «немирных племен» с помощью укреплений и прокладывание надежной сети дорог вглубь их земель. Топор и кирка сделались не менее грозным оружием, чем ружья и пушки. Военные экспедиции, посланные на рубку просек, с боями пробивались к ранее недоступным территориям, и это сделалось основным занятием кавказских войск во все последующие годы [15, с. 89–90].

Газета «Кавказ» также не обошла вниманием происходящие изменения в способах войны с неуловимым неприятелем. Рассказывая о новых прорубленных просеках, повествуя о переселяемых на равнину горских обществах, еще недавно считавшихся «непримиримыми», нередко упоминали и того, кто стал инициатором такого способа войны. Успешность избранной стратегии редакция подтверждала и посредством публикации фрагментов корпусных приказов. В них сообщалось, что чеченцы, вытесненные из плоскости Малой Чечни, частью переселились в российские пределы, а частью удалились в Черные горы [26].

Описывая действия российских отрядов в Чечне весной 1852 г., авторы отмечали, что благодаря их успехам «неприятельское население, чувствуя, что не может спастись от наших ударов, очистило всю плоскость между Аргуном и Джалкою». Эти достижения стали возможными благодаря тому, что координирующий эту военную операцию главнокомандующий дал распоряжение «произвести наступательное движение с Кумыкской плоскости на Мичик, и вырубить просеки, которые бы открыли вход к гнездящимся здесь непокорным аулам» [11]. Придерживаясь уже выработанной редакционной политики, далее автор переходил к описанию распорядительности офицеров, выполнивших замысел наместника, храбрости и жертвенности их подчиненных, которым и досталась основная слава от успешно проведенной операции.

Покорение оставшейся части обитателей этой области стало возможным благодаря вырубке просек, которые, по собственным словам наместника, не только «открывали нам свободный доступ в эти ущелья», но и помогали «очистить местность» для возведения новых укреплений. В газетных материалах присутствовало

развернутое и подробное описание событий, в которых М. С. Воронцов традиционно выделяет каждого отличившего и считает «приятным долгом благодарить». Такое отношение к заслугам подчиненных должно было мотивировать офицеров следить за каждым новым выпуском издания, тем более когда там появлялись лестные формулировки «совершенно оправдали мою доверенность» [28]. Это также формировало имидж наместника как заботливого руководителя, под началом которого служить почетно и выгодно. В отрывке из корпусных приказов от 1 апреля 1853 года сообщалось об эффективности тактики вырубки просек, что должно было убедить читателя в невозможности для горцев «долго оставаться непокорными на настоящих местах жительства» [29].

Помимо Северо-Восточного Кавказа, приходилось вести напряженную борьбу и с «немирными» племенами на северо-западе региона. Это также нашло отражение в материалах газеты. В частности, в феврале 1852 г. сообщалось об успешном походе в Закубанье, предпринятом по распоряжению главнокомандующего [10]. Развернутое описание этой операции знакомило читателя не только с нелегким ратным трудом непосредственных участников похода, но и отдавало должное умению командования навязать противнику свою волю, нанеся превентивный удар. В заключение автор с удовольствием замечает, что этот поход позволил исполнить «давишее желание Его Сиятельства князя М.С. Воронцова», которое заключалось в «нанесении страха» непокорным натухайцам и шапсугам и «показании нашей силы». Упоминается и командовавший противником наиб Магомет-Амин, который прибыл в Черкессию по приказанию имама Шамиля и сумел сплотить разрозненные силы местных племен в борьбе против русских. Ему отдавали должное как особому «политическому деятелю», признавая его безусловные таланты [13, с. 77]. Именно по этой причине наместник считал важным подчеркнуть, что местные народы со временем осознают «тщету всех их надежд на уверения Магомет-Амина и сопротивления против русских войск» [10].

Выдержки из корпусных приказов главнокомандующего регулярно появлялись на страницах газеты. Они стали своеобразным отчетом наместника перед общественностью, создавая ощущение сопричастности происходившим на Кавказе событиям. У читателя должна была сложиться картина позитивных изменений, происходящих в крае, в чем убеждало и авторитетное мнение самого М.С. Воронцова. Главнокомандующий лично отправлялся для осмотра местности и становился свидетелем «прекрасных успехов к пользе края и чести войск» [5].

Чтобы у читателя не возникла мысль о несоответствии декларируемых успехов с про-

должавшимся отчаянным сопротивлением горцев, предпринимаемые опасные походы в глубь их территории объяснялись тем, что желанная цель умиротворения «могла быть достигнута только страхом строгого и неожиданного наказания хищников в их собственных убежищах [27].

С каждым годом престарелому наместнику становилось всё сложнее выполнять возложенные на него государем обязанности. Осознавая, что уже не сможет и дальше управлять беспокойным краем, М. С. Воронцов принимает решение сложить с себя возложенные полномочия. Формально отправляясь в отпуск, он прощался с краем и в своем приказе от 3 марта 1854 г., отдавая должное былым заслугам «воинов Кавказского корпуса», выражал уверенность, что их дальнейший боевой путь «ознаменуется новыми подвигами, искони здесь обычными» [30]. И хотя наместник заявлял, что при необходимости он готов вернуться к своим боевым товарищам, чтобы «разделять вместе с ними, как это было в прошедшие 9 лет труды и подвиги наших храбрых войск и ополчений», становилось очевидным, что «эпоха Воронцова» на Кавказе завершается [31]. Император благодарил его за верную службу, отмечая «как военные, так и гражданские подвиги» наместника [32]. Что касается неформальной оценки его заслуг, то о них свидетельствует некоторое

время бытовавшая присказка: «До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер» [3, с. 91].

Результаты. М. С. Воронцов относился к числу наиболее заметных деятелей на Кавказе в середине XIX в. С его именем связаны безусловные военные, экономические и социокультурные достижения российской власти в регионе. Будучи наделенным огромным кредитом доверия от императора, он сумел грамотно распорядиться имеющимися возможностями, внося необходимые коррективы в управление беспокойным краем. Тем более примечателен тот факт, что появившаяся благодаря его инициативе газета «Кавказ» довольно скупно освещала личные заслуги «первого лица» в деле обустройства вверенной его попечению территории. Как правило, информация о нем давалась обезличенно и ограничивалась упоминанием его должности – главнокомандующий или наместник. Но даже это встречалось далеко не в каждом номере издания. Основное внимание уделялось заслугам тех, кто выполнял волю М. С. Воронцова, что, видимо, было требованием самого наместника. Но судя по достаточно комплиментарным оценкам его заслуг, причем не только официальным, но и неформальным, достигнутые за время его нахождения во главе края результаты прочно ассоциировались с именем этого имперского наместника.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1885. Т.Х. 936 с.
2. Архив князя Воронцова. Книга 40. М.: б.и., 1895. 565 с.
3. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность: Биограф. очерки В. В. Огаркова. СПб: типография товарищества «Общественная польза», 1892. 96 с.
4. Даргинская трагедия 1845 год. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / составление текстов Г.Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б.П. Миловидова. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 616 с.
5. «Его Светлость князь наместник Кавказский...» // Кавказ. 1852. № 70. 12 ноября.
6. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). СПб: Типография В. Грацианского, 1881. Т.2. 484 с.
7. Игнатович Д.Ю. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны (1845–1861 гг.). Тифлис: Типография Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1897. 366 с.
8. Из корпусного приказа по Кавказскому корпусу № 109 // Кавказ. 1850. № 55. 15 июля.
9. Известия с Кавказа // Кавказ. 1850. № 57. 22 июля.
10. Известия с Кавказа // Кавказ. 1852. № 12. 16 февраля.
11. Известия с Кавказа // Кавказ. 1852. № 19. 19 марта.
12. Казбек Г.Н. Куринцы в Чечне и Дагестане, 1834–1861 г.: очерк истории 79-го пехотного Куринского его императорского высочества великого князя Павла Александровича полка. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1885. 574 с.
13. Карлгоф Н. Магомет-Амин II // Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис: типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1860. С. 77–102.
14. Князь Михаил Семенович Воронцов. (Воспоминания князя Дондукова-Корсакова) // Старина и новизна. 1902. Книга 5. С. 120–154.
15. Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. 768 с.
16. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб: Изд-во «Европейский дом», 2008. 400 с.
17. Нам пишут о хорошем и счастливом деле бывшем в Южном Дагестане... // Кавказ. 1847. № 33. 16 августа.
18. О.К. Сцены из боевой жизни // Кавказ. 1846. № 1. 5 января.
19. Петров А. История 83-го пехотного Самурского Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полка. Петровск: Типография А.М. Михайлова, 1892. 406 с.
20. Письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / предисловие Я. Гордина. Комментарии, указатель Б.П. Миловидова. СПб: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2011. 376 с.
21. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 511 с.
22. Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. № 52. С. 355–372.

23. Приказ по Отдельному Кавказскому и 3-му пехотному корпусам. Апреля 29-го дня 1846 года // Кавказ. 1846. № 19.
24. Против Чеченского отряда... // Кавказ. 1848. № 31. 31 июля.
25. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии / Под ред. В.Б.Виноградова. Армавир: Изд-во АГПУ, 2005. 122 с.
26. Тифлис // Кавказ. 1852. № 3. 12 января.
27. Тифлис // Кавказ. 1852. № 72. 19 ноября.
28. Тифлис // Кавказ. 1853. № 11. 11 февраля.
29. Тифлис // Кавказ. 1853. № 24. 1 апреля.
30. Тифлис // Кавказ. 1854. № 18. 3 марта
31. Тифлис // Кавказ. 1854. № 20. 10 марта
32. Тифлис // Кавказ. 1854. № 30. 21 апреля.
33. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 11. С. 117–164.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Tiflis: Printing house of the General Directorate of the Governor of the Caucasus; 1885. Vol. X. 936 p. (In Russ.).
2. Prince Vorontsov's archive. Moscow, 1895. Book 40. 565 p. (In Russ.).
3. The Vorontsovs, their life and social activities: Biographical essays by V.V. Ogarkov. St. Petersburg: printing house of the partnership "Public benefit", 1892. 96 p. (In Russ.).
4. The Darginsky tragedy of 1845. Series: Memoirs of participants in the Caucasian War of the 19th century / compilation of texts by GG. Lisitsyna. Comments and indexes by BP. Milovidov. St. Petersburg: Publishing house of the Zvezda magazine, 2001. 616 p. (In Russ.).
5. His Serene Highness the Prince Governor of the Caucasus.... *Kavkaz* 1852; 70. November 12. (In Russ.).
6. Zisserman AL. History of the 80th infantry Kabardian Field Marshal Prince Baryatinsky regiment (1726-1880). St. Petersburg: V. Graziansky Printing House, 1881. Vol. 2. 484 p. (In Russ.).
7. Ignatovich DY. Combat chronicle of the 82nd Infantry Dagestan regiment of His Imperial Highness Grand Duke Nikolai Mikhailovich during the Caucasian War (1845-1861). Tiflis: Printing House of the Office of the Commander-in-Chief of the Civil unit in the Caucasus, 1897. 366 p. (In Russ.).
8. From the corps order on the Caucasian Corps No. 109. *Kavkaz*. 1850;55. July 15. (In Russ.).
9. News from the Caucasus. *Kavkaz*. 1850;57. 22 Jul. (In Russ.).
10. News from the Caucasus. *Kavkaz*. 1852;12. February 16. (In Russ.).
11. News from the Caucasus. *Kavkaz*. 1852;19. 19 March. (In Russ.).
12. Kazbek GN. Kurintsy in Chechnya and Dagestan, 1834-1861: an essay on the history of the 79th Infantry Kurinsky Regiment of His Imperial Highness Grand Duke Pavel Alexandrovich. Tiflis: Printing house of AA. Mikhelson, 1885. 574 p. (In Russ.).
13. Karlhof N. Magomet-Amin II in Caucasian calendar for 1861. Tiflis: Printing House of the General Administration of the Governor of the Caucasus, 1860. Pp. 77-102. (In Russ.).
14. Prince Mikhail Semyonovich Vorontsov. (Memoirs of Princess Dondukova-Korsakova) in Antiquity and novelty. 1902. Book 5. I. 120-154. (In Russ.).
15. Lazaryan SS. The Caucasus under the leadership of Prince M.S. Vorontsov (1844-1854). Moscow: Prospekt, 2022. 768 p. (In Russ.).
16. Lapin VV. The Russian army in the Caucasian war of the XVIII – XIX centuries. St. Petersburg: Publishing house "European House", 2008. 400 p.
17. They write to us about a good and happy thing that happened in Southern Dagestan... *Kavkaz*. 1847; 33. August 16. (In Russ.).
18. O.K. Scenes from military life. *Kavkaz*. 1846;1. January 5.
19. Petrov A. The history of the 83rd Samur Infantry Regiment of His Imperial Highness Grand Duke Vladimir Alexandrovich. Petrovsk: Printing house of A.M. Mikhailov, 1892. 406 p. (In Russ.).
20. Letters from AP. Ermolov to MS. Vorontsov. / Preface by J. Gordin. Comments, index by BP. Milovidov. St.Petersburg: ZAO Zvezda Magazine, 2011. 376 p. (In Russ.).
21. Pokrovsky NI. The Caucasian Wars and Shamil's Imamate / edited by VG. Gadzhiev, NN. Pokrovsky. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2000. 511 p. (In Russ.).
22. Poltoratsky VA. Memoirs. *Istoricheskii vestnik*. 1893;52:355-372.
23. The order for the Separate Caucasian and 3rd Infantry Corps. April 29th day, 1846. *Kavkaz*. 1846;19. (In Russ.).
24. Against the Chechen detachment... *Kavkaz*. 1848;31. July 31. (In Russ.).
25. Skiba KV. From the history of the "Little Caucasian War" on the Kuban Line / edited by VB Vinogradov. Armavir: AGPU Publishing House, 2005. 122 p. (In Russ.).
26. Tiflis. *Kavkaz*. 1852;3. January 12. (In Russ.).
27. Tiflis. *Kavkaz*. 1852;72. November 19. (In Russ.).
28. Tiflis. *Kavkaz*. 1853;11. February 11. (In Russ.).
29. Tiflis. *Kavkaz*. 1853;24. April 1. (In Russ.).
30. Tiflis. *Kavkaz*. 1854;18. March 3. (In Russ.).
31. Tiflis. *Kavkaz*. 1854;20. March 10. (In Russ.).
32. Tiflis. *Kavkaz*. 1854;30. April 21. (In Russ.).
33. Shpakovsky A. Notes of an old Cossack. *Voennyi sbornik*. 1871;11:117-164. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.9>

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА ДЛЯ ГОРСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Иса Абдурахимович Мутушев

Пятигорский государственный университет (д.9, пр. Калинина, 357532, Пятигорск, Российская Федерация)

Аспирант

Mutushevisa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4033-067X>.

Аннотация. Введение. Северо-Восточный Кавказ во второй половине XIX в. вступил в новую фазу своего развития после укрепления там позиций России, которая стала последовательно вводить край в систему политических, социокультурных и экономических структур империи. Местным народам приходилось не только переосмысливать новые обстоятельства жизни, но и искать своё место в них. Новые условия одновременно предоставляли новые возможности для тех, кто решался выходить за устоявшиеся рамки прежней традиции, стремился укрепить материальное положение своей семьи, добиться более высокого социального статуса, используя момент открывшегося «окна возможностей». **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе и осмыслении работ известных отечественных историков-кавказоведов и этнографов, представлявших различные периоды развития отечественной историографии, посвященных исследованию социально-экономических, культурных и политических условий развития Северного Кавказа второй половины XIX в., и основывалось на принципах историзма и научной объективности. Автор анализирует предпосылки и факторы, способствовавшие укреплению института торговли в горской среде. Обращение к научным трудам конкретных исследователей обуславливалось не только насыщенностью их работ разнообразным фактографическим материалом, но и всесторонним проникновением в существо протекавших процессов, а также близостью части из них к этнокультурному миру чеченского и дагестанских народов. **Анализ.** С точки зрения Хазбулатова А. И., почти непреодолимым препятствием для людей, решавшихся воспользоваться открывшимся «окном возможностей» и делавших попытки встроиться в процессы нового существования, предлагавшиеся горским жителям властями Российской империи, была негативная реакция их сородичей и односельчан, грозившая им большими неприятностями. Из-за чего приходилось действовать крайне осмотрительно и выбирать такие поприща,

которые одновременно способствовали реализации многовековых задач, не вызывая отторжения в социокультурном окружении, остававшегося приверженцем традиции. Таковым, по мнению названного исследователя, могла быть торговля. Потому торговое поприще стало наиболее доступным и эффективным средством для большого числа горских жителей в решении задач материального преуспевания и достижения социального престижа. Аналогичного мнения придерживаются, выделяя те или иные аспекты, Хашаев, Х.-М. и Далгат Э. М. Автор статьи, используя основные положения трудов И. Бларамберга, Гарданова В. К., Маргграфа О. В., Ахмадова Я. З. пришел к выводу о том, что для горских жителей торговля сделалась социальным событием и прорывом в новую жизнь, мотивировала к новым ценностным устремлениям, была средством для выстраивания позитивных отношений с другими людьми. **Результаты.** Торговля в данном случае выступала также доступным для многих представителей горских народов «социальным лифтом» в новую жизнь, позволяла приобретать желаемый уровень благосостояния и добиваться престижных статусов в новой парадигме социального устройства, поощряемого имперскими властями.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, Российская империя, горцы, торговля, социальный статус, новые возможности, социальный лифт

Для цитирования: Мутушев И. А. Торговая деятельность как форма социального лифта для горских жителей Северо-Восточного Кавказа второй половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 639–644. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

TRADE ACTIVITY AS A FORM OF SOCIAL ELEVATOR FOR MOUNTAIN RESIDENTS OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Isa A. Mutushev

Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., 357532, Pyatigorsk, Russian Federation)

Postgraduate student

Mutushevisa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4033-067X>.

Abstract. Introduction. In the second half of the 19th century, the north-eastern Caucasus entered a new phase of its development after Russia strengthened its position there, consistently introducing the region into the system of political, socio-cultural and economic structures of the empire. Local mountain peoples had to not only rethink the new circumstances of life, but also look for their place in them. The new conditions simultaneously provided new opportunities for those who dared to go beyond the established framework of the previous tradition, sought to strengthen the financial situation of their families, achieve a higher social status, using the moment of the opened "window of opportunity". **Materials and methods.** The study is based on the analysis and comprehension of

the works of famous Russian historians-experts of the Caucasus and ethnographers representing various periods of the development of Russian historiography, devoted to the study of the socio-economic, cultural and political conditions for the development of the North Caucasus in the second half of the 19th century, and was based on the principles of historicism and scientific objectivity. The author analyzes the prerequisites and factors that contributed to the consolidation of the institution of trade in the mountain environment. The appeal to the scientific works of specific researchers was determined not only by the richness of their works with diverse factual material, but also by their comprehensive insight into the essence of the processes that took place, as well as the proximity of some of

them to the ethnocultural world of the Chechen and Dagestan peoples. **Analysis.** From the point of view of A.I. Khazbulatov, an almost insurmountable obstacle for people who decided to take advantage of the opened "window of opportunity" and made attempts to integrate into the processes of the new existence offered to the mountain residents by the authorities of the Russian Empire was the negative reaction of their relatives and fellow villagers, which threatened them with great trouble. Because of this, it was necessary to act extremely carefully and choose such fields that simultaneously contributed to the implementation of multi-vector tasks without causing rejection in the socio-cultural environment, which remained committed to tradition. According to the named researcher, such a field could be trade. Therefore, the trade field became the most accessible and effective means for a large number of mountain residents in solving the problems of material prosperity and achieving social prestige. H.-M. Khashaev and E.M. Dalgat share a similar opinion. Based on the opinions of I. Blaramberg, V.K. Gardanov, O.V. Marggraf and Ya.Z. Akhmadov, the author of the article concludes that for the mountain residents, trade became a social event

Введение. После того, как завершилось активное вооружённое противостояние части горского населения Северо-Восточного Кавказа с Российской империей и в край стали внедряться новые для него политические, социально-культурные и экономические способы существования, для местных жителей приоткрылось «окно возможностей» в системе новых контекстов жизни, которые им предлагала Россия.

Вариантов встраивания в имперские структуры было немало, но выбор часто ограничивался предрасположенностью местных жителей к традиционным способам существования и связанными с ними формами хозяйственной деятельности, а также не изжитым недоверием и настороженностью к посулам недавних врагов. Кроме того, горским жителям предстояло переосмыслить и найти собственное место в новых условиях и увидеть приемлемые пути сохранения и поддержания этнокультурного образа жизни.

Большой проблемой была реакция этнических сообществ на любые действия, выходявшие за рамки прежней традиции и вероисповедальных установлений. Опасаться возможных негативных санкций собственной социальной среды приходилось в первую очередь тем, кто рисковал воспользоваться ситуацией и ориентировался в рамках осознанно приобретенной установки на благоприятное будущее посредством встраивания в экономические и социокультурные ниши имперского пространства [14, с. 135]

Важным моментом было определение рода деятельности, позволявшей эффективно добиваться материального преуспевания и преодолеть существующие и потенциальные препоны, поджидавшие тех, кто не боялся выходить за рамки прежних традиций, но одновременно старался избегать слишком радикальных решений. Для таких людей наиболее приемлемой и сулящей немалые перспективы могло сделаться торговое поприще, достаточно знакомое большому числу дагестанских жителей равнинных районов, но бывших редкостью, например, для ичкерийцев.

and a breakthrough into a new life, motivated them to new value aspirations, and was a means for building positive relationships with other people. **Results.** In this case, trade also acted as an accessible "social lift" into a new life for many representatives of the mountain peoples, allowing them to acquire the desired level of well-being and achieve prestigious statuses in the new paradigm of social structure encouraged by the imperial authorities.

Keywords: north-eastern Caucasus, Russian Empire, highlanders, trade, social status, new opportunities, social elevator

For citation: Mutushev IA. Trade activity as a form of social elevator for mountain residents of the north-eastern Caucasus in the second half of the 19th century. Humanities and law research. 2025;12(4):639-644. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.03.2025

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Для того момента среди горских жителей торговля сделалась социальным событием и пространством, в котором присутствовали люди и потребляемые ими товары, в совокупности представлявшие «карту социальной интеграции» [16, с. 26] в мире, где фундаментальные ориентиры долгое время направляли социальные взаимодействия в русло дезинтеграции и вражды. В этой связи торговля могла стать прорывом в новую жизнь и мотивировала к новым ценностным устремлениям, могла сделаться средством для нового встраивания отношений с другими людьми.

Материалы и методы. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что существенно возрастали перспективы у людей, которые захотели заниматься торговлей потому, что Россия также видела в торговой деятельности горцев удобный и приемлемый способ отвлечения их от прежних форм военно-обусловленного существования и вовлечения их в имперские экономические и социокультурные структуры, не требовавший ни насильственных мер, ни чрезвычайных издержек для установления приемлемых для обеих сторон модусов мирного и созидательного сосуществования. Все события, которые были связаны с обменом и потреблением, выступали «в качестве коммуникаторов между людьми» [16, с. 32], способствовали лучшему познанию сторонами друг друга.

Эта заинтересованность в вовлечении горцев в товарооборот с русскими поселениями, как отметили современные исследователи Я. З. Ахмадов и Э. Х. Хасмагомадов, «была столь велика, что в 1869 г. по ходатайству начальника Терской области горцам предоставили возможность «торговать без стеснения формальностями и пошлинами...» [2, с. 429] в течение нескольких лет, чтобы содействовать укоренению данного способа деятельности в горской среде, поскольку торговля не только могла удовлетворять повседневные потребности человеческого общежития, но и способствовала раскрытию горской локальности навстречу русскому миру.

Здесь также хотелось бы подчеркнуть важную деталь социокультурного развития горских этносов, в среде которых торговля как вид человеческой деятельности, долгое время занимала периферийное положение и находилась на обочине их жизни. Там почти отсутствовали соответствующие социальная и ментальная предрасположенности, чтобы обеспечить торговому поприщу самостоятельный рост вне и без влияния извне. В связи с этим следует остановиться на примечательном факте, который способствовал становлению и расширению социальной почвы для торговой деятельности в горах. Развивать эту сферу жизнедеятельности начинал ещё главный оппонент Российской империи – имам Шамиль. Он поощрял торгующих людей, выдавая им охранные грамоты, действовавшие на подконтрольных ему территориях [8, с. 111]. Речь шла не только об иноплеменных купцах, по большей части армянах или горских евреях, рисковавших пробираться на территорию имамата, но и о горцах, стремящихся реализовать произведения собственного труда за пределами своих селений.

Кроме того, часть полезных для повседневной жизни вещей попадали в горы путем контрабанды с российской территории или через Южный Кавказ от турок и персов. Эта разновидность доставки необходимых товаров одновременно сделалась своеобразным социальным лифтом для отчаянных людей, способных проникать в любые пространства вопреки запретам и преследованию царских властей. Результаты их деятельности не только удовлетворяли разнообразные жизненные потребности разных групп горских жителей, но закрепляли за местными удальцами общественно значимые статусы, способствовали росту их социального престижа.

Анализ. Порождённая особенностями российской политики в крае, контрабанда преследовалась и искоренялась официальными властями, но нередко поддерживалась населением, что предопределило её высокую адаптивность и выживаемость в местных условиях. Был спрос, существовало предложение, но персонифицировать торговцев-контрабандистов из числа северокавказских автохтонов, участвовавших в контрабандной торговле крайне затруднительно, поскольку документальной основы такая деятельность не имела.

Другим шагом в становлении почвы, связанной с развитием торговой деятельности в горской среде было оказание покровительства армянским, еврейским или греческим купцам, которые совершали вояжи между горными селениями в течение длительного времени, вплоть до становления постоянной ярмарочной торговли в крае. Это было своеобразным и косвенным соучастием в торговом обмене, прикосновенной сопричастностью к нему через существовавшие в горах институты гостеприимства и куначества.

Отдельная горская семья могла оказывать покровительство пришлым негодьятам, брать у них на сохранение товары, сопровождать их в передвижении между горными селениями, защищать от возможных покушений на их жизнь и имущество. Не всегда и не все такие поездки имели благополучный исход. Известны были случаи, когда родственники коммерсантов, погибавших во время разъездов, получали от таких покровителей сохранённые в целости деньги и товары [8, с. 114]. В то же время сами автохтоны часто не рассматривали подобные услуги в качестве разновидности хозяйственной деятельности. Для них это был дружеский долг в пользу семьи кунака, моральная обязанность перед памятью товарища.

Таким образом, можно утверждать, что ко времени укрепления позиций России в Северо-Восточном Кавказе там уже были заложены основания для развития и восприятия торговой деятельности в качестве важного и необходимого атрибута мирной повседневности, которая была инициирована там отчасти усилиями прежних властей имамата, так и целенаправленной работой Кавказских наместников, стремившихся приобщить горцев к тем экономическим процессам, которые наиболее подходили для умиротворения края.

Российские власти готовы были расширять рынок сбыта горских товаров в казачьих станицах и северокавказских городах, в свою очередь предлагая мануфактурные изделия, в которых нуждались местные жители. Те из горских жителей, кто готов был участвовать в таком взаимодействии, могли рассчитывать на улучшение своего материального благосостояния, упрочение и усиление своего социального статуса.

Ход и развитие процессов в данном направлении, однако, осложнялся тем, что в недавнем прошлом многие горцы считали торговлю занятием унижительным и недостойным мужчины-воина. Особенно такие предубеждения были характерны для представителей аристократических сословий. В качестве примера можно привести кумыкских владельцев, в хозяйствах которых изготавливали прекрасные ковры, одежду для продажи, в которой они не принимали участия, предпочитая предаваться «праздности» и «воинственным занятиям», делегируя непрестижное занятие иноэтничным торговцам. Чаще всего они перепоручали это дело армянским купцам, которые специализировались на посреднических услугах и имели самые широкие связи как среди горцев, так и в русских селениях [3, с. 37-38]. Вообще тем из горских жителей, которые принимали решение участвовать в торговой деятельности на профессиональной основе, приходилось выдерживать конкуренцию с армянскими купцами, бывшими долгое время монополистами в данной сфере деятельности.

В то же время, исследователи северокавказской старины отмечают, что по мере активизации хозяйственной деятельности России на Северном Кавказе, число людей, решавшихся участвовать в торговом обмене, серьёзно возросло [8, с.102]. При этом говорить о наличии в горской среде большого количества профессиональных торговцев в рассматриваемый период, конечно, было бы преувеличением, противоречившим против истины. Но как важная составляющая системы самообеспечения торговля всё шире распространялась как в плоскостных, так и горных селениях. Почти в каждой горской семье могли быть сосредоточены запасы земледельческих или скотоводческих произведений и иных материальных ценностей, которые можно было обменять на нужные вещи. В числе таковых продуктов можно назвать шерсть, кожу, шкуры, бурки, лес, лесоматериалы и многое другое.

Возникшая потребность была условием реализации «окна возможностей» для части горских жителей, особенно для тех, чей социальный ресурс был недостаточно обеспечен поддержкой родственников или низкими стартовыми позициями в системе местных социумов. Прежде всего это касалось тех, кто вышел из зависимого состояния по указу 1867 г. об отмене рабства и крепостной зависимости в горах. Эти люди получали свободу, но лишались сколько-нибудь достаточной для безбедного существования материальной базы. Если брать Чечню, то таких людей там по официальным справкам насчитывалось 294 человека [6, с. 8]. Именно для такого слоя горских жителей участие в торговой деятельности в том или ином качестве сделалось не только способом накопления первоначального капитала и обеспечения приемлемой для сколько-нибудь нормальной жизни их семьям, но и возможностью вырваться за пределы своего низкого социального статуса. Используя нежелание одних из ложного предубеждения к участию в торговых операциях и необходимость других иметь кунаков или проводников в горах, некоторые из таких людей не упустили свой шанс.

Новым стимулом для развития торговли в крае стало строительство Ростово-Владикавказской железной дороги, вместе с которой на Северный Кавказ пришли новые экономические стимулы и новые капиталистические отношения, способные усиливать мотивацию личностного духа стяжательства. «Капитализм втягивал в водоворот хозяйственных связей, побуждал приспособляться к меняющейся обстановке, вырабатывать черты предпринимательства» [9, с. 389] во всех почти слоях горских жителей, стремившихся избежать бедности или закрепить свой прежний высокий социальный статус.

По мере возрастания товарности местного хозяйства, потребность в профессиональных коммерсантах усиливалась. В дальнейшем та-

ких людей, выходцев из числа жителей северокавказских обществ, становилось все больше. Подтверждением роста численности торгующих людей стало приобретение торговых свидетельств. Например, в Чечне «в 70-х гг. XIX в. в Аргунском округе было куплено 17 торговых свидетельств, к 80-му году число приобретенных торговых свидетельств увеличилось до 33. В Веденском округе было куплено торговых свидетельств в 1869 г. – 13, в 1876 г. – 19, в 1887 г. – 30» [4, с. 35; 13, с. 24]. Там стала постепенно формироваться новая генерация людей, давших в скором времени купеческие династии. Первые крупные чеченские купцы стали появляться и вытеснять с ведущих позиций представителей иного этнического происхождения с конца 70-х гг. XIX в. Среди них выделялись Б. Баширов из Старой Сунжи, Г. Мациев из Шали, А. Арсамизаев из Урус-Мартана. Купеческая династия Мациевых владела только в Грозном несколькими магазинами, а их общее состояние тогда оценивалось в 500 тысяч рублей [2, с. 431].

Свидетельством и показателем роста торговли в регионе было возникновение еженедельных базаров в крупных чеченских селениях – Ведено, Шатой, Воздвиженское, Урус-Мартан, Шали, Старый Юрт, Итум-Кале. Занятие торговлей стало быстро приобретать популярность и перешло в разряд престижной деятельности. Для многих чеченских семей торговля сделалась не только основным профессиональным занятием, но и основным источником семейных доходов, например, в 1886 г. в селении Старый Юрт было 13 таких семей [2, с. 432]. Кроме того, многие селения стали обзаводиться стационарными торговыми заведениями, которых к 1900 г. насчитывалось в Урус-Мартане – 41, в Шали – 43, в Ведено – 23, Старых Атагах – 42, Автурах – 82, Старом Юрте – 22 [12, с. 187].

Реальное число чеченских жителей, участвовавших в торговых операциях, существенно превышало официальную статистику, опирающуюся на данные о зарегистрировавшихся и получивших торговые лицензии. Например, в 1877 г. власти привлекали к ответственности и оштрафовали на общую сумму в 1025 рублей около 10 торговцев, за отсутствие торговых свидетельств [2, с. 433], то есть какая-то часть торгующих людей всегда оставалась вне глаз официальных властей. Этому много способствовали общие нравы и повседневные обыкновения, существовавшие среди местного населения.

Если обратиться к Дагестану, то о степени развития торговли могло свидетельствовать наличие в некоторых плоскостных селениях, издавна являвшихся центрами обмена и не утративших этот статус в период распространения здесь российских порядков, своеобразных купеческих организаций, контролировавших проведение самых разнообразных торговых сделок. Речь идёт о Тарках и Эндери, в которых

имелись многочисленные лавки и духаны армянских купцов и горских евреев. Товары для них поставлялись жителями окрестных селений, в том числе привозились из горных аулов [1, с. 192]. Среди дагестанских жителей в 1892 г. за торговыми свидетельствами обращались 1680 человек, а в 1896 г. таких уже было 2565 человек [11, с. 129].

В экономике Дагестана на протяжении веков крупным торговым центром оставался город Дербент, в котором уже в начале XIX в. было 420 стационарных лавок, принадлежавших 80 торговцам [15, с. 90]. Дербент вместе с более молодыми городами Кизляром, Порт-Петровском и Темир-Хан-Шурой способствовали развитию внутридагестанской торговли. В каждом из названных городов существовали еженедельные базары, работавшие по выходным дням. В 1871 г. с разрешения Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича в Темир-Хан-Шуре были учреждены 2 ярмарки, каждая из которых работала в течение двух недель [7, с. 107]. В Кизляре уже в 30-х гг. XIX в. из 9000 местных жителей к торговым людям принадлежало более 1000 человек [15, с. 103].

В 1880-х гг. на городские базары стали наезжать выходцы из ближайших горных и плоскостных селений – «Кюринского, Самурского, Кайтагского, Табасаранского, Даргинского и других районов... для торговли хлебом, мясом, маслом, табаком, фруктами, изюмом, гранатами, орехами, рисом» [7, с. 108].

Рынки и базары в дагестанских городах и крупных селениях были богатыми и различались ассортиментом товаров. Как отмечал О.В. Маргрграф, «в каждом пятом или десятом селении Дагестана еженедельно по пятницам открываются многолюдные базары» [10, с. XXXV]. Сельскими торговыми центрами были: селение Эндери, Аракань, Чох, Согратль, Казикумух, Цудахар, Анди, Акуша. Там осуществлялась оптовая торговля лесом, пшеницей овсом и ячменем в мешках. Жители дагестанских селений привозили туда яблоки в сапетках на арбах, борта которых были сплетены из прутьев.

В Темир-Хан-Шуру по воскресным дням съезжались жители окрестных и отдаленных селений «с сельскими произведениями от 500 до 1000 человек обоего пола» [7, с. 109]. Мужчины приезжали верхом на конях, «вооруженные и нарядные. Женщины сидели на арбах... На базар приезжали как на праздник» [7, с. 110].

Горцы продавали на базарах овец, коров, лошадей, оружие, полушубки, сукно, ковры, паласы, бурки, изделия из дерева и керамику. Стационарных магазинов и лавок в городе насчитывалось в 1870 г. 142 заведения, в которых кроме местных жителей торговали негосудовладельцы из Тифлиса, Астрахани, Кизляра, Моздока, Петровска, Маджалиса, Шемахи Казикумуха, Казанищ, Ахалциха Саратова, Нахичевани и других мест [7, с. 115].

Важную роль в стимулировании местной торговли играли российские гарнизоны, располагавшиеся в глубине горских земель. Они, помимо военных функций, являлись центрами экономического притяжения [5, с. 101]. Устойчивый спрос на местные товары, прежде всего продукты питания, стимулировал развитие товарности горского хозяйства и торговую специализацию наиболее энергичных и предприимчивых жителей окрестных поселений.

Результаты. Проведенный анализ показал, что торговля постепенно сделалась в горах Северо-Восточного Кавказа в течение 60-90-х гг. XIX в. не только способом жизни и хозяйственной деятельности большого числа людей, но также была инструментом переосмысления новой действительности, новых контекстов жизни, привносимых в край российскими властями. Для большого числа людей торговая деятельность превратилась в инструмент приобретения средств к существованию и своеобразным социальным лифтом, позволившим им не только создавать относительно устойчивую материальную базу для существования их семей, но и способствовать упрочению их социального статуса в рамках вхождения в имперскую политическую, социокультурную и экономическую структуру.

Литература

1. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007. 244 с.
2. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX-XX вв. М.: Пульс, 2005. 996 с.
3. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. 240 с.
4. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1899 год. Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1900. 106 с.
5. Гаджиев Т. В. К вопросу о частнопредпринимательской деятельности в условиях традиционного Дагестана // Индустриальная экономика. 2022. № 6. С. 97-102.
6. Гарданов В. К. Социально-экономические преобразования // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917 – 1967 гг.). М.: Наука, 1968. С.7-57.
7. Далгат Э. М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала: Изд. дом Мавраев, 2015. 256 с.
8. Ильясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 224 с.
9. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
10. Маргрграф О. В. Очерки кустарной промышленности Северного Кавказа. М.: Изд-во С.В. Лепешкин, 1882. 288 с.

11. Нахшумов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. 157 с.
12. Терский календарь на 1901 год. Владикавказ: Терский обл. статист. комитет, 1900. 393 с.
13. Хазбулатов А. И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX - начало XX вв.). М.: Дело, 1994. 126 с.
14. Хасбулатов А. И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX вв.). М.: Русь, 2001. 238 с.
15. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. 116 с.
16. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское возрождение, 1999. 192 с.

References

1. Aganesova DV, Suzdaltseva IA. Armenian communities of Dagestan in the 18th-19th centuries. Makhachkala: Peoples of Dagestan, 2007. 244 p. (In Russ.).
2. Akhmedov YaZ, Khasmagomadov EK. History of Chechnya in the 19th-20th centuries. Moscow: Pulse, 2005. 996 p. (In Russ.).
3. Blaramberg I. Caucasian manuscript. Stavropol: Book publishing house, 1992. 240 p. (In Russ.).
4. Most humble report of the head of the Terek region and the acting ataman of the Terek Cossack army for 1899. Vladikavkaz: Typography regional government of the Terek region, 1900. 106 p. (In Russ.).
5. Gadzhiev TV. On the issue of private entrepreneurship in the context of traditional Dagestan. *Industrial'naya ekonomika*. 2022;6:97-102. (In Russ.).
6. Gardanov VK. Socio-economic transformations in Culture and life of the peoples of the North Caucasus (1917-1967). Moscow: Nauka, 1968. p. 7-57. (In Russ.).
7. Dalgat EM. City and urban life in Dagestan in the second half of the 19th - early 20th centuries. Makhachkala: Mavraev Publishing House, 2015. 256 p. (In Russ.).
8. Ilyasova AA., Grankin YuYu. Trade factor in the system of political and economic development of the North Caucasus in the 18th - first half of the 19th centuries. Pyatigorsk: PGLU, 2013. 224 p. (In Russ.).
9. History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917). Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russ.).
10. Marggraf OV. Essays on the handicraft industry of the North Caucasus. Moscow: S.V. Lepeshkin Publishing House; 1882. 288 p. (In Russ.).
11. Nakhshumov I.R. Economic consequences of the annexation of Dagestan to Russia. Makhachkala, 1956. 157 p. (In Russ.).
12. Terek calendar for 1901. Vladikavkaz: Terek regional statistical committee, 1900. 393 p. (In Russ.).
13. Khazbulatov AI. Development of Industry and Formation of the Working Class in Checheno-Ingushetia (late 19th - early 20th centuries). Moscow: Delo, 1994. 126 p. (In Russ.).
14. Khasbulatov AI. Establishment of Russian Administration in Chechnya (second half of the 19th - early 20th centuries). Moscow: Rus, 2001. 238 p. (In Russ.).
15. Khashaev H.-M. Occupations of the Population of Dagestan in the 19th Century. Makhachkala, 1959. 116 p. (In Russ.).
16. Schrader H. Economic Anthropology. St. Petersburg: Petersburg Renaissance, 1999. 192 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.10>

КРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Александра Сергеевна Пальчикова

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (д. 28, ул. Коммунаров, 399770, Елец, Российская Федерация)

Аспирант

palchikova1994@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3061-7325>

Аннотация. Введение. Изучение крестьянского населения Среднего Подонья XVII века представляет значительный интерес в современной исторической науке, поскольку крестьяне играли важную роль в хозяйственном развитии данного региона. Основное внимание уделяется сельскому населению Елецкого уезда начала XVII столетия. Статья связана с анализом елецкой переписной книги первой трети XVII века, целью которого является выявление численности крестьянского населения уезда, количества крестьянских дворов и определения их средней «людности». **Материалы и методы.** Методологическая база основана на общенаучных, общеисторических и междисциплинарных методах исследования, в частности применяются корреляционный метод в решении некоторых задач исследования. Источниковую базу составляет Писцовая и межеская книга поместных и вотчинных земель Елецкого уезда Леонтия Погожева и Кирилла Семенова 1628-1630 гг. **Анализ.** Крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII века проживало в четырех станах (Елецкий, Воргольский, Брусла-новский, Засосенский). Дворы крестьян и бобылей распределялись по станам и населенным пунктам неравномерно. Анализ писцовых данных показал, что средняя людность двора равна 1. В елецких поместьях и вотчинах их доля доходило до 94%. Писцы, описывая села и деревни в Елецком уезде 1628/1630 гг., указывали во дворе хотя бы одного человека, чтобы зафиксировать его как «живущий». На уровне станов преобладание

«однолюдных» дворов территориально соответствует преобладанию поместного землевладения. **Результаты.** Размещение крестьянских дворов в селах и деревнях Елецкого уезда в первой половине XVII века определялось несколькими ключевыми факторами. Особую значимость имело воздействие внешних угроз, связанных с регулярными нападениями крымских татар в первой половине XVII века. Это обстоятельство значительно замедляло освоение земель и приводило к неравномерному распределению крестьянского населения. В обстановке внешней опасности со стороны крымских татар, частых случаев бегства крестьян, было важно зафиксировать дворовладельца – человека, способного обрабатывать землю и нести тягло по отношению к землевладельцу. В этом были заинтересованы как помещики, так и государство.

Ключевые слова: крестьяне, бобыли, Елецкий уезд, крестьянское население, крестьянский двор, XVII век

Для цитирования: Пальчикова А. С. Крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII века // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 645–650. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

PEASANT POPULATION OF YELETS DISTRICT IN THE FIRST THIRD OF THE 17TH CENTURY

Alexandra S. Palchikova

Yelets State University named after I. Bunin (28, Kommunarov St., 399770 Yelets, Russian Federation)

Postgraduate student

palchikova1994@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3061-7325>

Abstract. Introduction. The study of the peasant population of the Middle Don region in the 17th century is of significant interest in contemporary historical science, as peasants played a crucial role in the economic development of this area. The focus is on the rural population of the Yelets uyezd in the early 17th century. The article aims to analyze the census books from the first half of the 17th century, with the objective of determining the size of the peasant population in the Yelets uyezd, the number of peasant households, and assessing their average population density. **Methods and materials.** The methodological framework is based on general scientific, historical, and interdisciplinary research methods, particularly employing a microhistorical approach to address the research questions. The source base consists of the land survey and boundary books of the estate and landholdings in the Yelets uyezd by Leonty Pogozhev and Kirill Semyonov from 1628-1630. **Analysis.** The peasant population of the Yelets uyezd in the first third of the 17th century lived in four districts. Peasant households were distributed unevenly across the districts and settlements. The analysis of the tax data revealed that the average household size was 1 person. In the Yelets estates and landholdings, their share reached up to 94%. The scribes, when describing villages and hamlets in the Yelets uyezd in 1628/1630, noted at least one person in a household to register it as «inhabited». At the district level, the prevalence of «single-person» households corresponded territorially to the predominance of estate landownership. The close interrelation between the peasant and the landowner is indicated

by correlation data, showing that around 90% of all peasants and landless labourers in the district lived on estate lands. **Results.** The placement of peasant households in the villages and hamlets of the Yelets district in the first half of the 17th century was determined by several key factors. The impact of external threats, particularly from the regular raids by the Crimean Tatars in the first half of the 17th century, was of particular significance. This situation considerably slowed down the development of the land and led to an uneven distribution of the peasant population. In the context of external danger from the Crimean Tatars and frequent instances of peasant flight, it was crucial to document the household owner – a person capable of cultivating the land and bearing obligations to the landowner. Both landowners and the state had a vested interest in this.

Keywords: peasants, bobylys, Yelets uyezd, countryside population, peasant's yard, 17th century

For citation: Palchikova AS. Peasant population of Yelets district in the first third of the 17th century. Humanities and law research. 2025;12(4):645-650. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Крестьянское население Среднего Подонья XVII в. является одним из актуальных тем в отечественной историографии, поскольку крестьяне играли важную роль в хозяйственном освоении данного региона. Исследования этой категории сельского населения позволяют глубже рассмотреть процессы колонизации южнорусского порубежья. Поэтому в фокусе нашего внимания находится крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII в. Несмотря на то, что некоторые аспекты, касающиеся елецких крестьян, находят отражения в статьях отечественных исследователей [6; 7; 8], однако данная категория населения Елецкого уезда XVII в. остается слабоизученной, в частности их численность и расселение по населенным пунктам уезда. Поэтому целью нашего исследования является анализ писцовых данных первой трети XVII в., и на их базе определение численности крестьян в елецких селах и деревнях. Важным вопросом в работе является рассмотрение крестьянского двора и его средняя «людность».

Материалы и методы. Методологическая база основана на общенаучных и общеисторических методах исследования, принципах историзма, объективности и системности. Внимание так же уделено количественному и корреляционному методам. Источниковую базу составляет Писцовая и межевая книга поместных и вотчинных земель Елецкого уезда Леонтия Погожева и Кирилла Семенова 1628-1630 гг. Она дошла до нас в подлиннике и хранится в фондах РГАДА [10]. На 1847 листах идет описание населенных пунктов по четырем станам: Елецкий, Засосенский, Бруслановский и Воргольский. В каждом зафиксированы поместные и вотчинные земли с указанием их владельцев, крестьянских и бобыльских дворов. После описания стана идет итог по количеству земли (сошный итог) и дворов («с живущего»), а затем и общий по уезду. Поскольку книга писцовая и межевая, в конце нее содержатся сведения о границах поместий и вотчин, начинающиеся с преамбулы: «Книги Елецкие уезду поместные и вотчинные межевые письма и меры и меживания Левонтия Григорича Погожева да подьячего Кирилла Семенова» [10, л.1571]. Сохранность источника удовлетворительная. Некоторые листы порваны, первые два листа с утратами. Местами текст размыт. В целом, книга почти не имеет пропусков.

Анализ. Крестьянское население Елецкого уезда первой трети XVII в. проживало в четырех станах (Елецкий, Воргольский, Бруслановский, Засосенский). Их административные границы получили свое оформление к началу XVII в. В писцовой и межевой книге Елецкого уезда Леонтия Погожева и Кирилла Семенова 1628/1630 гг. было записано 1188 крестьянских (1346 человек) и 758 бобыльских (1022 человека) дворов.

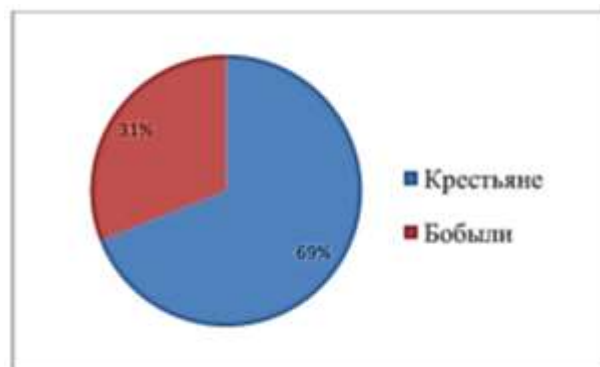

Диаграмма 1 / Diagram 1. Соотношение крестьянских и бобыльских дворов Елецкого уезда в первой трети XVII века, в % / The ratio of peasant and bobyly households in Yelets uyezd in the first third of the 17th century, in %

Большая часть крестьянских дворов находилась в северо-восточных и западных частях уезда. Данную ситуацию наглядно отражают диаграммы 2 и 3, в которых представлено процентное соотношение крестьянских и бобыльских дворов по елецким станам: более половины крестьян территориально располагались в Елецком и Воргольском станах, треть – в Бруслановском. Меньше всего крестьян писцы записали «за рекой Сосной» в Засосенском стане (17 – 20% от общего числа крестьянских и бобыльских дворов). Несмотря на то, что по площади он был самым большим (его территория превышала все остальные станы, вместе взятые), однако его заселение и освоение в XVII в. происходило достаточно медленно. Это было связано, прежде всего, с частой угрозой нападения на данные земли татар. Неслучайно, Засосенский стан иногда назывался «Крымской стороной», т.е. местом, откуда приходят отряды крымских татар [8, с. 108-111].

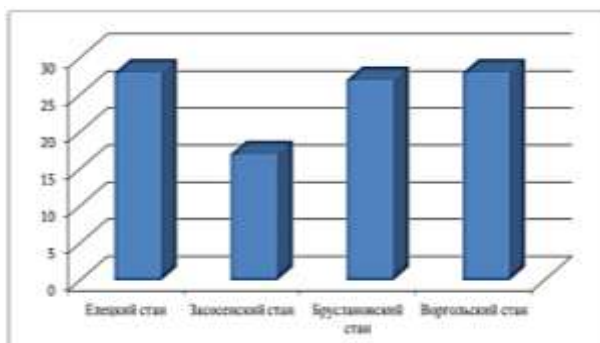

Диаграмма 2 / Diagram 2. Количество крестьянских дворов в станах Елецкого уезда по данным писцовой книги 30-х гг. XVII в., в % / The number of peasant households in the villages of Yelets uyezd according to the land register of the 1630s, in %

Неравномерное распределение крестьян наблюдается не только по станам, но и по населенным пунктам. Так, к примеру, больше половины крестьянских дворов населяли елецкие деревни и починки (составляло 56%), остальная

часть проживала в селах. Следует сказать, что их количество в Елецком уезде первой трети XVII в. значительно превосходило количество сел (72 и 57 в первом случае, 40 – во втором).

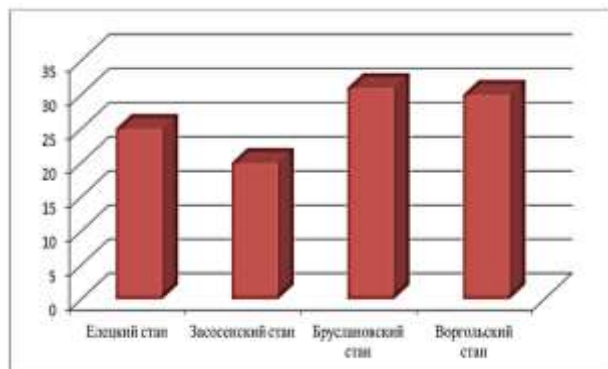

Диаграмма 3 / Diagram 3. Количество бобыльских дворов станов Елецкого уезда по данным писцовой книги 30-х гг. XVII в., в % / The number of bobyl households in the Yelets uyezd camps according to the census book of the 1630s, in %

Данные сельские поселения представляли собой небольшие населенные пункты в несколько крестьянских дворов. Крупные села и деревни в Елецком уезде встречались крайне редко. Однако справедливо отметить, что треть или четверть крестьян того или иного стана могла уместиться в трех или четырех таких поселениях. К примеру, в Воргольском стане на территории сел Никольское, Егорьевское и деревни Нижняя Другая располагалось порядка 150 дворов, что в процентном соотношении составило треть всех крестьян, населявших данный стан.

Самым многочисленным населенным пунктом Елецкого уезда в первой трети XVII в. было село Дмитриевское Елецкого стана. Крестьянское население здесь было сосредоточено на землях 26 мелких поместий, где находилось в среднем по 2 – 4 двора. Больше всех их было отмечено писцами в поместьях недоросля Анкудина Огнева и братьев Стукаловых. Помещичий род Огневых известен в Ельце со времен строительства новой елецкой крепости в 1592–1593 гг. Дед Анкундина, Яков Огнев, упоминается в документах о строительстве Ельца [3, с. 198], как помещик, получивший поместье 100 чет. на р. Пальна под Большим лесом. Сын Якова и отец Анкундина Терех также служил в Ельце. Однако во время сторожевой службы был взят в плен татарами [12, л. 295 об.] Дальнейшая судьба Тереха Яковлевича, к сожалению, не известна. Его поместье в 70 чет. в селе Дмитриевском (Рогатово) было отдано его несовершеннолетнему сыну Анкундину, которому было на тот момент 7 лет [12, л. 295 об.]

Неподалеку от Огнева находилось поместье братьев Терентия и Ермола Стукаловых [10, л. 311 об.] Их отец Савелий Федорович, вероятно, был родом из казаков, который по цар-

скому указу так же приехал в Елец на службу в конце XVI века [3, с. 28, 198, 202]. Он получил поместье на Крутом верху под Елецким лесом, а также 100 чет. на р. Пальне. Савелий погиб на службе, а в его поместье остались жена Фотиния и сыновья Терех и Ермол [11, л. 148; 12, л. 311]. По писцовым данным 1628/1630 гг. на землях Стукаловых располагались 6 дворов бобылей, где проживали 12 человек [10, л. 310 об.]

Следует отметить, что в с. Дмитриевском бобыли составляли большинство по отношению к крестьянам: 35 дворов бобыльских (47 человек) и 31 двор крестьянских (36 человек).

Второе по численности крестьян сельское поселение находилось к западу от Ельца в Воргольском стане и располагалось на «Кривом колодезе под Радушкиным лесом» – это деревня Нижняя Другая (Другая Крутая) [10, л. 1323–1338]. Здесь находилось 9 светских поместий, 42 крестьянских и 23 бобыльских дворов. В этой деревне проживал и старый елецкий помещик Сергей Иванович Щербатов. Он владел 12 дворами крестьян да бобылей [10, л. 1333]. По 10 дворов находилось у детей боярских Добрыни Семеновича Рощупкина [10, л. 1336 об.] и Андрея Карповича Лыкова [10, л. 1327]. Оба этих помещичьих рода известны в Ельце с конца XVI в. [3]. Меньше всего крестьян проживало в имении помещика Степана Домова: двор крестьянский и двор бобыльский.

Третьим крупным населенным пунктом Елецкого уезда по данным писцов Леонтия Погожева и Кирилла Семенова являлась д. Уткино Елецкого стана [10, л. 774–789]. Ее населяли казаки, в поместьях которых проживали 23 двора крестьян и 31 двор бобылей. Таким образом, в Уткино бобыльское население превалировало над крестьянским, как и в с. Дмитриевском (которое мы упоминали выше). Следует отметить, что согласно Писцовой книге 1628/1630 гг. в Елецком уезде встречались поселения, поместные земли которых обрабатывались только лишь данной, менее тяглой, категорией крестьянства. К примеру, село Бочуриново Засосенского стана, где все 10 дворов принадлежали бобылям.

На северо-востоке уезда тянулись земли Бруслановского стана. Как и в других станах, поселения в нем были не густонаселенными. Однако среди них можно выделить село Никольское (Копыльное) [10, л. 991–1003 об.] Здесь имелась церковь Великого Чудотворца Николая [10, л. 991] и 10 помещичьих дворов. Фамилии елецких детей боярских (Перовы, Ивановы, Кореевы, Филатовы и др.), проживавших в данном селе, неоднократно встречались в различных документах конца XVI – начала XVII вв. [3]. Все они несли службу. Полученные в Никольском земли зачастую оставались за их близкими родственниками – братьями, несовершеннолетними детьми, в частности которых мы видим в писцовой книге Елецкого уезда 1628/1630 гг.

На землях всех детей боярских данного села проживали крестьяне и бобыли, за исключением Евсея Яковлевича Денисова [10, л. 1003 об.] На один помещичий двор здесь в среднем приходилось по 3–4 двора крестьянских и бобыльских. К примеру, в поместье недоросля Абрама Корева писцы отметили следующее: «в том же селе на его жребей двор помещиков да крестьянских дворов: двор Федка Кипреянов, двор Тимошка Митрофанов, двор Наумка Степанова. Да бобыльских дворов: двор Ларка Ларионов, двор Якима Савельева» [10, л. 996].

Такое неравномерное распределение крестьянских дворов по селам и деревням Елецкого уезда первой трети XVII в. зависела от разных причин. Это могли быть как географические, так и экономические факторы. Однако немаловажной для освоения уезда в первой половине XVII в. оставалась и степень внешней угрозы со стороны крымских татар, опустошительные набеги которых на южнорусское пограничье в то время были достаточно частыми.

Анализ данных писцовой книги Елецкого уезда 1628/1630 гг. так же показал о фиксации преимущественно «однолюдных» крестьянских дворов. В елецких поместьях их доля доходило до 94%. «Многолюдные», где было записано 3 человека и более, единичны. Такие дворы встречались в селах Рождественское и Введенское, деревнях Хмеленец, Хорошая, Долгая Поляна, Белевец и Меньшая Хмелевая [10, л. 821 об., 1371 об.]

В крестьянских и бобыльских дворах, принадлежавших светским и духовным вотчинникам, также иногда указывалось более одного человека, например, у князя Федора Андреевича Елецкого. Он владел вотчинными землями в Елецком стане, приобретенными в 1626 г. у сына боярского Леонтия Ивановича Лужецкого в деревне Высокая (Жокова) под Хорошим лесом и помещика Богдана Игнатьевича Горяинова в деревне Кривая Поляна. У вотчинника писцы насчитали 7 крестьянских дворов (21 человек), 5 бобыльских (17 человек) [10, л. 517 – 519]. Однако, так же как и в поместьях, данная ситуация здесь являлась больше исключением, поскольку процент «многолюдных» дворов оставался намного ниже по сравнению с «однолюдными» (см. таблицу 1, 2).

Таблица 1/ Table 1

Процентное соотношение крестьянских дворов Елецкого уезда с тем или иным числом «людей» по категориям владения / Percentage of peasant households in Yelets uyezd with a certain number of “people” by ownership category

крестьяне	Елецкий уезд		
	поместья	светские вотчины	духовные вотчины
	дворов %	дворов %	дворов %
1 человек	94	77	60
2 человека	7	19	40
3 человека	0,7	-	-
4 и более людей	0,3	2,7	-
Всего	100	100	100

Таблица 2 / Table 2

Процентное соотношение бобыльских дворов Елецкого уезда с тем или иным числом «людей» по категориям владения / Percentage of boby household in Yelets uyezd with a certain number of “people” by ownership categories

бобыли	Елецкий уезд		
	поместья	светские вотчины	духовные вотчины
	дворов %	дворов %	дворов %
1 человек	85	62	89
2 человека	12	17	11
3 человека	1,5	14	-
4 и более людей	0,5	7	-
Всего	100	100	100

Проблема населенности двора XVI – XVII в. в писцовых книгах неоднократно поднималась отечественными историками и до сих пор имеет разные оценки. Так Н. А. Рожков понимал под «людьми во дворах», записанные писцами первой трети XVII в., как рабочее население [13, с. 147]. В. О. Ключевский видел в них хозяев двора [5, с. 373–374]. Авторы труда «Аграрная история Северо-Запада России», главным образом Т. И. Осминский, считали, что запись «люди во дворах» отражает главу семьи. Согласно их расчетам, один человек, указанный в документах, соответствует одной семье, состоящей примерно из пяти членов обоих полов. Если указано больше одного человека, каждая дополнительная единица добавляет ещё два с половиной члена семьи. Этот подход применялся ко всей территории Новгорода и использовался для анализа динамики численности населения с конца XV до начала XVIII в. [1, с. 9]. Позже Я. Е. Водарский поддержал использование данной методики, подтвердив ее достоверность на письменных материалах XVII и XVIII вв. [2, с. 120-121].

По мнению А. Л. Шапиро, в писцовых книгах 1620-х гг. «иногда учитываются только «люди» – главы семейств (как в XVI в.), а иногда все взрослые мужчины (как в переписных книгах 1640-х гг.)» [15, с. 117-118]. Л. В. Милов подчеркивал, что «в XVI в. и в первой трети XVII в. писцовые, приправочные, дозорные книги отмечали исключительно дворовладельцев и лишь иногда (в XVII в.) взрослое мужское население двора» [4, с. 137].

В попытке поиска ответа на вопрос кого следует понимать под «людьми во дворах» в елецких селениях и как согласуется «людность» с общей картиной сельского расселения, данными о «пашне паханной» и со структурой землевладения мы обратились к корреляционному методу, который используется для поиска взаимосвязей в исторических исследованиях [9, с. 250-253; 14, с. 68-71].

Мы взяли, с одной стороны, показатели, характеризующие хозяйственный потенциал (первые три показателя в таблице) и структуру землевладения (строки 4–6) в стане, а с другой –

долю «однолюдных» дворов от всех крестьянских и бобыльских дворов в стане. Данные корреляции представлены в таблице.

Таблица 3 / Table 3

Связь минимальной «людности» двора со структурой феодального землевладения и состоянием хозяйства в Елецком уезде первой трети XVII века / The relationship between the minimum population of a courtyard and the structure of feudal land ownership and the state of the economy in the Yellets uyezd in the first third of the 17th century

Показатели по станам		Коэффициент корреляции
Доля пашни паханой	Доля «однолюдных» дворов	0,37
Доля пашни наездом	-/-	-0,51
Доля перелога	-/-	0,21
Доля поместных земель	-/-	0,90
Доля земли в светских вотчинах	-/-	-0,84
Доля земли в духовных вотчинах	-/-	0,24

Коэффициенты корреляции выглядят неоднозначно. Реальная зависимость прослеживается только между людностью крестьянских дворов и долей помещичьих земель, что подтверждают

наши наблюдения, сделанные в таблицах 1–2. На уровне станов преобладание «однолюдных» дворов территориально соответствует преобладанию поместного землевладения. Более того на тесную взаимосвязь крестьянина и помещика указывает и то, что порядка 90% всех крестьян и бобылей уезда проживало на помещичьих землях.

Таким образом, отвечая на вопрос кого следует понимать под «людьми во дворах» крестьянских и бобыльских Елецкого уезда, учитывая статистические данные и результаты корреляции, можно предположить, что писцы Леонтий Погожев и Кирилл Семенов, описывая елецкие села и деревни, указывали во дворе хотя бы одного человека, вероятнее всего дворовладельца, чтобы зафиксировать его как «живущий».

Результаты. Неравномерное размещение крестьянских хозяйств в селах и деревнях Елецкого уезда в первые десятилетия XVII в. было обусловлено рядом объективных факторов: природные условия, экономические обстоятельства, внешняя угроза, исходившая от крымских татар. В обстановке внешней опасности, частых случаев бегства крестьян, было важно зафиксировать дворовладельца – человека, способного обрабатывать землю и нести тягло по отношению к землевладельцу. В этом были заинтересованы как помещики, так и государство.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. 321 с.
2. Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI–XIX вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М.: Издательство Института истории СССР, 1974. С. 117-130.
3. Глазьев В. Н., Новосельцев А. В., Тропин Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592 – 1594 годах. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 274 с.
4. Источниковедение истории СССР. М.: Высш. школа, 1981. 496 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах Т. VIII. М.: Госполитиздат, 1959. 489 с.
6. Ляпин Д. А. О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. С. 178-186.
7. Ляпин Д. А. Дела о крестьянах на юге России в 20-е годы XVII века. // Вестник ВолГУ. 2020. № 5 (25). С. 162-171.
8. Ляпин Д. А., Жиров Н.А. Колонизация Верхнего Подонья в XVII веке (Засосенский стан Елецкого уезда) // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86). С. 108-111.
9. Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М.: Издательство Московского университета, 1986. 301 с.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д.133.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп.4. Д.90.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп.4. Д.87.
13. Рожков Н. А. К вопросу о достоверности писцовых книг // Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. 1899. Вып.1(1). С. 140-149.
14. Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда: Древности Севера, 2008. 224 с.
15. Шапиро А. Л. Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. 1987. Вып. XIX. С. 94-117.

References

1. Agrarian History of Northwestern Russia in the 16th Century: The Novgorod Five. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch publ.; 1974. 321 p. (In Russ.).
2. Vodarsky YE. On the Average Size of Peasant Families and the Population Density of Farmsteads in Russia from the 16th to 19th Century. Current Issues in the History of Economy and Population in 17th Century Russia. Essays in Historical Geography of the 17th Century. Moscow: House of the Institute of History of the USSR Publishing; 1974. p. 117-130. (In Russ.).

3. Glazyev VN., Novoseltsev AV., Tropin NA. The Russian Fortress on the Southern Borders: Documents on the Construction of Elets, Settlement of the City, and Surroundings in 1592–1594. Elets: EGU named after I.A. Bunin publ.; 2001. 274 p. (In Russ.).
4. Source Studies of the History of the USSR. Moscow: Higher School publ.; 1981. 496 p. (In Russ.).
5. Kliuchevsky VO. Writings in Eight Volumes, Vol. VIII. Moscow: Gospolitizdat publ.; 1959. 489 p. (In Russ.).
6. Lyapin DA. On the Registration of Peasants as Service People in the Fortresses of Southern Russia in the Late 16th Century. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2019;Series Humanities:178-186. (In Russ.).
7. Lyapin DA. Cases About Peasants in Southern Russia in the 1620s. *Vestnik VolGU*. 2020;25(5):162-171. (In Russ.).
8. Lyapin DA., Zhiron NA. Colonization of the Upper Don Region in the 17th Century (Zasosensky District of Elets County). *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2014;8(86):108-111. (In Russ.).
9. Milov LV., Bulgakov MB., Harskova IM. Trends in Agricultural Development in Russia in the First Half of the 17th Century: Historiography. Computer. Research Methods. Moscow: Publishing House of Moscow University publ.; 1986. 301 p. (In Russ.).
10. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Inv. 1. D. 133.
11. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 210. Inv. 4. D. 90.
12. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 210. Inv. 4. D. 87.
13. Rozhkov NA. On the Question of the Reliability of Pisans'Books in Proceedings of the Archeographic Commission of the Moscow Archaeological Society. 1899;1(1):140-149. (In Russ.).
14. Chernienko DA. Land Ownership and Economic-Demographic Processes in Central Russia in the 17th-18th Centuries (Experience of Regional Typology). Vologda: Antiquities of the North publ.; 2008. 224 p. (In Russ.).
15. Shapiro A.L. The Living Reading and the Living Wail in Auxiliary Historical Disciplines. 1987;19:94-117. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (438)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.11>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ ПОЛЬСКИХ ВОССТАНИЙ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ 1947–1956 ГГ.

Сергей Валерьевич Панов

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (стр.1, д. 82, пр-кт Вернадского, Москва, 119571, Российская Федерация)
Аспирант
rontonak@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>.

Аннотация. Введение. Советская политика памяти остаётся одной из наиболее актуальных тем современной историографии. Значительный интерес у исследователей вызывает всё ещё недостаточно изученный период в истории советской политики памяти после Второй мировой войны. Важным, до сих пор неизученным моментом советской политики памяти является репрезентация в СССР таких конфликтных периодов и событий, как польские восстания – темы общего проблемного прошлого с новым союзником – социалистической Польшей. **Материалы и методы.** Источниковой базой исследования являются советские учебники истории для начального, среднего, среднего профессионального и высшего исторического образования изданные в период с 1947 по 1956 г. Автор обращается к методам исследования исторической памяти (memory studies), работе основоположника данной методологии, М. Хальбвакса и его концепции социальных рамок памяти. **Анализ.** В статье автор рассматривает репрезентацию польских восстаний 1794, 1830 – 1831 и 1863 гг. в различных советских учебниках для среднего, среднего специального и высшего образования с 1947 (образование Института славяноведения АН СССР и укрепление про-советского правительства в Польше) до 1956 (десталинизация

в СССР и конец эпохи Б. Берута в Польше). **Результаты.** Автор приходит к выводам, что польские восстания в советской учебной литературе периода позднего сталинизма представлялись как имевшие прежде всего классовые причины, этнополитический мотив в идеологии польских повстанцев подавался как второстепенный. Наибольшим вниманием в советской учебной литературе пользовалось восстание 1863 г., как наиболее близкое к революционно-демократической идеологии.

Ключевые слова: советские учебники, польские восстания, историческая память, историческая политика, советская идеология, история Польши, история России, Царство Польское

Для цитирования: Панов С. В. Репрезентация истории польских восстаний в советских учебниках 1947–1956 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 651–657. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.05.2025.

Research article

THE REPRESENTATION OF THE HISTORY OF POLISH UPRISINGS IN SOVIET TEXTBOOKS IN 1947-1956

Sergey V. Panov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (p. 1, d. 82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation)
Postgraduate Student
rontonak@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>

Abstract. Introduction. Soviet memory politics remains one of the most pressing topics in contemporary historiography. Of considerable interest to researchers is the still insufficiently studied period in the history of Soviet memory politics after World War II. An important, still unstudied aspect of Soviet memory politics is the representation in the USSR of such conflict periods and events as the Polish uprisings – themes of a common problematic past with a new ally – socialist Poland. **Materials and Methods.** The source base of the research is Soviet history textbooks for primary, secondary, secondary vocational and higher historical education published in the period from 1947 to 1956. The author refers to the methods of studying historical memory (memory studies), the work of the founder of this methodology, M. Halbwachs and his concept of the social framework of memory. **Analysis.** In this article, the author examines the representation of the Polish uprisings of 1794, 1830-1831 and 1863 in various Soviet textbooks for secondary, specialized secondary and higher education from 1947 (the establishment of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences and the strengthening of the pro-Soviet

government in Poland) to 1956 (de-Stalinization in the USSR and the end of the B. Bierut era in Poland). **Results.** The author concludes that Polish uprisings in Soviet educational literature of the late Stalinist period were presented as having primarily class causes, while the ethno-political motive in the ideology of Polish insurgents was presented as secondary. The uprising of 1863 received the greatest attention in Soviet educational literature, as the closest to revolutionary democratic ideology.

Keywords: Soviet handbooks, Polish uprisings, historical memory, historical policy, Soviet ideology, history of Poland, history of Russia, Congress Kingdom of Poland

For citation: Panov SV. The representation of the history of Polish uprisings in Soviet textbooks in 1947-1956. Humanities and law research. 2025;12(4):651-657. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.01.2025

The article was approved after reviewing: 13.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.05.2025.

Введение. Школьные и университетские учебники истории являются одним из основных средств конструирования исторической памяти и таким образом – важнейшим инструментом исторической политики. Одним из наиболее спорных и конфликтных моментов общей русско-польской истории были восстания поляков в XVIII–XIX вв. Их целью было восстановление независимого польского государства и его прежних границ.

Первое крупное польское восстание произошло ещё во время разделов Польши в 1794 г. Его возглавил известный польский революционер Т. Костюшко, и оно было подавлено русскими войсками под руководством А. В. Суворова в том же году. Второе восстание, известное также как Ноябрьское, вспыхнуло в конце 1830 г. в автономном Царстве Польском. Его подавление заняло почти год и потребовало ведения масштабных боевых действий, в связи с чем у многих исследователей восстание получило названия Русско-польской войны 1830–1831 гг. [6]. По окончании восстания Органическим статутом 1831 г. Царство было лишено значительной части своей автономии.

Не осталась Польша в стороне и от Весны народов в 1848–1849 гг., но эти события затронули главным образом земли, входившие в состав Австрийской империи.

Наконец, последнее польское восстание произошло в Российской империи в 1863–1864 гг., в Польше оно известно также как Январское. Оно охватило большие территории Царства Польского и Западного края, его подавление явилось также достаточно серьёзной проблемой для русского правительства (хотя и не такой, как подавление Ноябрьского восстания) и привело к окончательной ликвидации автономии Царства Польского. Важной его особенностью было достаточно четкое разделение повстанцев на две фракции – консервативно-аристократических «белых» и революционно-демократических «красных».

Появление в сфере влияния Советского Союза дружественной социалистической Польши, которая столетиями считалась историческим противником России, наравне с «патриотическим поворотом» советской исторической политики в годы Второй мировой войны ввело советское общество, как писал Д. Бранденбергер, «в некоторое замешательство» [2].

Изменившаяся внешнеполитическая обстановка требовала выработки нового взгляда на совместное прошлое Польши и России, в том числе и обновления советских учебников истории – как для среднего, так и для высшего образования. При этом проявилось естественное противоречие между, с одной стороны, тенденциями «патриотического поворота» в советской идеологии и традицией марксистского революционного интернационализма, требовавшего сочувствия к польским повстанцам – достаточно

вспомнить хотя бы ярко антироссийскую позицию основателей марксизма [7].

Выработка единого взгляда на историю в среднем и высшем образовании была в сталинском СССР вопросом государственной важности, утверждением содержания учебников занималось высшее руководство государства [2, с. 140].

Тема учебников позднесталинской эпохи (главным образом школьных) уже рассматривалась рядом исследователей в общем виде, без детального изучения темы репрезентации польских восстаний в них. Среди работ на данную тему можно отметить труд А. Л. Юрганова «Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма», вышедшую в 2011 г. [21]. Также в исследования по теме историко-идеологических дискуссий позднесталинского периода значительный вклад сделал В. В. Тихонов своей статьёй 2011 г. «Учебники по новой истории как источник формирования представлений советских школьников последнего сталинского десятилетия о мире» [16], монографией «Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)» выпущенной в 2014 г. [15] и затем вышедшей уже в 2024 г. монографией «Полезное прошлое. История в сталинском СССР» [16]. В. В. Тихонов также отчасти касался темы советской исторической политики в отношении общих сюжетов российской и польской истории в своей статье, посвященной «Истории БССР», выпущенной в 1954 г [14]. В 2018 г. Л. В. Алексеева написала статью о методике преподавания истории в послевоенный период – в основном отечественной [1].

В целом же в российской историографии остаётся малоосвещённой тематика советской исторической политики в отношении долгой и сложной истории русско-польских отношений, даже несмотря на то, что историческая политика послевоенного СССР пользуется всё большим интересом исследователей. Этим и обусловлена новизна данной статьи.

Материалы и методы. Источниками настоящего исследования послужили учебники для всех степеней образования (младшего школьного, среднего школьного, среднего специального и высшего), официально утверждённые в исследуемый период.

Впервые с темой польских восстаний советский школьник тех лет соприкасался в четвёртом классе, когда ему в руки попадал учебник, в основе своей созданный ещё до начала войны – книга «История СССР: краткий курс» под редакцией скончавшегося ещё в 1941 г. профессора, сотрудника Института истории АН СССР А. В. Шестакова [19]. Специалист по аграрной истории России А. В. Шестаков был автором первого стандартизированного учебника истории в СССР, за работой над которым следили лично И. В. Сталин и А. А. Жданов [5]. В 1937 г. он был издан Учпедгизом.

зом как «Краткий курс истории СССР» и начинал изучаться ещё в третьем классе [19].

Снова с историей польских восстаний советский школьник эпохи позднего сталинизма сталкивался в девятом классе, когда занимался по учебнику «История СССР» под редакцией А. М. Панкратовой [11] – академика АН СССР, специалиста по истории русского революционного движения и видного участника формирования официального исторического нарратива сталинского периода [21]. В написании учебника участвовали также К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин и А. В. Фохт.

В учебнике для средних педагогических училищ за авторством известного специалиста-краеоведа и педагога [12] К. В. Сивкова и П. И. Кабанова также присутствовало освещение событий восстания 1863 г. [13, с. 23].

Наконец, наиболее подробная информация по истории СССР в стандартизированной советской учебной литературе той поры находилась в университетских учебниках. Специализированный учебник истории южных и западных славян был окончен лишь в 1957 г. [11], так что на тот момент студенты черпали информацию о польских восстаниях из пособий по отечественной истории. Учебник для студентов-историков «История СССР с древнейших времён до конца XVIII века» был написан известными историками, также весьма задействованными в дискуссиях о формировании официального исторического нарратива [21], медиевистами Б. Д. Грековым, С. В. Бахрушиным и В. И. Лебедевым [4].

Второй том трёхтомного учебника для студентов-историков, посвященный XIX веку, был написан М. В. Нечкиной [9] – ученицей М. В. Покровского, известным специалистом по истории русского революционного движения, декабристоведам, впоследствии академиком [3].

В качестве метода данной статьи использованы *memory studies* – методы исследований исторической памяти. Согласно им, учебники рассматриваются как часть социальных рамок, задаваемых обществом и его институтами [18].

Анализ. В издании учебника А. В. Шестакова 1955 года [20] Речь Посполитая перед разделами характеризовалась как «панская Польша» [20], что, разумеется, не являлось позитивной характеристикой. О восстании Т. Костюшко сообщалось кратко и в нейтральном тоне [20, с. 90], в отличие от, например, мятежа казахов под руководством Сарыма Датова [20, с. 90]. Ничего вообще не говорилось об участии поляков в Весне народов 1848 г. (хотя о самом событии рассказывалось в отдельной главе, при этом внимание акцентировалось на роли русских войск под командованием князя И. Ф. Паскевича в подавлении Венгерской революции 1848–1848 гг.). Также, как ни странно, в учебнике не было никаких упоминаний о событиях 1831 г.

Зато достаточно значительное место было посвящено восстанию 1863 г., которое изображалось в сочувственном тоне. Этим событиям, наряду, например, с отменой крепостного права и образованием I Интернационала, посвящался целый параграф, названный «Борьба поляков за независимость. Войны Александра II» [19, с. 126]. О самом восстании говорилось, что его готовили «поляки под руководством польского дворянства» с целью «освобождения Польши от власти русского царя». Хотя дворянский характер восстания и подчёркивался, организаторы его назывались «революционерами» [20, с. 126].

Отдельное внимание уделялось событиям в Белоруссии, указывалось, что там сопротивление восставших было «особенно сильным». Рассказывалось о вожде повстанцев – «храбром Кастусе Калиновском» [20, с. 126]. Его противник, генерал-майор Русской императорской армии М. Н. Муравьев-Виленский напротив, характеризовался как «жестокий», описывалось, что он беспощадно вешал пленных. Отмечалось, что подавление восстания было большой проблемой для русского правительства, что с этой целью в Белоруссию и Литву была направлена «целая армия», что повстанцы храбро сражались и что после восстания десятки тысяч поляков были сосланы в Сибирь [20, с. 127].

В учебнике А. М. Панкратовой небольшое внимание уделялось восстанию Т. Костюшко в 1794 г. в разделе, посвященном «борьбе царизма с французской буржуазной революцией» [11].

С точки зрения авторов, восстание «прогрессивной шляхетской интеллигенции» сначала было поддержано крестьянами, однако потом, вследствие их разочарования и даже восстания против восставших, потерпело поражение. Действия русских войск под командованием А. В. Суворова в Варшаве оценивались как гуманные [11, с. 94].

Событиям 1830 г. был посвящен параграф о «национально-освободительном движении 30-

40-х гг. XIX века» в главе «Кризис крепостнической системы», где они были рассмотрены вместе с восстанием У. Я. Кармелюка на Украине и холерными бунтами. С точки зрения авторов польское восстание было вдохновлено Июльской революцией во Франции и организовано тайным обществом, состоявшим из учеников школы подхорунжих. С точки зрения авторов учебника, восстание не имело никакой поддержки крестьянства и по этой причине потерпело поражение. В качестве доказательства приводилась цитата Ф. Энгельса о том, что в 1830–1831 гг. в Польше случилась «консервативная революция» [11, с. 166–167].

Наибольшее место в учебнике отводилось восстанию 1863 г., которое интерпретировалось как вызванное развитием капитализма. Ему уделялся целый параграф в главе о реформах 1860-х гг. Говорилось о «патриотических демонстрациях» в Польше и их расстрелах «царскими войсками», о

том, что восстание было организовано мелкопоместным шляхетским «прогрессивным» движением «красных», в то время как состоятельные помещики «белые» стремились сделать восстание менее радикальным [11, с. 241].

Авторы учебника писали, что восстание было вызвано рекрутским набором. Желание избежать призыва привлекло в армию крестьян, но шляхетское правительство «испугалось крестьянской войны, отменило народное ополчение и предложило крестьянам разойтись по домам» [11, с. 242].

Восстание на литовских и белорусских землях представлялось как имевшее крестьянский характер. Крестьяне якобы «боролись и против русских, и против польских помещиков» [11, с. 242]. Учебник сообщал, что К. Калиновский выступал с воззваниями крестьянам «на белорусском языке», «требовал демократического устройства вольной Белоруссии и проведения аграрной реформы в пользу крестьян» [11, с. 242]. По словам авторов, «помещики» выдали К. Калиновского «царским палачам». Критиковалось подавление восстания русскими войсками и генералом Н. Муравьевым. Указывалось, что после этого «царизм» начал проводить русификаторскую политику в Польше. Рассказывалось о поддержке восстания как русскими революционными демократами во главе с А. И. Герценом, так и западными революционерами [11, с. 243].

В учебнике для средних педагогических училищ К. В. Сивкова и П. И. Кабанова события 1863 года назывались «восстаниями в Польше, Литве и Белоруссии» [13, с. 23]. Параграф о восстании был включен в главу «Буржуазные реформы 60-70-х гг.». Им было уделено меньше внимания, чем отмене крепостного права, но примерно столько же, сколько русскому разночинному движению той эпохи, земской и судебной реформам. Причиной восстания был назван земельный кризис, разложение «феодализма» и наличие большого количества безземельных крестьян. Первопричиной восстания авторы сочли социальное недовольство польских рабочих и крестьян, хотя указывалось, что польское дворянство и буржуазия были также недовольны «зависимым положением от царской России» [13, с. 24].

Партия «красных» характеризовалась как буржуазно-помещичья, желающая контроля над землями Правобережной Украины и Белоруссии, поэтому желающая привлечь крестьян на свою сторону уступками. Партия «белых» же, с точки зрения авторов, опиралась на поддержку иностранных государств и примкнула к восстанию с целью не допустить его превращения в крестьянский бунт [13, с. 25].

Восстание в Литве и Белоруссии было представлено как почти отдельный сюжет. Указывалось, что его возглавлял К. Калиновский, оно имело крестьянский характер и ставило сво-

ей целью создание Белорусско-Литовской Республики. Указывалось, что К. Калиновский был выдан «белыми» царским властями и казнён [13, с. 25]. Традиционно для советской историографии негативно характеризовались меры, предпринятые российским правительством для подавления восстания.

В учебнике Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева [4] было подробно рассмотрено восстание Т. Костюшко. Тематически события, связанные со вторыми и третьим разделами Польши были отнесены к главе «Россия в конце XVIII в. и Французская буржуазная революция», таким образом восстание интерпретировалось как часть процесса роста революционного движения в конце XVIII в. Указывалось, что Речь Посполитая в конце XVIII в., после первого раздела, была экономически недееспособным государством [4, с. 665–666].

Само восстание было описано как возглавляемое шляхтой, однако радикальные шляхтичи, «польские якобинцы», по мнению авторов учебника, лишь стремились использовать «революционное движение городской плебейской массы в интересах шляхетско-буржуазного блока» [4, с. 666]. Они надеялись «успокоить мещанство» в своих интересах.

Костюшко авторами учебника представлялся как противник крепостничества и деятель более «прогрессивный» и «прокрестьянский», нежели большая часть лидеров восстания [4, с. 666].

С точки зрения авторов, первая победа повстанцев под Рацлавицами была одержана исключительно благодаря польскому крестьянству, которое верило в предоставление ему свободы и земли. Дальнейшее поражение восстания, как считалось, было обусловлено тем, что крестьянство отшатнулось от шляхты с её недостаточно радикальной программой [4, с. 667].

Информация о восстаниях XIX века содержалась уже в учебнике М. В. Нечкиной [9]. Восстанию 1830 – 1831 гг. уделялось в нем относительно небольшое место, в контексте внутренней ситуации в николаевской России [9, с. 160]. С точки зрения М. В. Нечкиной «царизм подвергал Польшу тяжелому национальному угнетению» [9, с. 160].

М. В. Нечкина считала, что революционное брожение в Польше уходило корнями в разложение феодально-крепостнического строя и имело классовый характер, хотя она указывала, что лидеры восстания – шляхтичи, более обращали внимание на восстановление государственной независимости Речи Посполитой и её старых границ, чем на достижение «социальных целей» восстания [9, с. 160]. Небезынтересно, что М. В. Нечкина не проводила параллелей между восставшими подхорунжими 1830 года и декабристами года 1825 г. несмотря на то, что таковые вполне можно было провести – ведь и в Варшаве, и в Петербурге восстание начали за-

говорщики-офицеры. Тезис о связи польских повстанцев с декабристами начал развиваться в советской историографии позднее, в трёхтомной «Истории Польши» под редакцией И. С. Миллера [8, с. 431–438]. Однако автор обращала внимание на то, что восстание было весьма важным для «освободительного движения» в Европе как символ сопротивления самодержавию [9, с. 160].

Характеризуя причины неудачи восстания, М. В. Нечкина писала, что причиной неудач было нежелание «господствующего класса» идти на социальные реформы [9, с. 162].

Зато восстанию 1863 г. М. В. Нечкина посвятила целую главу, поставив его в один ряд с такими событиями российской истории, как война 1812 г., восстание декабристов, Крымская война и отмена крепостного права [9, с. 475]. Следуя марксистско-ленинской парадигме, М. В. Нечкина указывала на социально-экономические предпосылки формирования польского революционного движения – развитие капитализма в Царстве Польском. Она характеризовала движение как революционно-демократическое. Указывалось, что в польском национальном движении была как консервативно-аристократическая, так и революционно-демократическая фракции.

Консервативно-аристократические участники восстания (т.н. «белые») характеризовались негативно, как «реакционное движение, резко враждебное народному движению», которое надеялось лишь на помощь иностранных держав. Впрочем, даже характеризуя радикальное крыло повстанцев (т.н. «красных») М. В. Нечкина указывала, что в их программе сказывалась «классовая и национальная ограниченность» – повстанцы не желали передавать крестьянам всю помещичью землю и претендовали на земли русского Западного Края (Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии) [9, с. 480].

В целом события 1863 г. в учебнике были представлены как «вооружённое восстание против угнетающей Польшу царской власти», поддержанное «демократическими слоями населения» [9, с. 478]. Не забыто было и то, что польские повстанцы были связаны с русским революционно-демократическим движением.

М. В. Нечкина регулярно ссылалась на труды В. И. Ленина и повторяла его характеристику событий 1830 – 1831 гг. как восстания «революционной шляхты» (впрочем, здесь у неё по понятным причинам не было особенного выбора) [9, с. 476].

Вождь восстания Л. Мерославский с точки зрения автора был «врагом аристократии и банкиров», но его способности лидера и управленца подвергались сомнению [9, с. 483]. М. В. Нечкина писала, что «белые» были будто бы враждебны «народному движению» и примкнули к восстанию исключительно с целью направить его в желаемое русло и не допустить передачи помещичьей земли крестьянам [9, с. 483].

Высоко оценивалось М. В. Нечкиной восстание на литовских и белорусских землях. Оно считалось почти полностью крестьянским и прогрессивным, вождь восстания К. Калиновский назывался «выдающимся революционным демократом» [9, с. 485].

Значительная часть данной главы была посвящена вопросу поддержки повстанцев русскими революционными демократами. Подверглось суровой критике со стороны автора учебника подавление русскими властями восстания, подчёркивалось, что русские войска действовали жестоко [9, с. 486–488].

Большое внимание было уделено положительной оценке восстания классиками марксизма-ленинизма. Вместе с тем указывалось, что польское национальное движение приобрело «реакционный характер» с 1870-х годов, когда польский национализм стал сначала либерально-позитивистским, а затем, с 1890-х гг. – и правым, антилиберальным [22]. Таким образом, восстание 1863 г. рассматривалось М. В. Нечкиной как наиболее «прогрессивная» часть истории польского национального движения, после чего Польша утратила свою «уникально революционную» роль в европейской истории [9, с. 490–493].

Результаты. Подводя итоги, можно сказать о том, что в период позднего сталинизма польским восстаниям уделялось определённое внимание в учебниках для среднего и высшего образования – они были встроены в нарратив истории России как достаточно важная её часть.

Общим местом в описании польских восстаний являлось представление о них, как о событиях, вызванных, прежде всего, классовыми причинами. Восстания рассматривались как последствия разложения феодализма и развития капитализма на землях бывшей Речи Посполитой.

Говоря об этническом аспекте польских восстаний, авторы советских учебников позднесталинского периода утверждали, что якобы он не являлся основной причиной восстания, хотя, конечно «национальное угнетение» и было одним из важных поводов. То же самое говорилось и об активном участии дворян в повстанческой программе. Общим местом в учебниках было указание на то, что якобы шляхта присоединялась к восстаниям позднее и стремилась потушить их радикализм, смягчив классовые требования. Считалось, что восстания имели в первую очередь социальную, классовую природу, а националистические идеи (включая идеи возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г.) и стремление к возрождению шляхетских привилегий были лишь более поздними дополнениями, сделанным уже позднее консервативными аристократами, присоединившимися к подготовке восстаний.

Восстание 1794 г. не освещалось сколько-нибудь подробно. Оно чаще всего репрезентовалось как часть революционной волны в Европе конца XVIII в., как отголосок революции во Франции.

Небольшое в целом внимание уделялось событиям 1830–1831 гг. несмотря на то, что они включали в себя крупномасштабные боевые действия. Это восстание представлялось, как правило, в контексте внутренней политики николаевского правления. Особенно подчёркивалась его «дворянскость».

Наибольшим вниманием пользовалось восстание 1863 г., которое рассматривалось как своего рода пик польского революционного движения в XIX в. и даже как одно из важнейших событий в российской истории XIX в. Данное обстоятельство было связано с тем, что это восстание имело в значительной степени левый политический уклон и наиболее удачно укладывалось в классовую теорию. Большое внимание уделялось событиям на литовских и белорусских землях под руководством К. Калиновского, который был назван вождём белорусского крестьянства Кастусем Калиновским.

Отдельным важным вопросом являлась характеристика политики российских властей в Западном крае и Царстве Польском. Она была названа политикой «национального угнетения» (даже в весьма либеральный период 1815–1830

гг.). Авторы учебников подвергали жёсткой критике действия Российской императорской армии по подавлению восстаний. Исключением было лишь взятие Варшавы в 1794 г. российскими войсками под руководством А. В. Суворова – оно описывалось либо в сугубо нейтральном тоне, либо даже подчёркивался гуманизм этих действий – всё-таки в данном случае важность Суворова как одного из общепринятых героев русской досоветской истории, почитаемого и в СССР после «патриотического поворота» 1930-40-х гг. в историографии и политике памяти, перешивала традиции марксистской историографии, для которой революционеры левого толка были безусловными героями и прогрессивными деятелями.

Рассмотренная учебная литература позволяет сделать вывод, что польские восстания вписывались в нарратив истории СССР как его неотъемлемая часть. Оценивались они прежде всего с марксистской точки зрения, с наибольшей концентрацией на социальных аспектах и пренебрежением аспектами национальными – что можно объяснить прежде всего нежеланием вспоминать об истории этнической вражды между русским и польским народами в новых политических условиях союзничества в рамках Восточного блока.

Литература

1. Алексеева, Л. В. О методике преподавания истории в СССР в первое послевоенное десятилетие (1945-1955) // Актуальные проблемы преподавания истории и обществознания в образовательных организациях различных типов: Коллективная монография (к 25-летию высшего исторического образования в Нижневартонском государственном университете). Часть 5. Нижневартонск: Нижневартонский государственный университет, 2018. С. 157-179.
2. Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национально-го самосознания (1931-1956 гг.). СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2009. 416 с.
3. Вандалковская М. Г. Высокое служение богине истории. К 100-летию со дня рождения академика М. В. Нечкиной // Вестник Российской академии наук. 2001. № 2(71). С. 155-167.
4. Греков Б. Д., Бахрушин С. В., Лебедев В. И. История СССР. Т.1. С древнейших времен до конца XVIII века. М.: Госполитиздат, 1947. 744 с.
5. Гришаев О. В., Желтов М. Ю. А.В. Шестаков и его место в становлении школьного исторического образования в СССР в 20-30-х гг. // Берегиня. 777. Сова. 2016. №1(28). С. 70-72.
6. Кунц Г. Русско-польская война. М.: Евразия, 2024. 320 с.
7. Маркс К. Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. С. 207-208.
8. Миллер И. С., Королюк В. Д., Третьяков П. Н. История Польши в трех томах. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1954. 583 с.
9. Нечкина М. В. История СССР. Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Т.2. Россия в XIX веке. М.: Госполитиздат, 1949. 858 с.
10. Никитин С. А., Руколь Б. М., Королюк В. Д. История южных и западных славян. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 574 с.
11. Панкратова А. М. История СССР: учебник для средней школы. Часть 2. Для 9-го класса. М.: Учпедгиз, 1950. 326 с.
12. Сивкова Е. К. Константин Васильевич Сивков (Биографический очерк) // Краеведы Москвы. Вып. 2, М.: Книжный Сад, 1995. С. 181-197.
13. Сивков К. В., Кабанов П. И. История СССР: учебник для педагогических училищ. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1948. 356 с.
14. Тихонов, В. В. Белорусская история в контексте советской исторической политики 1920 - первой половины 1950-х годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 235-248.
15. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
16. Тихонов В. В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. 544 с.
17. Тихонов В. В. Учебники по новой истории как источник формирования представлений советских школьников последнего сталинского десятилетия о мире // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. №6. С. 271-286.

18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
19. Шестаков А. В. История СССР: краткий курс: учебник для 4-го класса. М.: Учпедгиз, 1937. 235 с.
20. Шестаков А. В. История СССР: краткий курс: учебник для 4-го класса. М.: Учпедгиз, 1955. 288 с.
21. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ; 2011. 765 с.
22. Porter B. When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. New York: Oxford University Press; 2002. 320 p.

References

1. Alekseeva L. V. On the methods of teaching history in the USSR in the first post-war decade (1945-1955). Current issues in teaching history and social science in educational institutions of various types. Collective monograph (for the 25th anniversary of higher historical education at Nizhnevartovsk State University). Part 5. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2018. p. 157-179. (In Russ.)
2. Brandenberger D. L. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt, Izdatel'stvo DNK: 2009. 416 p. (In Russ.)
3. Vandalkovskaja M. G. High Service to the Goddess of History. On the 100th Anniversary of Academician MV Nechkina's Birthday. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2001;2(71):155-167. (In Russ.)
4. Grekov B. D., Bahrushin S. V., Lebedev V. I. History of the USSR. V.1. From ancient times to the end of the 18th century. Moscow: Gospolitizdat; 1947. 744 p. (In Russ.)
5. Grishaev O. V., Zheltov M. Ju. A.V. Shestakov and his place in the development of school history education in the USSR in the 20-30s. *Bereginya*. 777. *Sova*. 2016;1(28):70-72. (In Russ.)
6. Kunz H. Russo-Polish War. Moscow: Evrazija; 2024. 320 p. (In Russ.)
7. Marx K. Speech at the Polish meeting in London, January 22, 1867 // Marx K. and Engels F. Works. V. 16. Moscow: Politizdat; 1960. p. 207-208. (In Russ.)
8. Miller I. S., Koroljuk V. D., Tret'jakov P. N. History of Poland in three volumes. V. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR publishing; 1954. 583 p. (In Russ.)
9. Nechkina M. V. History of the USSR. Textbook for history departments of state universities and pedagogical institutes. V.2. Russia in the 20th century. Moscow: Gospolitizdat; 1949. 858 p. (In Russ.)
10. Nikitin S. A., Rukol' B. M., Koroljuk V. D. History of the Southern and Western Slavs. Moscow: Moscow State University; 1957. 574 p. (In Russ.)
11. Pankratova A. M. History of the USSR: textbook for secondary school. Part. 2. For the 9th grade. Moscow: Uchpedgiz; 1950. 326 p. (In Russ.)
12. Sivkova E. K. Konstantin Vasil'evich Sivkov (Biographical sketch). Local historians of Moscow. Issue. 2, Moscow: Knizhnyj Sad; 1995. p. 181-197. (In Russ.)
13. Sivkov K. V., Kabanov P. I. History of the USSR: textbook for pedagogical schools. Part 2. Moscow: Uchpedgiz; 1948. 356 p. (In Russ.)
14. Tihonov, V. V. Belorussian history in the context of Soviet historical policy of the 1920s - first half of the 1950s. *Rossija i Belarus': istorija i kul'tura v proshlom i nastojashhem*. 2018;4:235-248. (In Russ.)
15. Tihonov V. V. Ideological campaigns of late „Stalinism” and Soviet historical studies (mid-1940s - 1953). Saint-Petersburg: Nestor-Istorija; 2016. 424 p. (In Russ.)
16. Tihonov V. V. Useful Past. History in Stalin's USSR. Moscow: NLO; 2024. 544 p. (In Russ.)
17. Tihonov V. V. Textbooks on modern history as a source of formation of ideas of Soviet schoolchildren of the last Stalin decade about the world. *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah*. 2014;6:271-286. (In Russ.)
18. Halbwachs M. Social framework of memory. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. 348 p. (In Russ.)
19. Shestakov A. V. History of the USSR: a Short Course: Textbook for the 4th Grade. Moscow: Uchpedgiz; 1937. 235 p. (In Russ.)
20. Shestakov A. V. History of the USSR: a Short Course: textbook for the 4th grade. Moscow: Uchpedgiz; 1955. 288 p. (In Russ.)
21. Jurganov A.L. The Russian National State. The Lifeworld of Historians of the Stalinist Era. Moscow: RSUH; 2011. 765 p. (In Russ.)
22. Porter B. When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. New York: Oxford University Press; 2002. 320 p.

Научная статья

УДК 94(470.63):614.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12>

ЖЕНЩИНА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПРОЕКТАХ БОЛЬШЕВИКОВ И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬЯ)

Татьяна Евгеньевна Покотилова^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Доктор исторических наук, профессор, и.о. ректора СКФУ

rector@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В предлагаемой статье рассматриваются представления большевиков о социальном месте женщины в новом обществе, о ее реальной повседневности в условиях 1920-е годов и о политике власти по реализации своих проектов на примере Ставрополья. Поскольку гендерная история и история повседневности при данной постановке проблемы сходятся в одной точке, то подходы этих областей исторической науки были использованы в реализации цели – показать формы вовлечения женщин в общественную работу как средство формирования новой повседневности. Статья основана на историографическом опыте зарубежной и отечественной исторической науки в сфере актуальных ее направлений – истории повседневности и гендерной истории, а также интеллектуальной истории в контексте изменений общественного и массового сознания. **Материалы и методы.** Работа основана на первых законодательных документах советской власти, на публицистике деятелей постреволюционного периода, а также на делопроизводственных архивных документах уездных, губернских и городских партийных комитетов Ставрополья, а также на делопроизводственных источниках исполкомов разного уровня из Государственного архива новейшей истории Ставропольского края и Государственного архива Ставропольского края. Исходя из принципов объективности и историчности, были использованы методические инструменты таких направлений исторических исследований, как история повседневности, гендерная история, новая локальная история, культурно-интеллектуальная история. **Анализ.** В статье на основе изучения исторических источников анализируются такие вопросы, как политика первых лет советской власти в отношении положения женщины. Общественная мысль этого периода и идеи власти исходили из общей задачи создания «нового человека», и воспитание «новой женщины» как часть этого проекта. Особенность этой части задачи состояла в том, чтобы втянуть женские руки в общественное производство, а женскую голову – в общий процесс идеологизации общества в духе веры в коммунизм и его построение. Практика реализации этих задач вела к перевороту не только в массовом сознании, но и в женской по-

вседневности. В ее частную жизнь вошли общественные формы коммуникации, практика создания условий для матери и дитя, борьба за грамотность переосмысление самой женщиной ее роли в обществе и доме. В статье раскрываются формы реализации советской политики по изменению места женщины в социалистическом строительстве в Ставропольской губернии и округе, трудности региона, прошедшего сквозь Гражданскую войну и голод, находившегося на окраине бывшей Российской империи и переживавшего экономическую и финансовую разруху. Тем не менее, как свидетельствуют источники, даже в этих условиях предпринимались попытки организовать женщин в разных формах на участие в общественной жизни, помочь беременным и кормящим матерям продуктами и предметами первой необходимости, создать условия для вне семейного воспитания. **Результаты.** Вследствие всего сказанного выше можно сделать вывод: несмотря на трудности, несмотря на традиционализм консервативной части общества, не желавшей менять положение женщины как домашней рабыни и машины для производства детей, несмотря на религиозность и безграмотность женщин этого аграрного края, новые идеи, новая социальная практика меняла женскую повседневную жизнь и в этом регионе.

Ключевые слова: Ставрополье, советское общество, женская история, гендер, социальная политика

Для цитирования: Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А. Женщина и повседневность в проектах большевиков и советская реальность 1920-х годов (на материалах Ставрополья) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 658–664. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

WOMEN AND EVERYDAY LIFE IN BOLSHEVIK PROJECTS AND SOVIET REALITY OF THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS FROM STAVROPOL REGION)

Tatiana E. Pokotilova^{1*}, Tatiana A. Shebzuhova²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Dr. Sc. (History), Professor, Acting Rector

rector@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines Bolshevik ideas about women's social place in the new society, their everyday reality in the 1920s, and the policies of the government to

implement their projects, using Stavropol as an example. Since gender history and the history of everyday life converge in this case, approaches from these fields were used to demonstrate

© Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А., 2025

the forms of women's involvement in public work as a means of shaping a new everyday life. The article is based on the historiographical experience of foreign and domestic studies in its relevant fields – the history of everyday life and gender history, as well as intellectual history in the context of changes in public and mass consciousness. **Materials and Methods.** The study is based on the first legislative documents of the Soviet power, the articles of post-revolutionary figures, and archival records of district, provincial, and city party committees in Stavropol, as well as records of executive committees at various levels from the State Archive of Contemporary History of Stavropol Krai and the State Archive of Stavropol Krai. Along with objectivity and historicity principles, methodological tools from such fields of historical research as everyday history, gender history, modern local history, and cultural and intellectual history were employed. **Analysis.** With the reference to historical sources, the article examines such issues as the policy of the first years of the Soviet power regarding the status of women. Social thought of this period and the ideas of the government were based on the overall goal of creating a "new person", and the education of a "new woman" as part of this project. This particular aspect of the task was to involve women's hands in social production and women's minds in the overall process of ideologizing society in the spirit of faith in communism and its construction. The practical implementation of these goals led to a revolution not only in the mass consciousness but also in women's everyday lives. Social forms of communication, the practice of creating conditions for mothers and children, the fight for literacy, and women's own rethinking of their role in society and the home all entered their private lives. The article explores the implementation

of Soviet policy to change the place of women in socialist construction in the Stavropol province and district, and the difficulties of a region that had survived the Civil War and famine, located on the outskirts of the former Russian Empire, and was experiencing economic and financial devastation. Nevertheless, as sources indicate, even under these conditions, attempts were made to organize women to participate in public life in various forms, to help pregnant and nursing mothers with food and essential items, and to create conditions for education outside the family. **Results.** Based on the above mentioned, it can be concluded that despite the difficulties, despite the traditionalism of the conservative part of society, which was unwilling to change the status of women as domestic slaves and child-producing machines, despite the religiosity and illiteracy of women in this agricultural region, new ideas and new social practices changed women's daily lives in this region.

Keywords: Stavropol region, Soviet society, women's history, gender, social policy

For citation: Pokotilova TE, Shebzuhova TA. Women and Everyday Life in Bolshevik Projects and Soviet Reality of the 1920s (Based on the Materials from Stavropol region). Humanities and law research. 2025;12(4):658-664. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 21.02.2025

The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Повседневность как один из важных контекстов женской истории создает ситуацию непереносимого пересечения таких направлений современной исторической науки как история повседневности и гендерная история. Историография этих двух научных сфер в последние четверть века освещалась неоднократно, а исследования по этим проблемам хорошо известны. Определены и знаковые имена в этой области. Среди зарубежных исследований можно выделить работы по истории повседневности таких авторов как А. Шюц, А. Лютке, Ф. Бродель [2; 21; 29; 30]. За первую четверть XXI в. российские ученые накопили большой опыт изучения российской повседневности в разные периоды истории России, включая и советскую эпоху [3; 14; 15; 18; 25; 27; 28].

Не менее многообразна историография гендерной и женской истории в западной историографии [1; 31; 32]. Последние три десятилетия активно развивается это направление и в нашей стране. Свидетельством актуальности данной проблемы является более чем 30-летняя деятельность Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, который последние 17 лет возглавляет Н.Л. Пушкарева. О последних исследованиях в этой области подробно писали историки из Московского государственного областного университета [26]. В современной отечественной литературе гендер определяется как сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик [22].

Материалы и методы. Встречаются эти два направления исторической науки, в первую оче-

редь, на обширном пространстве исторической антропологии, в достигаемости междисциплинарного подхода, многомерной социальной истории в современном ее представлении, и на предметном поле новой локальной истории, когда в контексте повседневности развиваются конкретные гендерные отношения. Речь идет о локальных сообществах: от семьи, жителей города или села, до макрорегионов.

Что касается двух подходов к исследованию повседневности как сферы «человеческого опыта», который выявляет собственное отношение к окружающему миру «на основе трудовой деятельности, которая рождает «уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий...» [29, с.30], то и рутинное проживание, и бесчисленные казусы, выбивающиеся из этого рутинного течения, составляют общую картину обычной жизни. Повседневность как мир всех людей, который состоит из материальной культуры, биологического бытия человека, но одновременно из повседневного поведения, массового мышления, эмоций и заблуждений. Более того активность придает повседневной жизни ее включенность в социальное на уровне индивидуального. В этом случае повседневность рассматривается «как полноценный уровень паритетного взаимодействия субъекта с миром социальной реальности» [4].

Повседневность немыслима без женщин: семья, домашнее хозяйство и быт, любовь, здоровье, рождение, воспитание детей и проч. Первоначально, разрушая старый мир, большевики призывали построить свой новый мир, который включал бы новые гендерные отношения в контексте новой модели повседневности.

Среди проблем, обозначенных Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, есть вопросы статуса женщины в обществе: традиции и новации, а также особенности формирования гендерной идентичности, гендерных институтов. На основе официальных документов и материалов из фондов государственных архивов Ставропольского края мы попытаемся показать, с одной стороны, реализацию большевистских представлений о женщине и гендерных отношениях, а с другой, формирование новой модели гендерной идентичности в повседневной жизни горожанок Ставрополя в 1920-е гг.

При разработке этой темы авторы обращались к инструментарию микроистории, приемам интеллектуальной истории, к подходам новой локальной истории, т.к. речь шла о месте женщины в локальном сообществе на окраине Юга России и попытках изменить это место в соответствии с установками центральной власти и о специфике локальных особенностей, которые влияли на традиции и новации. В повседневности женщин большую роль играет гендерная асимметрия, которую пытались «исправить» большевики.

Анализ. Все первые советские официальные документы советской власти в основу положили классовый принцип, из которого вытекали принципы равноправия наций, свобода вероисповеданий, равноправие мужчин и женщин для трудящихся. Так, Декрет о земле провозглашал: «Право пользования землей получают все граждане (без различия пола)» [12]. Формально гражданское и политическое равноправие женщин было провозглашено и первой советской Конституцией 1918 г.: «Правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., следующие обоюдо полами граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет» [17, с.267].

Снятие различных ограничений для брака в значительной степени оставалось формальным в силу того, что продолжала действовать сила традиции. Даже в городе было типичным воспринимать сожительство без венчания как блуд, грех. В начале 1920-х гг. нередки были случаи, когда комсомольцы коммунисты, желавшие жениться на барышнях из «чуждых классов», соглашались на церковный брак. Тем не менее, постепенно новые правовые основания брака все более глубоко проникали вглубь повседневной жизни. К примеру, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. не зарегистрированных (фактических) браков [16, с.87].

Переделка сознания женщины в новом обществе рассматривалась властью как конструирование рычага воздействия на мужей, отцов, сыновей в нужном для строительства нового общества направлении. Дело в том, что опыт революции показал, что женщины неизбежно влияют

на своих мужей и детей. Однако попытки новой власти изменить социальную роль женщины наталкивались на гораздо большую религиозность и неграмотность среди женского населения по сравнению с мужским. В частности уровень грамотности в середине 1920-х гг. у женщин был более чем на 20% ниже, чем среди мужчин [5]. Религиозность не была изжитой и в 1930-е гг. Так, еще в 1929 г. в постановлении общего бедняцко-середняцкого собрания Ташлянского района города Ставрополя прямо говорилось: «Учитывая большой процент религиозных браков обрядов и рождений, провести в этом отношении Антирелигиозную работу, среди окраинского населения, для чего связаться с Окрсоюзом безбожников» [10, л.10].

Для работы с женщинами из трудящихся слоев предусматривались специальные инструменты воздействия на женщин. В 1918 г. А. М. Коллонтай предложила создать Комиссии по агитации и пропаганде среди работниц при комитетах РКП (б) на местах, что стало предтечей женотделов. Комиссии просуществовали около года, а в 1919 году на их базе при Центральном комитете РКП(б) был создан Женотдел ЦК под председательством Инессы Арманд. В сентябре того же года вышло постановление «О работе среди женского пролетариата», в котором отмечалось создание при партийных органах женских отделов (женотделов) с институтом делегатских собраний при них [24, с.436]. Эти общественные организации должны были проводить специальные встречи, митинги, собрания и беседы с женщинами разных населенных пунктов, разъясняя их новое место и роль в обществе. Женотделы должны были развернуть и научно-религиозную пропаганду, для чего проводились тематические цикловые лекции для женщин «Церковь и государство в Советской России», «Как смотрят коммунисты на религию», «Религия и мораль при старом и новом строе».

Подобные женские отделы были организованы после возвращения советской власти на Ставрополье в 1920 г. при губернском комитете РКП(б) и при уездных партийных комитетах. Так, на первой Благодарненской уездной беспартийной женской конференции 20 февраля 1921 г., где присутствовали около 200 женщин, более половины из сел уезда, вступительное слово сделала заведующая женотделом уездного комитета партии Чернявская, но доклад о текущем моменте – Оболенский и Тучин [6, л.2]. Это свидетельствовало о том, что официальная позиция правящей коммунистической партии существенно расходилась с консервативным массовым сознанием.

Маскулинное общество продолжало воспринимать женщину не как самостоятельную личность, а как ограниченное своими женскими функциями существо, поэтому ее надо было учить, ею надо управлять. Анализ источников показывает, что в 1920-е гг. по крайней мере на Ставрополье на всевозможных женских собрани-

ях на себя все серьезные аналитические доклады делали мужчины. На первый взгляд, поразительно, то, что значительная часть делегатов была активной, но история жизни делегатов из Бурлацкого и Малых Ягур показывает, что они активность эту приобрели на фронте Гражданской войны, либо в борьбе за советскую власть как члены партии [6, л.2–3]. В Благодарненском уезде насчитывалось в тот момент 1500 коммунистов [6, л.7]. Не случайно, что резолюции конференции были приняты большинством голосов, разработанных в отделах уездного партийного комитета, но почти к каждой делегатки добавили свои пожелания. Например, конференция поддержала земельную политику власти, но предложила уездному посевному изыскать возможность снабдить семенным материалом неимущих и особенно красноармеек. В области материнства и младенчества женщины приветствовали «благие начинания советской власти в этой области», но заявили, что без участия органов снабжения и распределения организация приютов и детских яслей в уезде затянется на долгое время [6, л.4–5].

Наиболее очевидным в первое десятилетие советской власти стали законодательные изменения в институте брака. Декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» в декабре 1917 года утвердили основы гражданского брака в отличие от церковного и подорвали «правовые основы патриархальной семьи». В этих законах «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [16, с.134]. Стал действовать принцип общности семейного имущества вне зависимости от характера брака. В современной России эти положения давно стали нормой: декретные отпуска, трудоустройство на равных правах с мужчинами, возможность участия во всех сферах общественной жизни.

Это в корне меняло женскую повседневность, связанную с вопросами детства и материнства. В Советской России в 1920 г. было зафиксировано право женщины на аборт [24]. Таким образом законодательно было подтверждено репродуктивное право женщин. Уравнивались в правах дети в браке и вне брака. Закон защищал также права беременных и кормящих матерей, которым было дано право на оплачиваемый отпуск.

Большинству населения советской республики эти нововведения были не только новы, но в значительной степени не осмыслены и непонятны. Об этом свидетельствуют вопросы жителей окраинных районов Ставрополя на одном из собраний конца 1920-х годов по докладу о работе Бюро ЗАГСА. К примеру: «Почему нет ограничения разводов. В каком возрасте можно производить бракосочетание как мужчинам, также и женщинам. При разводе, как остаются имеющиеся дети и кому они будут принадлежать. Можно ли развестись заочно. Как узнать ребенка,

если много отцов. Может ли сын помогать живущему с ним старому отцу, если сын носит другую фамилию» [10, л.10].

В постановлениях и инструкциях ведомств для созданных специальных подразделений местного советского аппарата очерчивался круг обязанностей. К примеру, в 1920 году был организован подотдел охраны материнства и младенчества при губернском отделе здравоохранения Ставропольской губернии. В его функции входило создание учреждений медицинской помощи женщинам и детям, открытия приютов для грудных детей: «как-то капля молока, дома матери и ребенка и консультации, устройство курсов, выставок, лекций» [9, л.2], детских и женских консультаций, роддомов, молочных кухонь, детских дошкольных учреждений. Сил же у местного исполкома хватило лишь на учреждение в Ставрополе Дома ребенка № 1 на 100 коек и Дома матери и ребенка № 2 тоже на 100 коек [11, л.2].

В реальной повседневности все было гораздо жестче: нищета и голод не позволяли широко развернуть помощь беременным и кормящим матерям. Поэтому даже малая помощь в тех условиях ценилась очень дорого. Так, за 1,5 месяца до двух недель до рождения ребенка беременной полагалось 30 аршин (приблизительно немногим больше 2 м) ткани и одна катушка ниток. Правда, чтобы получить этот минимум надо было пройти ряд бюрократических процедур [9, л.20]. Что касается главного – питания беременных и кормящих женщин Ставрополя, то медицинская комиссия при отделе охраны материнства и младенчества исходила из нормы питания наркомздрава РСФСР. Так, на первый месяц после родов матери полагалось: 18 фунтов.72 золотника мяса, крупы гречневой или другой – 10 фунтов, сахару или меду – 2 ½ фунтов, растительного масла – 4 фунта 6 золотников, соли – 1 фунт 54 золотника, подправочной муки (для подправки супов не ниже 1 сорта) - 1 фунт 24 золотника, чаю - 15 золотников или кофе - 60 золотников, яиц - 11 ½ золотников [9, л.45].

В Ставропольской губернии, как и в большинстве губерний страны, было критически низким финансирование, поэтому родильные отделения и стационарное акушерство организовывались при больницах. Частная практика акушеров и повитух официально не допускалась, но в условиях отсутствия сети родильных клиник продолжала активно действовать. В городе невозможно было произвести учет беременных и кормящих грудью из-за отсутствия системы лечебных учреждений и обязательного посещения женщинами врачей. На учет брали только тех, кто самостоятельно обращался в подотдел за удостоверениями и ходатайствовал в получении продовольственного пайка. Кстати, даже в конце 1930-х гг., хотя родильный дом в Ставрополе открылся, но финансирования его не хватало, ощущался дефицит врачей [8, л.8].

В одной из своих статей 1919 г. В. И. Ленин считал, что «не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца» [20, с.286]. Он ставил вопрос женского равноправия в прямую зависимость от классовой борьбы, и эти идеи легли в основу первых законов советской власти. В. И. Ленин, помимо формального равноправия женщины понимал, что ее фактическое освобождение возможно только благодаря ликвидации «рабского домашнего труда». Он писал, что важно, чтобы «женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины. Вы все знаете, что даже при полном равноправии остается все же эта фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина». Выход из этого положения Ленин видел в том, чтобы государство и общество взяли часть воспитания детей на себя: «Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства... Нужно признать, что сейчас в России таких учреждений, которые бы помогли женщине выбраться из состояния домашней рабыни, очень мало. Их имеется ничтожное количество, и те условия, в которые поставлена сейчас Советская республика, – условия и военные, и продовольственные, ...препятствуют нам в этой работе. Но все же надо сказать, что учреждения эти, избавляющие женщин от положения домашней рабыни, возникают всюду, где только есть малейшая к тому возможность» [19].

На Ставрополье, пережившем Гражданскую войну, разруху и голод, было очень мало возможностей для организации вне семейного воспитания детей. Тем не менее, в отчете женотдела Ставропольской губернии были выделены основные вопросы собраний женщин, важнейшим из которых была работа по организации яслей [6, л.103]. Для создания охватывавшей все населенные пункты сети детских садов и яслей у местной власти не было ни средств, ни кадров, но в городах развернулась работа по формированию на летний сезон детских площадок, чтобы отвлечь детей и подростков от улицы. Такая работа развернулась на Ставрополье в 1924 г. [6, л.40].

В период голода на ряде предприятий организовывалось питание для детей работниц, в

частности на заводе Шмидта (Красный металлист) в марте 1921 г. были организованы обеды для детей [6, л.35]. Показателем заботы руководства Ставропольской губернии о детях стало распределение молока между детьми от рождения до 5 лет по категориям осенью 1920 г. Из ежедневно имевшихся 78 ведер молока молоко выдавалось, в первую очередь, Домам ребенка и приютам, во-вторых, больным, в-третьих, детским садам и, наконец, детям, жившим у родителей. Норма составляла от фунта с четвертью до полуфунта [9, л.36].

Выводы. С первых дней революции в политике большевиков прослеживается внимание к женщине – провозглашение ее равноправия и юридическое закрепление этого права, попытки разработать практические меры по вовлечению женщин в общественное производство через создание условий для облегчения жизни женщин – матерей, через облегчение их домашнего труда.

Для реализации этой политики создавались специальные женские отделы при местных советах. Задача женсоветов состояла в организации женщин регионов на платформе коммунистических идей для различных общественных мероприятий. Для этого на Ставрополье постоянно вплоть до ликвидации женотделов проводились женские делегатские собрания, конференции. Кроме того, власть стремилась воспитать женщин в духе официальной идеологии, т.к. понимала их влияние на детей и мужей. Женщин активно вовлекали в борьбу с религией и с безграмотностью.

Все эти обстоятельства постепенно, но неотвратимо меняли женскую повседневность, несмотря на сопротивление наиболее традиционной части общества. Эти изменения на Ставрополье проходили в особо тяжелых условиях, т.к. по этому региону катком прошла Гражданская война, разорение и голод. Отдаленность Ставропольской губернии делала ее финансовое положение особенно бедственным. Новый образ жизни женщин складывался противоречиво и медленно, но уже в начале 1920-х годов создавался женский актив, представители которого выступали на общих собраниях, где наряду с официальными лозунгами велся разговор о насущных проблемах жителей Ставрополья, о бедах местных женщин.

Наконец, несмотря на бедственное положение ставропольского местного сообщества, руководство региона пыталось хотя бы частично реализовать политику советской власти, и это существенно влияло, как показывает анализ источников, на повседневность местных женщин.

Литература

1. Андерсон Марни С. Забытая история японских женщин и становление женской и гендерной истории в академических кругах // История женщин. 2020. Вып. 32.1. С. 62–84
2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / перевод. Куббель Л. Е. М: Прогресс, 1986. 623 с.
3. Быкова С. И. Между прошлым и будущим: повседневность 1930-х годов в интерпретации современников // Образы власти в политической культуре России / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: МОНФ, 2000. 108 с.

4. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. 480 с.
5. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 111 с.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК) Ф.3. Оп.1. Д. 2687.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р1686. Оп. 1. Д.1.
8. ГАСК. Ф. Р. 1686. Оп.1. Д.48.
9. ГАСК. Ф. Р. 243. Оп.1. Д.1.
10. ГАСК. Ф.Р. 1686. Оп. 1. Д.1.
11. ГАСК. Ф.Р. 243. Оп.1. Д.5.
12. Декрет II Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. О земле. URL: <https://istmat.org/node/27653?ysclid=mikquvjcbf412424035> (дата обращения: 21.09.2025)
13. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставрограда в советском обществе 1920 – 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 351 с.
14. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
15. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 216 с.
16. Кропачев С. А. Эволюция институтов семьи, брака и социальной роли женщины в Советской России 1920-х годов // Вестник российской академии естественных наук. 2022. № 4. С. 134 – 139.
17. Кукушкин Ю. С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 364 с.
18. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб: Журн. Нева, Летний Сад, 1999. 316 с.
19. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике: Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 198–205.
20. Ленин В. И. Советская власть и положение женщины // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 286.
21. Лютке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С.77 – 100.
22. Пинчукова И.В. Гендерный подход в исторической науке <https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-altayskogo-gosudarstvennogo-universiteta> (дата обращения: 21.09.2025)
23. Постановление VIII съезда РКП(б) «О работе среди женского пролетариата» // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций коммунистической партий советского союза. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. М: Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1959. С.436.
24. Постановление от 18 ноября 1920 года № 471 «Об охране здоровья женщин». <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 21.09.2025)
25. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. https://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskij_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 21.09.2025)
26. Реснянский С. И., Амиантова И. С. Гендер в российской истории: обзор новейших исследований // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т.18. №2. С. 278–301.
27. Сенявский А. С. Повседневность как методологическая проблема микро и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества (Материалы международной Интернет-конференции, проходившей 20.03–14.05.2001 г. на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru) / под общ. ред. В. В. Керова. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 27.
28. Утехин И. Очерки коммунального быта. М: Объединенное гуманитарное издательство, 2001. 214 с.
29. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. №2. С. 129 – 137.
30. Шюц. А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
31. The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe / edited by Judith Bennett and Ruth Karras. Oxford: Oxford University Press, 2013. 765 p.
32. Tosh J. Manliness and Masculinities in Nineteenth-century Britain: Essays on Gender, Family, and Empire. Pearson Education, 2005. 219 p.

References

1. Anderson Marnie S. Forgotten History of Japanese Women and the Formation of Women's and Gender History in Academic Circles. Istoriya zhenshhin.. 2020;32.1:62–84. (In Russ.).
2. Braudel F. Structures of Everyday Life: The Possible and the Impossible / translated by L. E. Kubbel. Moscow: Progress, 1986. 623 p. (In Russ.).
3. Bykova SI. Between the past and the future: everyday life of the 1930s as interpreted by contemporaries in Images of power in the political culture of Russia / edited by E. B. Shestopal. Moscow: MONF, 2000. 108 p. (In Russ.).
4. Waldenfels B. Everyday life as a melting pot of rationality. SOCIO-LOGOS. Moscow: Progress, 1991. 480 p. (In Russ.).
5. All-Union Population Census of December 17, 1926: Brief Summaries. Part VII: Age and Literacy of the Population of the USSR. Moscow: Publication of the Central Statistical Administration of the USSR, 1928. 111 p. (In Russ.).
6. State Archives of Contemporary History of Stavropol Krai (GANISK) F.3. Inv.1. D. 2687. (In Russ.).
7. State Archives of Stavropol Krai (GASK). F.R1686. Inv.1. D.1. (In Russ.).
8. GASK. F.R. 1686. Inv.1. D.48. (In Russ.).
9. GASK. F.R. 243. Inv.1. D.1. (In Russ.).
10. GASK. F.R. 1686. Inv.1. D.1. (In Russ.).
11. GASK. F.R. 243. Inv.1. D.5. (In Russ.).

12. Decree of the II All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers', and Peasants' Deputies. On Land. URL: <https://istmat.org/node/27653?ysclid=mikquvc6f412424035> (accessed: 21.09.2025). (In Russ.).
13. Zhuravlev SV. "Little People" and "Big History": Foreigners of the Moscow Elektrozavod in Soviet Society in the 1920s and 1930s. Moscow: ROSSPEN, 2000. 351 p. (In Russ.).
14. Zubkova EYu. Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945-1953. Moscow: ROSSPEN, 1999. 229 p. (In Russ.).
15. Kozlova NN. Horizons of Everyday Life in the Soviet Era: Voices from the Choir. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 1996. 216 p. (In Russ.).
16. Kropachev S. A. Evolution of the institutions of family, marriage and the social role of women in Soviet Russia in the 1920s. *Vestnik Rossijskoj akademii estestvenny'x nauk*. 2022;4:134–139. (In Russ.).
17. Kukushkin YuS. An essay on the history of the Soviet Constitution. Moscow: Politizdat, 1987. 364 p. (In Russ.).
18. Lebina NB. Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies. St. Petersburg: Zhurn. Neva, Letniy Sad, 1999. 316 p. (In Russ.).
19. Lenin VI. On the Tasks of the Women's Labor Movement in the Soviet Republic: Speech at the IV Moscow Citywide Non-Party Conference of Women Workers in Lenin VI. Complete Works. 5th edition. Vol. 39. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. p. 198–205. (In Russ.).
20. Lenin VI. Soviet Power and the Position of Women in Lenin VI. Complete Works. 5th edition. Vol. 39. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. p. 286. (In Russ.).
21. Lütke A. What is the History of Everyday Life? Its Achievements and Prospects in Germany in Social History: Yearbook. 1998/99. Moscow: ROSSPEN, 1999. p. 77–100. (In Russ.).
22. Pinchukova I. V. Gender Approach in Historical Science <https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-altayskogo-gosudarstvennogo-universiteta> (accessed: 21.09.2025) (In Russ.).
23. Resolution of the VIII Congress of the RCP(b) "On Work Among the Female Proletariat" in Protocols and Verbatim Reports of Congresses and Conferences of the Communist Parties of the Soviet Union. Eighth Congress of the RCP(b). March 1919. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, 1959. p.436. (In Russ.).
24. Resolution of November 18, 1920 No. 471 "On the Protection of Women's Health". <https://ru.wikisource.org/wiki/> (accessed: 21.09.2025) (In Russ.).
25. Pushkareva NL. "The History of Everyday Life" as a Direction of Historical Research. https://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskij_issledovanij_2010-03-16.htm (accessed: 21.09.2025) (In Russ.).
26. Resnyansky SI., Amiantova IS. Gender in Russian History: A Review of the Latest Research. *Vestnik RUDN. Seriya: Istorija Rossii*. 2019;18;2:278–301. (In Russ.).
27. Senyavsky AS. Everyday Life as a Methodological Problem of Micro and Macrohistorical Research (Based on the Materials of 20th Century Russian History) in History in the 21st Century: Historical and Anthropological Approach to Teaching and Studying the History of Humanity (Proceedings of the International Internet Conference Held March 20–May 14, 2001 on the Information and Educational Portal www.auditorium.ru) / edited by V. V. Kerov. Moscow: Moscow Society of Science Foundation, 2001. p. 27. (In Russ.).
28. Utehin I. Essays on Communal Life. Moscow: United Humanitarian Publishing House, 2001. 214 p. (In Russ.).
29. Schutz A. The Structure of Everyday Thinking. *Socis*. 1988;2:129–137. (In Russ.).
30. Schutz A. Selected Works. A world glowing with meaning. Moscow: ROSSPEN, 2004. 1054 p. (In Russ.).
31. The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe / edited by Judith Bennett and Ruth Karras. Oxford: Oxford University Press, 2013. 765 p.
32. Tosh J. Manliness and Masculinities in Nineteenth-century Britain: Essays on Gender, Family, and Empire. Pearson Education, 2005. 219 p.

Научная статья

УДК 930.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.13>

ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

Галина Николаевна Рыкун^{1*}, Арушан Арушанович Вартумян²,
Елена Павловна Тельменко³

^{1, 2} Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (д.46, пр. 40 лет Октября, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-2733-1629>

² Доктор политических наук, профессор
pragpu@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-2295-5436>

³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, г. Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
telman@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Представленная статья посвящена актуальной проблеме применения современных междисциплинарных подходов исторического исследования в отечественной и зарубежной истории. Междисциплинарные подходы, являясь частью исследовательских подходов, определяют стратегию, тактику, средства и методы исследовательского поиска, объединяя знания и «сближая» дисциплины на пути поисков «единого поля», где действуют механизмы конвергенции, или механизмы дивергенции, разграничивающие, разделяющие и накапливающие различия, создавая новые дисциплины. На современном этапе развития отечественной и зарубежной истории возникает необходимость осмысления этих механизмов, а также результатов применения междисциплинарных подходов. **Материалы и методы.** Предлагаемое исследование построено на анализе междисциплинарных подходов в отдельных научных трудах современных исторических исследований с использованием методов теоретического уровня на основе как традиций, так и идей плюрализма мнений в объективном познании и способах, поощряющих методологическое разнообразие. **Анализ.** Анализ применения междисциплинарных подходов в рамках исследуемого направления позволил выделить две исследовательские позиции, которые условно можно назвать оптимистической – показывающей возможность расширения границ исследования, развитие имеющих место в современном мире объективных процессов конвергенции и дивергенции науки, способствующих получению новых знаний и формированию новых дисциплин, и пессимистической позиции, критический взгляд которой на междисциплинарность

основывается на непродуктивности подходов, возможном размывании границ применяемых дисциплин, отсутствии глубоких знаний в других дисциплинах и сложности интеграционных процессов. **Результаты.** Определено, что тенденция современного исторического исследования в отечественной и зарубежной истории определяется с одной стороны методологическими базовыми основаниями, с другой – методологическим «сближением», как процессами на пути междисциплинарности, поиском методов, адекватных современному пониманию исторического познания.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, системно-синергетический метод, теоретический плюрализм, процессы дивергенции и конвергенции, альтернативность в истории, трансдисциплинарность

Для цитирования: Рыкун Г. Н., Вартумян А. А., Тельменко Е. П. Возможности междисциплинарного подхода исторического исследования на современном этапе развития отечественной и зарубежной истории // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 665–671. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

THE POTENTIAL OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO HISTORICAL RESEARCH IN THE CURRENT DEVELOPMENT OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL HISTORY

Galina N. Rykun^{1*}, Arushan A. Vartumyan², Elena P. Telmenko³

^{1, 2} Pyatigorsk Institute (branch) of North Caucasus Federal University (46, 40th Anniversary of October Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-2733-1629>

² Dr. Sc. (Political Sciences), Professor
pragpu@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-2295-5436>

³ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor

telman@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. This article addresses the pressing issue of applying modern interdisciplinary approaches to historical research in Russian and international history. These approaches open up opportunities for incorporating sources and methods un-

conventional for historians, fostering open interdisciplinary discussion, and enhancing transparency and intersubjective corroboration. Thus, not only the properties of the object that guide research interest, but also the interdisciplinary approaches themselves, by shaping

and "bringing together" the necessary theories, concepts, and methods from the humanities and natural sciences – such as political science, sociology, psychology, economics, biology, mathematics, and others – are used for a more in-depth and comprehensive analysis of the object under study. Interdisciplinary approaches, as part of research approaches, define the strategy, tactics, means, and methods of research, combining knowledge and "bringing together" disciplines in the search for a "unified field" where mechanisms of convergence or divergence operate, delimiting, separating, and accumulating differences. At the current stage of development in Russian and international history, it is necessary to understand these mechanisms, as well as the results of applying interdisciplinary approaches. **Materials and methods.** The proposed study is based on an analysis of interdisciplinary approaches in selected scholarly works of modern historical research, employing theoretical methods based on both traditions and ideas of pluralism in objective knowledge and methods that encourage methodological diversity. **Analysis.** An analysis of the application of interdisciplinary approaches within the framework of the research area allowed us to identify two research positions, which can be conditionally described as optimistic – demonstrating the possibility of expanding the boundaries of research, the development of objective processes of divergence and convergence of science taking place in the modern world, facilitating the acquisition of new knowledge and the formation of new disciplines; and a pessimistic position, whose critical view of

Введение. Современный этап в развитии исторической науки связан с новым образом науки вследствие перехода от классической науки к постнеклассической, что привело к изменению в научном мире представлений о ней, а также к возросшему интересу к самой истории как науке и к истории как источнику познания прошлого в обществе и ее «отображению» историками. В такой актуализации исторической науки кроется определенная проблема, как подчеркивал британский историк Джон Тош «историческое сознание должно превалировать над социальной потребностью» [25, с. 29]. При этом он не отрицал социальной роли истории, которая требует усилий от ученых «сделать результаты своей работы и исходящие из нее практические выводы доступными максимально широкому кругу людей» [25, с. 54].

Современная ситуация ставит перед историком сложные задачи, связанные с поиском новых подходов при изучении прошлого и известных науке фактов, поиском методов, адекватных изменениям в обществе и способных противостоять различным интерпретациям, ложным истолкованиям прошлого, направленным на мифологизацию исторического сознания, утрату исторической памяти и искажение исторического прошлого.

Несмотря на значительную степень разработанности этой проблемы, остаются недостаточно осмыслены возможности применения междисциплинарных подходов в исторических исследованиях как отечественной, так и зарубежной истории. В предлагаемой статье будут обзорно (и в силу этого неполно) рассмотрены взгляды на обозначенную проблему, определяя при этом направления её дальнейшего изучения.

Материалы и методы. Выдающийся советский ученый академик И. Д. Ковальченко, посвятивший свои труды систематизации мето-

interdisciplinarity is based on the unproductiveness of approaches, the possible blurring of the boundaries of the applied disciplines, the lack of deep knowledge in other disciplines, and the complexity of integration processes. **Results.** It has been determined that the trend in contemporary historical research in Russian and international history is determined, on the one hand, by the conceptualization of historical knowledge and methodological foundations, and, on the other, by theoretical pluralism and methodological "convergence," processes that lead to interdisciplinarity and the search for methods adequate to the modern understanding of historical knowledge.

Keywords: interdisciplinary approach, system-synergetic method, theoretical pluralism, processes of divergence and convergence, alternativeness in history, transdisciplinarity

For citation: Rykun GN, Vartumyan AA, Telmenko EP. The Potential of an Interdisciplinary Approach to Historical Research in the Current Development of Russian and International History. Humanities and law research. 2025;12(4):665-671. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.13>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

дологических проблем и методов исторического исследования, отмечал, что исследовательская задача должна не только восполнять пробелы и продолжать намеченные пути исследования с помощью известных подходов и методов, но и направлять на получение новых результатов, «ориентироваться на привлечение новых источников или извлечение из известных источников новой информации и использование иных подходов и методов изучения рассматриваемой реальности» [7, с. 226].

Согласно одному из обозначившихся в середине XX в. направлений, от исследователя более не требуется быть имперсональным искателем истины. Такое положение, как известно, базируется на учении М. Полани о субъективном характере научного знания, так как оно осуществляется конкретным человеком с уникальным личным опытом и установками. Важнейшим критерием объективности научного знания выдвигается признание его субъективного характера. По мнению М. Полани «такого рода знание на самом деле объективно», так как сам критерий объективности в значительной мере тождественен элементу сомнения в истинности теории [17, с. 251]. При этом необходимо отметить, что ученые, например, В. А. Лекторский, указывают на релятивизм и субъективизм М. Полани в определении механизмов развития научного знания [9, с. 6].

Представление об историке как о создателе картины прошлого со всеми присущими ему личностными чертами расширяет проблемные горизонты исторических исследований. Но в тоже время грозит возможностью утонуть в море фактов и рожденных концепций, «сколько историков – столько историй», как утверждает в своей эпистемологической теории Р. Дж. Коллингвуд, привлекающий внимание современных исследователей исторической науки, высказы-

ваниями об истине, которая не может быть «абсолютной и неизменной, поскольку она всегда является продуктом контекста и исторической эпохи». [8, с. 6]

В данной ситуации небесспорно и популярное предложение ввести в историю установку на избирательность, то есть писать такую историю, которая интересна, отбирать из прошлого лишь те факты, которые относятся к проблемам, волнующим сегодня, т.е. исследовать не все прошлое «как оно есть», а выборочное прошлое, отрекаясь от претензий на всесторонность и всеохватность своих концепций. В этой связи возникает другая проблема, связанная с возможностью распада истории как науки на множество мелких историй, стремящихся абсолютизировать индивидуальные особенности исследователей, утратив при этом целостное представление о течении научной мысли вообще и исторической в частности. Как один из путей решения этой непростой проблемы может быть синтез методологических основ и подходов, различных теоретических концепций, принципов и методов, позволяющих рассматривать объект изучения с разных точек зрения. При этом методологические основы могут сбалансировать индивидуальные черты с тенденциями развития современной научной мысли.

Одной из современных тенденций является возрастающий интерес исследователей к расширению предметных полей за счет использования методов, которые ранее использовались применительно только к своим дисциплинам. Это в свою очередь актуализирует возможности междисциплинарного взаимодействия или «заимствования», как считают некоторые ученые, например Л. П. Репина, видя при этом дальнейшие перспективы решения проблем в «трансдисциплинарном подходе», если они не могут быть решены в границах взаимодействующих дисциплин [20, с.29]. Другими словами, современные историки не пытаются исследовать прошлое с одной – единственной точки зрения или на основе одного принципа. Многообразие исследовательских подходов позволяет указывать ориентиры, узловые пункты истории, в сопоставлении с которыми исторические факты и процессы, относящиеся к другим сферам науки, получали бы свое место в общей картине. Еще в начале прошлого столетия Анри Берр, французский философ, увлекающийся историей, утверждал, что история должна объединиться с психологией, социологией и другими науками и только тогда она сможет объяснить прошлое человечества глубже, чем любая другая дисциплина [27, с.302]. Подтверждением этого может служить использование в исследованиях последнего времени методов смежных наук, например, метода идеальных типов, разработанного Максом Вебером для рассмотрения изучаемого объекта в социологии, композици-

онного и мотивного анализа при изучении источников, имагологического метода, позволяющего исследовать образы (стереотипы), метода реконструкции культурных полей и моделирования культурных объектов.

Анализ. Для рассматриваемой проблемы представляют интерес материалы научно-исследовательских статей российских историков М. Н. Машкина, С. В. Оболенской, О. В. Заиченко и немецкого ученого К. Ремера, опубликованные в начале XXI в. на страницах сборников «Россия и Германия», подготовленных Институтом Всеобщей истории РАН, включающих исследования образа России в Германии, восприятия русских и немцев друг друга в различные исторические периоды [21, с.5]. В своих статьях историки используют философские теории социальной онтологии, социальной психологии или понимающей социологии (нем. *verstehende Soziologie*) при изучении «другого», где важен не только объект, но и субъект, его воспринимающий, представляют во-многом суть релятивистской теории, одним из сторонников которой являлся ведущий советский и российский социолог А. Г. Здравомыслов, утверждавший, что «то, как «нас» воспринимают «другие», оказывается одним из самых важных моментов для нашего мироощущения» [5, с.5]. Такой междисциплинарный подход к изучению образов в исторической науке позволяет рассмотреть проблему достаточно разносторонне и во всем многообразии взаимодействия различных факторов. Немецкий ученый К. Ремер в своей статье, посвященной изучению проблемы восприятия образа русских и украинцев в Германии в XIX в. указывал, что для более точного представления необходимы исследования на основе различных дисциплин, включая периодическую печать того времени, которая в отличие от переводимых на немецкий язык стихов Пушкина, Лермонтова, рассказов Тургенева и Шевченко, уже тогда в своем большинстве имели «антирусские» настроения, нагнетаемые и усиленные германорусской протекционистской политикой и ухудшением немецко-русских и австро-венгерско-русских отношений в 1887 – 1888 гг.» [19, с.116].

Образу Российской империи в Германии XIX в. посвящены исследования известных отечественных историков О. В. Заиченко [4, с. 97] и М. Н. Машкина [15, с.122], которые используя метод междисциплинарности в своих статьях анализируют немецкую периодическую печать, ежегодники, переписку Вильгельма II к Николаю II, труд Э. Бауэра «Россия на распутье», раскрывая всю сущность его «воинственной русофобии», используя антропологический подход фокусируют внимание на отдельных личностях, среди которых Александр I, Бисмарк, Александр III, Бауэр, Вильгельм II, Николай II и другие видные политические деятели, что позволяет рассмотреть проблему с разных сторон, сделав

вывод подтверждающий антирусскую направленность восприятия России в Германии XIX в., отметив при этом «милитаристский характер» русофобии.

Если продолжить анализ исследований «образа другого» в истории, интерес вызывают работы С.В. Оболенской, опубликованные в указанном сборнике об образе немцев и его восприятии в России в годы первой мировой войны, в которых привлекаются такие исторические источники как письма солдат, анализируются песни и частушки о немцах, передающие настроение и отношение к немцам русских солдат. Такой подход продолжает развитие относительно новых направлений исторической науки – повседневной истории [16, с.175].

Исследовательские подходы, построенные на междисциплинарности, углубляющие привычные исторические практики, развивающие новые направления истории, такие как интеллектуальная [2, с.16] или историческая имагология, можно проследить в последнее время в работах молодых ученых-историков [24, с.4].

Несмотря на широкое применение, междисциплинарность, как и многие научные понятия, не имеет общепринятого определения, тем не менее в самом широком смысле она понимается как направление, способствующее взаимодействию проникновению и интеграции различных наук через исследовательские подходы и методы. Можно отметить, что это направление исследований до конца не сформировано, но определенный опыт в этой области накоплен как отечественной, так и зарубежной исторической наукой. Процесс «сближения» наук в настоящее время продолжается, пока еще нет твердо выверенной методологии и даже общепризнанного названия. В исследовательском поле, наравне с широко известными понятиями методологии как общая или специальная историческая методология, появилось множество понятий требующих понятийного уточнения, которое нарастает в результате их применения: «междисциплинарная методология», «междисциплинарность» или «междисциплинарная методика» как интеграция элементов разных дисциплин и их методов для решения исследуемой проблемы, «трансдисциплинарность» – формирование общих методологических основ для дальнейших исследований, «поливариантность» как множественность путей исторического развития или альтернативность, «метатеоретические основы», «метатеории» как критическое осмысление исторических теорий и концепций. Все эти понятия объединяет необходимость решения вопроса разногласий и непониманий исследовательских методов при использовании смежных и естественных наук с помощью разработки категориального и понятийного аппарата.

Эта проблема подчеркивает новое продолжение дискуссии между «физиками» и «лирика-

ми», для которых популярная сейчас наука синергетика означает ни одно и то же. В вопросе об отношении синергетики и гуманитарных наук с точки зрения их методологических функций существуют различные точки зрения ученых. Ряд ученых считают, что синергетика способствует углублению и конкретизации некоторых положений в философской науке [1, с.4]. При этом применять синергетику в гуманитарных науках, например, в истории, достаточно сложно, так как в данном случае речь не должна в первых, идти о прямом переносе естественнонаучных понятий, во-вторых – необходимо иметь глубокие знания в области синергетики и обладать определенными компетенциями, к примеру в математическом моделировании, поэтому некоторые ученые, например М. С. Каган, считали синергетические исследования преждевременными, так как сложно создать математическую модель и ввести человеческую свободу в систему координат «как закономерное проявление усложнения способов самоорганизации» [6, с. 201]. Действительно, появление различных авторских трактовок по причине отсутствия достаточной определенности относительно основных положений синергетики, затрудняет аргументацию. При этом нельзя отрицать определенные успехи использования синергетики в гуманитарных науках, что подтверждается разработанными историко-социальными концепциями [26]. На основе концепций и моделей сложились научные школы, использующие принципы самоорганизации. Например, брюссельская школа лауреата Нобелевской премии И. Р. Пригожина, разрабатывающего теорию диссипативных структур, раскрывающую исторические предпосылки и мировоззренческие основания теории самоорганизации [18, с.16]. Модели-концепции социальной истории профессора, действительного члена Академии военных наук С. Ю. Малкова «позволяют выявить логику формирования устойчивых социальных структур, государственных образований, цивилизационных комплексов, то есть логику возникновения стабильного и устойчивого в непрерывно меняющемся потоке истории» [14, с.291].

В настоящее время в исторических исследованиях активно применяется синергетический подход как метод, включающий категориальный аппарат, основные понятия, такие как диссипативные структуры, бифуркации, аттрактор, и принципы синергии [23, с.159]. В этом случае принято говорить о синергетическом методе как способе нейтрализации опасности позитивистской редукции при перенесении на развитие общества и культуры установленных синергетикой закономерностей нелинейности и поливариантности путей развития в организационных и дезорганизационных процессах физического мира. Но при этом возникает проблема естественнонаучного и математического опыта мо-

делирования для анализа исторических процессов, а также опасность механического переноса терминологии из одной области в другую. Историческое исследование не будет более плодотворным, если назвать альтернативную ситуацию – бифуркацией, случайность – флуктуацией, нестабильность общества – увеличением энтропии, стихийность во взаимодействии социальных групп – хаосом, прогресс – негаэнтропией, выход из кризиса – самоорганизацией системы. Например, рассматривая с этой точки зрения статью Ю. М. Лотмана «Изявление Господне или азартная игра», в которой он использует синтез идей синергетики и семиотики [11, с.353], можно заметить, что свою концепцию «взрыва» он успешно раскрывает в работе «Культуры и взрыв» и без привлечения термина «флуктуация» [12, с.19].

Вопросов при использовании достижений синергетики в историческом исследовании возникает множество. Но большинство ученых, например, В. И. Аршинов, В. Э. Войцехович, придерживаются оптимистических представлений о перспективах синергетики как метода, и даже как синергетической парадигмы и «зачатка нового мировоззрения» [3, с.107].

Перспективы, на наш взгляд, заключается, прежде всего, в возможности рассмотрения вопросов истории в иной среде и в различных плоскостях, определенных Н. В. Лукьяненко «как детерминированные системы, как системы структурно-функционального порядка, как рефлексивно-деятельностные системы и как самоорганизующиеся системы, находящиеся в процессе вечного становления» [13, с.43]. При таком системно-синергетическом подходе к историческому исследованию рассматриваемых проблем возникает эффект методологического синергизма, позволяющего не только по-новому увидеть привычные явления, снять автоматизм восприятия изучаемых исторических фактов, но и возрастает его результативность, «межсубъектность» за счет механизмов «сближения», конвергенции, синтеза, соединяющего различные позиции в единое целое или дивергенции как углубление их различий.

Это объясняет повышенный интерес в последнее время к альтернативности исторического развития как исследовательскому подходу, который несмотря на достаточный опыт более полувекового использования с момента введения в научный оборот, имеет множество названий: «альтернативность развития», «многовариантность истории», «виртуальная история», «контрфактическое моделирование». На современном этапе применения этого подхода ученые уже не фокусируют внимание на поиски ответов «мог ли быть другой сценарий исторического развития». Если обращение к альтернативности в истории для историка только повод для объяснения того, почему все произошло

так, а не иначе, то он осознанно или не осознанно стремится к обоснованию апологетики абсолютного детерминизма. Кроме того, детерминистская позиция историков может быть вызвана стремлением не потерять историко-культурную идентичность и желанием обосновать необходимость современного состояния общества, то есть апологетикой настоящего. Синергетические методы не отменяют детерминизм, но заметно его смягчают, показывая, что в каждый момент истории прошлого был не единственный путь.

Можно привести в подтверждение различные примеры, так при изучении восточноевропейского направления внешней политики Советского Союза в контексте решений Германского вопроса дополнительно к основным методам теории международных отношений и исторического анализа была предпринята попытка применения синергетического метода для рассмотрения альтернативности истории, основанной на нелинейности и непредсказуемости систем, где изменения могут приводить к различным последствиям. [22, с.7]. При этом необходимо отметить важность понимания феномена альтернативности и в отношении настоящего, когда перед некоторыми странами Запада открыт очередной выбор: от демократизации до фашизации.

Новые подходы в изучении альтернативности могут быть построены на структурах нарратива и нахождении оснований для систематизации исторических фактов, которые позволяли бы приблизиться к адекватному отображению динамики и каузальной значимости исторических процессов, например, показывая, как исторический выбор преломляется через отдельные человеческие личности, через индивидуальные судьбы, и как человеческая личность, могла бы стать возможным историческим выбором.

Результаты. На основе проведенного анализа, не претендующего на полноту освещения проблемы, можно сделать вывод, что применение в современных исторических исследованиях синергетических и других междисциплинарных подходов и методов, несмотря на определенную сложность и некоторый пессимизм, имеет перспективы, так как еще не исчерпаны подходы к изменению дискурсивных и методических стратегий исследования, открывающих новые возможности в изучении как отечественной, так и зарубежной истории, позволяющих включить в научный оборот нетрадиционные для истории источники и разносторонне изучить исследуемый объект. Современные исторические исследования историков доказывают научную продуктивность междисциплинарных подходов, занимающих перспективные позиции в дискурсе и практике исторической науки. Как показывает не убывающее количество современных исследований с применением исследовательских подходов междисциплинарности,

пессимистическая позиции, популярная в 90-е годы прошлого века, представляется спорной. При этом необходимо отметить, что традиционные подходы не теряют своей актуальности, поэтому современное историческое исследование определяется с одной стороны концептуальностью исторического знания и методологическими базовыми основаниями, с другой – теоретическим многообразием и плюрализмом, методологическим «сближением», как процессами

междисциплинарности и поиском методов, адекватных современному пониманию исторического познания на пути к новым подходам. таким как трансдисциплинарность, которая пока является теоретической концепцией, построенной на возможностях использования аналогий и внеисточникового знания и показывающей непрерывный процесс происходящих трансформаций исследовательских подходов.

Литература

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 335 с.
2. Алейников С. С. Формирование образа «свой/другой» на страницах французских карикатурных изданий в «долгом» XIX веке: автореф. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Орел, 2025. 28 с.
3. Аршинов В. И., Войцехович В. Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 107–120.
4. Заиченко О. В. Образ России в Германии в первой половине XIX века / О.В. Заиченко // Россия и Германия. Сб. науч. тр. Вып.2. М.: Наука. Ин-т всеобщей истории, 2001. 293 с.
5. Здравомыслов А. Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент - анализ и комментарии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 544 с.
6. Каган М. С. Синергетика и культурология // Синергетика и методы науки / отв. ред. М. А. Басин. СПб: Наука, 1998. С. 201-219.
7. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 483 с.
8. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
9. Лекторский В. А. Предисловие к русскому изданию Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Мысль, 1985. С. 6–14.
10. Лепешенко Б.М. Конвергенция или дивергенция методологических систем? // Социально-политические науки. 2013. № 3. С. 16-18.
11. Лотман Ю. М. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 560 с.
12. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: «Гнозис»; изд. группа «Прогресс» 1992. 272 с.
13. Лукьяненко Н. В. Методологические подходы в социально-гуманитарном познании: возможности конвергенции и синтеза // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2(31). С. 38–45.
14. Малков С. Ю. Математическое моделирование исторических процессов // Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие. М.: Наука, 2002. 323с.
15. Машкин М. Н. Из истории антироссийской пропаганды в Германии в конце 80-х годов XIX века // Россия и Германия. Сб. науч. тр. Вып. 2. М.: Наука. Ин-т всеобщей истории, 2001. 293 с.
16. Оболенская С. В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы первой мировой войны // Россия и Германия. Сб. науч. тр. Вып. 2. М.: Наука. Ин-т всеобщей истории, 2001. 293 с.
17. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
18. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложности в физических науках. М.: Наука, 1985. 327 с.
19. Ремер К. К вопросу о формировании представлений об Украине в Германии. XIX – XX века // Россия и Германия. Сб. науч. тр. Вып.2. М.: Наука. Ин-т всеобщей истории, 2001. 293 с.
20. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
21. Россия и Германия. Сб. науч. тр. Вып.2 / отв. ред. Б.М. Туполев. М.: Наука. Ин-т всеобщей истории, 2001. 293 с.
22. Рыкун Г.Н. Восточноевропейская политика в контексте решения «германского вопроса» (1941-1961). Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2005. 428 с.
23. Сапронов М. В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С.159-160.
24. Танцева А. В. Журнал «Огонек» в 1920-е годы: отражение образа советской действительности: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2016. 280 с.
25. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.
26. Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective / eds D. Della Porta, M. Keating. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 365 p.
27. Berr H. Les rapports de l'histoire et des sciences sociales d'après M. Seignobos // Revue de Synthèse Historique. 1902. № 4. P. 293–302.

References

1. Abdeev RF. Philosophy of the Information Civilization. Moscow: VLADOS; 1994. 335 p. (In Russ.).
2. Alejnikov SS. The formation of the "us/them" image in French satirical publications in the "long" XIX century: thesis. Orel: Oryol State University named after I.S. Turgenyev; 2025. 28 p. (In Russ.).
3. Arshinov VI., Vojcehovich VJ. Synergetic Knowledge: Between Network and Principles. Sinergeticheskaja paradigma. Moscow: Progress-Tradicija; 2000. p. 107-120. (In Russ.).

4. Zaichenko OV. The image of Russia in Germany in the first half of the XIX century. Russia and Germany. Collection of scientific papers, Issue 2. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2001. 293 p. (In Russ.).
5. Zdravomyslov AG. Germans about Russians on the threshold of the new millennium. Conversations in Germany: 22 expert interviews with representatives of the German intellectual elite about Russia – its present, past, and future – content analysis and comments. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2003. 544 p. (In Russ.).
6. Kagan MS. Synergetics and cultural studies. *Sinergetika i metody nauki*. St. Petersburg: Nauka, 1998. p. 201-219. (In Russ.).
7. Kovalchenko ID. Methods of historical research. Moscow: Nauka; 2003. 483 p. (In Russ.).
8. Collingwood RJ. The idea of the history. Autobiography. Moscow: Nauka; 1980. 486 p. (In Russ.).
9. Lektorskiy VA. Preface to the Russian edition by Polani M. Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy. Moscow: Mysl; 1985; 6-14. (In Russ.).
10. Lepeshenko BM. Convergence or divergence of methodological systems? *Sotsialno-politicheskie nauki*. 2013;3:16-18. (In Russ.).
11. Lotman JM. JM Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic school. Moscow: Gnozis; 1994. 560 p. (In Russ.).
12. Lotman JM. Culture and explosion. Moscow: Gnozis; 1992. 272 p. (In Russ.).
13. Lukyanenko NV. Methodological approaches in social and humanitarian cognition: possibilities of convergence and synthesis. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2021;2(31):38–45. (In Russ.).
14. Malkov SJ. Mathematical modeling of historical processes. New Synergetics: A Look into the Third Millennium. Moscow: Nauka; 2002. 323 p. (In Russ.).
15. Mashkin MN. From the history of anti-Russian propaganda in Germany in the late 80s of the XIX century. Russia and Germany in Collection of scientific papers, Issue 2. Moscow: Nauka; Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2001. 293 p. (In Russ.).
16. Obolenskaya SV. The "German Question" and Russian perceptions of Germans during the First World War. Russia and Germany in Collection of scientific papers, Issue 2. Moscow: Nauka; Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2001. 293 p. (In Russ.).
17. Polanyi M. Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy. Moscow: Progress; 1985. 344 p. (In Russ.).
18. Prigozhin I. From existing to emerging. Time and complexity in the physical sciences. Moscow: Nauka; 1985. 327 p. (In Russ.).
19. Remer K. On the formation of ideas about Ukraine in Germany. XIX-XX centuries. Russia and Germany. Collection of scientific papers, Issue 2. Moscow: Nauka; Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2001. 293 p. (In Russ.).
20. Repina LP. Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice. Moscow: Krug; 2011. 560 p. (In Russ.).
21. Russia and Germany. Collection of scientific papers, Issue 2. Moscow: Nauka; Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2001. 293 p. (In Russ.).
22. Rykun GN. Eastern European Politics in the context of solving the "German Question" (1941-1961). Rostov-on-Don: SKNC VSh; 2005. 428 p. (In Russ.).
23. Sapronov MV. The synergetic approach in historical research: new opportunities and difficulties of application. *Obshchestv. nauki i sovremennost'*. 2002;4:159-160. (In Russ.).
24. Танцеева А. В. Ogonyok magazine in the 1920s: reflection of the image of Soviet reality: thesis. Stavropol'; 2016. 280 p. (In Russ.).
25. Tosh D. The pursuit of truth. How to master the skill of a historian. Moscow: Ves' Mir; 2000. 296 p. (In Russ.).
26. Della Porta D., Keating M. Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. 365 p.
27. Berr H. Les rapports de l'histoire et des sciences sociales d'après M. Seignobos. *Revue de Synthèse Historique*. 1902;4:293-302.

Научная статья

УДК 94(450)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.14>

НАЧАЛО ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙН: КАРЛ VIII, ФЛОРЕНЦИЯ И ЕЕ ПРОРОК

Елена Павловна Тельменко

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
teilman@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

Аннотация. Введение. В конце XV в. широкое распространение в Западной Европе получили политические пророчества, в том числе послужившие оправданием Итальянских войн (1494 – 1559 гг.), начало которым положила Неаполитанская экспедиция французского короля Карла VIII. Среди тех, кто предвещал появление нового Карла Великого на Апеннинском полуострове, был и флорентийский пророк-реформатор Джироламо Савонарола. Анализ его текстов позволяет выявить особенности интерпретации монахом событий, потрясших Италию в 1494–1495 гг. **Материалы и методы.** Проблемное поле статьи связано с такими направлениями исторических исследований, как интеллектуальная история и история идей. Анализ сочинений Савонаролы, свидетельств современников событий, а также французских политических пророчеств, потребовал применения сравнительного и интерпретативного методов, а также обращения к методам терминологического анализа. **Анализ.** Со времени обращения к профетическому способу проповедования и до начала Итальянских войн, Савонарола, в духе большинства современных ему проповедников, возвещает скорое обновление Церкви через различные бедствия. Апокалиптические предсказания воплощаются в образах меча, нового Кира, потопа. События, связанные с появлением французской армии осенью 1494 г., удостоверяют откровения доминиканца и окончательно утверждают его в статусе пророка. Несчастья, обрушившиеся на Италию, проповедник интерпретировал как «tribolazioni» – испытания, ниспосланные Богом, чтобы побудить жителей полуострова, и прежде всего флорентий-

цев, к покаянию, исправлению и обращению к истинной вере. При этом, монах практиковал два «способа» пророчеств: «profezia assoluta», которое исполнится в любом случае (реформа Церкви, процветание Флоренции), и «profezia condizionata», «обусловленное угрозой или обетованием», которое предполагало проявление свободной воли человека, и должно было придать стимул к коллективным и индивидуальным действиям, направленным на преобразование современного общества. **Результаты.** Во время Неаполитанской экспедиции Карла VIII Савонарола колеблется между апокалиптическим посланием, или скорее – предсказаниями в духе ветхозаветных пророков, сопровождавших призыв к исправлению угрозой божественного наказания (его инструментом выступал король Франции) и миллениаристским видением будущего, относящимся прежде всего к избранному Господом городу – Флоренции, а также, в целом, к преобразованной Церкви.

Ключевые слова: Неаполитанская экспедиция, Карл VIII, Джироламо Савонарола, пророчество, Италия, Флоренция

Для цитирования: Тельменко Е. П. Начало Итальянских войн: Карл VIII, Флоренция и ее пророк // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 672–681. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

THE BEGINNING OF THE ITALIAN WARS: CHARLES VIII, FLORENCE AND ITS PROPHET

Elena P. Telmenko

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
teilman@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

Abstract. Introduction. At the end of the 15th century, political prophecies became widespread in Western Europe, including those that served as justification for the Italian Wars (1494–1559) initiated by the Neapolitan expedition of the French King Charles VIII. Among those who foretold the emergence of a new Charlemagne on the Apennine Peninsula was the Florentine prophet-reformer Girolamo Savonarola. The analysis of his texts allows identifying the peculiarities of the monk's interpretation of the events that shook Italy in 1494–1495. **Materials and methods.** The problematic field of the article is connected with such areas of historical research as intellectual history and the history of ideas. The analysis of Savonarola's writings, the testimonies of contemporaries of events, as well as French political prophecies, required the application of comparative and interpretive methods, as well as the methods of terminological analysis. **Analysis.** From the time of his conversion to the prophetic method of preaching until the beginning of the Italian Wars, Savonarola, in the spirit of most contemporary preachers, proclaimed the imminent renewal of the Church through various calamities. Apocalyptic prophecies are embodied in the images of a sword, a new Cyrus, and a flood. The events surrounding the arrival of the French army in the autumn of 1494 confirm the Dominican's revelations and definitively confirm his status as a prophet. The preacher interpreted the misfortunes that befell Italy as

«tribolazioni» – trials sent by God to motivate the inhabitants of the peninsula, and above all the Florentines, to repentance, correction and conversion to the true faith. At the same time, the monk practiced two «methods» of prophecy: «profesia assoluta», which would be fulfilled in any case (reform of the Church, prosperity of Florence), and «profesia condizionata», «conditioned by threat or promise», which presupposed the manifestation of human free will, and was supposed to give impetus to collective and individual actions aimed at transforming the contemporary society. **Results.** During the Naples expedition of Charles VIII, Savonarola vacillated between an apocalyptic message, or rather predictions in the spirit of the Old Testament prophets, who accompanied the call for correction with the threat of divine punishment (the instrument of which was the King of France), and a millenarian vision of the future, relating above all to the city chosen by the Lord – Florence, and, in general, to the transformed Church.

Keywords: Neapolitan expedition, Charles VIII, Girolamo Savonarola, prophecy, Italy, Florence.

For citation: Telmenko EP. The Beginning of the Italian Wars: Charles VIII, Florence and its Prophet. Humanities and law research. 2025;12(4):672-681. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.14>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.03.2025

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. В последние десятилетия XV в. в Западной Европе отмечается всплеск эсхатологических и миллениаристских ожиданий, когда различного рода предсказатели вещали, что близка реформа христианского мира, что радикальные изменения произойдут через великие потрясения, и что это произойдет скоро, некоторые даже называли год – 1484 («*annus mirabilis*») [19; 28; 22, р. 429–431]. В означенное время «во всей полноте» проявили себя политические пророчества, в том числе послужившие оправданием Итальянских войн (1494–1559 гг.) [3, с. 267–268], начало которым положила Неаполитанская экспедиция (1494–1495) французского короля Карла VIII.

Среди тех, кто предвещал появление нового Карла Великого на Апеннинском полуострове, был и флорентийский пророк-реформатор Джироламо Савонарола. Анализ текстов этого доминиканского проповедника, относящихся ко времени похода Карла VIII в Италию, позволяет выявить особенности интерпретации монахом трагического начала Итальянских войн, а также обратиться к не потерявшей своей актуальности теме специфики пророчества в целом и пророческой миссии Савонаролы, в частности.

Здесь стоит обратить внимание на труды современных ученых, в которых феномен пророчества представляется как реакция на кризис церковных институтов в эпоху позднего Средневековья¹; проводится разграничение между апокалиптическими и миллениаристскими предсказаниями и пророчеством (в т.ч. Савонаролы), которое толкуется не как предвидение будущего, а как критика современного общества – его несоответствия божественным, евангельским заветам, «суд над настоящим от имени Бога» [12; 13; 17; 18; 21; 29]; а 1494 г. (появление в сентябре армии Карла VIII в Италии, антимедичейский переворот во Флоренции 9 ноября) признается переломным в проповеднической карьере фратта Джироламо, который именно с этого времени начинает открыто заявлять о себе как о пророке.

¹ См., например, труды Ч. Вазоли, который рассматривает Савонаролу в контексте апокалиптической мысли конца XV в., с ее ожиданиями близящейся реформы христианского мира и расцветом политических пророчеств [27; 28]; а также публикации Р. Фубини, где исследователь утверждает, что «у Савонаролы пророчество и учение о соборности (*dottrina conciliare*) тесно связаны, словно две стороны одной медали» [10, р. 301], и что экспедиция Карла VIII, а затем ожидание его возвращения, «красной нитью проходит через всю духовную и политическую карьеру Савонаролы», целью которого была реализация проекта «созыва Собора по инициативе христианнейшего короля», при том, что идея возрождения соборного движения «постоянно циркулировала при дворах и национальных церквях Европы» [11].

Материалы и методы. Проблемное поле статьи связано, прежде всего, с такими направлениями исторических исследований, как интеллектуальная история и история идей. Анализ сочинений Савонаролы – проповедей, относящихся к 1494 – 1495 гг., «Компендиума откровений (*Compendium revelationum*)», составленного монахом между весной и летом 1495 г., свидетельств современников событий, а также французских политических пророчеств конца XV в., потребовал применения сравнительного и интерпретативного методов, а также обращения к методам терминологического анализа.

Анализ. Предлогом для вторжения французских войск на территорию Апеннинского полуострова стало так называемое Анжуйское наследство: со второй половины XIII в. Неаполитанское королевство принадлежало Анжуйской династии, а в 1442 г. перешло к Арагонскому дому; смерть 25 января 1494 г. Фердинанда I Арагонского позволила французскому королю, используя свои права наследника угасшего Анжуйского дома, предъявить претензии на престол в Неаполе.

Кроме того, мечты молодого Карла VIII о славе и власти подпитывались различного рода пророчествами. Как указывает Колетт Бон, миллениаристские прорицания сопровождали этого правителя с самого рождения и далее только усиливались. Значительная часть пророчеств того времени была связана с обращением к образу нового Карла Великого и строилась по следующей схеме: король приходит к власти в 13 лет, побеждает мятежников и направляется в Италию, где разрушает Флоренцию и Рим, обретает свою вторую корону; затем, переплыв море, завоевывает Константинополь и Иерусалим, и здесь, возложив на себя третий венец, оканчивает свои дни; после этого наступает тысячелетнее царство мира и радости, предшествующее концу времен [6, р. 65–66].

Среди тех, кто вдохновлял Карла VIII исследователи отмечают калабрийского монаха Франческо ди Паола²; придворного врача Жана Мишеля, в видении которого правитель пред-

² Св. Франциск из Паолы (1416–1507) – ермит, основатель соответствующего ордена (который в 1493 г. стал называться *Ordo minorum fratrum heremitarum fratris Francisci de Paula*; а с 1501 г. – *Fratres minimi fratris Francisci de Paula*); в 1483 г. прибыл во Францию по приглашению короля Людовика XI; его святость и мудрые наставления также ценились преемником Людовика – Карлом VIII [14]. Филипп де Коммин в своих «Мемуарах» сообщает о пребывании этого монаха при дворе Карла VIII: «Я много раз слышал его, когда он говорил перед нынешним королем в присутствии всех вельмож королевства, ибо он два месяца жил при нем; и казалось, что он говорил и учил по вдохновению божьему, поскольку иначе он не смог бы высказать того, что высказал» [2, с. 244–245].

ставал в качестве божественного посланца, призванного завоевать мир³; Жана Гилльоша из Бордо⁴, который связывал с французским королем создание универсальной монархии и в своем стихотворном сочинении предсказывал, что Карл VIII совершит «великие битвы», покорит Италию, захватит Рим и коронуется здесь, разрушит «город греха» Флоренцию; переплывет море, вступит в Грецию и станет именоваться ее королем; отвоюет Иерусалим и взойдет на Масличную гору [15, р. 5–8; 9, р. 314–317; 27, р. 26–27; 31, р. 112–114; 8, р. 269].

В итоге, французский двор в апреле – мае 1494 г. официально преподносит намерение совершить поход в Италию в качестве предварительного этапа крестового похода против Османской империи [6, р. 66; 1, с. 42]. Означенное устремление Карл VIII подтверждает, судя по всему, уже во время экспедиции, издав 22 ноября 1494 г. публичное послание⁵, в котором еще раз заявляет о своей божественной миссии, заверяя итальянские государства, что оккупация Неаполитанского королевства лишь необходимое средство достижения более высокой цели – похода против турок и освобождения Святой земли [9, р. 480–481].

Между тем, и в Италии имелось множество прорицателей, которые, накануне французского нашествия «твердили о приближении многих великих перемен, невиданных и ужасных событий» [1, с. 56]. Одним из них был доминиканский монах Джироламо Савонарола.

Прежде чем утвердиться в статусе флорентийского пророка, Савонарола как наставник паствы, – с момента своего первого появления в городе на Арно в 1482 г. и до начала Итальянских войн, – претерпевает определенную эволюцию. Первый опыт публичных проповедей во Флоренции начала 80-х гг. XV в. оказался неудачным. Очевидно, сказалось отсутствие практики – выступления «духовного и морального типа», соответствующие традиции доминиканского ордена, с его «абстрактным, интеллектуально сложным и, сверх того, вырванным из социального контекста» характером проповедования [18, р. 5; 20, р. 149], не привлекли внимания слушателей.

Затем, проповедуя в Сан-Джиминьяно в 1485 – 1486 г. [30], монах, согласно К. Леонарди, «осознал необходимость иного способа обращения к верующим, того, который затем недвусмысленно назовет пророческим» [18, р. 5]. Фра Джироламо провозглашает положения типичные для той эпохи: Церковь будет наказана, затем обновлена, и это произойдет в самом скором времени⁶. Д. Вайнштейн характеризует выступления монаха в Сан-Джиминьяно как одну из первых попыток встать на путь эсхатологической проповеди, но отмечает, что в набросках выступлений этого периода имеются «только общие упоминания о наказании и ничего о великом обновлении (Церкви), которое он предсказал после своего возвращения во Флоренцию в 1490 году» [32, р. 36–37, 323–324].

В 1490 г. фра Джироламо вновь оказывается во Флоренции. В «Компендиуме откровений» Савонарола вспоминал что, прибыв в город, он в этом же году «приступил к публичному толкованию перед народом Апокалипсиса в нашем Сан Марко первого августа, которое пришлось на воскресенье»⁷, и «проповедуя весь год во Флоренции, постоянно предлагал народу три вещи: во-первых, что Церковь должна обновиться в настоящее время; во-вторых, что перед этим обновлением Бог пошлет большое наказание (испытание) для всей Италии; третье, что это произойдет скоро». «И эти три положения, – продолжал монах, – я постоянно стремился обосновать доказательствами и примерами из Св. Писания и других подобных (источников), или притчами, основанными на том, что наблюдается в настоящее время в Церкви, не объявляя им, что я мог бы иметь эти вещи (откровения – Е.Т.) иным путем, нежели рассуждения, поскольку они еще не казались мне готовыми поверить в это» [23, р. 9]. В Рождественский пост 1490 г. Савонарола проповедует на Первое послание ап. Иоанна, где обличает пороки флорентийцев. К. Леонарди обратил внимание на выбор текстов для толкования, явно отражающий духовный настрой проповедника: имеющий исключительно профетический характер Апока-

³ Согласно К. Бон, текст сочинения Жана Мишеля представляет собой совокупность трех видений, связанных общей темой божественного воздаяния, которое наступит в конце времен: реформирование мира; возвращение Иерусалима; универсальная монархия, обещанная Карлу VIII. Провидец вдохновлялся Ветхим Заветом, а также был знаком с проповедями Савонаролы. Исследовательница полагает, что этот труд был написан весной 1494 г. и быстро распространился между апрелем 1494 г. и декабрем 1495 г., при этом «география мест издания следует за ходом королевской армии» [6, р. 69, 75–76].

⁴ Де Ла Гранж, опубликовавший в 1869 г. сочинение Жана Гилльоша, выказал предположение, что оно было завершено к началу июня 1494 г., и что возможно Гилльош слышал проповеди Савонаролы [15, р. XIX, XXI–XXII].

⁵ 17–28 ноября 1494 г. Карл VIII пребывает во Флоренции.

⁶ Современник монаха, Псевдо-Бурламакки в своей биографии Савонаролы пишет: «В год 1484 от Рождества Христова слуга Божий стал получать от Господа божественные откровения, как обнаруживается в записи одной из его проповедей об обновлении Церкви, составленной в 1494 г., и он там показал, что Церковь божия нуждается в обновлении, и Италию должно постигнуть бедствие, и другие доводы, чтобы произвести означенное преобразование Церкви» [16, р. 14].

⁷ Описание начала этих проповедей имеется у Псевдо-Бурламакки [16, р. 22]. Другой биограф, Плачидо Чиноцци, очевидно полагаясь на свои воспоминания, сообщает, что проповедник «в первый день месяца приступил к изложению Апокалипсиса, и на основе означенного текста выдвинул следующие положения: во-первых, истину веры Иисуса Христа; во-вторых, истину доброй христианской жизни; третье – обновление Церкви; четвертое – обращение неверных» [7, р. 11].

липисис и Послание этого же апостола – «типичный образец мистики любимого ученика Христа» [18, р. 7].

Перед началом великопостных проповедей 1491 г. монах, согласно его собственному свидетельству в «Компендиуме», испытывал определенные сомнения в необходимости сохранять пророческий тон проповедей, но преодолел их: «Я вспоминаю, как в первый Великий пост, когда я должен был проповедовать во Флоренции в Санта Репарата⁸, уже подготовив проповедь для второго воскресенья, которая была составлена в подобной манере, я решил оставить ее и более не проповедовать подобных вещей. Бог свидетель, что весь день субботы и всю ночь до утра воскресения я бодрствовал, но не мог никак обратиться к другому ...; и утром, обессилев от продолжительного бдения, я услышал голос, говоривший мне: “Глупец, ты не видишь, что это воля Божья, и что ты должен проповедовать подобным образом”. И таким образом, в это утро я произнес повергающую в трепет (*spraventosa*) проповедь» [23, р. 9–10; 16, р. 23].

В Рождественский пост 1491 г. Савонарола приступил к проповедям на книгу Бытия. «Я, – пишет он в «Компендиуме откровений», – начал проповедовать на Бытие в 1491 г., и продолжал вплоть до 1494 г. во время всех Рождественских и Великих постов (исключая один, во время которого проповедовал в Болонье⁹), и всегда начинал с того места текста Бытия, на котором я остановился в предшествующий Адвент¹⁰ или Великий пост» [23, р. 10]. В это время, как заявлял сам доминиканец, он становится более откровенным: начинает демонстрировать пастве, что «обрел видение этих предстоящих вещей от света иного, нежели только знание Св. Писания», а также, не разглашая сами видения, периодически изрекать «слова», «вдохновенные небесами». Савонарола, напоминая читателям своего трактата, что в то время, «среди прочего часто повторял: *Haec dicit Dominus Deus: Gladius Domini super terram cito et velociter* (Так говорит Господь Бог: Меч Господень на землю скоро и быстро)» [23, р. 11–12].

Собственно, сами видения монах изложил на проповеди 13 января 1495 г. и в опубликованном летом этого же года «Компендиуме». Одно из них, по словам Савонаролы, он обрел «в 1492 г., в ночь перед последней проповедью ... в тот Адвент в Санта Репарата» [23, р. 12]. Фра Джироламо узрел на небе руку с мечом, на котором было написано: «*Меч Господень на землю скоро и быстро*», на самой же руке надпись гласила: «*Vera et iusta sunt iudicia Domini* (Истинен и пра-

веден суд Господа)¹¹». После этого он увидел «три лица в едином свете», от которых «снизошел громкий глас на весь мир: *Внимайте, все жители земли сей. Так сказал Господь: Это я, Господь, говорю в ревности святой моей. Вот наступит день, и меч свой обнажу против вас. Обратитесь ко мне, прежде чем возгорится гнев мой: ибо идет пагуба, тогда будут искать мира и не найдут*»¹². Вслед за тем с «неба на землю сошли ангелы, облаченные в белое, со множеством белых стол на плече и красным крестом в руке, и пошли по миру, предлагая каждому человеку белую одежду и крест», а затем, – когда «рука обратила меч к земле, и тотчас показалось, будто все небо заволочло облаками, пошел дождь из мечей и града с великим громом, молниями и огнем; и была на земле война, мор и голод, и великая скорбь», – испить чашу с вином для тех, кто принимал эти вещи, и осадком – для отказавшихся [23, р. 12–14]. Согласно пояснению, данному Савонаролой во время выступления перед паствой 13 января, ангелы – это проповедники, возвещающие испытания, красный крест – символ бедствий, посланных для исправления Церкви, белые одежды – очищенное сознание, избавленное от всяческих пороков, а чаша с вином – испытания; те, кто добровольно примет крест и белые одежды (совершат покаяние), легко перенесут наказания и обретут жизнь вечную [25, р. 52–53].

Продолжая повествование о своих видениях 1492 г. в «Компендиуме», доминиканец утверждает, что уже в это время стал предвещать приход нового Кира: «Затем я сказал, также просвещенный Богом, что перейдет через горы некто, подобный Киру, о котором пишет Исайя: *Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду пред тобою и горы уровняю, медные двери сокрошу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего*»¹³ [23, р. 14–15]. Здесь стоит обратить внимание, что Кир Великий назван в тексте ветхозаветного пророка «помазанником» Господа; его военные победы связаны с вмешательством Всевышнего («я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы»); он – орудие в руках Бога, посредством которого избранный народ освобождается из Вавилонского плена и начинается восстановление Иерусалимского храма¹⁴.

⁸ Собор Санта Мария дель Фьоре был возведен на месте церкви Санта Репарата; в сочинениях горожан часто встречается его именование прежним названием.

⁹ Савонарола проповедует в Болонье в Великий пост 1493 г.

¹⁰ Рождественский пост.

¹¹ Откр. 19:2; Пс. 18:10.

¹² Иоил. 1:2; Ис. 38:19; Лев. 26: 24–25; Ис. 7: 25.

¹³ Ис. 45: 1–4.

¹⁴ Ис. 44:28; Езд. 1: 1–3.

Соответственно, если следовать заверениям Савонаролы, откровения о «мече Господнем» и приходе царя-избавителя он обрел в 1492 г. Однако, означенные видения публично оглашаются только в 1495 г. Согласно Д. Вайнштейну, поскольку проповеди Адвента 1492 г. не сохранились, эти поздние утверждения доминиканца о том, что он предсказал появление нового Кира, не могут быть подтверждены. При этом, – и здесь необходимо полностью согласиться с американским исследователем, – «к 1492 году не требовалось божественного откровения, чтобы любой, кто всматривался в политический горизонт, видел, что Карл VIII готовится вторгнуться в Италию», поэтому и отождествление последнего с персидским царем выглядит «вполне правдоподобно» [32, р. 96].

Скорее всего, заявления монаха о грядущем «потопе» можно оценить аналогичным образом, исходя из того, что планы французского короля о походе на Апеннинский полуостров были очевидны для современников монаха, и вопрос заключался только в сроках их осуществления, а упомянутая ранее кончина Фердинанда I Арагонского в начале 1494 г. только усилила эти ожидания¹⁵. В проповеди 13 января 1495 г. Савонарола напоминает: «... слух ... который распространился по Италии год тому назад; и говорилось об этом короле Франции, и этот слух пролетел как ветер и поколебал горы, то есть государей Италии, и в тот год держал их в смятении – верить или не верить, что этот король должен прийти» [25, р. 55]. Сам монах начинает говорить о «потопе» в сентябре 1494 г., когда Карл VIII во главе войск появляется на Апеннинском полуострове. В «Компендиуме откровений» Савонарола вспоминает, что, толкуя книгу Бытия, он «никак не мог достигнуть потопы, пока не наступили эти бедствия»; что «весь Адвент и весь Великий пост 1494 г. потратил на тайну сооружения Ноева ковчега, и закончил проповедовать именно в том месте, где Св. Писание гласит: *Cenacula et tristega facies in ea*¹⁶»; что только вновь начав проповедовать в сентябре, «в день святого апостола Матфея, продолжил текст с того места, где остановился, то есть *Ecce ego adducam aquas diluvii super terram*¹⁷, поскольку было общеизвестно, что король Франции со своими людьми вошел в Италию»; и что, услышав эти слова, многие «в смятении признали, что этот пример из Книги Бытия был передан посредством Божественного вдохновения» [23, р. 10–11].

Таким образом, всеобщие ожидания «*annus mirabilis*» хронологически совпадают с первым опытом публичного оглашения пророчеств Савонаролой в Сан Джиминьяно в 1485 – 1486 гг. Проповедь покаяния и исправления начала 90-х годов пронизана эсхатологическими мотивами – монах вещает о скором пришествии очищающего «*Gladius Domini*»; «нового Кира» – царя, которому суждено покорить Вавилон, освободить избранный народ из плена и восстановить Храм. С появлением Карла VIII эти смутные предсказания, основанные на толковании Св. Писания, обретают ясные очертания.

В проповедях, последующих за французским вторжением, Савонарола периодически напоминает слушателям об осуществлении своих прорицаний. Так, выступление 13 января 1495 г., посвященное повторению всего того, что было предсказано прежде, буквально наполнено призывом «*ricordati*» – «вспомните» [25, р. 55–58]. Аналогичные обращения к пастве присутствуют в проповедях, произнесенных осенью 1494 г., когда «потоп» – армия Карла VIII, продвигаясь с севера на юг полуострова, приближалась к Флоренции, а монах призывал флорентийцев взойти на «ковчег» спасения.

Здесь необходимо обратить внимание на интерпретацию монахом тех ужаснувших современников событий, которые были связаны с началом Итальянских войн. Это было, как выразился Ф. Гвиччардини, «роковое для Италии время, когда источником ее бедствий, как все полагали, стал приход французов» [1, с. 155], когда, согласно другому очевидцу – Н. Макиавелли, «Карлу, королю Франции, и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела» [4, р. 92]¹⁸. Савонарола, характеризуя происходящее, использует термин «*tribolazioni*» – испытания. Таким образом, военное предприятие французского короля предстает в речах монаха как ниспосланное Богом духовное и телесное испытание, призванное побудить жителей полуострова, и прежде всего флорентийцев, к покаянию, исправлению и обращению к истинной вере. Карл – лишь инструмент Божественной воли, которая направляет «меч» и посылает «потоп» перед возможным обновлением Церкви. Так, в проповеди 1 ноября 1494 г. фра Джироламо заявляет: «... сейчас настали испытания; необходимо изменить жизнь и намерения; уготованные тебе испытания должны заставить тебя переменить образ жизни»; «Бог посылает эти испытания, ... Бог возглавляет эти войска и ... Он их ведет». Далее проповедник поясняет, что причина происходящего – грехи Италии и Флорен-

¹⁵ Например, Н. Макиавелли пишет, что «за два года до его (Фердинанда I – Е.Т.) смерти распространился слух, что французский король Карл VIII собирается на него напасть» [5, с. 295].

¹⁶ Быт. 6:16: устрой в нем нижнее, второе и третье [жилье].

¹⁷ Быт. 6:17: И вот, Я наведу на землю потоп водный.

¹⁸ Участник событий, французский историк Филипп де Коммин указывает, что это выражение принадлежит папе Александру VI: «Как сказал нынешний папа Александр, французы пришли в деревянных шпорах и с фурьерским мелом в руках, чтобы без всяких затруднений пометить свои квартиры» [2, с. 295].

ции, а единственным средством спасения является покаяние [24, р. 9–10]. И поэтому, пока «потоп» не приблизился к стенам Флоренции, Савонарола призывал горожан взойти на ковчег покаяния. 16 ноября, за день до вступления Карла VIII в город, проповедник сообщает слушателям: «всякого желающего мы ввели в ковчег ... время запирать ..., ибо потоп приближается» [24, р. 78]. 23 ноября, когда продолжалось обсуждение условий соглашения между королем и республикой, монах провозглашает: «Мы запираем ковчег, ибо всякий был призван, и ни у кого не будет оправдания, что он не слышал. Господь запер снаружи этот ковчег, куда вошли добрые люди и те, кто стремится жить по Богу. И говорю вам, сотворивший добро обретет внутри утешение в этих испытаниях, а снаружи Господь будет вашей защитой. Будьте стойкими в доброй жизни... искренне покайтесь в грехах ваших с твердым намерением больше не грешить, живите по-христиански ... Но, если ты не сделаешь этого, Господь будет действовать» [24, р. 103]. Подписав 25 ноября договор, согласно которому «Флоренция вступает в дружественный союз с королем Франции и под его покровительство» [1, с. 78; 2, 290], Карл покидает город 28 ноября. В произнесенной после этого проповеди 30 ноября доминиканец обращается к пастве: «... вы знаете, что прежде чем ковчег был затворен и заперт, мы пребывали в величайшей опасности, и по благодати Божией сейчас избежали этих испытаний. Поэтому нам следует возблагодарить Господа» [24, р. 106].

Таким образом, развязанная на полуострове Карлом VIII война, в толковании доминиканского проповедника является проявлением божественного провидения, которое не исключает, а, напротив, подразумевает реализацию свободной воли человека [25, р. 38–39]. Так, в проповеди на Аггея 16 ноября 1494 г., монах, в очередной раз упомянув о том, что ранее предсказывал испытания и приход войск, обращает внимание слушателей на милосердие Господа, ибо Он через своих пророков «всегда говорит: при условии (*sub conditione*) – “Если ты сделаешь”» [24, р. 88]. Горожане вняли призыву Бога к покаянию и обращению к доброй жизни, оглашенному через Его «орудие» – Савонаролу, и, как следствие, переворот 9 ноября 1494 г., связанный с изгнанием Пьеро Медичи, произошел практически бескровно, а пребывание французских войск в городе 17 – 28 ноября обошлось без убийств и грабежей. Предсказанные монахом события свершились, что утвердило его в статусе пророка, Господь смягчил «*flagello* (наказание)»¹⁹ в ответ на действия флорентийцев, что, с одной стороны, становится подтвер-

ждением избранности города, а с другой – демонстрирует действие так называемого «условного пророчества».

В «Компендиуме откровений» Савонарола характеризует функцию пророка следующим образом. Во-первых, монах указывает на состояние современного ему общества – «умножение грехов в Италии, особенно в главах, как церковных, так и светских»; затем, на волю Господа «очистить свою Церковь через великое испытание»; после чего, – ссылаясь на пророка Амоса, утверждавшего: «*Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам*»²⁰ – на место пророков в реализации божественного замысла; и, наконец, завершает рассуждения о собственной миссии в избранном Богом городе: «Он (Бог – Е.Т.) пожелал для спасения своих избранных, чтобы они подготовились претерпеть страдания во время испытаний, прежде, чем эти испытания были предсказаны в Италии; а так как Флоренция находится в середине Италии, как сердце находится в центре тела, то (Он) соизволил избрать этот город, в котором возвещаются подобные вещи, чтобы через него они могли распространяться в другие места» [23, р. 8; 25, р. 41]. Реформа Церкви, согласно флорентийскому пророку, произойдет в любом случае, как и то, что Флоренция, обретет различного рода «милости», обещанные Господом. Это «*profezia assoluta*», или иначе – «пророчество предвидения или предопределения (*profezia di prescienza ovvero di predestinazione*)». При этом, поскольку путь к конечной цели лежит через «*tribolazioni*», и они также неизбежны, люди (в том числе жители избранного города) могут лишь смягчить их действие, ответив на оглашенную через пророка волю Бога, собственным стремлением к духовному и нравственному преображению. Откровения такого рода, фра Джироламо обозначил как «пророчество, обусловленное угрозой или обетованием (*profezia condizionata di comminazione ovvero di promissione*)» [23, р. 120]. *Profezia condizionata* связана со свойственным для пророков приемом – «*imprecatio*» [26, р. 25], предполагающим либо благословение, либо проклятие, в зависимости от того, насколько внимающие голосу Господа будут следовать его воле. Проповеди Савонаролы насыщены подобными обращениями к пастве («если ты сделаешь / не сделаешь, то ...»), и их примеры были приведены выше, в тексте данной статьи.

Таким образом, в то время как в Италии «наступил потоп и все перевернулось вверх дном (*sotto sopra*) от прихода французов» [25, р. 42, 57], Савонарола смягчает апокалиптический накал своих проповедей, представляя обрушившиеся на современников «*tribolazioni*» – испытания, как неизбежный этап перед испол-

¹⁹ *flagello* – наказание, бедствие, испытание. Еще один термин, который употребляет Савонарола для обозначения происходящих в Италии событий.

²⁰ Ам. 3:7.

нением «безусловного пророчества» – обновлением Церкви, а в отношении Флоренции – наступлением в скором времени обещанного ей Богом земного процветания и вечного спасения. Последнее позволило Д. Вайнштейну заявить, что события осени 1494 г. привели Савонаролу к флорентийскому милленаризму, и зазвучавшие в его публичных выступлениях «милленаристские видения / обещания» [32, р. 182, 207, 285] стали одним из проявлений складывавшегося на протяжении трех столетий городского «мифа об особой судьбе Флоренции», что в итоге обеспечило доминиканцу широкую поддержку городского населения [33]. Благодаря этой поддержке монах смог заняться не только духовными реформами, но и участвовать в политических преобразованиях народа, избавившегося от «вавилонского плена» – тирании Медичи, и получившего возможность восстановления «Храма» – истинно республиканской, «широкой» формы правления, итогом чего стало учреждение 22–23 декабря 1494 г. Большого совета.

В том, что касается Карла VIII, то переданная Савонаролой в «Компендиуме» беседа с ним в Пизе, куда монах прибыл в составе посольства, отправленного республикой 5 ноября 1494 г. [23, р. 16–21], подтверждает то, что до появления французских войск на полуострове флорентийский пророк предпочитал прямо не называть короля в своих предсказаниях. Как объясняет сам фра Джироламо, «на то не было воли Божией, тем не менее, она (французская корона – Е. Т.) была тем, что он (монах говорит о себе в третьем лице – Е. Т.) имел в виду и на что скрыто намекал в своей проповеди, и что в конечном счете ожидалось» [23, р. 19]. Возможно, таким образом доминиканец пытался обезопасить свой авторитет прогностика в случае срыва экспедиции. Стоит также обратить внимание на особенности именования Карла VIII монахом, позволяющие судить о той миссии, которую Господь, согласно Савонароле, поручил правителю: «христианнейший Король и великий служитель божественного правосудия»; «служитель Божий, ... слуга правосудия» [23, р. 17, 19, 118, 119]. Таким образом, «меч», «потоп», «новый Кир», «слуга божественного правосудия» – все это свидетельствует о том, что Карл, в интерпретации доминиканского проповедника, является орудием Божественного наказания, предшествующего обновлению. Если он и выступает реформатором Церкви, то только в означенном качестве. Кроме того, монах, упоминая христианизацию турок, связывал ее не с военным предпринятием Карла, а с действиями проповедников обновленной Церкви, и относил к очень отдаленной перспективе [25, р. 59].

Поощряемые французскими прогностиками амбиции короля по захвату новых земель и созданию универсальной монархии, у Савонаролы приобретают вид условного пророчества (*profe-*

zia condizionata). Упоминая в «Компендиуме» о разговоре в Пизе в ноябре 1494 г., предшествующем вступлению французов во Флоренцию, о собственном письме королю 26 мая 1495 г., а также обращении к нему во время дипломатической встречи 17 июня 1495 г. в Поджибонси, когда Карл VIII, захвативший Неаполь 22 февраля 1495 г., но после создания 31 марта 1495 г. антифранцузской Лиги (к которой Флоренция не присоединилась), опасаясь быть отрезанным от Франции, движется на север, и флорентийцы вновь опасаются его появления в городе, фра Джироламо повторяет одну и ту же формулу обращения к монарху – «если ..., то...». Если Карл будет следовать воле Господа, озвученной его пророком, то его ждет успех: «Бог расширит твое преходящее царство и даст тебе победу в любом месте, а в конце концов наделит тебя царством вечным»; «если он смирится и признает свою избранность, то не будет подавлен испытаниями; напротив, после того как будет унижен и очищен, восстанет победителем, и когда людям покажется, что он полностью уничтожен, тогда вновь восстанет с победой и ... обретет великое царство». Соответственно, «в противном случае, действуя и следуя путем, негодным Богу, он может быть отвергнут Им, как был отвергнут Саул, первый царь Израиля, и другой может быть избран Господом на это служение вместо него, как Давид был избран вместо Саула». При этом, монах постоянно предостерегает короля от действий, направленных против «города, избранного Богом в качестве основы обновления Италии и Церкви» [23, р. 20, 119–120]. Таким образом абсолютное пророчество о судьбе Флоренции переплетается с условным, касающимся Карла VIII, где союз короля с республикой определен Божественной волей, и, в итоге, при его поддержании, приведет к расширению политической власти и влияния обеих сторон. Об этом недвусмысленно заявляет монах, описывая 1 апреля 1495 г. свое видение о путешествии в Рай и беседу с Девой Марией, которой он заявляет: «... мне кажется очень уместным, чтобы маленькие лилии соединились с большими, которые начали разрастаться в последнее время» [23, р. 113]²¹. Необходимость означенного союза с Францией Савонарола будет поддерживать и тогда, когда после битвы у Форново 6 июля 1495 г. основные силы Карла оставят Италию, проповедуя новое появление этого короля на полуострове, которое так и не произойдет.

Результаты. Таким образом, можно прийти к следующему заключению. Со времени обращения к профетическому способу проповедования (1485 – 1486, Сан Джиминьяно) до начала

²¹ Цветок присутствует на гербе Флоренции (очевидно, в тексте Савонаролы – это «маленькие лилии») и французских королей («большие лилии»).

Итальянских войн, Савонарола, в духе большинства современных ему проповедников, вещает скорое обновление Церкви через различные бедствия. Апокалиптические предсказания воплощаются в образах меча, нового Кира, потопа. При этом, проповедник прямо не указывает на короля Франции, – прихода которого на полуостров ожидали с 1492 г., – либо полагаясь на проницательность современников, либо опасаясь за свой авторитет прогностика в случае срыва предприятия. События, связанные с появлением французской армии, удостоверяют откровения доминиканца и окончательно утверждают его в статусе пророка. Во время Неаполитанской экспедиции Карла VIII Савонарола колеблется между апокалиптическим посланием, или скорее – предсказаниями в духе ветхо-

заветных пророков, сопровождающих призыв к исправлению угрозой божественного наказания, и миллениаристским видением будущего, относящимся прежде всего к избранному Господом городу – Флоренции, а также, в целом, к преобразованной Церкви. Предсказание позитивного исхода военных действий, переживаемых очевидцами как катастрофа, облачается в форму «абсолютного пророчества», но вместе с тем проповедник практикует «*profezia condizionata*», подразумевающее проявление в период «испытаний», ниспосланных Господом (где Карл VIII выступает в качестве Его орудия), свободной воли каждого христианина, направленной на покаяние и исправление, и, как следствие, на преобразование общего тела Церкви.

Литература

1. Гвиччардини Ф. История Италии. В 2 т. Т. 1. / Пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 744 с.
2. Коммин, Филипп де. Мемуары / Пер., ст. и примеч. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 495, [1] с.
3. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / Пер. с фр. А.И. Поповой. СПб.: «Александрия», 2008. 398 с.
4. Макьявелли Н. Государь / Пер. Г.Д. Муравьевой // Макьявелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Изд-во АСТ», 2004. С. 58–135.
5. Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. М.А. Юсима // Макьявелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 136–468.
6. Beaune C. Visionnaire ou politique? Jean Michel, serviteur de Charles VIII // *Journal des savants*. 1987. № 1–2. P. 65–78.
7. Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoruin S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrara, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 1–28.
8. Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa, 1452–1494. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. CXCIII, 366 pp.
9. Delaborde H.F. L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire. Paris: Firmin-Didot, 1888. VIII, 699 pp.
10. Fubini R. Profezia e riforma nel pensiero di Girolamo Savonarola // *Studi slavistici*. VII. 2010. P. 299–311.
11. Fubini R. Savonarola riformatore. Radicalismo religioso e politico all'avvento delle guerre d'Italia // *Archivio Storico Italiano*. Firenze: Leo S. Olschki, 2009. Vol. 167. № 3 (621). P. 489–520.
12. Garfagnini G.C. Il messaggio profetico di Savonarola e la sua recezione Domenico Benivieni e Gianfrancesco Pico // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 197–211.
13. Garfagnini G.C. La luce dell'anima. Savonarola e la profezia // *I castelli di Yale. Quaderni di filosofia*. 2006. Vol. VIII. P. 45–59.
14. Giordano S. Francesco di Paola, santo // *Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1997. Vol. 49: Forino-Francesco da Serino. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-di-paola-santo_%28Dizionario-Biografico%29/ (accessed: 01.03.2018).
15. La Prophétie du roy Charles VIII, par Maître Guilloche Bourdelois. Publiée pour la première fois, d'après le ms. unique de la Bibliothèque impériale, par le Marquis de La Grange. Paris: Académie des bibliophiles, 1869. LIV, 82 p.
16. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 pp.
17. Leonardi C. Jérôme Savonarole et le statut de la prophétie dans l'Église // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Age*. 1990. T. 102. № 2. P. 589–596.
18. Leonardi C. La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola // *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997)* / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. P. 3–23.
19. Pezzella S. La vita religiosa nel Quattrocento. Messina, Firenze: D'Anna, 1976. 203 p.
20. Polizzotto L. Savonarola e la riorganizzazione della società // *Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996)* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 149–162.
21. Prodi P. Profezia vs utopia. Bologna, 2013. 251 p. URL: file:///C:/Users/telme/Downloads/_OceanofPDF.com_Profezia_vs_utopia_Italian_Edition_.pdf (accessed: 24.02.2025).
22. Reeves M. The influence of prophecy in the later Middle Ages: a study in joachimism. Oxford: Clarendon press, 1969. XIV, 574 pp.
23. Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. 476 p.

24. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
25. Savonarola G. Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1969. Vol. 1. 305 p.
26. Turchetti M. Savonarola: la tirannide secondo un profeta // Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. P. 17–41.
27. Vasoli C. A proposito delle tradizioni profetiche e millenaristiche nella storia religiosa italiana tra la fine del Quattrocento e gli inizi del Cinquecento // Vasoli C. Civitas mundi: studi sulla cultura del Cinquecento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1996. 17–42.
28. Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano, Varsavia: 25-27 settembre 1972. Wrocław, Warszawa etc., 1974. P. 16–29.
29. Venturelli P. Girolamo Savonarola e la sua predicazione «repubblicana». Appunti e considerazioni // Bibliomanie. Letterature, storiografie, semiotiche. 2009. 17. № 3 (aprile/giugno). URL: <https://www.bibliomanie.it/?p=7724> (accessed: 24.02.2025).
30. Verde A. «Et andando a San Gimignano a predicarvi». La predicazione del Savonarola a San Gimignano // Girolamo Savonarola a San Gimignano / a cura di Sergio Gensini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2003. P. 23–57.
31. Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. VIII, 399 pp.
32. Weinstein D. Savonarola: The Rise and Fall of a Renaissance Prophet. New Haven & London: Yale University Press, 2011. XII, 379 pp.
33. Weinstein D. The Myth of Florence // Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence / ed. by N. Rubinstein. London, 1968. P. 15–44.

References

1. Guicciardini F. History of Italy. In 2 vols. Vol. 1. / translated from Italian and prepared for publication by M.A. Yusim. Moscow: Kanon+ ROOI «Rehabilitation», 2019. 744 p. (In Russ.).
2. Commynes, Philippe de. Memoirs / trans., art. and notes. Yu. P. Malinin. Moscow: Nauka, 1986. 495, [1] p. (In Russ.).
3. Le Goff J. The Birth of Europe / translated from French by A.I. Popova. St. Petersburg: «Alexandria», 2008. 398 p. (In Russ.).
4. Machiavelli N. The Sovereign / translated by G.D. Muravyova in Machiavelli N. Historical and political works. Fiction. Letters. Moscow: NF «Pushkin Library», OOO «Izdatelstvo AST», 2004. P. 58–135. (In Russ.).
5. Machiavelli N. Discourses on the First Decade of Titus Livius / translated by M.A. Yusim in Machiavelli N. Historical and political works. Fiction. Letters. Moscow: NF «Pushkin Library», OOO «Izdatelstvo AST», 2004. P. 136–468. (In Russ.).
6. Beaune C. Visionnaire ou politique? Jean Michel, serviteur de Charles VIII in *Journal des savants*. 1987. № 1–2. P. 65–78.
7. Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatorum S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrara, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) in P. Villari, E. Casanova (Eds.), Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita. Firenze: Sansoni, 1898. P. 1–28.
8. Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa, 1452–1494. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. CXCIII, 366 pp.
9. Delaborde H.F. L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire. Paris: Firmin-Didot, 1888. VIII, 699 pp.
10. Fubini R. Profezia e riforma nel pensiero di Girolamo Savonarola in *Studi slavistici*. VII. 2010. P. 299–311.
11. Fubini R. Savonarola riformatore. Radicalismo religioso e politico all'avvento delle guerre d'Italia in *Archivio Storico Italiano*. Firenze: Leo S. Olschki, 2009. Vol. 167. № 3 (621). P. 489–520.
12. Garfagnini G.C. Il messaggio profetico di Savonarola e la sua recezione Domenico Benivieni e Gianfrancesco Pico in *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario* a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 197–211.
13. Garfagnini G.C. La luce dell'anima. Savonarola e la profezia in *I castelli di Yale. Quaderni di filosofia*. 2006. Vol. VIII. P. 45–59.
14. Giordano S. Francesco di Paola, santo in *Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1997. Vol. 49: Forino-Francesco da Serino. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-di-paola-santo_%28Dizionario-Biografico%29/ (accessed: 01.03.2018).
15. La Prophétie du roy Charles VIII, par Maître Guilloche Bourdelois. Publiée pour la première fois, d'après le ms. unique de la Bibliothèque impériale, par le Marquis de La Grange. Paris: Académie des bibliophiles, 1869. LIV, 82 p.
16. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 pp.
17. Leonardi C. Jérôme Savonarole et le statut de la prophétie dans l'Église in *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Age*. 1990. T. 102. № 2. P. 589–596.
18. Leonardi C. La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola in *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna*. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997), a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. P. 3–23.
19. Pezzella S. La vita religiosa nel Quattrocento. Messina, Firenze: D'Anna, 1976. 203 p.
20. Polizzotto L. Savonarola e la riorganizzazione della società in Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996), a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 149–162.
21. Prodi P. Profezia vs utopia. Bologna, 2013. 251 p. URL: file:///C:/Users/telme/Downloads/_OceanofPDF.com_Profezia_vs_utopia_Italian_Edition_.pdf (accessed: 24.02.2025).
22. Reeves M. The influence of prophecy in the later Middle Ages: a study in joachimism. Oxford: Clarendon press, 1969. XIV, 574 pp.

23. Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica, a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. 476 p.
24. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze, a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
25. Savonarola G. Prediche sopra i salmi, a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1969. Vol. 1. 305 p.
26. Turchetti M. Savonarola: la tirannide secondo un profeta in Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997), a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. P. 17–41.
27. Vasoli C. A proposito delle tradizioni profetiche e millenaristiche nella storia religiosa italiana tra la fine del Quattrocento e gli inizi del Cinquecento in Idem. Civitas mundi: studi sulla cultura del Cinquecento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1996. 17–42.
28. Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina in Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano, Varsavia: 25-27 settembre 1972. Wrocław, Warszawa etc., 1974. P. 16–29.
29. Venturelli P. Girolamo Savonarola e la sua predicazione «repubblicana». Appunti e considerazioni in *Bibliomanie. Letterature, storiografie, semiotiche*. 2009. 17. № 3 (aprile/giugno). URL: <https://www.bibliomanie.it/?p=7724> (accessed: 24.02.2025).
30. Verde A. «Et andando a San Gimignano a predicarvi». La predicazione del Savonarola a San Gimignano in Girolamo Savonarola a San Gimignano, a cura di Sergio Gensini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2003. P. 23–57.
31. Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. VIII, 399 pp.
32. Weinstein D. Savonarola: The Rise and Fall of a Renaissance Prophet. New Haven & London: Yale University Press, 2011. XII, 379 pp.
33. Weinstein D. The Myth of Florence in Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence, ed. by N. Rubinstein. London, 1968. P. 15–44.

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.15>

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЮЖНОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД)

Виктория Максимовна Труфанова

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Ассистент

vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

Аннотация. Введение. В настоящей статье показана роль региональных отделов милиции в процессе формирования новой советской повседневности (г. Кисловодск, г. Железноводск, г. Пятигорск, г. Ессентуки) в начале 1920-х гг. Цель исследования – встроить процесс формирования советской правоохранительной системы в трансформацию городской повседневности. **Материалы и методы.** В исследовании использован историко-генетический метод и проведен историко-правовой анализ. Кроме того, сама исследовательская задача сформулирована и разрешена в парадигме новой локальной истории. Главным источником стали делопроизводственные документы, собранные в Государственном архиве Ставропольского края. **Анализ.** Организованная советская милиция должна была решать, как задачи охраны порядка, так и воспитания и санации советского общества. Обращение к опыту городов КМВ позволило выявить и изучить особенности повседневности как самой советской милиции, так и городов, в социокультурное пространство которых милиция была интегрирована. Большой проблемой стала демобилизация красноармейцев, многие из которых не могли найти себя и выбирали путь криминала. Сама повседневность, в том числе трудовая, милиционеров отмечена тяготами послереволюционного и послевоенного времени. Отсюда попытка поиска побочного заработка, низкий профессиональный уровень, непонимание своего функционала, халатность и даже произвол. **Результаты.** Сделаны выводы о том, что милиция и её будни были частью городской повседневности, о том, как в уголовной практике отражались новые и ста-

рые явления повседневной жизни горожан. Первоначальная деятельность правоохранительных органов в была направлена не только на поддержание правопорядка, но и на создание новых норм поведения, отражающих идеологию государства. Однако реальная практика часто отличалась от официальных установок: несмотря на провозглашённый «нейтрализм», в регионах основное внимание уделялось решению конкретных проблем, вызванных хаосом и кризисом.

Ключевые слова: народная милиция, малый город, Кавказские минеральные воды, городская повседневность, новая локальная история, преступность, социальная реальность.

Для цитирования: Труфанова В. М. Формирование советской милиции в контексте повседневности южной провинции (на материалах Кавказских Минеральных Вод) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 682–689. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е - 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

THE FORMATION OF THE SOVIET MILITIA IN THE CONTEXT OF DAILY LIFE OF THE SOUTHERN PROVINCE (BASED ON THE MATERIALS OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS)

Victoria M. Trufanova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

Assistant

vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

Abstract. Introduction. The article shows the role of regional police departments in the formation of a new Soviet daily routine (Kislovodsk, Zheleznovodsk, Pyatigorsk and Yessentuki) in the early 1920s. The purpose of the study is to integrate the process of formation of the Soviet law enforcement system into the transformation of urban everyday life. **Materials and Methods.** The historical and genetic method was used in the study and a historical and legal analysis was carried out. In addition, the research task itself is formulated and solved in the paradigm of new local history. The main source was office documents collected in the State Archive of the Stavropol Krai. **Analysis.** The organized Soviet militia had to solve both the tasks of maintaining order and educating and rehabilitating Soviet society. Referring to the experience of the cities of the CMS made it possible to identify and study the peculiarities of the daily life of both the Soviet militia itself and the cities into whose socio-

cultural space the militia was integrated. The demobilization of the Red Army soldiers became a big problem, many of whom could not find themselves and chose the path of crime. The daily routine, including labor of police officers, is marked by the hardships of the post-revolutionary and post-war period. Hence the attempt to find side earnings, low professional level, lack of understanding of their functionality, negligence and even arbitrariness. **Results.** The conclusions are drawn that the police and their everyday life were part of urban daily life, and how new and old phenomena of everyday life of citizens were reflected in criminal practice.

Keywords: people's militia, small town, Caucasian Mineral Waters, urban daily life, new local history, crime, social reality

For citation: Trufanova VM. The formation of the Soviet militia in the context of daily life of the Southern province (based on the materials of the Caucasian Mineral Waters). Humanities

© Труфанова В. М., 2025

and law research. 2025;12(4):682-689. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 «Urban everyday life of the southern province. The

evolution of mass consciousness and everyday practices of the citizens of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920s - 1930s.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Стремительность прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. определила форсированный темп их дальнейшей политики преобразований. Советская власть сделала ставку на вытеснение всех признаков старого строя и формирование нового общества, в том числе через перестройку повседневной жизни и конструирование нового массового сознания. Историческая ситуация способствовала реализации подобных намерений большевиками, т.к. помимо доктринальных целей нужно было предлагать свой проект радикальных перемен для удержания власти и формирования новой системы контроля. На пути создания такой системы стояли консерватизм массового сознания в отношении традиций и повседневных практик, а также многократное усиление социальных девиаций дореволюционного периода: криминал, проституция, пьянство, наркомания. В этом случае архаизация социума позволила насилью стать распространённым средством воздействия как со стороны властей, так и со стороны широких масс [21, с.46].

Как менялось советское общество, какие социальные проекты осуществлялись и как власть взаимодействовала с обществом в новых условиях написано огромное количество научных трудов. В отечественной историографии советского периода феномен революции 1917 г. и её последствий трактовался историками как качественный экономический и политический переворот, в основе которого была главная предпосылка – смена власти на большевистскую. Повседневные практики советского общества, как правило, изучались фрагментарно. В зарубежной советологии интерес к российской действительности и социальным структурам был активным, на СССР смотрели как на большой социальный эксперимент. Р. Пайпс и Ш. Фицпатрик [16; 22] в своих работах смогли показать «советский эксперимент» не только как экономический проект, но и как результат глубокого социального и культурного перелома, охватившего все слои общества и спровоцировавшего значительные изменения. Р. Пайпс писал и о социальной, и о культурной революции, которые для большевиков были неразделимы в теории, поэтому новая власть хотела воплотить все на практике [16, с.198]. Ш. Фицпатрик обратилась к повседневной жизни простых людей в 1930-е гг. Её исследование представляет интерес ещё и в связи с методологическими проблемами. Историк применительно к советскому материалу стала задаваться вопросом как писать историю

повседневности. Вместо поисков признаков сопротивления тоталитарному режиму она решила сосредоточиться на обиходной практике и стратегиях выживания в специфических социально-политических условиях [22, с.7].

Моментом перехода от экономического и политического детерминизма к интегральному подходу в России стали 1990-е г., когда вышли в свет работы В. П. Булдакова [1; 2], О. В. Хлевнюка [23], Ю. Н. Афанасьева [20] и ряда других историков, кто начал процесс переоценки роли социальных и культурных факторов в революции и открыл тем самым новые для последующих исследователей возможности оценки событий 1917 г. и их последствий. Сейчас повседневность советского общества является предметом активного научного освоения. Но такие направления как новая локальная история и новая история повседневности актуализируют тему в разных контекстах. В частности, неисчерпанной является тема повседневных практик жителей Кавказских Минеральных вод.

Новая советская реальность конструировалась через новые советские институты и системы, в том числе правопорядка. Криминогенность и формирование новой правоохранительной системы, которая эту криминогенность пыталась преодолеть, стала фоном, на котором осуществлялись повседневные практики раннего советского общества. Однако следует подчеркнуть, что и до революции 1917 г., и после нее, наблюдается корреляция между революционной нестабильностью и усугублением криминогенной обстановки. Согласно статистическим данным, приведённым в исследовании российского историка и правоведа В. Н. Колемасова, прослеживается связь между общественными потрясениями (включая революцию 1905 г., поражение в войне с Японией, начало Первой мировой войны и общую «революционную ситуацию») с увеличением уровня преступности и числа заключённых. По данным за период с 1907 по 1912 гг. ежегодно было осуждено 176 тысяч человек [14, с.85], что на 46% превышает показатели предшествующего периода с 1886 г. по 1906 г. Также отмечается, что уровень регистрируемых преступлений с 1906 г. по 1913 г. составлял более 270 ежегодно [17, с.56], что на 17% превышало данные за период с 1899 г. по 1905 г. Ещё больше ситуация осложнится после революционных потрясений в 1917 г. На фоне этих событий значительно усиливается люмпенизация населения, открывшая возможность для насилия и безнаказанности под прикрытием

революционных лозунгов [14, с.86]. Поэтому неудивительно, что криминаленность стала неотъемлемой частью повседневной жизни в первое советское десятилетие.

Пересечение вопросов истории становления советской правовой системы и истории повседневности не случайно. Большую роль в этой системе играла советская милиция. На её примере можно проследить, как менялась повседневность самих правоохранителей. В то же время милиция была встроена в городскую повседневность, частью которой в 1920-е гг. как эхо войн и революции, были разного рода социальные девиации. Целью исследования является изучение истории советской милиции в городах КМВ в связи с опытом преодоления постреволюционной и поствоенной разрухи на уровне повседневных практики как самих сотрудников, так и горожан.

Материалы и методы. Изучение предложенной в заголовке проблемы предполагает привлечение методов традиционного исторического исследования. В частности, историко-генетический метод позволяет изучить историю возникновения и развития милиции на территории Терека и КМВ в первые годы советской власти. Историко-правовой анализ был необходим для того, чтобы показать особенности становления института милиции и тех задач, которые определялись властью. Подход новой истории повседневности позволил советскую милицию поместить в контекст городской повседневности Кавказских Минеральных вод и выявить то, как провинциальная повседневность влияла на состояние самой милиции, и с какими новыми реалиями столкнулись первые советские блюстители порядка. Подходы новой локальной истории обусловили ограничение территориальных границ КМВ, но при этом сохранили связи с контекстом общероссийской истории.

Историческая реконструкция проведена как на опубликованных законодательных и делопроизводственных материалах, так и с привлечением массива исторических документов из фондов Государственного архива Ставропольского края.

Анализ. Становление милиции началось ещё до октября 1917 г. После февраля 1917 г. полицию упразднило Временное правительство, как олицетворение старого режима и данный жест имел не только практическое, но и символическое значение [13, с.263]. После ликвидации корпуса жандармов и упразднения департамента полиции, была сформирована земская и городская милиция. Большевики же в первый период под пролетарской милицией понимали вооружение народа. 28 октября 1917 г. (по старому стилю) было принято постановление Наркомата внутренних дел (далее – НКВД РСФСР) «О рабочей милиции». Принципы были определены, но с формами организации были

сложности в силу их нечеткой регламентации. Единственным отличием народной милиции от реорганизованной полиции официально стал её классовый характер: будучи инструментом рабоче-крестьянской власти, данный институт был призван охранять достижения революции, пресечь контрреволюцию и вместе с тем обеспечивать общественный порядок и безопасность в столице и регионах [8]. Уже в августе 1918 г. Главное управление милиции РСФСР (далее – Главмилиция) опубликовало директиву «О нейтрализме милиционеров», которое встраивало правоохранительную деятельность в новую идеологическую систему координат. В директиве шла речь о том, что сотрудники милиции не могут быть нейтральными, их первоочередная задача «охрана прав рабочего класса и беднейшего крестьянства» [16, с.86]. Несогласие милиционера с этим принципом могло привести к его отстранению от службы. В теории это означало расстановку приоритетов при охране правопорядка, реальность же диктовала иное. И в том числе через изучение повседневных практик можно увидеть, насколько сложно было выполнение этой директивы. К лету 1918 г. оказалось, что добровольность службы, заложенная при организации милиции, и отсутствие специалистов вредит делу.

При Совнарком РСФСР созрело понимание необходимости профессиональной милиции. Когда была разослана Инструкция об организации советской рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ), Ставрополье и Терек были охвачены Гражданской войной. Поэтому организация милиции здесь началась только после установления советской власти в марте 1920 г. [11]. Параллельно с установлением советской власти на Тереке формировалась правоохранительная система. 26 марта 1920 г. была организована Терская окружная милиция, во главе с начальником Добряком и его помощником Бутенко. Существовали документы и инструкции, спущенные сверху, по подбору милицейских кадров и организации работы, но на местах отклонения от общих установок диктовались постреволюционной и поствоенной разрухой [11].

Распоряжения Главмилиции и НКВД распространялись на все уровни милиции и относились ко всем регионам страны равнозначно. Однако основные обязанности сотрудников милиции зачастую варьировались применительно к условиям региона, тем самым теснее взаимодействуя и адаптируясь к жизни провинциальных городов. Подобная ситуация была отчасти стихийной, а отчасти стала возможной благодаря декретам советской власти, в соответствии с которыми, помимо борьбы с преступностью и предотвращением контрреволюции, что в понимании большевиков считалось тождественными понятиями, в юрисдикцию милиции входило бюрократическое сопровождение рабочего процес-

са, борьба с «уголовными элементами», поддержание санитарного порядка и исполнение предписаний местных властей [9]. Здесь мы видим слабую регламентированность и возможность для широкой трактовки собственных полномочий, что существенно влияло и на городскую повседневность.

Размытость функционала прослеживается при анализе архивных материалов, отражающих повседневность курортных городов Кавказских Минеральных Вод: Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Железноводска. Острая нехватка подготовленных кадров на местах и общая дезорганизация жизни провинциальных городов ставили перед местными исполкомами проблему организации работы милиции. Время от времени, эта задача становилась основанием для расширения должностных обязанностей уездной и городской милиции, на плечи которой возлагался контроль за внешним видом улиц и дворов, тишиной и спокойствием [6, л.88], клеймением убойного скота на скотобойнях, пропиской и выпиской жильцов, обязательным принятием торговцами и прочими лицами мелких денежных знаков [4, л.130], выдачей удостоверений на продажу-покупку разного рода животных [6, л.35 об], держанием на привязи собак и т.п. [5, л.146]. Одновременно милиция должна была заниматься контролем и учетом лиц, утративших документы (в т.ч. виды на жительство, паспорта, трудовые книжки, мандаты, пропуска и прочие документы, удовлетворяющие какие-нибудь служебные права) [7, л.185] и регистрацией орденов на обыск, выдаваемых управлением уголовного розыска [6, л.280б]. Передавали в ведение милиции и те обязанности, для исполнения которых в отделах местной власти не удавалось найти ответственных лиц. Как в случае с уборкой трупов, которая должна была находиться в юрисдикции санитарного надзора [7, л.286]. Соответственно мы видим, как первоначально заявленные в центральных документах цели организации и существования милиции корректировались именно на уровне поствоенной и постреволюционной повседневности, которая определяла вовлечение сотрудников правоохранительной системы в решения тех задач, которые по сути не входили в круг их должностных обязанностей.

Одной из новых социальных групп раннесоветского общества были красноармейцы, и зачастую именно они были фактором повышения криминогенной обстановки. В соответствии с приказом №279 утвержденного Советом Труда и Обороны от 17 августа 1921 г., в полномочия РКМ входило оказание содействия в проведении призыва военнообязанных граждан в Красную Армию, что проявлялось в дежурствах на сборных пунктах, оповещении населения о призыве [7, л.155 об] и помощь в принудительном направлении на сборные пункты граждан, укло-

няющихся от призыва [7, л.153]. Это очень тесно связывает регион с общегосударственной проблемой контроля за демобилизованными красноармейцами и дезертирами в 1920-х гг. [21, с.46], что тоже становилось заботой местной милиции. В 1922 г. сотрудник Тергуброзыска Степан Животков раскрыл «вооруженную банду красноармейцев караульной команды», совершивших попытку ограбления склада заготовительной конторы [7, л.24].

Налицо была усталость населения от военных тягот и тяжёлых условий службы, порождавшие нежелание участвовать в боевых действиях [15, с.73]. Большая часть населения регионов страны была вынуждена кормить себя и свои семьи самостоятельно, занимаясь поддержанием своих хозяйств или сезонными работами по найму. Прибывшие с войны красноармейцы включались в новую советскую повседневность и пытались к ней адаптироваться. Оказавшиеся в отпусках или служебных командировках, они искали любые способы получить отсрочку от службы. Кто-то уходил в открытый бандитизм [7, л.24], кто-то же получал поддержку от организаций и предприятий через «незаконное устройство по найму» [7, л.112] в регионе, не соответствующем основному месту проживания, что послужило большому притоку рабочих рук на территорию городов Кавказских Минеральных Вод в 1920-х гг. Всё это требовало ответных действий со стороны уездной и городской милиции, которым необходимо было способствовать поиску дезертиров и незарегистрированных красноармейцев, прибывающих на территорию Терской губернии в соответствии с распоряжением Терской губернской милиции от 1922 г.: «... всех военнослужащих и красноармейцев, отправляемых на предмет демобилизации, отправки по наряду для взятия на учёт, как отпускных по болезни краткосрочных и бессрочно-отпускных, а также дезертиров или подозреваемых в дезертирстве, непосредственно направляйте в Пятигорский Уездвоенкомат в г. Ессентуки» [7, л.36].

После окончательного установления советской власти на КМВ вплоть до середины 1920-х гг. проблема бандитизма стояла настолько остро, что в документах о ней пишут, как о деле обыденном. Милиция в то время была настолько маломощной, что в помощь ей использовали военных и коммунистов. В июне 1920 г. рядом с Пятигорском (колония Николаевская)²², где «постоянно происходили грабежи» были задержаны двое вооруженных людей, один был сотрудником чрезвычайной следственной комиссии 10 армии [10, с.549]. Доказанность преступления нам неизвестна, но данный случай показателен типичностью ситуации. Задержанные были взяты под стражу, а изъятое оружие ревком попросил оставить себе [10, с.549].

²² Ныне это поселок городского типа Иноземцево.

Повседневность самих сотрудников милиции представляет собой особый исследовательский интерес. Первые советские милиционеры, особенно в провинции бедствовали. Поэтому, когда, за хорошую и качественную службу особенно отличившиеся сотрудники по праздникам удостоивались таких подарков как табак с коробкой спичек, книжка с папиросной бумагой, портсигар, часы и револьвер «Браунинг», это считалось хорошим поощрением [6, л.1]. В некоторых случаях, работники милиции «за честное и сознательное отношение к своим обязанностям и добросовестное исполнение возлагаемых на них поручений» [7, л.157] могли получать денежные поощрения. Сотрудникам милиции предоставлялись бесплатные места на разных концертах, спектаклях, вечерах [6, л.67, 69]. Система поощрений, судя по архивным источникам, не предполагала соразмерности. Так, ранее упомянутому Степану Житкову, который раскрыл банду красноармейцев, просто объявили благодарность.

Нужда и необходимость физического выживания заставляла сотрудников милиции искать источники дополнительного заработка. Очевидно, что подобная ситуация не совпадала с самой идеей милицейской службы, о чем сообщала Главмилиция в соответствии с приказом от 21 марта 1922 г. № 120 «О недопустимости совместительства в угрозыске»: «Работа в уголовном розыске, как особо специальная, требует от лиц посвятивших себя ей, напряжения в полном объеме их сил, которые не должны отвлекаться и расходоваться на побочные занятия и помимо того совместительство может вовлечь сотрудника уголовного розыска в положение опасной борьбы между сознанием долга лица признанного осуществлять задачи уголовного розыска и чувством подчиненности и зависимости по другой службе, что также не должно быть терпимо ни при каких условиях» [7, л.177]. Реакция руководства и издание приказа симптоматично и наводит на мысль о том, что случаи «совместительства» становились явлением массовым и сильно заметным.

Трудовая повседневность правоохранителей оказалась под влиянием острого дефицита кадров [7, л.362]. Делопроизводство практически не велось и нормальным явлением были просрочки или даже полный отказ от предоставления сведений из уездных подразделений в вышестоящие структуры [7, л.32 – 32 об]. Другим маркирующим трудовую повседневность стала халатность. Например, несмотря на дефицит боеприпасов часто случалась прецеденты беспричинной стрельбы, особенно во время несения караула. Такая стрельба ночью без видимых оснований нарушала общественный порядок, спокойствие граждан и шла вразрез с правилами расходования служебного оружия и боеприпасов [6, л.54 об]. В соответствии с при-

казом от 9 марта 1922 г. «О проверке несения службы милицией органами ВЧК» в ночь с 20-го по 21-е октября 1921 г. ВЧК проводили массовые проверки караульной службы милиции в 59 губернских и областных городах, в ходе которых выявили множество нарушений вроде дисциплины сотрудников милиции, «недостаточного знания ими своих обязанностей, а иногда простое невнимание к службе» [7, л.155 б].

По мере постепенного возвращения жизни в мирное русло менялось массовое сознание и в нем возникали новые стереотипы, в том числе о советском блюстителе порядка. По архивным источникам можно свидетельствовать, что наблюдалось повышение внимания к рабочим качествам милиционеров, их компетентности и профессиональной и социальной репутации. Так, в приказе от 9 марта 1922 г. «О проверке несения службы милицией органами ВЧК» говорится: «... в милиции ещё не изжиты прежние недостатки, а это в свою очередь свидетельствует о том, что начальствующие лица проводят в жизнь все мероприятия по поднятию службы и дисциплины среди милиционеров не с должной энергией и твёрдостью, а посему в целях скорейшего упорядочения дела несения службы милиционеров Комсоставу необходимо подтянуться и точным и безукоризненным исполнением своих обязанностей быть должным примером для подчинённых им милиционеров, а милиционерам надлежит помнить, что добросовестное отношение к службе – это их долг и что тяжело материальное положение явление временное, находящееся в связи с общим положением РСФСР, которое будет побеждено, если все как один будут сознательно выполнять возложенные РСФСР обязанности» [7, л.155б об]. Отсюда следует, что наряду с отсутствующим «заразительным примером» руководящего состава существовала не менее значимая проблема – некомпетентность сотрудников милиции. В описанной выше ситуации с задержанием в районе Николаевской колонии примечателен ещё один момент. На место задержания подосредуемых в грабежах прибыл ещё начальник окружной милиции и его помощник товарищ Баша. По свидетельству членов ревкома Баша имеет сомнительное прошлое для такой должности: «... в 1918 г. служил в нестроевой роте в сапожной мастерской при имении Тица городе Пятигорск и вел себя крайне подозрительно к советской власти, пьянствовал, дебоширил... постоянно ругал советскую власть» [10, с.549].

О низком профессиональном уровне первых сотрудников милиции мы узнаем снова из архивных источников. Например, по приказу Пятигорского Уездного Отдела Управления (г. Ессентуки) от 20 апреля 1922 г. усиливалась работа специальных комиссий по очищению состава милиции от нежелательных элементов [7, л.121], включая дезертиров, «кулаков» и лиц,

совершивших преступления либо злоупотреблявших служебными полномочиями. Выгонять всех не получалось, так как работать было бы не с кем. Случай с «товарищем Башой», который занимал приличную в системе должность тому доказательство. Здесь мы видим, как работали идеологические задачи, то есть формирование штата из рабоче-крестьянской среды. Однако установка не спасала от проникновения и маргинализированных элементов.

Повышение профессионального уровня и некая санация рядов тоже были насущной проблемой. Причин бороться за профессиональные качества было множество. Выше мы писали о нецелевом расходовании боеприпасов. Случалась путаница в функционале, что было связано не только с его размытостью, но и неправильной трактовкой самими сотрудниками. Кроме того, долго не преодолевалась хаотизация постреволюционного и поствоенного времени, первые советские учреждения долго налаживали работу. Например, некоторые отделения милиции выдавали горожанам удостоверения о владении лошадьми, а потом оказывалось, что это не входит в полномочия уездной милиции, т.к. «у каждого гражданина, владеющего лошадью, должна быть карточка, выданная военным комиссариатом или военным отделом на местах» [6, л.9]. Стали нередкими случаи неправомерного изъятия лошадей у крестьян, не обладающих необходимыми удостоверениями на право владения животными. Лишение тяглой силы для крестьян означало громадный ущерб для хозяйства [6, л.41 об]. И здесь трудно сказать о причинах, то ли произвол, то ли непрофессионализм лежали в основе такого рода изъятий.

Уголовная практика протекала в новых социальных, экономических, политических условиях и в условиях новой советской повседневности. Если говорить о КМВ, то после установления советской власти здесь началось активное курортное строительство, создание «фабрики здоровья для трудящихся». Курорты стали определять особый тип городской повседневности, соответственно полем деятельности советской милиции стали и санатории. Возьмем дело А. А. Багдасарова, главного врача группы санаториев (№22-28) г. Железноводск, датируемое 1926 г. Изначально против него было выдвинуто обвинение в укрывательстве продуктов питания, преимущественно хлеба, в условиях жёсткого дефицита продовольствия [5, л.19, 19 об]. Однако дальнейший ход дела показывает неожиданный разворот и оказывается, факт хищения уже не так важен. Вместо первоначальных претензий последовало утверждение о морально-нравственном падении А. А. Багдасарова, выраженном в «не партийном отношении к товарищам» [5, л.15] в виде вспышек агрессии и кидания хлебом в подчинённых [5, л.16 - 18 об]. На завершающем этапе был проведен допрос

подозреваемого и выдвинуто обвинение в «некоммунистическом и не тактном поведении», хотя налицо была девиация возможно психической природы. В укор главврачу был выставлен отказ признать вину и грубость высказываний, вроде: «зелёная лошадь, разварная осетрина» [5, л.15]. Мы видим низкий уровень процедуры следствия, которая накладывалась на особый политический контекст, отсюда и клише о некоммунистическом поведении. В то же время интересен и эпизод повседневной жизни первых советских курортов, когда хищение продуктов и продовольственный дефицит – это та реальность, с которой имели дело санатории КМВ. Однако приметой времени стало то, что поведение А. А. Багдасарова обращало на себя больше внимания правоохранителей, нежели факты хищения.

Среди правонарушений, квалифицированных как «некоммунистическое поведение», особое внимание привлекает инцидент, произошедший в 1926 г. в городе Пятигорске с семьёй Устенко. Согласно имевшейся информации, один из братьев, прибывший из Ростова-на-Дону к своим родственникам для проведения церковной церемонии венчания и последующей домашней свадьбы, стал объектом общественного осуждения. Причин подобного обращения оказалось несколько: первым поводом недовольства заявителя послужил факт появления братьев на улицах города в состоянии алкогольного опьянения и сопровождаемое «пляской» [5, л.29]. Второе объяснение объяснялось раздражением от длительного празднества, затянувшегося на четыре дня, что особенно подчеркнуто автором письма. Третье основание заявителя оказалось спровоцировано распространёнными среди местных жителей разговорами о странности самого факта прибытия брата из другого города и отказа от венчания в г. Ростов-на-Дону [5, л.29 об]. Подобная ситуация наглядно иллюстрирует столкновение двух разных ментальностей: традиционного уклада, унаследованного от дореволюционного прошлого, и новых норм, привнесённых советской идеологией, которая постепенно начинала менять даже свадебные обычаи. На фоне постепенного внедрения государственных стандартов регистрации брака, принципов скромности и единства молодой семьи, традиционные элементы оставались в среде горожан довольно сильными и только в 1930-е годы отошли на второй план. Речь идёт о привычных массовых торжествах, активном участии всей родни в семейных событиях и традиция венчания в церкви. Однако, как показала дальнейшая история советского общества, несмотря на изменения в официальной идеологии, традиция отмечать значимые события большим семейным кругом сохранилась и стала неотъемлемой частью повседневной культуры советского и современного российского общества.

Результаты. Таким образом, с момента своего основания, милиция не только выполняла функцию обеспечения общественного порядка, но и активно участвовала в формировании новой социокультурной среды, способствуя изменению повседневности жителей. На примере КМВ мы видим, как на организацию правоохранительной системы влияла разруха и кризис, эти же факторы определяли и фронт работ первых советских милиционеров. Новым явлением стал навязываемый сверху идеологический подход к работе (т.н. нейтраллизм), но, как показы-

вает практика, в центре он декларировался, а на месте в первые годы было не до него. Уголовная практика была тесно связана с повседневностью городских жителей. Например, на КМВ она протекала в пространстве первых советских санаториев, где тоже совершались противоправные действия. В тоже время через анализ девиаций мы видим, как архаика в повседневности сочеталась с новыми явлениями. Это мы показали на примере дела, заведенного в Пятигорске в связи с «некоммунистическим поведением» семьи Устенко.

Литература

1. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЕН, 2010. 967 с.
2. Булдаков В. П., Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В.П. Булдаков. М.: РОСПЭН, 2012. 759 с.
3. ГАСК. Ф. Р1236. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАСК. Ф. Р1336. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАСК. Ф. Р1352. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАСК. Ф. Р1581. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАСК. Ф. Р1581. Оп. 1. Д. 3.
8. Гурьянов П. И. Уголовный Розыск РСФСР и Ярославской губернии в 1917–1920 гг. (историко-юридический аспект) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 61–64.
9. Декреты совета народных комиссаров 21 августа 1918 г. // Декреты Советской власти. Т.3. М.: Политиздат, 1964. С. 238–239.
10. Заявление председателя ревкома колонии Николаевской в Пятигорский окрестком о проявлениях бандитизма в районе. 1 июня 1920 г. Секретно // Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1917–1929 годах: Сб. док. / Отв. сост. Г. А. Никитенко, науч. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. С. 548 – 549.
11. Из века в век служба закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 578 с. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk (дата обращения: 04.11.2025)
12. Кожевина М. А. Создание первых милицеских курсов и их роль в подготовке кадров милиции России (1918–1920 гг.) // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 82–85.
13. Колемасов В. Н. Организационно-правовые основы создания советской милиции // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 2. С. 263–265.
14. Колемасов В. Н. Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) // Lex Russica. 2016. № 7(116). С. 85–92.
15. Левшин К. В. Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2011. №2. С. 73–79.
16. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918 – 1924. М.: Захаров, 2005. 393 с.
17. Политический режим и преступность. Проблемы политической криминологии / Бараева Н. Б., Бурлаков В. Н., Вандышев В. В., Волженкин Б. В., и др.; Под ред.: Бурлаков В. Н., Волков Ю. Н., Сальников В. П. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 365 с.
18. Родин Д. П. Городская и сельская преступность // Право и жизнь. М.: Право и жизнь, 1926. Кн. 2–3. С. 94–101.
19. Семенов А. И. Создание советской милиции // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 3(14). С. 91–96.
20. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / ред. Ю. Н. Афанасьев. Т.1. М.: РГГУ, 1997. 510 с.
21. Тепляков А. Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 3(45). С. 44–64.
22. Фицпатрик Ш., Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30–е годы: город. М.: РОСПЭН, 2008. 336 с.
23. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30–е годы. М.: РОССПЕН, 1996. 198 с.
24. Холина М. В. Формирование новых ценностных ориентиров и проблема пьянства в малых городах Красноярского края в 1920–е годы // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 11. С. 72–78.

References

1. Buldakov VP. The Red Troubles: The nature and consequences of revolutionary violence. Moscow: ROSSPEN, 2010. 967 p. (In Russ.).
2. Buldakov VP, Utopia, aggression, power: The psychosocial dynamics of the post-revolutionary period. Russia, 1920–1930 / VP. Buldakov. Moscow: ROSSPEN, 2012. 759 p. (In Russ.).
3. State archive of Stavropol Krai (GASK). F. R1236. Inv. 1. D. 7.
4. GASK. F. R1336. Inv. 1. D. 4.
5. GASK. F. R1352. Inv. 1. D. 3.
6. GASK. F. R1581. Inv. 1. D. 2.
7. GASK. F. R1581. Inv. 1. D. 3.

8. Guryanov PI. Criminal Investigation of the RSFSR and Yaroslavl province in 1917-1920. (historical and legal aspect). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016;(1):61-64. (In Russ.).
9. Decrees of the Council of People's Commissars on August 21, 1918 in Decrees of Soviet power. Vol.3. Moscow: Politizdat, 1964. pp. 238-239. (In Russ.).
10. Statement by the chairman of the revolutionary committee of the colony of Mykolaiv in the Pyatigorsk district committee on the manifestations of banditry in the area. June 1, 1920 Secret in Voices from the provinces. Residents of Stavropol in 1917-1929: Collection of documents / Ed. by GA. Nikitenko, scientific ed. by TA. Bulygin. Stavropol: Stavropol Krai Committee on Archives, 2009. pp. 548 – 549. (In Russ.).
11. From century to century serving the law: essays on the history of the internal affairs bodies of the Stavropol Krai. Stavropol: Service School, 2005. 578 p. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk (accessed: 11.04.2025). (In Russ.).
12. Kozhevina MA. The creation of the first police courses and their role in the training of Russian police personnel (1918-1920). *Vestnik Omskogo universiteta*. 2004;(4):82-85. (In Russ.).
13. Kolemasov VN. Organizational and legal foundations of the creation of the Soviet militia. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal*. 2012;(2):263-265. (In Russ.).
14. Kolemasov VN. State security and police agencies in the fight against crime (1917-1934). *Lex Russica*. 2016;7(116):85-92. (In Russ.).
15. Levshin KV. Reasons for desertion in the Red Army (1918-1921). *Novejshaya istoriya Rossii*. 2011;(2):73-79. (In Russ.).
16. Pipes R. The Russian Revolution. Vol.3. Russia under the Bolsheviks. 1918 – 1924. Moscow: Zakharov, 2005. 393 p. (In Russ.).
17. Political regime and crime. Problems of political criminology / Baraeva NB, Burlakov VN, Vandyshev VV, Volzhenkin BV, and others; Edited by: Burlakov VN, Volkov YuN, Salnikov VP. St. Petersburg: Legal Center Press, 2001. 365 p. (In Russ.).
18. Rodin DP. Urban and rural crime in Law and life. Moscow: Law and Life, 1926. Vol.2-3. p. 94-101. (In Russ.).
19. Semenov AI. Creation of the Soviet militia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2017;3(14):91-96. (In Russ.).
20. Afanasyev YuN. Soviet society: emergence, development, historical finale. From the armed uprising in Petrograd to the second superpower of the world. Vol.1. Moscow: RGGU, 1997. 510 p. (In Russ.).
21. Teplyakov AG. Crime and power in the era of the formation of Soviet statehood. *Novyj istoricheskij vestnik*. 2015; 3(45):44-64. (In Russ.).
22. Fitzpatrick S., Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: city. Moscow: ROSSPEN, 2008. 336 p. (In Russ.).
23. Khlevnyuk OV. Politburo. Mechanisms of political power in the 30s. Moscow: ROSSPEN, 1996. 198 p. (In Russ.).
24. Kholina MV. The formation of new value orientations and the problem of drunkenness in small towns of the Krasnoyarsk Territory in the 1920s. *Manuscript*. 2020;13(11):72-78. (In Russ.).

Научная статья

УДК 327+94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.16>

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВОВОЙ СТАТУС, РЕСУРСЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

София Юрьевна Черницына

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (д.23, пр. Гагарина, Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация)

Соискатель

sophis@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-9613-9608>

Аннотация. Введение. В статье исследуется правовой статус Каспийского моря, а также влияние глобальных и региональных акторов на геополитическую ситуацию в Каспийском регионе, который занимает стратегически важное положение в Евразийском пространстве и служит пересечением ключевых транспортных и энергетических коридоров.

Материалы и методы. В основу исследования положен идеографический метод, а также принцип историзма, т.е. анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями, и принцип системности, подразумевающий выделение внутри системы отдельных ее составляющих и установление взаимосвязей между ними. Использованы источники по дипломатическому урегулированию статуса Каспийского моря, оценки исследователей-экономистов и экспертов по региональной безопасности.

Анализ. В статье отмечается, что определение правового статуса Каспийского моря было ключевой проблемой региона, что было решено в 2018 году Конвенцией, которая признала Каспийский водоем морем с уникальным статусом, основанным на принципах суверенитета и сотрудничества. Однако вопросы разграничения морского дна и недр остаются нерешенными. Внешнее влияние США и Китая усиливает конкуренцию в регионе: США стремятся сдерживать Россию и Китай, поддерживая Казахстан и Азербайджан, в то время как Китай активно инвестирует в энергетику и инфраструктуру, особенно в Казахстан и Туркменистан. Россия

сохраняет доминирующее положение, но вынуждена адаптироваться к новым реалиям, включая санкции и усиление активности других игроков. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан развивают многовекторное сотрудничество, балансируя между крупными державами. **Результаты.** Выявлено, что, несмотря на предпринятые усилия по урегулированию противоречий и установлению правового статуса Каспийского моря, создающего документальное равновесие между региональными акторами, Каспийский регион сохраняет высокий уровень конфликтности, оставаясь ареной соперничества, как прикаспийских государств, так и великих держав, заинтересованных в контроле над богатыми энергетическими ресурсами и расширении влияния.

Ключевые слова: Каспийский регион, энергетические маршруты, Баку-Тбилиси-Эрзурум, Казахстан-Китай, ШОС, БРИКС, Север-Юг

Для цитирования: Черницына С. Ю. Каспийский регион в системе международных отношений: правовой статус, ресурсы и внешнеполитические стратегии // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 690–697. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

THE CASPIAN REGION IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: LEGAL STATUS, RESOURCES AND FOREIGN POLICY STRATEGIES

Sofia Yu. Chernitsyna

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Ave., 603022, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

PhD applicant

sophis@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-9613-9608>

Abstract. Introduction. The article examines the legal status of the Caspian Sea as well as the influence of global and regional actors on the geopolitical situation in the Caspian region, which holds a strategically important position in Eurasia and serves as a crossroads for key transport and energy corridors. **Materials and Methods.** The study is based on the ideographic method, the principle of historicism that is, analyzing research objects in connection with specific historical conditions and the principle of systematics, which involves identifying individual components within the system and establishing interrelations among them. Sources used include materials on the diplomatic settlement of the status of the Caspian Sea, assessments by economic researchers, and regional security experts. **Analysis.** The article notes that defining the legal status of the Caspian Sea was a key regional issue, resolved in 2018 by the Convention that recognized the unique status of the Caspian sea based on the principles of sovereignty and cooperation. However, issues related to the delimitation of the seabed and subsoil remain unresolved. External influence from the US and China intensifies competition in the region: the US seeks to constrain Russia and

China by supporting Kazakhstan and Azerbaijan, while China actively invests in energy and infrastructure, especially in Kazakhstan and Turkmenistan. Russia maintains a dominant position but is forced to adapt to new realities, including sanctions and increased activity from other players. Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan pursue multi-vector cooperation, balancing relations among major powers. **Results.** It has been revealed that despite efforts to resolve contradictions and establish the legal status of the Caspian Sea, thereby creating a documented balance among regional actors, the Caspian region maintains a high level of conflict, remaining an arena of rivalry both among the littoral states and the great powers interested in controlling its abundant energy resources and expanding their influence.

Keywords: Caspian region, energy routes, Baku-Tbilisi-Erzurum, Kazakhstan-China, SCO, BRICS, North-South

For citation: Chernitsyna SYu. The Caspian region in the system of international relations: legal status, resources and foreign policy strategies. Humanities and law research. 2025;12(4):690-697. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.16>

© Черницына С. Ю., 2025

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. С распадом СССР геополитический облик Восточной Европы и Средней Азии претерпел значительные изменения. Территориально-политические образования, еще недавно бывшие «союзными республиками», образовали целый ряд новых государств, обладающих своей собственной политической ориентацией и социально политической позицией, а также имеющих определенные притязания на влияние в постсоветском пространстве. Целый ряд областей на просторах бывшего Советского Союза оказался точками пересечения интересов этих стран, что естественным образом влекло за собой как взаимное сотрудничество, так и противостояние между ними. Одной из таких областей стал Каспийский регион, ключевыми геополитическими игроками в котором являются прибрежные страны, такие как Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран. Кроме того, на Каспии пересекаются интересы Турции, Китая, США, Европейского союза и других государств, оказывающих значительное влияние на положение сил в данном районе, что может привести к различным исходам [19, с. 125].

Одним из самых важных барьеров является слабая институциональная структура как на межгосударственном, так и на социокультурном уровнях. Большинство из нынешних институций, как мы показали ранее, либо существует достаточно формально, либо локализовано в одном из субъектов и, по сути, транслирует преимущественно собственные нарративы [19, с. 123].

Каспийский регион, находясь на стыке Азии и Европы, располагает в своем центре водоёмом, т.н. Каспийским «морем». Одной из основных геополитических особенностей региона является то, что он является как бы «связующим звеном» между Севером и Югом (Россией и Персидским заливом), а также Востоком и Западом (ЕС и Китаем), обеспечивая Восток и Запад нефтью и газом [24, с. 12-14]. Это связано как с географическим положением Каспия, так и с тем, что на его территории находятся одни из крупнейших месторождений углеводородов на планете, что делает его ареной для противостояния самых разных политических сил.

В Каспийском регионе четко прослеживаются политические, военнoстратегические и экономические интересы не только указанных прибрежных стран, но и многих других, в том числе внерегиональных [20, с. 75–82].

Для России Каспийский регион является одним из важнейших объектов внешней политики, как в виду своей близости к российской границе, так и из-за повышенного внимания к нему со стороны иностранных держав. Таким образом, трезвая и объективная оценка положения

дел на Каспии очень важна, если мы говорим об определении места РФ в системе международных отношений, в международной торговле энергоресурсами, о её влиянии в СНГ, на Кавказе и в Средней Азии.

Методы и материалы. В данном исследовании применялись идеографический метод, сравнительный анализ, историзм и контент-анализ документов. Основным материалом послужили официальные документы и международные соглашения прикаспийских государств, включая Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря (2018 г.) [9], а также политические декларации и аналитические материалы ведущих экспертов по региональной безопасности и экономике за период 2014 – 2024 гг. Особое внимание уделено правовому статусу Каспийского моря и позициям России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана, Ирана и внешних акторов – США, Китая, ЕС и Турции. Применение идеографического метода обеспечило глубокий анализ конкретных исторических событий и переговоров, сравнительный анализ позволил выявить различия и сходства во внешнеполитических стратегиях государств региона, а историко-политическая ретроспекция помогла проследить влияние исторических предпосылок и международных изменений на современную геополитическую ситуацию. Контент-анализ политических и экономических документов способствовал выявлению ключевых тенденций и факторов, формирующих региональную динамику.

Анализ. Одной из первых проблем, с которой столкнулись участники данного региона, стало определение правового статуса Каспийского моря. Главная сложность связана с определением Каспийского водоёма озером или морем. Если Каспий будет определён озером, то все решения должны приниматься совместно, Иран имеет право на 50%, а остальные участники вместе имеют право на остальные 50%, но, в соответствии с принципом равноудаленности территорий, Иран имеет право менее чем на 15 процентов от береговой линии. По причине сложности определения были проведены переговоры и встречи, направленные на достижение компромисса, который устроил бы всех участников. 12 августа 2018 г. была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря в рамках V Каспийского саммита в г. Актау [9]. Каспийское море признаётся морем, а не озером, но получает достаточно специфический статус. По сути, Конвенция 2018 г. определяет Каспийское море как «водоём, окруженный сухопутными территориями Сторон». Деятельность сторон должна осуществляться на основе принципов уважения суверенитета, территори-

альной целостности, независимости, суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, взаимного уважения, сотрудничества, невмешательства во внутренние дела друг друга [8, с. 141-151]. Каспийское море попадает в общее пользование, а дно делится на основе международного права участниками данного региона [9].

На данный момент Иран не ратифицировал договор, в связи с тем, что Конвенция была подписана в неподходящее для страны времени, когда она имела слабую позицию на международной арене, поэтому интересы Ирана не были учтены [23, с. 122–142].

Несмотря на различные взгляды на решение проблемы об определении правового статуса, Конвенция 2018 г. является достаточно действенным документом, который способствует развитию прикаспийских государств. Важно отметить, что страны всё ещё не определили разграничение дна и недр моря и этот вопрос отложили для будущих соглашений.

На многие процессы региона влияют внешние силы. Одним из основных акторов являются США, которые в целях политического и экономического проникновения своими действиями добавляют в регионе новые очаги напряжённости [18, с. 211-220]. Такой интерес вызван связью между двумя зонами: Европой и Азией. Выгодное географическое и военно-стратегическое положение, запасы полезных ископаемых заставляют «держаться» за этот регион не только прикаспийские государства.

В настоящее время важнейшим партнёром США в Каспийском бассейне является Казахстан. Начиная с 2010-х гг. США перешли с жёсткой на «мягкую силу» в данном регионе, т.е. начали использовать экономические и идеологические рычаги для достижения своих целей [22, с. 260 – 268]. На военное образование выделяются большие суммы, например, в 2015 г. США выделили на обучение более двух миллионов долларов для 164 казахстанских граждан. Стоит упомянуть деятельность некоммерческих и благотворительных фондов, на поддержку которых регулярно выделяются денежные средства.

В 2015 г. Палата представителей США разработала проект пакета санкций против высокопоставленных азербайджанских политиков. В ответ Баку закрыло бакинские офисы Радио Свобода и ОБСЕ. Менее чем за 5 лет из главного союзника США и НАТО на Каспийском море Азербайджан сменил вектор и начал активные переговоры с Ираном и Россией о сотрудничестве.

В сентябре 2017 г. в столице Азербайджана состоялось подписание нового базового документа о международной разработке месторождений Азери-Чираг-Гюнешли, в котором приняли участие компании SOCAR, BP, Chevron, IMPEX, Statoil, ExxonMobil, TP, ITOCHU и ONGC Videsh.

Эти перемены в Каспийском регионе заставили США предпринять различные действия для возвращения своей позиции. Одним из которых стало создание C5+1, возобновление отношений с Казахстаном (заключение соглашения о военном сотрудничестве) [21]. К новому этапу подвело обсуждение прикаспийских государств правового статуса Каспийского моря. Ключевая цель, которую преследует США, это сдерживание России и Китая и изоляция Ирана в регионе.

Рассматривая США, нельзя не упомянуть Китай, который может потеснить Россию и США в регионе. Связано это с отсутствием политических интересов в Каспии, а весь потенциал направлен в экономическое русло, что позволяет Каспию развиваться самостоятельно.

На данный момент Китай выстраивает двусторонние отношения с Каспийскими государствами, главными интересами выступают углеводородные ресурсы Каспия и транспортные маршруты, которые открывает данный район. После того, как Китай активно начал продвигать концепцию «Один пояс – один путь», как новую вариацию «Великого шелкового пути», их мотивация внедрения в Каспийский бассейн значительно усилилась [15].

Сотрудничество с Казахстаном сосредоточено, в первую очередь, на совместной разработке нефтяных месторождений. КНР предоставляет низкопроцентные долгосрочные кредиты, между странами заключается множество соглашений, например, в 2014 г. было подписано Соглашение о расширении научно-технического сотрудничества в области нефти и газа, а в 2015 г. Соглашение о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации газопровода Казахстан-Китай [4, с. 140-146].

В 2022 г. Си Цзиньпин посетил Астану и провел переговоры с президентом К.-Ж. К. Токаевым, в результате которых укрепились экономические позиции КНР. Для КНР Казахстан является приоритетным направлением в регионе [4, с. 140-146]. Однако в Туркменистан также вкладываются значительные ресурсы, включая кредиты на освоение нефтегазовых месторождений, но именно в этой отрасли проявляется значительная закредитованность Туркменистана, а большая часть прибыли от продажи газа идёт на погашение долга. Основной проект – это газопровод «Туркменистан-Китай». Именно на газовом направлении Китай, скорее всего, продолжит наращивать своё присутствие [14, с. 30-35].

Между Ираном и Китаем ведётся активная торговля, но в период с 2017 по 2019 гг. объём сильно снизился, что связано это с давлением стран Запада на Иран. В 2021 г. было подписано несколько соглашений, например, Ирано-китайский договор о стратегическом сотрудничестве – совместный план действий на 25 лет. Совместный план обещает большие инвестиции в иранскую экономику, а со стороны Ирана бу-

дут увеличены углеводородные поставки на льготных условиях. Китайско-иранское сотрудничество направлено на сдерживание США и его союзников [25, с. 78-89].

В 2015 г. Китай и Азербайджан подписывают Совместную декларацию о дальнейшем развитии и углублении сотрудничества и дружественных отношений между странами, а также ряд соглашений и меморандумов, касающихся экономики и логистики [4, с. 140-146]. Отношения этих двух стран постоянно укрепляются, реализуются проекты в транспортной сфере: в рамках Шёлкового пути Азербайджан является одним из ключевых звеньев. Китай планомерно повышает своё экономическое влияние в Каспийском регионе.

Несмотря на то, что США стараются ограничить присутствие Китая в Каспийском регионе, активность последней только растёт. Азербайджан и Казахстан для проекта «Один пояс – один путь» являются приоритетными в Каспийском бассейне.

Параллельно внешние акторы всё больше пытаются проникнуть в Каспийский регион и увеличить на этой территории военный контингент. Кроме этого, внешние партнеры вводят Каспийские государства в статус некой зависимости от своих решений. «Хрупкое равновесие» сплачивает область Каспийского моря, но в любой момент отношения могут быть под угрозой.

Одним из краеугольных камней внешней политики стран в Каспийском регионе является вопрос о разделе, добыче, продаже и транзите углеводородного сырья: нефти и газа. Раздел и использование источников нефти – фактор, который часто мешает внешнеполитическому сотрудничеству Прикаспийских стран в сфере решения геополитических проблем и создает новые трудности, как, например, в случае вопроса о решении статуса Каспийского моря [10, с. 117-120].

Хотя политика каждого из вышеупомянутых государств во многом сводится к борьбе за энергоресурсы и обеспечение своего преобладания в регионе, тесный клубок противоречий, который представляет собой политическая ситуация на Каспии, вероятно, будет проще «размотать», если мы рассмотрим положение и притязания конкретных стран.

Российская Федерация является одной из главных сил в Каспийском регионе и поэтому её политика часто может оказывать серьезное влияние на обстановку сил в регионе. Являясь правопреемницей СССР, Россия, с одной стороны, взяла на себя его внешнеполитические обязательства, а с другой в начале 1990-х гг. выступила как гарант советско-иранских договоров, по которым практически весь XX в. регулировалось разделение Каспийского моря между Ираном и СССР. Таким образом, Москва старалась закрепить свою гегемонию на Каспии, обеспечив себе лучшее положение в сравнении

с другими Прикаспийскими государствами [6, с. 628–642].

Однако Азербайджан, Казахстан и Туркменистан не поддерживали российско-иранскую инициативу. Более того, пытаясь избежать излишнего влияния со стороны России, эти страны начали обращать внимание на возможность сотрудничества с западными компаниями, а также с китайскими корпорациями. Таким образом, на протяжении дальнейших десятилетий основными задачами РФ в регионе являлось сохранение за собой доминирующей роли в добыче и транспортировке нефти и газа с территории Прикаспийских государств, в недопущении в Каспийский водоём иностранных судов и снижении роли иностранных капиталов в жизни региона.

Некоторое время Москва придерживалась достаточно жёсткой позиции по отношению к региональным странам, стараясь не допустить строительства газопроводов в обход территории России, что могло бы привести к потере рычага давления на Прикаспийские государства. Однако возрастающее сопротивление со стороны центральноазиатских государств и Азербайджана, а также усилившееся влияние американских и европейских компаний повлияли на смягчение и изменение вектора российской внешней политики.

В октябре 1996 г. на уровне заместителей министров иностранных дел была создана рабочая группа, которая должна была заниматься дальнейшей разработкой этого вопроса. А в июле 1998 г. новая политика России дала свои плоды в виде российско-казахстанского соглашения «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование».

Политика по отношению к Ирану, в целом, не претерпевала значительных изменений, поскольку последний в целом поддерживал РФ в вопросе о статусе Каспия и был недоверчиво настроен по отношению к Западу.

После февраля 2022 г. политика России на Каспии разделилась на «до» и «после». Несмотря на установление статуса Каспийского моря в 2018 г. отношения с прикаспийскими странами подверглись серьезным испытаниям, чему поспособствовали новые антироссийские санкции и давление западных стран на центральноазиатский регион. В сложившейся ситуации российская политика была направлена на сохранение сложившегося ранее равновесия и поддержке дружественных отношений со странами Каспийской «пятерки». Объём торговли между Россией и странами «пятерки» также существенно вырос с 2022 г. Таким образом, политика России на Каспии, устоявшаяся к 2022 г., вынуждена корректироваться в новых условиях [5].

Китай представляет собой восточную альтернативу для прикаспийских государств как ещё один потребитель нефти и газа. Ещё с

начала 1990-х годов Пекин начал проявлять особое внимание к центральноазиатскому региону. Одной из главных зон влияния Китая в Каспийском регионе стал Казахстан. Китайский капитал начал активно проникать в страну, уже в 1997 г. была приобретена большая часть казахских нефтедобывающих компаний «Актобемунгаз» и «Узеньмунгаз». В том же году был составлен договор «О прокладке двух нефтепроводов из Западного Казахстана в Китай и Иран», который стал первым шагом к расширению путей доставки ресурсов на рынки других стран. И хотя этот проект не увенчался успехом, казахстано-китайские отношения в торговле активно развивались на протяжении всех нулевых годов. К декабрю 2005 г. завершилось строительство нефтепровода Атасу-Алашанькоу. Это был первый казахстанский нефтепровод, который проходил не по территории РФ. К концу 2000-х гг. было построено еще несколько нефтепроводов, а Казахстан окончательно вошел в сферу влияния Китая, который все больше проникал в Центральную Азию [3, с. 74–84].

Отношения между КНР и Туркменистаном особенно укрепились после визита президента С. Ниязова в Пекин, когда был подписан контракт на разработку природного газа стоимостью около 1,5 миллиарда долларов. С 2007 по 2009 гг. Китай выдал Туркменистану несколько кредитов на сумму более трёх миллиардов, а также были начаты совместные разработки месторождения Бактыярлык. В том же году состоялось открытие газопровода Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай, на котором присутствовали президенты этих стран. Построив трубопроводы из Туркменистана и Казахстана, КНР нарушила монополию России на экспорт природного газа. Но следует признать, что ожиданиям и амбициям китайской стороны не соответствуют реальные объемы поставок энергоресурсов. Так, Таджикистан в 2016 г. не мог обеспечить 100% поставок газа, ограничиваясь 35 миллиардами кубометров, Казахстан поставляет значительно меньше, чем должен, а с Узбекистаном в 2017 г. и вовсе возникли разногласия, из-за которых, в том числе, было отложено строительство третьей и четвертой веток газопровода [7, с. 163].

Особенное место в местной политике занимает Иран, поведение которого также отличается определенной двойственностью, продиктованной его международным положением и многочисленными санкциями, которые то накладываются, то снимаются.

С начала 90-х гг. XX в. политика Тегерана на Каспии и Южном Кавказе сводилась к поискам мер обеспечения своей безопасности в регионе и защите своих интересов: созданию сферы влияния, в которую входили бы Грузия, Армения и Азербайджан, защите каспийских ресурсов от внерегиональных компаний. Особен-

ное внимание Ирана заслужил Азербайджан, имеющий с ним прочную историческую, географическую и этническую связь, которая особенно укрепилась после избрания в 2013 г. Х. Рухани президентом ИРИ и последовавшим за этим увеличением товарооборота между двумя странами почти на 100% за 2013 – 2017 гг. [1, с. 946]. В то же время сближение Азербайджана с Турцией и Израилем подрывают эти отношения и увеличивают напряженность в регионе.

К началу 20-х годов XX века особенно важны стали для Исламской Республики Иран хорошие отношения с Россией и их развитие «во всех направлениях», на что во многом повлияло и сотрудничество обеих стран во время борьбы с ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) в 2014 г. Особенно привлекает обе стороны перспектива сотрудничества в сфере металлургии, добычи углеводородов, экспорта российского газового оборудования в Иран. С вступлением в сентябре 2022 г. Ирана в ШОС эти процессы еще более ускорились. Сама ИРИ позиционирует себя как одно из ключевых звеньев системы «Север-Юг», закрепив это присоединением к БРИКС [2, с. 263-276.].

Большие возможности и перспективы среди прикаспийских стран демонстрирует Азербайджан. Эта небольшая страна обладает весьма внушительными запасами углеводородов, что позволяет ей быть желанным партнером как для других стран «пятерки», вроде Ирана и России, так и для западных партнеров – США и ЕС. Выдающимся актом ресурсно-экспортной политики Азербайджана стало заключение знаменитого «Контракта века» 20-го сентября 1994 г. На протяжении всех 90-х годов Азербайджан энергично обустроивал свое сотрудничество с западными странами, коллегами по «контракту».

Нефть, добываемую из своих многочисленных месторождений, эта страна доставляет по трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан, пропускная способность которого составляет около 60 млн. тонн в год, газ по трубопроводу Баку-Тбилиси-Эрзурум с пропускной способностью 20 млрд кубометров в год. С 1995 по 2014 г. в нефтяную промышленность Азербайджана было инвестировано более 51 млрд. долларов, а поставки своих каспийских ресурсов страна осуществляет более чем в 30 стран мира.

Что касается отношений Азербайджана и России, то практически с самого начала 1990-х гг. Баку пытался избавиться от монополии РФ на транзит нефти. Изначальный трубопровод Баку-Грозный-Тихорецк-Новороссийск не был выгоден как политически, так и чисто технически, не позволяя доставлять азербайджанскую нефть в изначальном качестве и цене. Несмотря на постройку в 1999 г. трубопровода Баку-Супса, только открытие линии Баку-Тбилиси-Джейхан смогло решить вопрос поставок нефти с месторождения «Азери-Чираг-Гюнешли» в обход Рос-

сии. К 2024 г. общий объем добытой на этом месторождении нефти составил 514 миллионов тонн [17, с. 109–117]. Логичным продолжением проекта строительства газонефтяных трубопроводов стало строительство TANAP и TAP. Благодаря этим проектам, а также удачной внешней политике, Азербайджан стал для Европы значительным игроком на рынке ресурсов и, в каком-то смысле, смог соревноваться с Россией, которая, хоть и обладает большими запасами углеводородов, но находится в трудных условиях санкций и конфликтов с ЕС.

Впрочем, экспортные возможности Азербайджана могут быть несколько преувеличены. В условиях, сложившихся после начала СВО, ЕС начал остро нуждаться в поставщиках, которые могли бы заменить Россию. Но при таких обстоятельствах азербайджанские и, в целом, доступные в настоящий момент на Каспии газ и нефть, не могут полностью покрыть европейские нужды, хотя правительство И. Алиева и использует все возможности для увеличения поставок [16, с. 6–15].

Роль Казахстана в политике Каспийского региона была уже отчасти затронута выше. Эта страна является одним из крупнейших из центрально-азиатских акторов Каспия, обладает обширной территорией, многочисленным населением и огромными запасами углеводородов, которые поставляет в Нидерланды, Китай, Италию, Австрию, Швейцарию и т.д. Запасы казахстанской нефти являются самыми большими среди всех стран региона, их доказанный объем превышает 30 миллиардов баррелей. Главной трубопроводной системой Казахстана является «Каспийский трубопроводный консорциум», который проходит по территории России. С другой стороны, казахстанская нефть также уходит в Европу через азербайджанскую линию Баку-Тбилиси-Эрзерум, а в Китай по трубопроводу «Казахстан-Китай». По китайской ветке уходит практически весь газ, отправляемый на восток. Что касается европейских рынков, то Казахстан уже достаточно давно активно экспортирует туда энергоресурсы, но с 2014 г. наблюдается тенденция к снижению уровня экспорта, вызванное переходом Европы на «зеленую энергию» [12, с. 472–480].

Что касается взаимоотношений Казахстана и России, то на данный момент доля последней в казахстанской экономике превышает китайскую долю на 15-20%. После похолодания в 2014 – 2016 гг. отношения двух стран вновь начали налаживаться в 2022 г., однако сначала январские события этого года, а затем начало СВО показали неопределенность в их внешней политике. Тем не менее, сотрудничество обеих стран продолжается.

Результаты. Каспийский регион является уникальным геополитическим пространством, сочетающим в себе богатейшие природные ре-

сурсы – более 50 млрд. баррелей доказанных запасов нефти и около 9 трлн. кубометров природного газа – и стратегическое расположение на пересечении Европы и Азии. Его правовой статус долгое время оставался предметом споров между пятью Прикаспийскими государствами – Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном. Подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 году стало прорывом, закрепившим принципы суверенитета и делимитации, однако ключевые вопросы, такие как разграничение морского дна и прав на недра, до сих пор вызывают разногласия, особенно между Казахстаном, Туркменистаном и Азербайджаном.

Россия традиционно рассматривает Каспий как зону своего стратегического влияния, поддерживая тесное сотрудничество с Ираном и Азербайджаном, одновременно стремясь ограничить влияние НАТО и США в регионе. Казахстан и Туркменистан, обладая значительными газовыми запасами, активно развивают экспортные маршруты в Китай, что связано с инициативой «Один пояс – один путь». Азербайджан, благодаря нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан, интегрирован в энергетическую инфраструктуру Европы и выступает как ключевой игрок в обеспечении энергетической безопасности ЕС.

Влияние глобальных игроков в регионе также подчеркивается в статье. Китай инвестирует в инфраструктуру и энергетику, стремясь закрепить свои позиции в Евразии. США, в свою очередь, усиливают политическое и военное присутствие через поддержку Азербайджана и Казахстана, рассматривая регион как важный элемент сдерживания России и Ирана. ЕС заинтересован в диверсификации источников энергоресурсов и поддерживает проекты по транспортировке каспийского газа в Европу. Турция, используя этнические и культурные связи с Азербайджаном, активно продвигает собственные геополитические интересы, включая создание альтернативных транспортных коридоров.

Особое внимание в статье уделяется последствиям конфликта между Россией и Украиной, который с 2014 г. усилил напряженность в регионе. Россия была вынуждена перераспределить военные и дипломатические ресурсы, что открыло возможности для усиления позиций других прикаспийских государств и внешних игроков. Например, Казахстан и Туркменистан активизировали сотрудничество с Китаем и ЕС, а Азербайджан усилил свои позиции в Южном Кавказе, что проявилось в конфликте в Нагорном Карабахе в 2020 – 2023-х гг.

Экспертный анализ в статье подчеркивает, что для обеспечения долгосрочной стабильности и развития региона необходимы дальнейшее институциональное укрепление, включая создание совместных механизмов управления ресурсами и транспортными коридорами. В

частности, предлагается развитие многосторонних форматов сотрудничества, способных преодолеть двусторонние конфликты и обеспечить прозрачность в использовании каспийских ресурсов. Также отмечается важность разрешения оставшихся правовых вопросов, связанных с разграничением морского дна, что позволит избежать конфликтов и привлечь инвестиции в добычу и транспортировку энергоресурсов.

Таким образом, Каспийский регион остаётся ключевым узлом евразийской геополитики, где пересекаются интересы национального сувере-

нитета, регионального сотрудничества и глобальной конкуренции. Баланс интересов прикаспийских стран и внешних игроков, подкреплённый эффективным диалогом и институциональными механизмами, будет определять динамику международных отношений и энергетической безопасности в регионе в ближайшие десятилетия. В этом контексте Каспий служит примером сложной многоуровневой системы, требующей комплексного и гибкого подхода как со стороны региональных акторов, так и глобальных держав.

Литература

1. Агазаде М. М. «Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Международные отношения». 2018. № 4(18). С. 946.
2. Белов В. И. Иран и Россия на пути к стратегическому партнёрству // Научные труды вольного экономического общества России. 2024. № 263(148). С. 263-276.
3. Бурцев С. Н. Роль Каспийского региона в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2014. № 7 (129). С. 74-84.
4. Ван Люин. Торгово-экономическая и финансовая политика Китая в Азербайджане // Международные отношения. 2019. № 3. С. 140-146.
5. Жильцов С. С. Каспийский регион: стратегические задачи и вызовы для России // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kaspiyskiy-region-strategicheskie-zadachi-i-vyzovy-dlya-rossii/> (дата обращения: 30.10.2024).
6. Жильцов С. С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Международные отношения». 2016. № 4(16). С. 628-642.
7. Жильцов С. С., Пархомчик Л. А. Роль углеводородных ресурсов в развитии Каспийского региона // PolitBook. 2017. № 4. С. 159-171.
8. Ильинская О. И. Юридический статус Каспийского моря: история и современное состояние // Журнал российского права. 2021. №12(25). С. 141-156.
9. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 30.10.2024).
10. Ланда К. Г. Геополитические проблемы Каспийского региона // Власть. 2010. № 5. С. 117-120.
11. Ли Сялань. Возможные сценарии сопряжения проекта ЕАЭС, Нурлы-Жол и инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2023. 5(6). С. 567-573.
12. Макенова А. Б. Республика Казахстан и Европейский Союз: характер и особенности экономического сотрудничества // Постсоветские исследования. 2018. № 5(1). С. 472-480.
13. Мельников А. В., Рыжов И. В., Сикираж В. В. Конвенция по Каспийскому морю в региональной системе международных отношений: интересные и модели сотрудничества. Via in tempore. История. Политология. 2023. № 50 (3). С. 801–812. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-801-812.
14. Мирзеханов В. С., Тюльпаков М. В. Потенциал и перспективы современных туркмено-китайских отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2018. № 4. С. 30-35.
15. Пименова А. О. «Один пояс – один путь» как глобальный экономический проект Китая // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2020. № 05.
16. Притчин С. А. Энергетика Каспия: перспективы развития газового сектора в новых геополитических условиях // Геоэкономика энергетики. 2022. № 4(20). С. 6-15.
17. Притчин С. А. Энергетический сектор как ключевой фактор регионального лидерства Азербайджана // Постсоветские исследования. 2021. № 2(4). С. 109-117.
18. Пушкарёва В. В. Каспийский регион в современной политике: проблемы регионального сотрудничества // Вестник Удмуртского Университета. 2021. № 2(5). С. 211-220.
19. Романова А. П., Морозова, Е. В. Социокультурные аспекты интеграции каспийского макрорегиона как потенциального «центра силы» // Мировая Экономика и Международные Отношения. 2025. № 69. С. 114-129.
20. Рыжов И. В., Толкачев В. В. Проблемы обеспечения безопасности каспийского региона в контексте конфликтов на ближнем востоке (2003–2016 гг.) // THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2017. № 2(51). С. 75-82.
21. Сидоров И. Перспективы американского проекта «С5+1» в Центральной Азии при Д. Трампе // Военно-политическая аналитика. 25.05.2017. URL: <http://vpoanalytics.com/2017/05/25/perspektivy-amerikanskogo-proekta-s5-1-v-tsentralnoj-azii-pri-d-trampe/> (дата обращения: 30.10.2024).
22. Трокаль Т. В. Политика США и России в Каспийском регионе // Постсоветские исследования. 2018. № 3(1). С. 260-268.
23. Хагбин М., Животенков А. Н. Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. № 3(12). С. 122-142.
24. Черницына С. Ю. Геополитические особенности Каспийского региона // Социально политические науки. 2017. № 4. С. 12-14.

25. Эбрахимиторкаман Али. Политические аспекты заключения ирано-китайского соглашения о всестороннем сотрудничестве: сближение Ирана и Китая на фоне противостояния с США // Вестник Московского университета. 2023. № 3. С. 78-89.

References

1. Aghazadeh MM. 'The Caspian Constitution' and new horizons of cooperation between Azerbaijan and Iran. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018;4(18):946. (In Russ.).
2. Belov VI. Iran and Russia on the way to strategic partnership. *Nauchnye trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2024; 263(148):263–277. (In Russ.).
3. Burtsev SN. The role of the Caspian region in the world politics. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014; 7(129):74-84. (In Russ.).
4. Wang Liuyin. China's trade, economic and financial policy in Azerbaijan. *Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2019;3:140-146. (In Russ.).
5. Zhiltsov SS. Caspian region: strategic tasks and challenges for Russia. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kaspiyskiy-region-strategicheskie-zadachi-i-vyzovy-dlya-rossii/> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.).
6. Zhiltsov SS. Cooperation between Russia and Iran in the Caspian region: results and prospects. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016;4(16):628-642. (In Russ.).
7. Zhiltsov SS., Parkhomchik LA. The role of hydrocarbon resources in the development of the Caspian region. *PolitBook*. 2017;4:159-171. (In Russ.).
8. Ilyinskaya OI. Legal status of the Caspian Sea: history and current state. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2021;12(25):141-156. (In Russ.).
9. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 12.08.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.).
10. Landa KG. Geopolitical problems of the Caspian region. *Vlast*. 2010;5:117-120. (In Russ.).
11. Li Xialan. Possible scenarios of pairing the EAEU project, Nurlu Zhol and the initiative 'One Belt, One Road'. *Postsoverskie issledovaniya*. 2023;6(5):567-573. (In Russ.).
12. Makenova AB. The Republic of Kazakhstan and the European Union: the nature and features of economic co-operation. *Postsoverskie issledovaniya*. 2018;5(1):472-480. (In Russ.).
13. Melnikov AV., Ryzhov IV., Sikirazh VV. The Caspian Sea Convention in the Regional System of International Relations: Interests and Models of Co-operation. *Via in tempore. History and political science*. 2023;50 (3):801-812. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-801-812. (In Russ.).
14. Mirzekhanov VS., Tyulpakov MV. Potential and prospects of modern Turkmen-Chinese relations. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyy zhurnal*. 2018; 4:30-35. (In Russ.).
15. Pimenova AO. 'One Belt - One Road' as a global economic project of China. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*. 2020;(11):132-136. (In Russ.).
16. Pritchins SA. Caspian energy: prospects of gas sector development in new geopolitical conditions. *Geoeconomika energetiki*. 2022;4(20):6-15. (In Russ.).
17. Pritchins SA. Energy sector as a key factor of Azerbaijan's regional leadership. *Postsoverskie issledovaniya*. 2021;2(4):109-117. (In Russ.).
18. Pushkaryova VV. Caspian region in modern politics: problems of regional co-operation. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*. 2021;2(5):211-220. (In Russ.).
19. Romanova AP., Morozova EV. Socio-cultural aspects of integration of the Caspian macro-region as a potential «centre of power». *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2025;69:114-129. (In Russ.).
20. Ryzhov IV., Tolkachev VV. Problems of ensuring the security of the Caspian region in the context of conflicts in the Middle East (2003-2016). *THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 2017;2(51):75-82. (In Russ.).
21. Sidorov I. 2017 Prospects of the American project 'C5+1' in Central Asia under D. Trump in Military and Political Analytics. URL: <http://vpoanalytics.com/2017/05/25/perspektivy-amerikanskogo-proekta-s5-1-v-tsentralnoj-azii-pri-d-trampe/> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.).
22. Trokal TV. Policy of the USA and Russia in the Caspian Region. *Postsoverskie issledovaniya*. 2018;3(1):260-268. (In Russ.).
23. Hagbin M., Zhivotenkov AN. Iran's position on ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in the context of integration processes in the Caspian Sea. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2021;3(12):122-142. (In Russ.).
24. Chernitsyna SY. Geopolitical features of the Caspian region. *Social'no-politicheskie nauki*. 2017;4:12-14. (In Russ.).
25. Ebrahimitorkamani Ali. Political Aspects of the Iran-China Agreement on Comprehensive Cooperation: the rapprochement of Iran and China against the background of confrontation with the United States. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2023;3:78-89. (In Russ.).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.17>ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАК ЭЛЕМЕНТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА:
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Юлия Александровна Александрова

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации (д. 158 ул. Московская, г. Саратов, 410012, Российская Федерация)

Кандидат политических наук, преподаватель

yulexa@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8877-4438>

Аннотация. Введение. Вопросы адаптации иностранных граждан в российское общество в последнее время приобретают все большее значение при реализации государственной политики, направленной на развитие межнационального, межконфессионального, социо-культурного взаимодействия, социально-экономического развития, обеспечения внутренней стабильности государства. **Материалы и методы.** Исследование проводится посредством анализа действующих нормативно-правовых актов, в ходе которого выявляются ключевые тенденции развития российского законодательства, а также проблемы правового регулирования, способные оказать влияние на реализацию права на образование в Российской Федерации. Настоящее исследование базируется на использовании формально-юридического, сравнительно-правового, системного метода и метода анализа. **Анализ.** В настоящей статье анализируются вопросы правового обеспечения языковой адаптации иностранных граждан в российское общество, анализируются особенности законодательного регулирования процедуры проведения тестирования на знание русского языка, выявляются основные результаты правоприменительной практики по внедрению указанного механизма. Отмечается, что на протяжении последних десятилетий произошло смещение приоритетов в реализуемой государством миграционной политики с обеспечения социально-экономических интересов, на обеспечение

национальной безопасности. **Результаты.** По результатам исследования делается вывод о том, что ведение механизма тестирования иностранных граждан и их детей на знание русского языка стало одним из условий для реализации указанными категориями лиц их прав на осуществление легальной трудовой деятельности и получение образования на территории Российской Федерации, что, в свою очередь, призвано способствовать их дальнейшей социализации в российском обществе, как следствие обеспечению внутренней стабильности и социально-экономического развития.

Ключевые слова: миграционная политика, национальная безопасность, иностранные граждане, языковая адаптация, российское общество

Для цитирования: Александрова Ю. А. Языковая адаптация иностранных граждан в российское общество как элемент миграционной политики государства: нормативно-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 698–704. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.05.2025.

Research article

LINGUISTIC ADAPTATION OF FOREIGN CITIZENS TO RUSSIAN SOCIETY
AS AN ELEMENT OF THE STATE MIGRATION POLICY: A REGULATORY ASPECT

Julia A. Alexandrova

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation (158 Moskovskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation)

Cand. Sc. (Political sciences), lectures

yulexa@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8877-4438>

Abstract. Introduction. The issues of adaptation of foreign citizens to Russian society have recently become increasingly important in the implementation of state policies aimed at developing interethnic, interfaith, socio-cultural interaction, socio-economic development, and ensuring the internal stability of the state. **Materials and methods.** The study is conducted through the analysis of current regulatory legal acts, which identifies key trends in the development of Russian legislation, as well as gaps in legal regulation that may affect the implementation of the right to education in the Russian Federation. The present research is based on the use of the formal legal, comparative legal, system method and the method of analysis. **Analysis.** The study analyzes the issues of legal sup-

port for the linguistic adaptation of foreign citizens to Russian society, the specifics of the legislative regulation of the procedure for testing knowledge of the Russian language, and identifies the main results of law enforcement practice in implementing this mechanism. It is noted that over the past decades, priorities in the migration policy implemented by the state have shifted from ensuring socio-economic interests to ensuring national security. **Results.** The study leads to the conclusion that the maintenance of a mechanism for testing foreign citizens and their children for knowledge of the Russian language has become one of the conditions for the realization by these categories of persons of their rights to carry out legal labor and education in the territory of the Russian Federation, which, in

turn, is designed to promote their further socialization in Russian society, as a result, ensuring internal stability and socio-economic development.

Keywords: migration policy, national security, foreign citizens, language adaptation, Russian society

For citation: Alexandrova JA. Linguistic adaptation of foreign citizens to Russian society as an element of the state migration policy: a regulatory aspect. Humanities and law research.

Введение. На протяжении длительного времени в российском обществе, в научной среде наблюдается тенденция возрастания внимания к вопросу реализации государственной миграционной политики (особенно в условиях значительного увеличения миграционного притока), что было связано, преимущественно, с вопросами обеспечения потребностей российского рынка в трудовых ресурсах и достижения целей социально-экономической политики России.

Материалы и методы. Исследование основано на использовании таких методов, как формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, анализ, использование которых осуществлялось при проведении анализа действующего законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы миграционной политики. Использование аналитических и статистических данных позволило подтвердить выводы, полученные в результате настоящего исследования.

Анализ. Согласно Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 года, одним из средств реализации цели по миграционному приросту населения, т.е. обеспечению целей демографической политики, в среднесрочной и долгосрочной перспективах является миграционный прирост населения, который будет достигаться за счет совершенствования механизмов привлечения иностранной рабочей силы из числа высококвалифицированных специалистов, а также иностранных абитуриентов для их последующего трудоустройства на российском рынке труда [15]. В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622, современные тенденции в сфере миграции обусловлены преимущественно также экономическими и социальными факторами [6, ч. 4].

Более того, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. была определена следующая структура целей миграционной политики России:

- решение задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения,
- обеспечение безопасности государства,
- защита национального рынка труда,
- поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения рус-

2025;12(4):698-704. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.17>

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted: 21.01.2025

The article was approved after reviewing: 13.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.05.2025.

ской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода [6, ч. 14].

Таким образом, в системе приоритетов государственной политики вопросы достижения социально-экономических целей были определены в качестве наиболее значимых по сравнению, например, с вопросами обеспечения безопасности государства. В связи с чем, в данном направлении принимались меры, направленные на либерализацию российского миграционного законодательства (в частности была упрощена процедура получения российского гражданства, разрешения на временное проживание, вида на жительство и др.). Безусловно, необходимо отметить, что в краткосрочной перспективе принятие данных и иных мер способствовало тому, в период с 2012 г. по 2017 г. миграционный приток в РФ компенсировал естественную убыль населения и выступил в качестве дополнительного источника трудовых ресурсов, что положительно сказалось на состоянии российской экономики. Причем традиционными странами исхода иностранных граждан в Российскую Федерацию, в том числе для осуществления трудовой деятельности, являются Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан.

При этом необходимо отметить, что одним из следствий увеличения миграционного притока неизбежно становится рост количества правонарушений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ. Так, по данным, озвученным на оперативном совещании по вопросам расследования преступлений в сфере миграции под председательством А. И. Бастрыкина, за 5 месяцев 2025 г. рост количества преступлений, совершенных иностранными гражданами, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составил 10%. С 4,3% до 5% возрос удельный вес преступлений, совершенных данной категорией лиц в указанный период, в общем количестве правонарушений. На 57% возросло количество особо тяжких правонарушений, совершенных иностранными гражданами, на 22% - количество преступлений против половой неприкосновенности личности [4]. В тоже время по данным МВД России за 6 месяцев 2025 г. на 17,1% увеличилось число депортированных иностранных граждан (2,8 тыс.), на 31,6% сократилось количество выданных разрешений на временное проживание (16,6 ед.), на 32,2% - видов на жительство (80,2 ед.) [1].

Именно вопросы совершения иностранными гражданами и лицами без гражданства правонарушений являются основными факторами, способствующими увеличению уровня напряженности в обществе в том числе, в связи с приданием средствами массовой информации им острой социальной значимости, дестабилизации государственной национальной политики, как следствие, развитию внутригосударственных процессов, направленных на подрыв национальной безопасности государства. В то время как обеспечение национальной безопасности способствует повышению, в первую очередь, внутренней стабильности, во вторую очередь, наращиванию экономического, политического, военного и духовного потенциала России [11].

Таким образом, вопросы интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства в российское правовое общество в настоящее время выступают не столько условием достижения социально-экономических приоритетов государства, но гораздо в большей степени предпосылкой для обеспечения национальной безопасности государства. Именно данный подход получил приоритет в системе целей государственной миграционной политики, закрепленных в Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026 – 2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 15.10.2025 № 738 [7].

Безусловно, процесс интеграции данной категории лиц в правовое, экономическое, социокультурное пространство требует принятия комплексных мер: от регулирования российского законодательства, касающегося вопросов пребывания иностранных граждан на территории государства, в том числе законодательства в сфере образования, до проведения информационно-разъяснительной работы с принимающим сообществом. При этом совершенствование российского образовательного пространства, которое является частью государственной национальной политики Российской Федерации, потенциально может стать одной из основ трансформации характера межнациональных отношений в направлении их гармонизации и конструктивного взаимодействия представителей различных национальностей, поскольку способствует языковой и социокультурной адаптации иностранцев к нормам принимающего сообщества. Как известно, именно язык является первым способом формирования конструктивного взаимодействия субъектов интеракции. Несмотря на то, что по сравнению, например, с 2013 г. на 18% снизилось количество респондентов, считающих, что отношения между представителями различных национальностей стали более напряженными (в 2013 г. - 57%, в 2023 г. - 39%), данный показатель по-прежнему остается достаточно высоким [5].

В данном направлении одним из средств адаптации иностранцев в российское правовое пространство стало введение в 2015 г. механиз-

ма подтверждения владения иностранным гражданином русским языком, знания истории России и основ законодательства РФ, поскольку именно языковая адаптация является необходимым элементом последующего приобщения мигрантов к нормам принимающего сообщества.

Отметим, что с момента введения в российское правовое пространство нормативного требования о прохождении тестирования, данный механизм неоднократно корректировался в направлении ужесточения требований, что коррелировало с общим вектором проводимой в последние годы миграционной политикой в целях обеспечения национальной безопасности (в частности, введен режим высылки в отношении иностранных граждан, незаконно находящихся на территории России, введено административное наказание в виде административного выдворения и др.).

Например, изначально в абз. 4 п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 31.05.2021 № 824 «Об утверждении Положения о проведении экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации» было установлено, что ежегодно Федеральная служба по надзору в сфере образования публикует, в том числе банк заданий с ответами (для иностранных граждан, претендующих на получение разрешения на работу или патента) [13]. Позднее постановлением Правительства РФ от 28.05.2025 № 739 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 824» требование о публикации ответов к банку заданий было исключено, также определен запрет на повторное предоставление иностранным гражданам, не сдавшим экзамен, того же варианта контрольно-измерительных материалов, а также введено требование о ежемесячном формировании новых вариантов контрольно-измерительных материалов [9].

В 2024 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 07.12.2024 № 1736 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», по аналогии с порядком проведения государственной итоговой аттестации для обучающихся российских общеобразовательных организаций, был установлен запрет на пользование иностранными гражданами справочными материалами, средствами связи, фотофиксации, аудиофиксации, видеофиксации, письменными заметками при проведении экзамена, определено положение об аннулировании результатов тестирования при нарушении данного запрета [8].

При этом необходимо отметить, что на протяжении определенного времени вне правового регулирования оставался вопрос языковой интеграции детей иностранных граждан, прибывающих в РФ вместе со своими родителями. Между тем, на территорию Российской Федерации прибывают не только совершеннолетние иностран-

ные граждане для осуществления трудовой деятельности, но также члены их семей, в том числе несовершеннолетние дети, которым может понадобиться получение образования. Включение ребенка иностранного гражданина в российское образовательное пространство потенциально может способствовать его приобщению к российским ценностям, нормам и традициям через участие в таких проектах, как «Разговоры о важном», в спортивно-патриотических мероприятиях и др. Между тем, в настоящее время наблюдается негативная тенденция, связанная с количеством преступлений, совершаемых несовершеннолетними иностранными гражданами. Так, за 4 месяца 2025 г. количество преступлений, совершенных данной категорией лиц, увеличилось на 13%, на 82% возросло число особо тяжких преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков [3]. Хотя вопрос подростковой преступности напрямую не связан с уровнем знания русского языка, тем не менее, языковая адаптация может стать инструментом социо-культурной и правовой адаптации.

В 2025 г. данный правовой пробел был восполнен после принятия Федерального закона от 28.12.2024 № 544-ФЗ «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которым с 01.04.2025 установлено требование прохождения тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ, при приеме на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования [10]. При этом, необходимо отметить, что, несмотря на логическую связь двух процедур (тестирование на знание русского языка иностранных граждан и детей иностранных граждан), в порядках их проведения в настоящее время имеются существенные различия.

Во-первых, в п. 10 постановления Правительства РФ от 31.05.2021 № 824 «Об утверждении Положения о проведении экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации» определено, что «для иностранных граждан с ограниченными возможностями здоровья учреждением, проводящим экзамен, место для прохождения экзамена обеспечивается специальными приспособлениями с учетом особенностей их психофизического развития, индивидуальных возможностей и состояния здоровья» [13]. В нормативно-правовых документах, регламентирующих порядок проведения тестирования на знание русского языка в отношении несовершеннолетних детей иностранных граждан, в настоящее время не урегулированы вопросы создания специальных условий для детей с ограниченными возможностями здоровья, что является правовым пробелом и может стать препятствием для прохождения ими тестирования.

В частности, в соответствии с Порядком проведения в государственной или муниципальной общеобразовательной организации тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденным приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 04.03.2025 № 170, для детей иностранных граждан, претендующих на зачисление в 1 класс, тестирование проводится в устной форме. В случае, если заявление на тестирование будет подано в отношении ребенка, страдающего, например, расстройствами аутистического спектра (одним из проявлений данного заболевания являются качественные аномалии в общении), задержкой речевого развития, проведение тестирования в устной форме в соответствии с действующим порядком будет маловероятным в силу физических особенностей тестируемого лица. Как следствие, не прохождения тестирования станет основанием для отказа в зачислении в общеобразовательную организацию. При этом согласно ч. 2 ст. 78 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» иностранные граждане обладают равными с гражданами РФ правами на получение дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования [12].

Во-вторых, согласно п. 22 Порядка проведения в государственной или муниципальной общеобразовательной организации тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденного приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 04.03.2025 № 170, ребенку иностранного гражданина, не прошедшему тестирование, предоставляется возможность повторного прохождения тестирования через 3 месяца [14]. В отношении совершеннолетних иностранных граждан, проходящих тестирование на владение русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации, возможность повторного прохождения тестирования не предусмотрена.

В-третьих, в отличие от порядка проведения тестирования совершеннолетних иностранных граждан, который изменялся в направлении установления дополнительных требований и условий проведения данной процедуры, т.е. своего рода ужесточения законодательства, порядок проведения тестирования несовершеннолетних иностранных граждан корректируется в направлении либерализации. Так, приказом Министерства просвещения РФ от 08.10.2025 № 727 «О внесении изменений в Порядок приема

на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 2 сентября 2020 г. № 458, и Порядок проведения в государственной или муниципальной общеобразовательной организации тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденный приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 4 марта 2025 г. № 170» определены некоторые категории несовершеннолетних граждан, в отношении которых тестирование проводится только в устной форме, т.е. исключено требование о проведении письменной части тестирования:

- имеющие статус члена семьи участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, или статус члена семьи участника указанной Государственной программы,

- являющихся членами семей глав дипломатических представительств и глав консульских учреждений иностранных государств в Российской Федерации, сотрудников дипломатических представительств и работников консульских учреждений иностранных государств в Российской Федерации, должностных лиц и сотрудников международных (межгосударственных, межправительственных) организаций, въехавших в Российскую Федерацию в связи с исполнением служебных обязанностей, и сотрудников представительств международных (межгосударственных, межправительственных) организаций на территории Российской Федерации или сотрудников представительств и должностных лиц иных организаций, которым в соответствии с международными договорами Российской Федерации предоставлен статус, аналогичный статусу международных (межгосударственных, межправительственных) организаций,

- разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности, в отношении которых в соответствии с Указом Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» принято решение о выдаче разрешения на временное проживание в Российской Федерации, а также членов их семей.

Также регламентировано, что в случае, если дети указанных категорий иностранных граждан не прошли тестирование, они могут быть допущены до повторного тестирования до истечения 3 месяцев.

При этом, несмотря на указанные различия в некоторых подходах к организации процедуры тестирования двух категорий иностранных граждан, можно выделить также и общую тенденцию: а именно, первоначальная либерализация процедуры с последующим ее корректированием в направлении некоторого ужесточения. К примеру, если на этапе внедрения механизма тестирования детей иностранных граждан на знание русского языка прослеживался подход по некоторой унификации данной процедуры по аналогии с государственной итоговой аттестацией, но к концу текущего года в российском правовом пространстве возникла инициатива по подчеркиванию приоритетности получения российского образования гражданами Российской Федерации перед детьми иностранных граждан.

Так, в настоящее время в Государственную Думу РФ внесены два законопроекта, согласно которым предлагается внести изменения в ст. 78 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в части исключения возможности получения данной категорией лиц:

- дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего и среднего профессионального образования на бесплатной основе (законопроект № 990640-8);

- среднего общего образования на бесплатной основе (законопроект № 892094-8).

Хотя в настоящее время данные законопроекты находятся на стадии рассмотрения в Государственной Думе РФ, факт их наличия в правовой плоскости и в сфере общественного обсуждения свидетельствует о дальнейшем развитии рассматриваемой области правоотношений.

Результаты. Как показал опыт действия требований указанных нормативно-правовых актов, лишь незначительная часть иностранных граждан и детей иностранных граждан отвечают требованиям российского законодательства. Так, по данным Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки за апрель-август лишь 1/3 иностранных граждан и 12,6% детей иностранных граждан, в отношении которых были поданы документы для зачисления в российские общеобразовательные организации, прошедших тестирование на знание русского языка, успешно справились с заданиями [2]. Вместе с тем, введение механизма тестирования иностранных граждан и их детей на знание русского языка стало одним из условий для реализации указанными категориями лиц их прав на осуществление легальной трудовой деятельности и получение образования на территории Российской Федерации, что, в свою очередь, призвано способствовать их дальнейшей социализации в российском обществе, как следствие обеспечению внутренней стабильности и социально-экономического развития.

Литература

1. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь-июнь 2025 года // Информационный портал МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619> (дата обращения: 15.10.2025)
2. Более 87% несовершеннолетних иностранных граждан, претендующих на обучение в российских школах, не могут быть зачислены // Информационный портал Рособранадзор России. URL: <http://obrnadzor.gov.ru/news/bole-87-nesoverxhennoletnih-inostrannyh-grazhdan-pretenduyushhih-na-obuchenie-v-rossijskih-shkolah-ne-mogut-byt-zachisleny/> (дата обращения: 15.10.2025)
3. В России выросло количество преступлений несовершеннолетних мигрантов // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-vyroslo-kolichestvo-prestupleniy-nesovershennoletnikh-migrantov.html?ysclid=mgt4hc9u6t82547477> (дата обращения: 16.10.2025)
4. В России на 10% выросло число преступлений, совершенных мигрантами // Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/7872128?esclid=mgrqmezn6k73533661> (дата обращения: 16.10.2025)
5. Иммигранты в России: за и против // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv?ysclid=mqruc3nr3a338730513> (дата обращения: 16.10.2025)
6. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) // Собрание законодательства РФ, 05.11.2018, № 45, ст. 6917.
7. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 15.10.2025 № 738 // <http://pravo.gov.ru>
8. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.2024 № 1736 // Собрание законодательства РФ, 16.12.2024, № 51, ст. 8029.
9. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2021 № 824: постановление Правительства Российской Федерации от 28.05.2025 № 739 // Собрание законодательства РФ, 02.06.2025, № 22 (Часть I), ст. 2865.
10. О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: федер. закон от 28.12.2024 № 544-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, № 53 (Часть I), ст. 8554.
11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
12. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598.
13. Об утверждении Положения о проведении экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2021 № 824 // Собрание законодательства РФ, 07.06.2021, № 23, ст. 4068.
14. Об утверждении Порядка проведения в государственной или муниципальной общеобразовательной организации тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, иностранных граждан и лиц без гражданства: приказ Минпросвещения России от 04.03.2025 № 170 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.10.2025)
15. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года // Информационный портал министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 16.10.2025)

References

1. Analytical report on the results of the activities of the migration units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for January-June 2025 in Information Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/68790619> (accessed: 15.10.2025)
2. More than 87% of underage foreign citizens applying to study in Russian schools cannot be enrolled in Information portal Rosobranadzor of Russia. URL: <http://obrnadzor.gov.ru/news/bole-87-nesoverxhennoletnih-inostrannyh-grazhdan-pretenduyushhih-na-obuchenie-v-rossijskih-shkolah-ne-mogut-byt-zachisleny/> (accessed: 15.10.2025)
3. The number of crimes committed by underage migrants has increased in Russia in Parliamentary Newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-vyroslo-kolichestvo-prestupleniy-nesovershennoletnikh-migrantov.html?ysclid=mgt4hc9u6t82547477> (accessed: 16.10.2025)
4. The number of crimes committed by migrants has increased by 10% in Russia in Kommersant. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/7872128?esclid=mgrqmezn6k73533661> (accessed: 16.10.2025)
5. Immigrants in Russia: pros and cons in VTsIOM. URL: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv?ysclid=mqruc3nr3a338730513> (accessed: 16.10.2025)
6. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019-2025: Decree of the President of the Russian Federation. Of the Russian Federation dated 31.10.2018 No. 622 (as amended on 12.05.2023) in Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.11.2018, No. 45, art. 6917.
7. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030: Decree of the President of the Russian Federation. Federation No. 738 dated 10/15/2025 URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 16.10.2025)
8. On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation dated 12/07/2024 No. 1736 in Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/16/2024, No. 51, art. 8029.
9. On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation dated 05/31/2021 No. 824: Resolution of the Government of the Russian Federation dated 05/28/2025 No. 739 in Collection Legislation of the Russian Federation, 06/02/2025, No. 22 (Part I), art. 2865.

10. On amendments to Articles 67 and 78 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation": feder. Law No. 544-FZ of 12/28/2024 in Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/30/2024, No. 53 (Part I), art. 8554.
11. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation. Federation No. 400 dated 07/02/2021 in Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/05/2021, No. 27 (Part II), art. 5351.
12. On education in the Russian Federation: feder. The law of December 29, 2012 No. 273-FZ in Collection of legislation of the Russian Federation, December 31, 2012, No. 53 (part 1), art. 7598.
13. On approval of the Regulations on the conduct of the exam in Russian as a foreign language, the history of Russia and the Basics of legislation of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/31/2021 No. 824 in Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/07/2021, No. 23, art. 4068.
14. On approval of the Procedure for testing Russian language proficiency in a state or municipal educational organization sufficient for mastering educational programs of primary general, basic general and secondary general education for Foreign citizens and Stateless persons: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 03/04/2025 No. 170 in Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of request: 16.10.2025)
15. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2036 in Information portal of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: <http://www.economy.gov.ru> (accessed: 16.10.2025)

Научная статья

УДК 34.347.21

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.18>

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ЭМФИТЕВЗИСА В РИМСКОМ, ВИЗАНТИЙСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ

Александр Александрович Бирюков

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
a.biryukov75@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9892-5404>

Аннотация. Введение. Ограниченные вещные права на недвижимое имущество, включая эмфитевзис, имеют давнюю историю своего происхождения и развития. Корни эволюции эмфитевзиса уходят в древнеримскую цивилистическую традицию, при этом основные черты такого права практически в неизменном виде нашли свое отражение в законодательных системах современности. При этом эмфитевзис, в сравнении с иными правами на чужие вещи, такими как сервитуты или узуфрукт, в настоящее время широкого распространения не получил. **Материалы и методы.** Исследование правовой природы эмфитевзиса, его ключевых признаков как вещного права, анализ возникновения и дальнейшего законодательного развития построены на использовании диалектического метода, историко-правового метода, метода сравнительного правоведения, (компаративистики). При помощи анализа источников римского частного права (Дигесты, Кодекс Юстиниана), земельного законодательства Византии, современного зарубежного и российского законодательства о вещных правах. **Анализ.** Наравне с сервитутами, узуфруктом и суперфицием, эмфитевзис входит в число ограниченных вещных прав, допускающих пользование чужой недвижимостью - земельными участками сельскохозяйственного назначения на имеющих вещную правовую природу началах, отличных от арендного обязатель-

ства. Классический эмфитевзис сформировался как самостоятельное вещное право в результате аграрной политики римских властей, направленной на преодоление кризиса в сельском хозяйстве и конститутивные признаки эмфитевзиса, характеризующие его как *jus in re*, в результате рецепции римского частного права нашли отражение сначала в праве феодальной Европы, а затем и в современном гражданском праве. **Результаты.** Сформулировано авторское определение эмфитевзиса. Определены схожие черты и принципиальные отличия между классическим и современным эмфитевзисом, положения о котором содержатся в нормах европейского частного права. Сделаны выводы о нецелесообразности переноса конструкции эмфитевзиса (права постоянного землевладения) в российское гражданское и земельное законодательство.

Ключевые слова: эмфитевзис, аренда, владение, наследование, римское частное право, Византия, ограниченные вещные права, земельный участок

Для цитирования: Бирюков А. А. Юридическая конструкция эмфитевзиса в римском, византийском и современном европейском праве // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 705–711. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

THE LEGAL CONSTRUCTION OF EMPHYTEUSIS IN ROMAN, BYZANTINE AND MODERN EUROPEAN LAW

Aleksandr A. Biryukov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor
a.biryukov75@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9892-5404>

Abstract. Introduction. Limited proprietary rights to real estate, including emphyteusis, have a long history of origin and development. The roots of the evolution of emphyteusis go back to the ancient Roman civil tradition, while the main features of such a right are reflected almost unchanged in the legislative systems of modern times. At the same time, emphyteusis, in comparison with other rights to other people's things, such as easements or usufruct, is currently not widespread. **Materials and methods.** The study of the legal nature of emphyteusis, its key features as a real right, the analysis of the emergence and further legislative development are based on the use of the dialectical method, the historical and legal method, the method of comparative jurisprudence (comparative law). By analyzing the sources of Roman private law (Digests, the Justinian Code), the Byzantine land legislation, modern foreign and Russian legislation, the works of German pandectists, historians, and specialists in the field of civil law in Russia and abroad, the article examines the model of classical emphyteusis and its impact on the

formation of modern legislation on property rights. **Analysis.** Along with easements, usufruct, and superficies, emphyteusis is one of the limited property rights that allow the use of other people's real estate - agricultural land plots on a basis other than a lease obligation. Classical emphyteusis was formed as an independent property law as a result of the agrarian policy of the Roman authorities aimed at overcoming the crisis in agriculture, and the constitutive features of emphyteusis, characterizing it as *Jus in re*, as a result of the reception of Roman private law, were reflected first in the law of feudal Europe, and then in modern civil law. **Results.** The author's definition of emphyteusis is formulated. The similarities and fundamental differences between classical and modern emphyteusis are identified, the provisions of which are contained in the norms of European private law. Conclusions are drawn about the inexpediency of transferring the construction of emphyteusis (permanent land tenure rights) to Russian civil and land legislation.

Keywords: emphyteusis, lease, possession, inheritance,

Roman private law, Byzantium, limited property rights, land plot

For citation: Biryukov AA. The legal construction of emphyteusis in Roman, Byzantine and Modern European law. Humanities and law research. 2025;12(4):705-711. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.18>

Введение. Рецепция римского частного права послужила стартом для формирования современной конструкции ограниченных вещных прав на недвижимое имущество в странах континентальной (романо-германской) правовой семьи.

Вещно-правовые конструкции, которые были разработаны римскими юристами классической и постклассической эпохи, получили свое второе «рождение» в гражданском праве европейских государств – Италии, Франции, Германии и ряда других стран, придя на замену феодальным правовым институтам, опосредующим владение, пользование и распоряжение движимым и недвижимым имуществом.

Важнейшим направлением в области вещно-правовых отношений с древнейших времен остается регулирование прав на недвижимое имущество, пожалуй, главным из которых является земля. Решение земельного вопроса сохраняет свою актуальность со времен античности, независимо от того, в какой стране этот вопрос требует решения, какова там форма политической организации или по какому экономическому пути данная страна развивается.

Применительно к юридической стороне этого вопроса, можно смело утверждать, что попытки разработать наиболее эффективную модель правового регулирования оборота земельных участков предпринимались как в рабовладельческих государствах античности, так и в современных демократиях с высокоразвитой рыночной экономикой.

Ограниченные вещные права на чужие земельные участки и недвижимое имущество в целом имеют такую же долгую историю, как и право собственности, поскольку являются производными от данного абсолютного вещного права, дающего собственнику максимальный объем правомочий. В Древнем Риме появление таких прав, изначально было обусловлено дефицитом пригодных для сельскохозяйственной обработки участков, которые можно было бы приобрести на началах собственности.

Смежность мелких участков, появившихся необходимость ограниченного пользования чужой землей для выгод своей, породили такой вид прав на чужую недвижимость, как сервитуты (*servitutes*). Если же говорить о других ограниченных вещных правах, предполагавших более широкий объем правомочий пользователя, их происхождение было обусловлено иными экономическими причинами, среди которых распределение общественных (государственных) сельскохозяйственных земель и речь в таком случае идет о появлении эмпфитевзиса

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.02.2025

The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

(emphyteusis), предоставления земельных участков под застройку – суперфиция (*superficies*).

Среди ограниченных вещных прав своеобразием своего содержания отличается пользование или узупфрукт (*ususfructus*). Если сервитуты, эмпфитевзис и суперфиций своим происхождением обязаны вполне объективным экономическим причинам и могли возникать только на недвижимость, то узупфрукт, как отмечается в юридической литературе, появился с развитием учения о легатах [15, с. 262], и в качестве объекта обременения мог охватывать и движимые вещи. Узупфрукт устанавливается по воле лица в пользу другого лица, наделяя тем самым последнего персональными экономическими выгодами.

Возвращаясь непосредственно к предмету настоящего исследования, отметим, что в современных правовых порядках эмпфитевзис, как ограниченное вещное право, не получил такого же широкого распространения как сервитуты или узупфрукт. В настоящее время положения об эмпфитевзисе встречаются в гражданском и сельскохозяйственном законодательстве Франции (включая Майотту) [18; 20], Италии, [19], Нидерландов [17] и некоторых других немногочисленных стран, гражданское право которых тяготеет к романской подсистеме континентального права.

Для многих стран, особенно в свое время не столкнувшихся с рецепцией римского частного права, вопрос об ограниченных вещных правах, в том числе и эмпфитевзисе, является одним из самых актуальных с точки зрения законодательного процесса.

Действующее российское законодательство эмпфитевзис не регулирует. В свое время предложения о включении положений об эмпфитевзисе под названием «право постоянного владения и пользования», «постоянного землеуладения» были озвучены в Концепции развития гражданского законодательства, а также в Проекте Федерального закона № 47538-6, который, в том числе, предусматривал внесение масштабных изменений в раздел II Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). На сегодняшний день эти предложения так и остались в стадии проектов.

Между тем на страницах российской юридической периодики все же высказываются предложения о возможности использования конструкции эмпфитевзиса, и аргументируется те положительные правовые эффекты, которые можно было бы достичь в таком случае [7, с. 15-16]. Такие исследования, в сравнении с рабо-

тами, посвященными сервитутам, узурфрукту, немногочисленны. В условиях продолжающейся реформы вещного права в России актуализирует изучение, как истории эмфитевзиса (его характерных черт и особенностей, повлиявших на становление соответствующих положений современного законодательства), так и уже накопленного опыта других стран в данной области правового регулирования.

Материалы и методы. Основным методом исследования, при помощи которого автором изучена конструкция эмфитевзиса, является исторический (историко-правовой) метод научного познания. Исторический метод позволил изучить сохранившиеся до наших дней источники римского частного права, византийского права, в которых сохранились сведения о воззрениях правоведов различных периодов на эмфитевзис и иные ограниченные вещные права на землю.

В процессе исследования также применяется универсальный диалектический метод, при помощи которого автором проанализированы различные (противоположные) научные концепции, обосновывающие юридическую природу и сущность эмфитевзиса, а также приемы формальной логики, системного анализа. Сравнительно-правовой метод или метод компаративистики позволил изучить законодательство различных стран, содержащее положения об эмфитевзисе.

К проанализированным в настоящем исследовании источникам относятся сохранившиеся до наших дней памятники античной юриспруденции, западноевропейское законодательство, законодательство России. Теоретической базой исследования послужили труды ученых немецкой исторической школы права, отечественных правоведов и византистов.

Анализ. Принято считать, что эмфитевзис имеет вещно-правовую природу и среди иных ограниченных вещных прав выделяется тем объектом, который обременяется в случае его установления. Таким объектом становятся сельскохозяйственные земли.

Как и в случае с земельными сервитутами происхождение эмфитевзиса, по крайней мере, хотя бы приблизительное время его появления в античном праве, является вопросом, ответы на который можно дать лишь с определенной долей условности ввиду немногочисленности дошедших до наших дней подлинных римских правовых источников. С такой же долей условности можно делать выводы об изначальной природе эмфитевзиса – вещно-правовой или обязательно правовой.

Профессор Е. А. Суханов по этому вопросу отмечает: «Хозяйственные потребности привели к выработке сначала сервитутов, а затем и узурфрукта с его известными разновидностями (*usus* и *habitatio*); к этой же группе имуще-

ных прав исследователи обычно относят и появившиеся значительно позднее суперфиций и эмфитевзис, а также залоговое право (в формах *pignus* и *hypotheca*)» [13, с. 16-22].

Как полагает А. О. Рыбалов, в IV в. до н.э. эмфитевзис был уже известен в античной Греции и само происхождение этого термина восходит к греческому глаголу «*emphyteuein*», а римскому праву этот институт стал известен уже в III в. [11, с. 51]. Греческий эмфитевзис предполагал пользование чужой землей для разведения садов и виноградников [4, с. 259].

В литературе по истории римского права появление эмфитевзиса, как права вещного связывают с аграрной политикой римских властей, которая была направлена на введение в экономический оборот пустопорожних провинциальных земель, принадлежавших императорской казне *agri patrimoniales* [1, с. 122-123; 4, с. 259].

Общепринято считать, что основой для эмфитевзиса первоначально стал договор найма (аренды), из которого впоследствии и возникло право бессрочной аренды, но уже как право вещное, по сути, от аренды отделившееся и трансформировавшееся в самостоятельную вещно-правовую конструкцию. Как полагал С. А. Муромцев, произошло это в период поздней империи [8, с. 291]. Многие специалисты [6, с. 345; 8, с. 658; 2, с. 173] сходятся во мнении, что к правлению императора Зенона эмфитевзис приобрел те черты, которые стали свойственны ему на все последующее время, а именно вещно-правовой характер, бессрочность или продолжительный срок, возможность перехода по наследству, отчуждаемость.

В этой связи в литературе подчеркивается тесная связь эмфитевзиса с вектигальными контрактами, в силу которых допускался долгосрочный наем (аренда) так называемых «*agro vectigali*» «доходных полей» [15, с. 270] или государственных земель. О связи таких земель с эмфитевзисом говорится в шестой книге Дигест (D. 6.3.1), где древнеримский юрист Павел называет арендованную у государства землю эмфитевтическим участком, соответственно такие земли, подлежащие найму у государства, считаются вектигальными [5, с. 197].

Между тем высказывается мнение о том, что состав вектигальных земель выходил за границы казны и к ним относились участки, принадлежащие сельским и городским общинам (*ager publicus*), коллегиям жрецов. Суть вектигального правоотношения сводилась к возможности приобретать землю на праве долгосрочной наследственной аренды, которой со временем стали присущи вещно-правовые элементы, в частности защита при помощи вещно-правовых исков (*vectigalis action in rem*), возможность обременения сервитутом и т.д. Возмездность такого правоотношения была обу-

словлена обязанностью вектигалиста постоянно вносить арендную плату (*vectigal*).

Окончательное приобретение эмфитевзисом самостоятельных вещно-правовых признаков произошло, как уже отмечалось выше, в поздний период Римской империи – при правлении христианских императоров. Е. Э. Липшиц полагает, что уже в конце IV века н.э. произошло слияние двух юридических форм аренды – на частных и императорских землях, в один институт эмфитевзиса [16, с. 142]. Принято считать, что законодательно это было оформлено при императоре Зеноне, при котором эмфитевзис стал самостоятельным *jus in re*. По крайней мере, на это указывается в 66 разделе книги IV Кодекса Юстиниана (*Cod. Just.*, 4,66,1) «О законе эмфитевзиса» [21].

Итак, основной причиной широкого распространения эмфитевзиса, особенно на востоке Империи, называется политика властей, принимавших меры для преодоления упадка сельского хозяйства, включая создание среднего крестьянского землевладения [8, с. 658, 1, с. 122]. По мнению историков, характерным явлением для кризиса стал отток сельского населения – свободных граждан-арендаторов при котором, сельское хозяйство «обезлюдивалось» [14, с.176].

Кстати сам термин эмфитевзис и его перевод с греческого, означающий «насаждать» трактуется специалистами как производная от одной из главнейших обязанностей эмфитевта – насаждать растения на пустошах и необработанных землях, в том числе на землях, пришедших в упадок в ходе экономического кризиса III века н.э. [16, с. 143].

В это время эмфитевзис мог возникать уже не только на императорских землях, но и на землях церкви. При императоре Юстиниане эмфитевзис мог возникать по воле частных лиц – собственников крупных земельных участков [4, с. 259]. В этот период конструкция эмфитевзиса окончательно поглощает обязательственные черты вектигальных контрактов, превращаясь в самостоятельное ограниченное вещное право на чужую земельную недвижимость.

Какие вещно-правовые черты свойственны эмфитевзису? А. И. Гарбовский и Л. В. Щенникова, формулируя авторское определение римского эмфитевзиса, указывают на семь признаков этого института, объясняющих его самостоятельное место в системе вещных прав, среди которых: наследственный характер, право владения, пользования земельным участком (включая право на плоды), наличие правомочий по распоряжению своим правом, возмездный характер, вещно-правовая защита и выполнение публичных обязанностей управомоченного лица [3, с.103-104].

Как вещное право римский эмфитевзис первоначально мог возникать в силу договора, а впоследствии (у другого лица – наследника) в силу легата, что подтверждает наследственный характер пользования и владения обремененным земельным участком. Допускалось установление эмфитевзиса и по суду (при разделе участка), но не в качестве первоначального основания [1, с. 126]. Такие способы возникновения характерны для вещного права. По вопросу приобретения эмфитевзиса в силу давности, мнения разделяются, но большинство ученых относятся к такой возможности отрицательно.

Возможность передачи эмфитевзиса по наследству породили такую его разновидность как «вечный» эмфитевзис, наследовать который могло неограниченное количество поколений. Такой эмфитевзис упоминается в византийской Эклоге в противовес «ограниченному» эмфитевзису, который мог наследоваться только в трех поколениях [16, с. 61 – 62].

Как вещное право эмфитевзис включал правомочия по владению и пользованию земельными участками. Пользование носило практически неограниченный характер, включая как присвоение плодов и иных доходов с участка, так и его качественных улучшений (мелиорацию, возведение зданий и сооружений и т.п.).

В этой части пользования эмфитевт практически не ограничен, за исключением тех действий, который приводят к качественному ухудшению земли. В таком случае эмфитевзис принудительно прекращается по требованию собственника, без компенсации эмфитевту за неотделимые улучшения. Так, в XII Титуле Эклоги, сказано, что собственник имеет право отрешать эмфитевта от права, «...оставив ему как положено, что следует», если последний ухудшает объект. В средневековом чиншевом праве могли устанавливаться ограничения на пользование отдельными благами участка. Например, по средневековому Саксонскому зеркалу добыча чиншевиком камня, глины, дров на участке разрешалась только с согласия господина. Исключение составляло владение вечно-наследственным чиншем, где такое согласие не требовалось [12, с. 39].

Эмфитевт – владелец земли, обремененной эмфитевзисом. Объем владельческого правомочия был достаточно широким, поскольку для защиты своего владения допускалось использование виндикационного и иных исков, направленных на защиту владения, даже против самого собственника. Относительно статуса самого владельца эмфитевзиса следует сказать, что в римском и византийском обществе это могло быть физическое лицо, относящееся к свободному классу, материально обеспеченное, поскольку заключение договора и последующие ежегодные платежи требовали наличия определенного дохода.

В Византийском праве уже к VII в. существовали ограничения по статусу лиц, которые могли выступать в роли эмпитевтов. Статья 6 XII Титула Эклоги прямо запрещает «брать» эмпитевзис навечно или на срок доверенным лицам императорского дома, хартуляриям, дийокетам, включая родственников вышеперечисленных лиц, гражданским и военным архонтам, стратиотам [16, с. 61-62].

Таким образом, эмпитевт обладал достаточно широким кругом владельческих прав, в определенной мере схожих с правами лиц, обладающих узифруктом или даже самим собственником. В отличие от узифрукта эмпитевзис позволял изменять «субстанцию» вещи, но применительно к земельному участку это означало, что такие действия не должны его качественно ухудшать. Например, допускалось землю под посев использовать в качестве сада или виноградики или наоборот.

Как вещное право римский эмпитевзис содержал элементы правомочия распоряжения, но здесь следует понимать, что это правомочие имело ограниченный характер, в сравнении с входящими в его структуру пользованием и распоряжением.

Эмпитевзис – это отчуждаемое право. Сразу следует оговориться, что отчуждение предполагает не распоряжение участком, который обременен эмпитевзисом, а самим правом. Распоряжение участком земли, на который установлен эмпитевзис, всегда остается в сфере юридического господства собственника, распоряжение эмпитевзисом – у эмпитевта.

Римская традиция допускала как возмездное, так и безвозмездное распоряжение эмпитевзисом. Возмездное – по аналогии с куплей-продажей, безвозмездное – по конструкции дарения или односторонней сделки - завещания. По Эклоге эмпитевту разрешалось передавать эмпитевзис в приданое. Кроме отчуждения, эмпитевт мог осуществлять такие правомочия как обременение участка сервитутом, передачу эмпитевзиса в залог. Отчуждение эмпитевзиса предполагает перенос на приобретателя всех прав и обязанностей эмпитевта.

В пандектистике можно встретить разъяснения, правил о возмездном отчуждении, суть которых сводится к тому, что продаже подлежали так называемые «улучшения», связанные с эмпитевзисом [10, с. 459]. Видимо указанное замечание указывает на различие в приносящем выгоды первоначальном и подлежащем отчуждению эмпитевзисе.

В современных правовых порядках так же допускается возможность отчуждения эмпитевзиса. Например, ст. 965 Гражданского кодекса Италии допускает отчуждение эмпитевзиса путем продажи, дарения или наследования [19]. При этом договор об установлении эмпитевзи-

са может запрещать возмездное отчуждение в течение 20-летнего срока.

Правило, допускающее возможное отчуждение эмпитевзиса закреплено в ст. L451-1 Кодекса сельского и морского рыболовства Франции [20], ст. 92 ГК Нидерландов [17]. Договор об эмпитевзисе может предусматривать запрет такого распоряжения или получение согласия собственника участка. Такой же запрет мог налагаться и по римскому гражданскому праву. Кроме того, на эмпитевта как правило, возлагается обязанность предложить приобретение отчуждаемого эмпитевзиса собственнику обремененного участка по аналогии с преимущественным правом покупки. Например, обязанность уведомить собственника за два месяца до продажи эмпитевзиса возникала у эмпитевта по римскому, а затем и византийскому праву (Cod.Just.,4,66,3). Если собственник в течение указанного срока отказывался от приобретения эмпитевзиса в свою пользу, то у него возникала обязанность письменно оформить отношения с новым эмпитевтом (Ecloga, 12,2).

Как уже отмечалось выше, современному российскому праву институт эмпитевзиса неизвестен. Следует отметить, что правомочие распоряжения эмпитевзисом путем отчуждения, залога и иным образом, а также переход этого права в порядке универсального правопреемства предлагали закрепить в 299.5 ГК РФ разработчики проекта Федерального закона № 47538-6 [9].

Эмпитевзис – право бессрочное. Этим эмпитевзис как право вещное отличается от прав обязательственных и в том числе от ближайшего аналога – аренды. Бессрочность – это общее правило. Эмпитевзис может носить временный характер, но срок его действия должен иметь продолжительный характер. Например, по ГК Италии установлен минимальный 20-летний срок. По законодательству Франции максимальный срок эмпитевзиса составляет 90 лет.

Эмпитевзис налагает на управомоченное лицо целый ряд обязанностей. Главная обязанность – внесение платы собственнику. Размер платы, форма внесения платежей оговариваются собственником и эмпитевтом. В римском и в византийском праве такая плата была ежегодной. В европейском праве и праве западных губерний Российской Империи периодическая плата за пользование землями с наследственной арендой существовала в форме чинша.

Одновременно с платой в пользу собственника участка, на эмпитевта возлагалась обязанность внесения всех платежей в пользу казны, включая поземельные налоги, регистрационные пошлины и т.д. (Cod.Just.,4,66,2). Ухудшение качества участка или его части, неурожаи и иные обстоятельства (кроме гибели самого участка как вещи) не являются основа-

нием для отмены или уменьшения платы за эмфитевзис.

Еще одна обязанность – надлежащее содержание участка. Эмфитевт должен был пользоваться участком в соответствии с его назначением, не допуская качественного ухудшения его состояния. В этом отношении в своих обязанностях эмфитевт уравнивается с собственником, на которого возлагается бремя содержания своего имущества. Например, на эмфитевта может возлагаться обязанность содержания недвижимости, которая была расположена на участке до возникновения эмфитевзиса. Неполнение данной обязанности является основанием для досрочного прекращения эмфитевзиса по требованию собственника.

Результаты. За многовековую историю своего существования эмфитевзис сохранил черты, присущие данной вещно-правовой конструкции, которые концептуально получили свое обоснование в античной римской юриспруденции. Эмфитевзис представляет собой ограниченное вещное, переходящее по наследству, обременяющее земельный участок сельскохозяйственного назначения право, позволяющее управомоченному лицу за плату владеть и пользоваться таким участком, включая приобретение плодов и доходов с возможностью отчуждения права другому лицу.

В современном континентальном праве эмфитевзис сохранился в кодификациях некоторых стран, где отнесен в разделы о вещных правах лиц, не являющихся собственниками или в отраслевое (аграрное) законодательство, регулирующее долгосрочную аренду сельских земель.

Важнейшим неизменным условием классического эмфитевзиса, которое нашло свое отражение в современном гражданском праве, является возмездный, продолжительный или неограниченный по времени характер владения и пользования сельскохозяйственным земельным участком. Между тем, как показал анализ действующих редакций гражданских узаконений тех стран, где сохранился эмфитевзис, преимущественно применяется не бессрочное, а долгосрочное (свыше двадцати лет) владение и пользование. При этом существенно ограничивается возможность свободного (без согласия собственника) отчуждения эмфитевтом своего права в пользу третьих лиц.

Эмфитевзис – это вещное право, которое в отличие от узуфрукта, так же известного совре-

менным правовым порядкам, не имеет персонифицированного (личного) характера, т.е. имеет тесную связь не с конкретным лицом, а с земельным участком. Именно поэтому и в классическом, и в современном праве имеется возможность совершения эмфитевтом распорядительных сделок в отношении эмфитевзиса, а для собственника сделок по распоряжению самим участком, не отменяющих при смене самого собственника существования уже установленного эмфитевзиса.

В качестве общего вывода отметим, что сохранение черт классического эмфитевзиса в законодательстве некоторых современных стран – это, по большей части дань традиции, нежели рационально обоснованный подход, поскольку в большинстве зарубежных правовых порядков континентальной правовой семьи эмфитевзис трансформировался из вещного права в право обязательственное, вытекающее из договора долгосрочной аренды.

В этой связи следует сделать вывод об отсутствии целесообразности заимствования конструкции эмфитевзиса в отечественное гражданское и земельное право. Как показал историко-правовой анализ, появление эмфитевзиса, а также его последующее применение в законодательстве поздней Римской империи, Византии было напрямую увязано с аграрной политикой властей, при помощи которой предпринимались попытки улучшить состояние сельского хозяйства. В средневековой Европе эмфитевзис возник в результате рецепции римского частного права, вписавшись в сложную конструкцию земельных отношений феодальных государств. Как чиншевое право, эмфитевзис сохранялся в отдельных странах вплоть до конца XIX в. В современном европейском праве сегодня можно наблюдать тенденцию, направленную на исключение положений об эмфитевзисе из гражданского законодательства или, по крайней мере, на серьезную ревизию уже существующих норм.

Реализация предложений по законодательному закреплению эмфитевзиса в России, как представляется, лишь неоправданно усложнит сложившееся сегодня вещно-правовое регулирование, наличием дополнительной конструкции, которая будет конкурировать с обязательственным правом аренды земельных участков.

Литература

1. Барон Ю. Система римского гражданского права. Книга II. Владение. Книга III. Вещные права. М.: Тип. А.Ф. Скорова, 1898. 174 с.
2. Белогруд Н. Е. Римское право. Источники, история, институции. Киев: Изд. книжных магазинов И.А. Розова; Тип. Петра Барского, 1894. 220 с.
3. Гарбовский А. И. Щенникова Л. В. Римский эмфитевзис как вещное право. // Вестник Пермского университета. Серия право. 2010. Выпуск 2(8). С.99–105.
4. Дернбург Г. Пандекты. Том 2. Вещное право. СПб., 1911. 364 с.

5. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. II. М.: Статут, 2002. 622 с.
6. Зом Р. Институции. История и система римского гражданского права. Ч. 2. Система. Вып. 1. Общая часть и вещное право. Сергиев Посад, Тип. И.И. Иванова. 1916. 369 с.
7. Карпов Е. А. О возможности и эффективности применения эмпфитевзиса в российском гражданском праве // Гражданское право. 2024. № 6. С. 13–16.
8. Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима: лекции. М.: Тип. Мамонтова А.И., 1883. 697 с.
9. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).
10. Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1 / Пер. с последнего нем. изд. проф. Рудорффа; Издание Ф. Н. Плевако. М.: Типография «Современные известия», 1874.
11. Рыбалов А. О. Право постоянного землевладения // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7. С. 51–64.
12. Саксонское зеркало: Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В.М. Корецкий. М.: Наука, 1985. 272 с.
13. Суханов Е. А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 16–22.
14. Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 396 с.
15. Чезаре Санфилиппо. Курс римского частного права: Учебник / пер. с ит.; Под общ. ред. Д.В. Дождева. М.: Норма, 2007. 464 с.
16. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М.: Наука, 1965. 225 с.
17. Burgerlijk Wetboek Boek 5 // Wettenbank/ URL: <https://wetten.overheid.nl> (дата обращения: 11.10.2025).
18. Code Civil. Légifrance // Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 11.10.2025).
19. Codice civile // Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 11.10.2025).
20. Code rural et de la pêche maritime. // Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 11.10.2025).
21. The Code of Justinian. Translated by Samuel P. Scott. (Cincinnati, 1932) URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr> (дата обращения: 13.10.2025).

References

1. Baron J. System of Roman Civil Law. Book II. Possession. Book III. Proprietary Rights. Moscow: Tip. A.F. Scorogo; 1898. 174 p. (In Russ.).
2. Belograd NE. Roman law. Sources, history, institutions. Kyiv: I.A. Rozov bookstore publ.; 1894. 220 p. (In Russ.).
3. Garbovsky AI, Schennikova LV. Roman emphyteusis as the right in rem. *Vestnik Permskogo universiteta. Uridicheskie nauki*. 2010;2(8):99-105. (In Russ.).
4. Dernburg H. Pandects. Law of Property. Vol. 2. St. Petersburg: 1911. 364 p. (In Russ.).
5. Digests of Justinian. Kofanov LL. (ed.). Vol. II. Moscow: Statut; 2004. 622 p. (In Russ.).
6. Zohm R. Institutions: The History and System of Roman Civil Law. Issue 2. Serгиеv Posad: Tip. I.I. Ivanova; 1916. 369 p. (In Russ.).
7. Karpov EA. On the Feasibility and Efficiency of Emphyteusis Use in the Russian Civil Law. *Grajdanskoe pravo*. 2024.06:13-16. (In Russ.).
8. Muromtsev SA. The Civil Law of Ancient Rome. Lectures. Moscow: Tip. A.I. Mamontov, 1883. 697 p. (In Russ.).
9. Draft Federal Law №. 47538-6 «On Amendments to Parts One, Two, Three and Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (accessed: 14.10.2025). (In Russ.).
10. Pukhta GF. A Course of Roman Civil Law. Vol. 1. Translated from the last German edition of Prof. Rudorff; F.N. Plevako's edition. Moscow: Present-Day News printing office, 1874. 550 p. (In Russ.).
11. Rybalov AO. The right of permanent land ownership. *Vestnik VAS RF*. 2012;7:51-64. (In Russ.).
12. The Saxon Mirror: Monument, commentary, research / ed by Koreczkij VM. Moscow: Nauka; 1985. 272 p. (In Russ.).
13. Sukhanov E.A. Real Estate in the System of Civil Rights Objects. *Jurnal Rossijskogo prava*. 2021;1:16-22. (In Russ.).
14. Suzumov M.Ya. Byzantine studies. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2002. 396 p. (In Russ.).
15. Sanfilippo C. Course of Roman Private Law: Textbook / ed by DV Dozhdev. Moscow: Norma, 2001. 464 p. (In Russ.).
16. Eclogue. The Byzantine legislative code of the 8th century. Moscow: Nauka; 1965. 225 p. (In Russ.).
17. Burgerlijk Wetboek Boek 5 // Wettenbank/ URL: <https://wetten.overheid.nl> (: 11.10.2025).
18. Code Civil. Légifrance // Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (accessed: 11.10.2025).
19. Codice civile // Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it> (accessed: 11.10.2025).
20. Code rural et de la pêche maritime. // Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (accessed: 11.10.2025).
21. The Code of Justinian. Translated by Samuel P. Scott. (Cincinnati, 1932) URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr> (accessed: 13.10.2025).

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.19>**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА****Ирина Андреевна Демидова**

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь (д. 67, ул. Крупской, 212011, Могилев, Республика Беларусь)
Кандидат юридических наук, доцент
demidova-irina00@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

Аннотация. Введение. Статья написана в продолжение теоретических исследований правовой культуры, представленных в научных трудах автора. Феномен правовой культуры рассматривается в контексте теоретических положений, сформированных в рамках информационно-семиотического и деятельностного подходов к изучению правовой культуры в правоведении, что позволяет характеризовать отдельные аспекты правовой культуры в рамках положений юридической теории и практики организации правовой жизни белорусского общества.

Материалы и методы. В работе представлен информационный, коммуникационный и деятельностные аспекты правовой культуры. Интеграция данных подходов призвана характеризовать специфику национальной правовой культуры. Применены общенаучные методы обобщения и систематизации, а также частнонаучный формально-догматический метод. **Анализ.** Информационно-семиотический подход к рассмотрению правовой культуры раскрывается посредством характеристики правовых знаков и символов, сформированных в национальной правовой системе. Деятельностный аспект правовой культуры представляется с позиций сущностных признаков правотворческой, правоприменительной, правоохранительной и правообразовательной деятельности в совокупности характеризующих особенности правовой коммуникации. **Результаты.** Сформированы

теоретические положения, которые призваны характеризовать отличительных свойств правовой жизни современного белорусского общества, оценке уровня правовой культуры общества, прогнозированию направлений общественного правового развития. Определяющая роль в формировании и функционировании правовой культуры как социального феномена признается за правотворчеством и правовым образованием, которые оказывают качественные характеристики всех сфер правовой жизни современного общества.

Ключевые слова: правовая культура, методологический подход, информационно-семиотический подход, деятельностный подход, правовая коммуникация, правовая жизнь

Для цитирования: Демидова И. А. Правовая культура: отдельные аспекты в контексте юридической теории и правовой организации белорусского общества // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 712–717. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

LEGAL CULTURE: SELECTED ASPECTS IN THE CONTEXT OF LEGAL THEORY AND THE LEGAL ORGANIZATION OF BELARUSIAN SOCIETY**Irina A. Demidova**

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (67, Krupskaya st., 212011, Mogilev, Republic of Belarus)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor
demidova-irina00@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

Abstract. Introduction. The article is written in continuation of the theoretical studies of legal culture presented in the author's scientific works. The phenomenon of legal culture is considered in the context of the theoretical provisions formed within the framework of the information-semiotic and activity-based approaches to the study of legal culture in legal studies, which allows us to characterize certain aspects of legal culture within the framework of the provisions of legal theory and the practice of organizing the legal life of Belarusian society. **Materials and methods.** The paper presents the information, communication, and activity aspects of legal culture. The integration of these approaches is intended to characterize the specifics of national legal culture. General scientific methods of generalization and systematization, as well as the specific scientific method of formal-dogmatic analysis, have been applied. **Analysis.** The information-semiotic approach to the study of legal culture is revealed through the characteristics of legal signs and symbols formed in the national legal system. The activity aspect of legal culture is presented from the standpoint of the essential features of law-making, law enforcement and law-educational activities, which together characterize the peculiarities of legal communica-

tion. **Results.** Theoretical provisions have been formed, which are intended to characterize the distinctive features of the legal life of modern Belarusian society, assess the level of legal culture of society, and predict the directions of social legal development. The defining role in the formation and functioning of legal culture as a social phenomenon is recognized for law-making and legal education, which establish the qualitative characteristics of all spheres of legal life in modern society.

Keywords: legal culture, methodological approach, information-semiotic approach, activity-based approach, legal communication, legal life

For citation: Demidova IA. Legal culture: selected aspects in the context of legal theory and the legal organization of Belarusian society. Humanities and law research. 2025;12(4):712-717. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Правовая культура в контексте научного поиска предстает как объект познания различных наук, прежде всего, юриспруденции. Одновременно в социальном плане она подлежит оценке как сложившаяся в рамках отдельного общества правовая реальность, которая характеризует правовую организацию жизни общества. Феномен правовой культуры исследуется в правоведении с позиций ряда методологических подходов, что призвано всестороннему анализу, оценке, а также прогнозированию на основе научных знаний направлений правового развития социума. В данной связи теоретическое юридическое знание правовой культуры выполняет онтологическую, гносеологическую и прогностическую функции, что имеет не только научную, но и социальную значимость.

Интеграция методологических подходов к изучению правовой культуры позволяет сформировать обобщенное представление о данном социально-правовом феномене, всесторонне исследовать социальные проявления. Представленный подход позволяет установить общую направленность правового развития социума, а также выявить особенности правового функционирования отдельного общества. В контексте теоретического объяснения востребованным является информационно-семиотический подход к трактовке права и правовой культуры. Актуальным с позиции социально-правовой практики представляется определение специфики коммуникационных аспектов правовой культуры современного общества. В свою очередь, сформированность правовой культуры общества может быть оценена сквозь призму деятельностного подхода к пониманию правовой культуры. В статье реализуется интегративный подход к пониманию правовой культуры с позиций обозначенных подходов.

Материалы и методы. Такие социальные аспекты правовой культуры как информационный, коммуникационный и деятельностный выделяются в качестве определяющих при установлении специфики правового функционирования современного белорусского общества в силу того, что фиксируют ценностный выбор и направленность общественного развития. Обозначенное теоретическое положение характеризует авторский подход к характеристике феномена правовой культуры [8]. При широкой теоретической базе исследования, представленной работами российских и белорусских авторов, эмпирическую основу составляет социально-правовая практика современного белорусского общества. В исследовании применены общенаучные методы обобщения и систематизации, а также частно-научные методы – формально-догматический, юридического прогнозирования и другие. В качестве общей цели познания феномена правовой культуры выступает формирование концептуального знания правовой культу-

ры современного белорусского общества, что призвано обеспечению качества правовой жизни и достижению правового прогресса в общественных отношениях.

Анализ. Информационный аспект правовой культуры общества в контексте информационно-семиотического подхода в своем основании базируется на понимании культуры в целом как основополагающей знаковой системы, выполняющей функцию отбора и структурирования информации [16, с. 78]. В философской литературе для обозначения семиотического универсума – пространства, в которое погружены все участники коммуникации, используется понятие «семиосфера» (Ю. М. Лотман) [21]. Правовую семиосферу составляют правовые предметы-знаки и правовые символы. Функцию фиксации смыслов выполняют предметы-знаки, которые представлены знаниями в виде информации о свойствах и отношениях объектов, ценностями в качестве средства удовлетворения человеческих потребностей и регулятивами – программами деятельности, которые ведут человека к достижению определенной цели и образуют правовую информацию [14, с. 50–51]. Правовой семиозис (знаковый процесс) предстает как деятельность, связанная с созданием и функционированием правовых знаков и правовых знаковых систем [15, с. 182]. В данной связи информационно-семиотический и деятельностный подходы к рассмотрению правовой культуры «завязаны» на правовой коммуникации. Правовая культура в представленном ракурсе трактуется как информация, которая сохраняется не только в объективном носителе – знаковых системах, но и в субъективном – человеке, обществе, социальных группах [14, с. 51]. В первом случае знаки и знаковые системы представляют из себя нормативную информационную модель, которая закреплена в законодательстве и выражает конкретное юридическое предписание или информацию юридического сервиса, понятные субъектам правового воздействия [4, с. 199–200]. При этом назначение правовой информации заключается в обеспечении эффективного правового общения, что может быть обеспечено сформированностью правового сознания на уровне личности, общества, отдельных социально-профессиональных групп.

Признается, что языковые знаковые системы, в которых базисным знаком выступает слово, фиксируют содержание норм права посредством правовых текстов и правовой речи [15, с. 180–181]. В данной связи в правоведении обосновывается их рассмотрение, в том числе, в контексте юридической техники (М. Л. Давыдова [6], А. Ф. Черданцев [29] и др.). Обозначенный подход позволяет характеризовать информационный и деятельностный аспекты правовой культуры общества исходя из разработанности и реализации правил юридической

техники в нормотворческой деятельности, что в социальном плане призвано обеспечить совершенство национального законодательства. Необходимо отметить, что в Республике Беларусь действует Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», который включает главу 4 «Требования нормотворческой техники» [12]. При этом формализация требований к разработке, принятию, опубликованию нормативных правовых актов и их практическая реализация автоматически не гарантируют их совершенство. Фактором, определяющим эффективность процессов правообразования в целом выступает сформированность общественного правового сознания и уровень правовой культуры, прежде всего, субъектов нормотворческой деятельности – государственных должностных лиц, а также всего населения при принятии решений на референдумах. Вывод исходит из признания доминирования нормативного правового акта как источника права среди других форм права.

В оценке правового культурного развития общества предпочтительно следовать широкой трактовке правовых символов в виде совокупности всех символов, являющихся частью правовой культуры общества, интегрированных в его правовую систему [5, с. 57]. В представленном контексте правовые символы рассматриваются как производные от символов общесоциальных. В данной связи они представляют правовое опосредование знаковых кодированных регуляторов общественных отношений, сложившихся исторически на уровне обычаев и традиций или изначально сформированных в правовой форме [3, с. 71]. При таком подходе правовые символы выступают отличительной характеристикой национальной правовой системы. В контексте информационной составляющей правовой культуры они определяются, как «... закрепленная в законодательстве нормативная информационная модель, выражающая общее и наиболее значимое для государства юридическое содержание и понятная субъектам правового воздействия» [4, с. 199]. При этом за правовыми символами признается функция средства не только внутрисударственного, но и международного правового общения (А. В. Никитин) [22]. В данной связи правовые символы, сформированные в рамках национальной правовой системы, выступают источниками правовой информации для членов общества, а также выполняют функции информирования о национальной модели правового регулирования для мирового сообщества. Определяющими качествами правовых символов признается их ценностное содержание (П. Д. Шалагинов) [31]. Установление социальной роли права как всеобщей справедливости находит отражение в демократической конституции и межгосударственных соглашениях по правам человека.

Сформированность национального права характеризует национальную правовую систему и, в том числе, определяет ее качественное состояние – правовую культуру.

Показательно, что в общественно значимом правовом документе – Концепции правовой политики Республики Беларусь при оценке развития национальной правовой системы фиксируются как положительные, так и отрицательные тенденции, что характеризует уровень правовой культуры белорусского общества. В числе положительных тенденций называются относительная стабильность законодательства (п. 22) [28], соответствие реалиям техногенной цивилизации – проявляется в последовательном переходе к цифровому стандарту нормотворчества, во внедрении цифровых технологий в правореализационную деятельность, в создании необходимых условий для эффективной правовой коммуникации гражданина и государства и др. (п. 26.1) [28]. При этом констатируется необходимость устранения избыточности правового регулирования, фиксируется недостаточные гибкость и адаптивность правоприменительной практики в условиях внешнеполитических и внешнеэкономических вызовов и угроз, отмечается неготовность правоприменителей к работе с принципами права и ряд других негативных тенденций (п. 26.2) [28]. Преодоление негативных факторов требует совершенствования правового регулирования в соответствии с ценностным выбором правового развития. Общественно значимыми ценностями белорусского общества в политической сфере общественных отношений устанавливаются государственный суверенитет, народовластие, законы, эффективное участие молодежи в общественной жизни, в социально-культурной сфере – историческая память, традиции и ценности белорусского народа, патриотизм и национальное самосознание, традиционная семья (п. 24) [28]. В контексте обеспечения необходимого уровня правовой культуры на государственном уровне ставится задача развития правового воспитания, а также правового просвещения населения, что предполагает, в том числе, фиксацию правовых символов.

В научном плане сущностному пониманию правовых символов призваны классификации их по различным основаниям. Внешняя проявленность правовых символов позволяет различать по форме выражения письменные, устные, изобразительные символы и особые действия (Н. Н. Вопленко) [3]. В качестве примера письменного правового символа независимой Республики Беларусь выступает текст присяги Президента, устного – процедура инаугурации вновь избранного Президента, в совокупности символизирующих вступление в должность высшего должностного лица. Важным звуковым символом государства служит государственный гимн, исполняемый в предусмотренных законом

торжественных случаях, в частности, при вступлении Президента Республики Беларусь в должность после принесения им Присяги (ст. 12) [9]. Обозначенные формы символического выражения права фиксируют правовой характер организации государственного устройства.

В контексте темы исследования подлежит учету различие правовых символов по юридической значимости. В данном контексте выделяются правовые символы в узком смысле – символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством, а также правовые символы в широком смысле – символы, которые используются в праве, независимо от нормативного закрепления, в том числе юридически значимые символы и запрещенные действующим правом [6, с. 12]. Наибольшая практическая значимость в качестве средств юридической техники признается за первой группой символов, представленной в системе национального законодательства – законах и иных актах. В их число в Республике Беларусь входят такие законы, как Конституция, 26 кодексов и более 4000 праворегулирующих законов и нормативных правовых актов Президента (п. 22) [28]. В настоящее время в разработке находятся кодексы о гражданском судопроизводстве, о здравоохранении, а также экологический кодекс, что призвано совершенствованию правового регулирования общественных отношений.

Правотворчество как социально значимый процесс в научной и учебной литературе рассматривается как деятельность государства, направленная на создание правовых норм, и исходное звено механизма правового регулирования, в качестве элементов которого обозначаются также правосознание и режим законности (С. С. Алексеев [1, с. 209–275], Н. И. Матузов и А. В. Малько [25, с. 621–633], В. В. Кожевников [17, с. 625–628], В. М. Корельский и В. Д. Перевалов [26, с. 269–270] и др.). Как организационно и юридически упорядоченный процесс правотворчество завершает правообразование – специфическую деятельность нормотворческих государственных органов, а также деятельность непосредственных участников общественных отношений, направленную на согласование своего поведения с правом [23, с. 145–146]. В данной связи существует социальный запрос на сформированность профессиональной правовой культуры государственных должностных лиц и правовой культуры представителей гражданского общества. При этом деятельностный срез правовой культуры может быть рассмотрен сквозь призму не только правотворческой, но и правоприменительной, правоохранительной и правообразовательной деятельности.

Правотворчество как вид юридической деятельности представляет собой государственную деятельность, ориентированную на управление обществом посредством формирования норма-

тивной основы общественной жизни. Результатом нормотворческой деятельности государственных органов выступает национальное законодательство в виде совокупности всех нормативных правовых актов. Особая роль законов в системе законодательства устанавливает жесткую регламентацию их принятия, что находит закрепление в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (с изменениями и дополнениями) (ст. 99, 100) [18] и определяет специальный правовой статус должностных лиц представительных органов государственной власти в соответствии с Законами Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики» [11]. Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь относятся к категории государственных должностных лиц (ст. 1) [10]. Тем самым белорусский законодатель закрепляет особые права, обязанности и ответственность данной категории лиц.

Научно обоснованы общие критерии качества нормативных правовых актов. В их числе: адекватное отражение реальной действительности; стабильность и непротиворечивость; обеспеченность материальными, духовными, организационными и принудительными мерами; содержание достоверной правовой информации; достаточно полное регулирование определенного типа, вида и подвида общественных отношений; соответствие нравственным началам и международным стандартам и ряд других [13, с. 22]. Особые требования к законам устанавливаются их местом в правовых системах большинства стран, что находит отражение в фиксации процедуры их принятия посредством регламентации законодательного процесса. В теоретическом плане возможность воздействия законодателя на процесс правового развития позволяет рассматривать закон как одну из форм осознания и формулирования закономерностей права (научная аргументация Н. В. Сильченко) [24]. Разработка законов и нормотворческая деятельность депутатов местных Советов – сложный интеллектуальный процесс, в том числе технический, что определяет потребность профессиональной правовой культуры депутатов всех уровней, которые представляя все слои общества [7].

Одновременно в политико-правовой практике государства важно не только принятие качественных законов, но и их эффективное применение. Требование наличия профессиональной правовой культуры правоприменительной деятельности обусловлено общей идеологией различных типов правоприменения – управленческого, административного, судебного. При том, что каждый из обозначенных типов имеет свою специфику, в качестве единых принципов правоприменения устанавливаются: оператив-

ность, объективность, единообразие правоприменения; справедливость, эффективность и целесообразность решения; законность правоприменения [30, с. 259–263]. Управленческое решение субъектов правоприменения выступает как обязательное к исполнению общественно необходимых действий установление, как сознательный акт субъекта управления, связанный с осознанием и выбором целей, определением путей их достижения. Специфика правоприменительных актов обусловлена усмотрением субъектов управления, ограничена их компетенцией [2, с. 26]. В данной связи условиями оптимальности управленческих решений определяются компетентность субъектов, принимающих и реализующих решения; обеспеченность решения информацией; обоснованный выбор проблемы, цели и средств ее достижения; своевременность, цикличность и соподчиненность решений [27, с. 76–139]. Правовой характер управленческого решения предполагает правовую грамотность субъектов правоприменения. В условиях информатизации государственного управления требуется также техническая подготовка управленцев, судей и других категорий лиц, что определяет необходимость формирования соответствующих компетенций и позволяет вести речь об информационной правовой культуре отдельных профессиональных сфер для обеспечения эффективной правовой коммуникации. Представленный подход фиксирует коммуникативный аспект правовой культуры в современном обществе.

Роль права в нормативной системе обуславливает значимость правоохранительной деятельности и позволяет характеризовать правовую культуру правоохранительной деятельности отдельных государств. Следует исходить из того, что субъектами правоохранительной деятельности выступают государственные органы для которых правоохранительная деятельность может являться как основной, так и неосновной (дополнительной), а также негосударственные организации, созданные для охраны прав и законных интересов граждан, а также осуществляющие правовую охрану помимо своей основной деятельности [20, с. 8–9]. По сути все государственные органы в большей или меньшей степени выполняют правоохранительные функции. Включение государственного органа в систему правоохранительных означает, что правоохранительная деятельность занимает значительное место в объеме его работы и посредством этой деятельности реализуется правоохранительная функция государства. К правоохранительным государственным органам Республики Беларусь относятся органы внутренних дел, Следственный комитет, органы прокуратуры. Специализированными видами государственной службы считается служба в органах по чрезвычайным ситуациям, в таможенных органах и других, в частности в органах финансовых рас-

следований Комитета государственного контроля Республики Беларусь [19, с. 87–88]. Базовым принципом функционирования всех государственных органов и общества в целом является конституционный принцип законности или верховенства права, что закреплено в ст. 7 Конституции [18]. Правоохранительные органы призваны обеспечивать законность и правопорядок в обществе, что определяет соответствующие требования для их сотрудников в части правовой, профессиональной и служебной подготовки.

В современных реалиях важным аспектом в характеристике правовой культуры общества является организация правовой образовательной деятельности. Данное установление исходит из признания правового образования фактором устойчивого развития трансформирующегося общества. Социальный запрос на формирование и проведение правовой образовательной политики реализуется в условиях правовой организации общества посредством правового образования, содержательная характеристика которого в своей основе базируется на мировоззренческой составляющей любой образовательной деятельности. В свою очередь, организационная характеристика предполагает обозначение форм, методов и субъектов правового воздействия на личность. Представляется, что все уровни образования должны включать правовое образование, что должно обеспечить его непрерывность в совокупности с самообразованием в правовой сфере как объективной необходимостью. Это призвано обеспечить обретение личностью правового образа через непрерывное правовое обучение и в ходе правового воспитания. При этом следует исходить из того, что воспитательное воздействие на членов социума оказывают все факторы правовой жизни общества. В данной связи позитивную роль играют эффективное функционирование механизма государства, качество законодательства, высокий уровень подготовки специалистов юридического профиля, правовая пропаганда, налаженная правовая коммуникация, что позволяет считать правовую образовательную деятельность определяющей в формировании правовой культуры общества.

Результаты. Правовое функционирование социума предстает как реальность, представленная в проекции теоретического юридического знания.

Правовая информация, зафиксированная в правовых знаках и знаковых системах, прежде всего, в национальном законодательстве и общественном правовом сознании отличает правовую жизнь отдельного общества. Эффективность правовой коммуникации на всех уровнях, функционирование государственных структур исключительно в правовом поле, правовое взаимодействие государственных органов, организаций, граждан определяют уровень правовой

культуры. Состояние правовой культуры общества может быть проявлено через различные виды правовой деятельности – правотворческую, ориентированную на создание правовых норм, правоприменительную, призванную обеспечению действия норм права в обществе, правоохранительную, направленную на охрану права и правообразовательную, способствующую формированию правовой личности и установлению социальной ценности права. В соответствии с этим параметрами правовой культуры общества выступают качество законодательства (актуальность, беспробельность, отсутствие коллизий), эффективное правоприме-

нение, сформированная правоохранительная сфера в виде государственных и негосударственных структур и правовое образование, ориентированное на складывание прогрессивного правового сознания.

Сформированные теоретические положения призваны не только характеристике отличительных свойств организации правовой жизни современного белорусского общества с целью оценки уровня правовой культуры, но также прогнозированию направлений правового развития, прежде всего, посредством корректировки правотворческой и правообразовательной деятельности государства.

Литература

1. Алексеев С. С. Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1995. 320 с.
2. Вежновец В. Н., Харитонов А. А. Понятие правоприменительных актов органов государственного управления // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2001. № 2 (2). С. 23–26.
3. Вопленко Н. Н. Правовая символика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 4–5. С. 71–73.
4. Глушаков А. Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. № 2. С. 199–206.
5. Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 56–63.
6. Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. 51 с.
7. Демидова И. А. Правовая культура публичных должностных лиц органов местного управления и самоуправления: монография. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. 184 с.
8. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования: монография. Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с.
9. Закон Республики Беларусь «О государственных символах Республики Беларусь» от 5 июля 2004 г. № 301-З (ред. от 07.02.2023). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p2=2/1050> (дата обращения: 18.09.2025).
10. Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 № 305-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500305> (дата обращения: 18.09.2025).
11. Закон Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики» от 04.11.1998 № 196-З (ред. от 12.07.2023). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H19800196> (дата обращения: 18.09.2025).
12. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» 17.07.2018 № 130-З (ред. от 28.06.2024) URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (дата обращения: 18.09.2025).
13. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–24.
14. Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1. С. 50–56.
15. Ковкель Н. Ф. Антропологическая сущность права в контексте семиотического подхода и основные концепты правовой семиотики // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма : сборник научных трудов; под общей редакцией В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Академия МВД Респ. Беларусь, 2015. С. 175–183.
16. Ковкель Н. Ф. Проблемы определения и классификации правовых знаков и знаковых систем в контексте развития семиотики права // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Правазнаўства. 2015. № 5 (201). С. 6–16.
17. Кожевников В. В. Теория государства и права: учебник: в 2 ч. – М.: Проспект, 2023. Ч. 2. 912 с.
18. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 г. № 2875-XII (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996, 17.10.2004. и 27.02.2022). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoyi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/> (дата обращения: 18.09.2025).
19. Краснобаева Л. А. Виды государственной службы // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 2 (89). С. 86–90.
20. Ланцова О. М. Органы внутренних дел как структурный элемент правоохранительной системы современной России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2003. 26 с.
21. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
22. Никитин А. В. Правовые символы : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. 241 с.
23. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
24. Сильченко Н. В. Законотворчество. Закон. Правовая система : избранные труды. Минск: Право и экон., 2020. 200 с.
25. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 1997. 672 с.
26. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М.: ИНФРА-М : Норма, 1997. 558 с.
27. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М.: Наука, 1972. 286 с.
28. Указ Президента Республики Беларусь «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» от 28.06.2023 № 196 (ред. от 14.03.2024). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196> (дата обращения: 18.09.2025).
29. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма, 2012. 320 с.

30. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт, 1999. 429 с.
31. Шалагинов П. Д. Функции правовых символов : автореф. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 26 с.

References

1. Alekseev SS. Theory of Law. Moscow: BEK, 1995. 320 p. (In Russ.).
2. Vezhnovec VN, Kharitonov AA. The Concept of Law Enforcement Acts of State Administration Bodies *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus*. 2001;2 (2):23–26. (In Russ.).
3. Voplenko NN. Legal Symbolism. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie*. 1995;4–5:71–73. (In Russ.).
4. Glushakov AYU. Legal Symbol: Concept, Features, Classification. *Sociologiya vlasti*. 2009;2:199–206. (In Russ.).
5. Davydova ML. Legal Symbols and Symbols in Law: Concept, Significance, Classification. *YUridicheskaya tekhnika*. 2008;2:56–63. (In Russ.).
6. Davydova ML. Theoretical and methodological problems of the concept and composition of legal technology : abstract of thesis. Volgograd, 2010. 51 p. (In Russ.).
7. Demidova IA. Legal culture of public officials of local government and self-government: monograph. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2011. 184 p. (In Russ.).
8. Demidova IA. Legal culture of modern Belarusian society: research methodology, issues of understanding and improvement: monograph. Mogilev: Mogilev. Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2021. 396 p. (In Russ.).
9. Law of the Republic of Belarus «On State Symbols of the Republic of Belarus» dated July 5, 2004, No. 301-Z (as amended on February 7, 2023). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p2=2/1050> (accessed: 18.09.2025). (In Russ.).
10. Law of the Republic of Belarus «On Combating Corruption» dated 15.07.2015 No. 305-Z. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500305> (accessed: 18.09.2025). (In Russ.).
11. Law of the Republic of Belarus «On the Status of a Member of the House of Representatives and a Member of the Council of the Republic» dated 04.11.1998 No. 196-Z (as amended on 12.07.2023). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H19800196> (accessed: 18.09.2025). (In Russ.).
12. Law of the Republic of Belarus «On Normative Legal Acts» dated 17.07.2018 No. 130-Z (as amended on 28.06.2024) URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (accessed: 18.09.2025). (In Russ.).
13. Kartashov VN. Legal Technology or Legal Technique? Some methodological aspects of research. *YUridicheskaya tekhnika*. 2007;1;16–24. (In Russ.).
14. Klyemenova EV, Moraleva KA. Legal culture and its standards in the constitutions of the Russian Federation. *Pravovedenie*. 2003;1;50–56. (In Russ.).
15. Kovkel NF. The Anthropological Essence of Law in the Context of the Semiotic Approach and the Main Concepts of Legal Semiotics in Ethical and Anthropological Characteristics of Modern Law in the Situation of Methodological Pluralism: Collection of Scientific Papers; ed. by VI. Pavlov and AL. Savenko. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Belarus, 2015. p. 175–183. (In Russ.).
16. Kovkel NF. Problems of Definition and Classification of Legal Signs and Sign Systems in the Context of the Development of Legal Semiotics. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhajnaga ŭniversiteta. Ser. 4, Pravaznaŭstva*. 2015;5(201):6–16. (In Russ.).
17. Kozhevnikov VV. Theory of State and Law: Textbook: in 2 parts. Moscow: Prospekt, 2023. Part 2. 912 p. (In Russ.).
18. Constitution of the Republic of Belarus dated March 15, 1994, No. 2875-XII (with amendments and additions adopted at the republican referendums on November 24, 1996, October 17, 2004, and February 27, 2022). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutysynae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/> (accessed: 18.09.2025). (In Russ.).
19. Krasnobaeva L. A. Types of Public Service. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 2015;2 (89):86–90. (In Russ.).
20. Lantsova O. M. Internal affairs bodies as a structural element of the law enforcement system of modern Russia: theoretical and legal aspect: abstract of thesis. St. Petersburg, 2003. 26 p. (In Russ.).
21. Lotman YuM. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.).
22. Nikitin AV. Legal symbols: thesis. Nizhny Novgorod, 1999. 241 p. (In Russ.).
23. General Theory of Law and the State: textbook / ed. by V. V. Lazarev. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: Yurist, 2001. 520 p. (In Russ.).
24. Silchenko, N. V. Lawmaking. Law. Legal System: Selected Works. Minsk: Law and Economics, 2020. 200 p. (In Russ.).
25. Theory of State and Law: Course of Lectures / ed. by N. I. Matuzov and A. V. Malko. Moscow: Yurist, 1997. 672 p. (In Russ.).
26. Theory of State and Law: Textbook for Law Universities / ed. by V. M. Korelsky and V. D. Perevalov. Moscow: INFRA-M: Norma, 1997. 558 p. (In Russ.).
27. Tikhomirov YuA. Management decision. Moscow: Nauka, 1972. 286 p. (In Russ.).
28. Decree of the President of the Republic of Belarus «On the Concept of Legal Policy of the Republic of Belarus» dated 28.06.2023 No. 196 (ed. dated 14.03.2024). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196> (accessed on 18.09.2025). (In Russ.).
29. Cherdantsev A. F. Logical and linguistic phenomena in jurisprudence: a monograph. Moscow: Norma, 2012. 320 p. (In Russ.).
30. Cherdantsev A. F. Theory of the state and law. Moscow: Yurayt, 1999. 429 p. (In Russ.).
31. Shalaginov P. D. Functions of legal symbols: thesis. Nizhny Novgorod, 2007. 26 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 340.1: 341.94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.20>

LEX MERCATORIA: РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ирина Николаевна Ключовская^{1*}, Фатима Рамазановна Контлакова²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Доктор юридических наук, профессор
klyukovskaya@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4498-2571>.

² Северо-Кавказская государственная академия (д.35/41, ул. Ставропольская, 369001, Черкесск, Российская Федерация)
Старший преподаватель
f.kontlakova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4262-800X>.

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Lex mercatoria представляет собой автономный комплекс правовых принципов, действующий параллельно с национальными правовыми системами и удовлетворяющий потребности международных контрагентов в единообразии регулирования. Стремительное усложнение международных экономических отношений и развитие цифровых торговых платформ обостряют необходимость изучения данного явления как саморегулирующейся системы, формируемой непосредственно участниками международной торговли. Настоящее исследование направлено на раскрытие неоднозначной природы lex mercatoria через призму исторического становления данного института, его современного функционирования и трансформационного потенциала в контексте глобализации коммерческой деятельности. **Материалы и методы.** Методологическая база исследования определилась интегративным подходом, объединяющим прогностический, системный, историко-правовой, формально-юридический методы научного познания. Источниковая база сформирована из разнородных материалов: доктринальных положений исследователей международного частного права; международных нормативных актов, правоприменительной практики транснациональных арбитражей, документации торговых ассоциаций и корпоративных кодексов поведения. Особое внимание уделено анализу решений международных коммерческих арбитражных институтов как важнейших проводников применения lex mercatoria в современном правовом пространстве. **Анализ.** В исследовании lex mercatoria рассматривается как многоаспектное явление через изучение его трансформации от средневекового купеческого права до современной саморегулируемой транснациональной системы. Предпринимается теоретическое осмысление диалектики между юридическим позитивизмом и естественно-правовым подходом к легитимации lex mercatoria. Проводится системно-функциональное исследование источников современного lex mercatoria с выделением иерархических связей между ними. Критическому анализу подвергаются проблемные аспекты имплементации принципов lex mercatoria в

национальное законодательство и их использование в правоприменительную деятельность. Анализируются новые тенденции развития транснационального коммерческого права в условиях цифровизации. **Результаты.** Проведенное исследование демонстрирует эволюционную устойчивость lex mercatoria как феномена, адаптирующегося к меняющимся условиям международной торговли при сохранении своей сущностной автономии. Выявлены основные факторы жизнеспособности данной системы: процедурная гибкость, ориентация на справедливый баланс интересов участников торговых отношений и способность инкорпорировать новые торговые практики. Определены контуры конвергенции традиционных инструментов lex mercatoria с инновационными технологическими решениями, формирующими новое поколение транснационального регулирования. Предложена концептуальная модель кооперативного взаимодействия между национальными правовыми системами и lex mercatoria. Установлена корреляция между эффективностью lex mercatoria и степенью интернационализации отдельных сегментов коммерческой деятельности, позволяющая прогнозировать дальнейшую эволюцию данного правового феномена.

Ключевые слова: lex mercatoria, международное частное право, международное торговое право, коммерческое право, электронная торговля

Для цитирования: Ключовская И. Н., Контлакова Ф. Р. Lex mercatoria: ретроспективы и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 718–725. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.20>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

LEX MERCATORIA: RETROSPECTIVES AND PROSPECTS

Irina N. Klukovskaya^{1*}, Fatima R. Kontlakova²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Doct. Sc. (Law), Professor
klyukovskaya@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4498-2571>.

² North-Caucasus State Academy (35/41, Stavropolskaya st., 369001, Cherkessk, Russian Federation)
Senior lecturer
f.kontlakova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4262-800X>.

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Lex mercatoria is an autonomous set of legal principles that operates in parallel with national legal systems and meets the needs of international counterparties for uniformity of regulation. The rapid complication of international

economic relations and the development of digital trading platforms exacerbate the need to study this phenomenon as a self-regulating system formed directly by participants in international trade. The study is aimed at revealing the ambiguous nature of

lex mercatoria through the prism of the historical formation of this institution, its modern functioning and transformational potential in the context of the globalization of commercial activity. **Materials and Methods.** The methodological base of the research includes an integrative approach that combines prognostic, systemic, historical, legal, and formal legal methods of scientific cognition. The source base is formed from multi-level materials: doctrinal provisions of researchers of private international law, international normative acts, law enforcement practice of transnational arbitration, documentation of trade associations and corporate codes of conduct analysis of decisions of international commercial arbitration institutions as the most important conductors of the application of lex mercatoria in the modern legal space. **Analysis.** The authors examine the lex mercatoria as a multifaceted phenomenon through the identification of its changes from medieval merchant law to the modern self-regulating transnational system. The authors undertake a theoretical comprehension of the dichotomy between legal positivism and the natural-law approach to the legitimization of lex mercatoria, problematic aspects of the implementation of the principles of lex mercatoria in national legislation and use in law enforcement. New trends in the development of transnational commercial law in the context of digitalization are investigated. **Results.** The study demonstrates the evolutionary stability of lex mercatoria as a phenomenon that adapts to the changing conditions of international trade while

Введение. Глобализация торговых отношений обусловила необходимость создания гибкой и динамичной правовой базы, способной выйти за рамки национальных границ. Таковой зачастую называют lex mercatoria – многогранную правовую категорию, представляющую собой метод регулирования международных торговых отношений, свод правил коммерческого права и правовой порядок, разрабатываемый участниками торговых отношений на протяжении веков для облегчения международной торговли.

Актуальность исследования lex mercatoria обусловлена интенсификацией международных экономических связей и необходимостью поиска универсальных механизмов регулирования, которые могли бы эффективно функционировать вне зависимости от национальных правовых систем. В условиях современной глобальной экономики, характеризующейся высокой степенью взаимозависимости и интеграции рынков, традиционные национально-правовые инструменты зачастую демонстрируют свою ограниченность и неспособность оперативно реагировать на динамично меняющиеся условия международной торговли. От своего средневекового происхождения до воплощения в его нынешнем состоянии, lex mercatoria постоянно адаптировался к меняющимся условиям торговли, сохраняя при этом свои фундаментальные принципы: автономии воли сторон, гибкость, практичность и универсальность. Эволюция lex mercatoria отражает историю развития международной торговли и демонстрирует способность торгового сообщества к саморегулированию и созданию эффективных правовых механизмов.

Сегодня lex mercatoria играет важную роль в международной торговле и, в особенности, в международном арбитраже, получив нормативное закрепление в законодательстве различных государств. Его принципы находят отражение в

maintaining its essential autonomy. The key factors of the viability of this system are revealed: procedural flexibility, orientation to a fair balance of interests of participants in trade relations and the ability to incorporate new trade practices, innovative technological solutions that form a new generation of transnational regulation. A conceptual model of cooperative interaction between national legal systems and lex mercatoria is proposed. A correlation has been established between the effectiveness of lex mercatoria and the degree of internationalization of individual segments of commercial activity, which makes it possible to predict the further evolution of this legal phenomenon.

Keywords: lex mercatoria, international private law, international commercial law, commercial law, e-commerce

For citation: Klukovskaya IN, Kontlakova FR. Lex mercatoria: retrospectives and prospects. Humanities and law research. 2025;12(4):718-725. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.20>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.03.2025

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

международных конвенциях, типовых законах, сводах унифицированных правил и обычаях делового оборота. Особую значимость lex mercatoria приобретает в контексте развития новых форм коммерции, таких как электронная торговля и использование блокчейн-технологий, где традиционные правовые механизмы зачастую оказываются неэффективными.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ исторического развития, современного состояния и перспектив эволюции lex mercatoria как уникального правового феномена, играющего особую роль в регулировании международных торговых отношений. Особое внимание уделяется проблемам и противоречиям, связанным с применением lex mercatoria, а также возможным путям их преодоления в контексте современных вызовов мировой экономики.

Материалы и методы. Исследование носит междисциплинарный характер, что обусловило применение комплекса методов для изучения lex mercatoria как уникального правового феномена. Так, историко-правовой метод позволил рассмотреть эволюцию lex mercatoria от средневековых истоков до современного состояния, выявить ключевые этапы его трансформации и адаптации к меняющимся условиям международной торговли. Благодаря этому методу были проанализированы исторические документы, отражающие развитие торговых обычаев на протяжении веков.

Формально-юридический метод использовался для анализа нормативного содержания международных конвенций, типовых законов и арбитражных решений, составляющих современную систему lex mercatoria. Особое внимание уделялось таким документам, как Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, принципам международных коммерческих договоров УНИДРУА, Инкотермс

и Типовому закону ЮНСИТРАЛ об электронной торговле.

Системно-функциональный подход способствовал рассмотрению *lex mercatoria* как целостной и многоуровневой системы регулирования, взаимодействующей с различными элементами международного частного права. Например, благодаря структурно-функциональному анализу стало возможным выявление внутренних связей и закономерностей функционирования *lex mercatoria* в контексте современной глобальной экономики, а также определение *lex mercatoria* в системе регулирования международных торговых отношений.

Сравнительно-правовой метод применялся авторами для сопоставления различных форм проявления *lex mercatoria* в отдельных правовых системах, что позволило выявить особенности имплементации принципов *lex mercatoria* в законодательство различных государств и проанализировать взаимодействие *lex mercatoria* с национальными правовыми системами.

Для определения перспектив развития *lex mercatoria* в условиях цифровизации экономики и появления новых форм коммерции, таких как электронная торговля и использование блокчейн-технологий применялись методы прогнозирования. Благодаря этим методам стало возможным формулирование предположения о возможных направлениях эволюции *lex mercatoria* от традиционных форм к новым.

Теоретической основой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области международного частного права, в частности таких как Г. Берман, К. Шмиттхофф, В. А. Канашевский, М. В. Мажорина и других ученых, что обеспечило всестороннее теоретическое осмысление исследуемой проблематики.

Нормативной базой исследования стали международные конвенции, в том числе Нью-Йоркская конвенция 1958 г. и Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г., Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже», а также иные нормативно-правовые акты, регулирующие международные торговые отношения.

Эмпирическую основу составили решения международных арбитражных судов, в частности, Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

Анализ. *Lex mercatoria* уходит своими корнями в Средние века, когда бурно развивающаяся по всей Европе торговля требовала набора общих принципов для регулирования сделок и разрешения споров. Средневековые купцы, действовавшие в разных юрисдикциях, сталкивались с проблемой коллизии правовых норм в различных местностях. Для решения данной проблемы, ими были выработаны собственные

обычаи и создавалась практика, а впоследствии эта коллективная деятельность сформировала децентрализованную, гибкую и общепризнанную систему – *lex mercatoria* [15].

Сложившаяся система характеризовалась своей неформальностью, гибкостью и зависимостью от торговых судов, где споры быстро разрешались равными по статусу, хорошо знакомыми с торговой практикой лицами [12]. Акцент при разбирательстве делался не на строгом процессуальном формализме, а на практичности и целесообразности, соответственно, особую роль в торговых судах играли не профессиональные судьи, а опытные торговцы, что делало *lex mercatoria* практичным и эффективным инструментом для разрешения коммерческих споров. В качестве примера можно привести «справедливые суды», которые проводились на ярмарках в Шампани и Фландрии и служили важнейшими площадками для разрешения подобных споров [13].

В период позднего Средневековья и начала Нового времени постепенно начинается интеграция *lex mercatoria* в национальные правовые системы европейских государств. Этому процессу способствовало развитие централизованных национальных государств, которые стремились стандартизировать право на своих территориях [19]. Многие из принципов *lex mercatoria* были закреплены в юридических прецедентах, законах и торговых гражданских кодексах европейских государств в девятнадцатом столетии [22]. Так, английское общее право вобрало в себя элементы *lex mercatoria*, особенно в области договорного и морского права. В частности, доктрина «свободы договора», фундаментальный принцип английского договорного права, восходит к обычаям средневековых купцов. Во французском торговом кодексе 1807 г., повлиявшем на коммерческое законодательство всей континентальной Европы, оказались многие принципы *lex mercatoria*, например, особый акцент был сделан на добросовестности [21, p. 202].

Несмотря на то, что с развитием национальных правовых систем и кодификацией коммерческого законодательства влияние *lex mercatoria* в XIX в. ослабло, в следующем столетии интерес к *lex mercatoria* возродился, чему способствовал экспоненциальный рост международной торговли и глобализация рынка при одновременной ограниченности национальных правовых систем в разрешении трансграничных коммерческих споров. Недостатки внутреннего законодательства в сочетании со сложностями международного арбитража подчеркнули необходимость более гибкой правовой базы.

Среди ключевых событий XX в. – создание Международной торговой палаты (МТП) в 1919 г. Её целью стало содействие международной торговле и разрешение споров через арбитраж [11, с. 174-175]. Обнародование со стороны МТП

Инкотермс – набора стандартизированных торговых терминов – является примером современного воплощения *lex mercatoria*. Благодаря такой деятельности МТП, вне зависимости от юрисдикции, участникам торговых отношений были предоставлены четко определённые руководящие принципы [20].

С формированием новой системы международных отношений в 1945 г., начался поиск новых форм регулирования международной торговли и, спустя немногим более десятилетия, взоры правоведов и дипломатов были вновь обращены к проверенному источнику – *lex mercatoria* [2, с. 171]. Следующей важной вехой стало принятие в 1980 г. Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (КМКПТ). Несмотря на то, что КМКПТ является продуктом межправительственных соглашений, она отражает многие принципы, присущие *lex mercatoria*, подтверждая приверженность взятому пути на единообразие и предсказуемость в сфере международной купли-продажи [23]. Отмеченные выше действия стран на международной арене отразили растущее признание необходимости единообразной и автономной правовой базы для регулирования международной торговли, что привело к возобновлению интереса к *lex mercatoria* как жизнеспособной концепции.

Современный метод *lex mercatoria* часто описывается как «денационализированная» правовая система, чем подчеркивается её функционирование независимо от какой-либо конкретной национальной правовой системы. Сегодня *lex mercatoria* проявляется в различных формах, от стандартизированных общих принципов и отраслевых обычаев до международных конвенций и решений арбитражных судов, а гибкость *lex mercatoria* позволяет участникам торговых отношений адаптироваться к новым сферам и технологиям.

Неформальным наполнением *lex mercatoria* являются торговые обычаи и практика, сложившиеся в конкретных сферах. Несмотря на то, что данные обычаи не являются юридически обязательными, они часто признаются международными арбитражными судами как отражающие ожидания и интересы участников торговых отношений. Например, практика сделок с аккредитивами в международной торговле в значительной степени регулируется установившимися обычаями и практикой, а не формальными юридическими нормами. Ещё одним ярким примером является использование инструментария «мягкого права», таких как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА. Конечно, данные принципы не являются юридически обязательными, но они выступают той базой, которой стороны, включая в свои соглашения, повышают предсказуемость и снижают зависимость от национального законодательства того или иного государства [16].

Кроме того, международный арбитраж стал предпочтительным механизмом разрешения коммерческих споров, т.к. он соответствует характерным для *lex mercatoria* децентрализации и высокой автономии сторон. Важную роль в этом сыграла Нью-Йоркская конвенция 1958 г., которая способствует признанию и приведению в исполнение арбитражных решений во всех юрисдикциях. Действительно, одной из характерных особенностей современного *lex mercatoria* является его опора на арбитраж как основной механизм разрешения споров. Международный арбитраж позволяет сторонам выбирать как арбитров, обладающих опытом в коммерческих вопросах, так и процессуальные правила, которые будут регулировать арбитражный процесс. Такая гибкость и возможность обхода разрешения споров в судах государств делают арбитраж привлекательным вариантом для участников международных торговых отношений, что ещё больше усиливает актуальность *lex mercatoria* в современной торговле [17].

Значительный вклад в развитие и популяризацию *lex mercatoria* играет Центр транснационального права (CENTRAL) Кёльнского университета. Именно его сотрудниками была разработана платформа Trans-Lex, которая послужила всеобъемлющей базой данных по транснациональному торговому праву, компиляции принципов, арбитражных решений и научных трудов. Таким образом, Trans-Lex посредством распространения доступных ресурсов, способствует развитию и признанию *lex mercatoria* в качестве жизнеспособной системы.

Однако несмотря на все преимущества *lex mercatoria*, в среде отечественных и зарубежных правоведов высказываются и критические замечания. Так, одной из основных проблем называют предполагаемое отсутствие легитимности и недостаточная прозрачность, так как *lex mercatoria*, будучи разработанной вне формальной законодательной процедуры, не обладает многими характеристиками, присущими основным источникам национальных правовых систем двух крупнейших западных правовых семей. Более того, неопределённый характер *lex mercatoria* поднимает и другие вопросы. В частности, в ряде случаев без закрепления в нормативно-правовых актах, определение применимых принципов может привести к противоречивым последствиям [18]. Учитывая его зависимость от обычаев и судебной практики, существует риск того, что *lex mercatoria* может приобрести фрагментированный характер, поскольку разные суды могут применять разные принципы в схожих делах, а подобное несоответствие может подорвать предсказуемость и надежность *lex mercatoria* в качестве правовой основы международной торговли [14]. Наконец, имеются опасения по поводу равенства участников торговых отношений и справедливому

характеру заключаемых сделок, учитывая, что *lex mercatoria* часто отражает практику доминирующих участников рынка, соответственно, небольшие организации либо организации из развивающихся стран, небольших государств могут оказаться в невыгодном положении.

Рассмотрев историю развития, современное состояние и проблемы *lex mercatoria*, можно сформулировать пути решения проблем и дальнейшего развития данной концепции.

Для решения выделенных проблем, возможно, потребуется активизировать усилия по кодификации и стандартизации принципов *lex mercatoria*. Разработка более формализованных правил и руководящих принципов могла бы способствовать повышению согласованности и легитимности *lex mercatoria* в будущем, конечно, при условии сохранения гибкости и адаптируемости данной системы.

Считаем, что глобализация, по всей вероятности, продолжит оказывать существенное влияние на эволюцию *lex mercatoria*. Несмотря на события, происходящие сегодня в мире, без торговых отношений друг с другом страны существовать не смогут, при этом, международная торговля становится все более сложной и потребность в единой и гибкой правовой базе будет только возрастать. *Lex mercatoria*, с его акцентом на транснациональных принципах и обычаях, имеет хорошие возможности для удовлетворения этого спроса, тем более что постоянно ведётся работа по унификации *lex mercatoria* различными международными институтами [7, с. 212 – 213].

Одной из потенциальных сфер распространения *lex mercatoria* выступают новые категории взаимодействия участников торговых отношений, такие как электронная торговля, в особенности, её важная составляющая – электронная коммерция. По мере того, как всё популярнее становятся транзакции в сети Интернет и покупки, осуществляемые за рубежом, будет расти потребность в правовых принципах, которые могли бы регулировать эти быстро распространяющиеся формы торговли. *Lex mercatoria* обогатится в случае включения новых правил, характерных для современной электронной торговли. Причём применение обычаев в электронной торговле было предусмотрено ещё в принятом в 1996 г. Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле [10]. Кроме того, принятая в 2005 г. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах свидетельствует о шагах в указанном направлении. *Lex mercatoria* необходимо адаптировать к использованию в таких сферах как электронные контракты, кибербезопасность, блокчейн-технологии и трансграничные потоки данных [6]. Появление технологии блокчейн и смарт-контрактов в целом, открывают большие просторы для *lex mercatoria*, так как именно

данная система может обеспечить гибкость в правовом регулировании таких децентрализованных технологий. Природа набирающих популярность в настоящее время смарт-контрактов, связанных с автоматическим исполнением, согласуется с той эффективностью, которую может обеспечить *lex mercatoria*. Более того, сложно не согласиться со мнением Мажориной М. В., которая высказывается по поводу назревшего перехода от *lex mercatoria* к *e-merchant*, *lex informatica* и *lex cryptographica*, что связано со стремительным развитием современных цифровых технологий [8, с. 98]. То же можно отметить и относительно *lex electronica* как производной от *lex mercatoria*, о котором ещё 10 лет назад высказывалась С. Ю. Козаченок [4].

В последние два десятилетия можно заметить движение к гармонизации *lex mercatoria* с национальными правовыми системами. Несмотря на то, что *lex mercatoria* часто рассматривается как автономная система, её эффективность напрямую зависит от взаимодействия с национальным законодательством. Этому имеется логическое объяснение – право сложно существовать и применяться без территориальной привязки, но в условиях развивающихся торговых отношений неминуемо возникают коллизии, что, в очередной раз подчёркивает особый и позитивный характер *lex mercatoria*. Таким образом, по мере развития глобализационных процессов могут быть предприняты более активные усилия по гармонизации принципов *lex mercatoria* с внутригосударственным правом, в особенности, в таких областях, как коммерческий арбитраж и договорное право. Более того, в настоящее время в ряде стран мира уже нормативно закрепляются как общепринятые принципы, так и указывается применимость международно-признанных обычаев, например в некоторых скандинавских государствах и США. В Российской Федерации ст. 28 Закона «О международном коммерческом арбитраже» предусматривается возможность применения обычаев третейским судом при рассмотрении дел [3], что подтверждается практикой [9]. Однако в настоящее время всё чаще исследователи подчёркивают возрастающий потенциал *lex mercatoria* не только во внешнеторговых отношениях, но и во внутригосударственной торговле, что можно назвать ещё одной тенденцией развития рассматриваемой системы [1, с. 178]. При этом нельзя не согласиться с В. А. Канашевским, заменить национальное право данная система не в состоянии и будет оставаться запасным правом порядком [5, с. 48].

Результаты. Отметим, что система *lex mercatoria* продемонстрировала удивительную устойчивость, эволюционировав от средневековых торговых обычаев к сложной системе, лежащей в основе современной международной торговли. Гибкость, адаптивность и акцент на прак-

тичности делают *lex mercatoria* незаменимым компонентом международного частного права. Тем не менее, определённые проблемы, рассмотренные в настоящей статье, сохраняются.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о природе, функциях и перспективах развития *lex mercatoria*.

Так, исторический анализ показывает, что *lex mercatoria* является не просто набором правил, а целостной системой, которая развивалась параллельно с эволюцией международной торговли, адаптируясь к её потребностям и отражая её специфику. Средневековые истоки *lex mercatoria* заложили фундаментальные принципы, которые сохраняют свою актуальность и в современных условиях: автономия воли сторон, добросовестность, гибкость и эффективность.

В свою очередь, современное состояние *lex mercatoria* характеризуется сложным взаимодействием различных источников: международных конвенций, типовых законов, арбитражной практики, торговых обычаев и принципов «мягкого права». Такое взаимодействие создает многоуровневую систему регулирования, способную адаптироваться к различным потребностям международной торговли, а особую роль в этой системе играет международный коммерческий арбитраж, который не только применяет принципы *lex mercatoria*, но и способствует их развитию и конкретизации.

Несмотря на критику в отношении легитимности и определенности *lex mercatoria*, эта система продолжает играть важную роль в регулировании международной торговли. Более того, в условиях цифровизации и появления новых форм коммерции, таких как электронная торговля и блокчейн-технологии, потенциал *lex mercatoria* только возрастает. Гибкость данного метода и его способность к адаптации делают

lex mercatoria особенно подходящим для регулирования новых и быстро развивающихся сфер, где традиционные правовые механизмы могут оказаться недостаточно эффективными. Как нам видится, будущее *lex mercatoria* связано с поиском баланса между гибкостью и определенностью, между автономией и легитимностью. Усилия по кодификации и стандартизации принципов *lex mercatoria*, предпринимаемые различными международными организациями, могут способствовать повышению его определенности и предсказуемости, сохраняя при этом его адаптивность к меняющимся условиям международной торговли.

Считаем, что взаимодействие *lex mercatoria* с национальными правовыми системами представляет собой сложный и динамичный процесс. С одной стороны, *lex mercatoria* должно быть автономным по отношению к национальному праву, а с другой – его эффективность зависит от признания и поддержки со стороны национальных правовых систем. Тенденция к гармонизации *lex mercatoria* и национального права, наблюдаемая в последние десятилетия, должна способствовать повышению его эффективности и легитимности.

По мере того, как мы пытаемся разобраться в сложностях XXI в., отмеченного цифровизацией, проблемами устойчивого развития и геополитическими сдвигами, *lex mercatoria*, несомненно, продолжает адаптироваться. Посредством внедрения инноваций и несмотря на критику, данный институт может продолжать содействие справедливой и эффективной международной торговле. От учёных, практиков и политиков сегодня зависит останется ли *lex mercatoria* актуальным, справедливым и эффективным в постоянно меняющемся ландшафте глобальной торговли.

Литература

- Дьяконова А. А. Обычай международной торговли в системе регулирования внешнеэкономических сделок: монография. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. 211 с.
- Елизаров М. В. *Lex mercatoria* как негосударственный регулятор международной торговли // Правовое государство: теория и практика. 2017. №3. С. 167-173.
- Закон РФ от 07.07.1993 N 5338-1 (ред. от 30.12.2021) «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=405633&dst=100001#VJ03TJUyITH5TOW11> (дата обращения: 02.12.2024).
- Казаченок С. Ю. Развитие *lex electronica* как предпосылка включения в арбитражное соглашение условия об онлайн-арбитраже // Legal Concept. 2014. №4. С. 104-107
- Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009. 57 с.
- Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах [рус., англ.] (Заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=32545&cacheid=A5F759F900EE7E5179D1485AC30861D8&mode=splus&md=McmVGA#sEa7TJU62JzBNri6> (дата обращения: 02.12.2024).
- Кривенький А. И. Международное частное право: учебник для бакалавров. 6-е изд., перераб. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. 437 с.
- Мажорина М. В. О коллизии права и «Неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // Lex Russica. 2019. №7. С. 93-107.

9. Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 19.08.2022 по делу N М-81/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=791388&cacheid=AB633AD4C7F1925D4F72E58E0FBDC841&mode=splus&rnd=McmVGA#eW98TjUPSIZpZ96> (дата обращения: 02.12.2024).
10. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1504119_ebook.pdf (дата обращения: 14.11.2024).
11. Фрумкин Б. Е. Международная торговая палата: роль в мировом экономическом развитии // РСМ. 2004. №2. С. 174-184.
12. Baker J. H. The Law Merchant and the Common Law before 1700 // Cambridge Law Journal. 1979. №38(2). P. 295-322.
13. Benson B. L. The Spontaneous Evolution of Commercial Law // Southern Economic Journal. 1989. №55(3). P. 644-661.
14. Berger K.P. The Creeping Codification of Lex mercatoria. Amsterdam: Kluwer Law International, 2010. 422 p.
15. Berman H. J., Kaufman C. The Law of International Commercial Transactions (Lex mercatoria) // Harvard International Law Journal. 1978. №19(1). P. 221-277.
16. Bonell M. J. An International Restatement of Contract Law: The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts // Transnational Law & Contemporary Problems. 2009. №19(1). P. 1-22.
17. Craig W. L., Park W. W., Paulsson J. International Chamber of Commerce Arbitration. New York: Oceana Publications, 2000. 970 p.
18. Dalhuisen J. H. Dalhuisen on Transnational Comparative, Commercial, Financial and Trade Law, 8th ed. Oxford: Hart Publishing, 2023. 532 p.
19. Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law // International and Comparative Law Quarterly. 1997. №46(1), P. 1-36.
20. Ramborg J. ICC Guide to Incoterms 2010: Understanding and Practical Use. Paris: ICC Publication, 2011. 180 p.
21. Schinazi M. Lex Mercatoria and the Birth of the French School of International Arbitration / The Three Ages of International Commercial Arbitration // Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge University Press, 2021. 400 p.
22. Schmitthoff C. M. International Trade Usages. London: ICC UK. 75 p.
23. Schwenger I. (Ed.). Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG), 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016. 1062 p.

References

1. Diakonova AA. The custom of international trade in the system of regulation of foreign economic transactions: a monograph. Orenburg: IPK Universitet LLC; 2014. 211 p. (In Russ.).
2. Yelizarov MV. Lex mercatoria as a non-governmental regulator of international trade. *Pravovoe gosudarstvo: teoria i praktika*. 2017;3:167-173. (In Russ.).
3. Law of the Russian Federation of 07.07.1993 N 5338-1 (as amended on 30.12.2021) "On International Commercial Arbitration" (together with the "Regulations on the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation", "Regulations on the Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation"). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=405633&dst=100001#VJ03TjUyITH5TOW11> (accessed: 02.12.2024).
4. Kazachenok SY. Development of lex electronica as a prerequisite for the inclusion of a provision on online arbitration in an arbitration agreement. *Legal Concept*. 2014;4:104-107. (In Russ.).
5. Kanashevskiy VA. Foreign economic transactions: main regulators, their relationship and interaction: thesis. Moscow; 2009. 57 p. (In Russ.).
6. United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Treaties [Russian, English] (Concluded in New York on 23.11.2005). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=32545&cacheid=A5F759F900EE7E5179D1485AC30861D8&mode=splus&rnd=McmVGA#sEa7TjU62JzBNri6> (accessed: 02.12.2024).
7. Krivenkiy AI. International Private Law: A Textbook for Bachelors. 6th edition, revised. Moscow: Publishing and Trading Corporation «Dashkov and Co»; 2023. 437 p. (In Russ.).
8. Mazhorina MV. On the conflict of law and non-law, renovation of lex mercatoria, smart contracts and blockchain arbitration. *Lex Russica*. 2019;7:93-107. (In Russ.).
9. Decision of the panel of arbitrators of the ICAC at the RF CCI dated 19.08.2022 in case No. M-81/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=791388&cacheid=AB633AD4C7F1925D4F72E58E0FBDC841&mode=splus&rnd=McmVGA#eW98TjUPSIZpZ96> (accessed: 02.12.2024).
10. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce (1996). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1504119_ebook.pdf (accessed: 14.11.2024).
11. Frumkin BE. International Chamber of Commerce: Role in World Economic Development. *RMW*. 2004;2:174-184. (In Russ.).
12. Baker JH. The Law Merchant and the Common Law before 1700. *Cambridge Law Journal*. 1979;38(2):295-322.
13. Benson B.L. The Spontaneous Evolution of Commercial Law. *Southern Economic Journal*. 1989;55(3):644-661.
14. Berger K.P. The Creeping Codification of Lex mercatoria. Amsterdam: Kluwer Law International; 2010. 422 p.
15. Berman H.J., Kaufman C. The Law of International Commercial Transactions (Lex mercatoria). *Harvard International Law Journal*. 1978;19(1):221-277.
16. Bonell M. J. An International Restatement of Contract Law: The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. *Transnational Law & Contemporary Problems*. 2009;19(1):1-22.
17. Craig W.L., Park W.W., Paulsson J. International Chamber of Commerce Arbitration. New York: Oceana Publications; 2000. 970 p.
18. Dalhuisen J.H. Dalhuisen on Transnational Comparative, Commercial, Financial and Trade Law, 8th ed. Oxford: Hart Publishing; 2023. 532 p.

19. Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law. *International and Comparative Law Quarterly*. 1997;46(1):1-36.
20. Ramberg J. ICC Guide to Incoterms 2010: Understanding and Practical Use. Paris: ICC Publication; 2011. 180 p.
21. Schinazi M. Lex Mercatoria and the Birth of the French School of International Arbitration / The Three Ages of International Commercial Arbitration. *Cambridge Studies in International and Comparative Law*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. 400 p.
22. Schmitthoff C. M. International Trade Usages. London: ICC UK; 1988. 75 p.
23. Schwenzer I. (Ed.). Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG), 4th ed. Oxford: Oxford University Press; 2016. 1062 p.

Научная статья

УДК 347.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.21>

К ВОПРОСУ О ВЕЩНОЙ ПРИРОДЕ БИОМЕДИЦИНСКОГО КЛЕТОЧНОГО ПРОДУКТА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Александра Дмитриевна Машкова

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

polshina-a@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0739-0335>

Аннотация. Введение. Определение правовой природы биомедицинского клеточного продукта как объекта гражданских прав представляет собой актуальную и сложную задачу. Необходимость рассмотрения биомедицинского клеточного продукта как вещи обусловлена тем, что как результат модификации и культивации клеточных линий он, прежде всего, представляет собой предмет материального мира. **Материалы и методы.** Исследование базируется на анализе доктринальных подходов к определению и классификации вещи в российском гражданском праве, а также положений законодательства, устанавливающих правовой режим вещи и обращения биомедицинского клеточного продукта. В процессе исследования также активно применялись специально-юридические методы познания, которые позволили в полной мере раскрыть категории вещи и биомедицинского клеточного продукта как правовых явлений. **Анализ.** Биомедицинский клеточный продукт может быть охарактеризован как созданная человеком, индивидуально обособленная часть материального мира, которая обладает определенной ценностью для человека и теоретически способна состоять под господством тех или иных субъектов гражданских правоотношений, в силу чего к нему в определенной степени может быть применен правовой режим вещи. Биомедицинский клеточный продукт может рассматриваться как движимая, сложная, главная, неделимая, потребляемая, неодушевленная вещь. Кроме того, в зависимости от своего типа биомедицинский клеточный продукт может определяться как в качестве родовой, так и в качестве индивидуально определенной вещи. Характер правоотношений,

складывающихся в процессе обращения биомедицинского клеточного продукта указывает на возможность его рассмотрения как уже существующей, так и будущей вещи. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что правовой режим биомедицинского клеточного продукта продолжает формироваться. Говоря о вещно-правовой природе биомедицинского клеточного продукта правильным видится вывод о том, что к нему применимы лишь отдельные элементы вещно-правового режима, но все-таки его правовая природа выходит за рамки классического цивилистического понимания вещи и нуждается в проведении дополнительных исследований. Следовательно, квалификация биомедицинского клеточного продукта как вещи не является абсолютной и должна быть скорректирована с учетом этических ценностей (человеческого достоинства, здоровья личности, биобезопасности).

Ключевые слова: объект гражданских прав, вещь, правовой режим, биомедицинские технологии, биологические материалы, биомедицинский клеточный продукт

Для цитирования: Машкова А. Д. К вопросу о вещной природе биомедицинского клеточного продукта как объекта гражданских прав // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 726–732. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

ON THE MATERIAL NATURE OF A BIOMEDICAL CELL PRODUCT AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Alexandra D. Mashkova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017 Russian Federation)

Postgraduate student

polshina-a@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0739-0335>

Abstract. Introduction. Determining the legal nature of a biomedical cell product as an object of civil rights is an urgent and complex task. The need to consider a biomedical cell product within the framework of the property law concept is due to the fact that, as a result of the modification and cultivation of cell lines, it is primarily an object of the material world. **Materials and Methods.** The study is based on an analysis of doctrinal approaches to the definition and classification of things in Russian civil law, as well as the provisions of legislation that establish the legal regime of things and the circulation of biomedical cell products. The study also actively used special legal methods of cognition, which allowed for a comprehensive understanding of the categories of things and biomedical cell products as legal phenomena. **Analysis.** A biomedical cell product can be characterized as a human-made, individually distinct part of the material world that has a certain value for humans and can theoretical-

ly be subject to the dominion of certain subjects of civil law relations, which means that it can be subject to the legal regime of a thing to a certain extent. A biomedical cell product can be considered as a movable, complex, main, indivisible, consumable, and inanimate thing. Additionally, depending on its type, a biomedical cell product can be defined as either a generic or an individually specific thing. The nature of the legal relations that arise during the circulation of a biomedical cell product indicates that it can be considered both an existing and a future thing. **Results.** Based on the results of the conducted research, it can be concluded that the legal regime of a biomedical cell product continues to be formed. Regarding the property-legal nature of a biomedical cell product, it is correct to conclude that only certain elements of the property-legal regime apply to it, but its legal nature goes beyond the classical civil law understanding of property and requires further research. Therefore, the classifica-

tion of a biomedical cell product as a property is not absolute and should be adjusted to take into account ethical values (human dignity, personal health, and biosafety).

Keywords: object of civil rights, thing, legal regime, biomedical technologies, biological materials, biomedical cell product

For citation: Mashkova AD. On the material nature of a biomedical cell product as an object of civil rights. Humanities

and law research. 2025;12(4):726-732. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.21>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Вещь представляет собой основу, «фундамент» познания и мировосприятия. Однако, несмотря на кажущуюся распространенность и простоту понимания данной всеобъемлющей категории, она уже долгое время становится предметом дискуссий в различных отраслях знания: русском языке, физике, философии, праве и т.д.

С точки зрения юриспруденции «вещь» в первую очередь рассматривается в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Вместе с тем, в доктрине справедливо указывается на неоднозначность содержательной стороны данной категории [12, с. 142].

Тем не менее, в настоящее время классическое понимание вещи переживает кризис, поскольку появляются такие качественно новые объекты, специфику которых определить достаточно сложно. С одной стороны, они соответствуют определенным признакам вещи, к ним применимы отдельные положения о видах вещей и т.д. С другой же стороны, такие объекты – совершенно иная, неизвестная ранее обществу сущность, которая может быть тесным образом связана с живым человеческим организмом, включать в себя определенную информацию о нем, иметь агрегатные состояния, ранее неизвестные науке, сочетать в себе комбинации иных объектов и т.д., что требует некоего компромисса в правовом регулировании.

Одним из таких объектов является биомедицинский клеточный продукт – результат высокотехнологичного производства, предназначенный для медицинского применения, основу которого составляют клетки человеческого организма. Подобная двойственность в рамках одной категории порождает коллизию: можно ли рассматривать биомедицинский клеточный продукт как вещь в традиционном цивилистическом понимании?

Материалы и методы. Для решения указанной проблемы был использован комплекс методов. Во-первых, отметим, что исследование вещно-правовой природы биомедицинского клеточного продукта основано на принципе междисциплинарности, который позволил изучить данный объект не только как правовую категорию, но и рассмотреть его сквозь призму философии. Во-вторых, основу исследования составили общеправовые методы познания: аксиологический, системный методы, индукция, дедукция и др. В-третьих, были использованы специально-юридические методы познания, которые позволили в полной мере раскрыть категории

вещи и биомедицинского клеточного продукта как правовых явлений. Так, при помощи историко-правового метода исследовалась эволюция отношения права к человеку и частям его тела. Метод юридический герменевтики был использован для раскрытия сути отдельных юридических терминов. Формально-юридический метод стал основой познания действующих положений Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах».

Анализ. В первую очередь остановимся на цивилистическом понимании вещи. Л. Щенникова считает, что для определения объекта в качестве вещи, он должен соответствовать совокупности следующих признаков:

- 1) существовать как физическое тело;
- 2) быть доступным для обладания субъектами гражданского права;
- 3) удовлетворять потребности этих субъектов благодаря своей физической форме [13].

Данные признаки не являются исчерпывающими. В теории гражданского права также встречается указание на то, что вещь представляет определенную ценность, может быть создана человеком или самой природой [7], имеет потенциальную возможность состоять под чьим-либо господством [13, с. 48], обладает признаком индивидуальной определенности на момент установления вещного права [1], имеет не только субъективную, но и экономически обоснованную ценность [6] и др.

Последний критерий (экономическая ценность) воспринимается в доктрине весьма неоднозначно. К. И. Скловский и В. С. Костко справедливо указывают, что вещь может появиться значительно раньше, чем приобретет свою экономическую ценность [8, с. 124]. Объекту в принципе может быть не присуще свойство как социальной, индивидуальной, так и экономической ценности, однако это не лишает его характеристики как вещи. В качестве примера можем привести отходы потребления, не обладающие никакой ценностью, которые, тем не менее, остаются физически осязаемыми объектами. Отдельно следует отметить мнение Е. Н. Трубецкого, который полагает: «ценность вещи есть величина в высшей степени изменчивая, а потому представляет шаткий критерий для отличия того, что есть и что не есть объект права: то, что сегодня не имело цены, завтра оказывается ценностью» [10].

С нашей точки зрения, все названные выше признаки для определения категории «вещь» вполне допустимы, однако принципиальное зна-

чение будут иметь такие ее характеристики как материальность, обособленность (индивидуальная определенность) и возможность обладания ею. Именно этих признаков будет достаточно для того, чтобы понять, что исследуемый объект общественных отношений относится к категории вещи.

Биомедицинский клеточный продукт, выступая результатом научно-технического прогресса, как объект гражданских прав представляет собой комплекс, который основывается на одной или нескольких клеточных линиях человека, поэтому характеристику его вещно-правовой природы представляется правильным начать с анализа юридических воззрений на определение человека и частей его тела.

Человек в определенный исторический период рассматривался как вещь, несмотря на кажущуюся противоречивость такого положения с позиции нравственности. Так в римском праве допускалось господство одного лица над другим. Последний в данном случае признавался рабом, по сути, вещью, принадлежавшей господину и в отношении которой последний имел неограниченное количество прав [9, с. 237].

С развитием и усложнением общественных отношений, законодатель постепенно стал наделять рабов теми или иными правами, ограничивая возможности влияния на них господ, пока рабовладельческий строй общества не прекратил свое существование. Именно тогда произошло осмысление значимой роли в обществе каждой отдельно взятой личности. Данный процесс был характерен для различных правовых систем, в том числе и для России, в которой крепостное право просуществовало вплоть до 1861 г.

Переход к следующему этапу в изменении юридических представлений о человеке и его теле был ознаменован развитием медицины, появлением новых технологий. Так, в первой половине XX в. была произведена трансплантация от одного человека к другому, во второй половине XX в. были рождены первые дети посредством суррогатного материнства и экстракорпорального оплодотворения.

В XXI в. ученые приступили к расшифровке генома человека. Операции по трансплантации, дети «рожденные из пробирки» или с использованием услуги суррогатной матери уже не редкость. Были разработаны и входят в оборот принципиально новые средства терапии, среди которых особое место занимают биомедицинские клеточные продукты.

Последние разработки в области биомедицинских технологий вновь привели к необходимости переосмысления роли человека в современном мире и правовом режиме его органов и тканей как объектов гражданских прав, которые все чаще становятся объектами различных гражданско-правовых сделок.

Вышеобозначенные аспекты имеют принципиальное значение для определения правовой природы биомедицинского клеточного продукта, поскольку его основным составным элементом являются клеточные линии, получаемые непосредственно из биологического материала человека. Оговоримся здесь, что значение в контексте данного исследования имеют уже отделенные от человеческого тела биологические материалы – источники клеточных линий, не являющиеся по нашей точке зрения частью человека с момента отделения от него.

Рассматривая биомедицинский клеточный продукт с позиции его вещной природы, отметим, что ему действительно присущи все признаки вещи как объекта гражданских прав:

Во-первых, ему присущ признак материальности, который означает, что вещь по своей природе телесна и осязаема – имеет определенный набор физических и химических свойств, таких как пространственная определенность, форму, цвет и др. Биомедицинский клеточный продукт как объект материального мира характеризуется агрегатным состоянием, формой выпуска. Биомедицинский клеточный продукт – существующая в конкретной материальной форме субстанция, которую можно хранить, транспортировать, дозировать, передавать от одного субъекта другому.

Во-вторых, биомедицинский клеточный продукт обладает индивидуальной определенностью, обособленностью от массы других вещей. Каждый биомедицинский клеточный продукт имеет уникальный источник происхождения и уникальные характеристики, так как создается из клеток конкретного человека, за счет чего имеет такие особенности, которые невозможно в точности воспроизвести.

В-третьих, цивилистическое понимание вещи отражает стремление субъекта обладать чем-то физически определенным, осуществляя тем самым господство над материальным миром. Подобное стремление характерно и для обладания лица биомедицинским клеточным продуктом, особенно учитывая, что Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» прямо предусматривает возможность перехода биомедицинского клеточного продукта от одного субъекта к другому на основании возмездных и безвозмездных гражданско-правовых сделок.

Наконец, биомедицинский клеточный продукт, несомненно, обладает определенной ценностью для субъекта, представляет для него интерес с точки зрения права. Эта характеристика факультативна, и весьма специфична, индивидуальна, однако наличие определенного ожидаемого положительного эффекта после введения данного продукта в человеческий организм, позволяет нам судить о его терапевтической ценности, одновременно удовлетворяя потребность человека в получении качественно-

го медицинского лечения. При этом, совершенно не обязательно, чтобы биомедицинский клеточный продукт имел экономическую ценность и выступал товаром.

С учетом изложенного полагаем, что биомедицинский клеточный продукт может быть охарактеризован как созданная человеком вещь, представляющая интерес со стороны субъектов гражданских прав. В силу чего к нему в определенной степени может быть применен правовой режим вещи.

Занимая самостоятельное место в системе объектов гражданских прав, вещи могут быть классифицированы по различным основаниям. Рассмотрим, на сколько они применимы в отношении биомедицинского клеточного продукта.

Основополагающим является деление вещей на движимые и недвижимые. Подобная классификация предусмотрена в рамках ст. 130 Гражданского кодекса РФ [3]. Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» не содержит указание на то, что данный объект передовой терапии относится к категории недвижимости, следовательно, рассматривать его следует исключительно в качестве движимой вещи, для которой законодатель предусмотрел обязательную процедуру государственной регистрации. Исключение составляют лишь биомедицинские клеточные продукты, предназначенные для исполнения индивидуального медицинского назначения, жизненный цикл которых (от создания и вплоть до введения в организм человека) реализуется в рамках одной медицинской организации – такие биомедицинские клеточные продукты освобождены от процедуры обязательной государственной регистрации.

Более сложный вопрос, разрешить который необходимо, это отнесение биомедицинского клеточного продукта к делимым или неделимым вещам. Неделимой вещью, согласно п.1 ст. 133 Гражданского кодекса РФ является та, раздел которой невозможен в натуре без разрушения, повреждения или изменения ее назначения, которая имеет составные части и выступает в гражданском обороте как единый объект вещных прав. Вещи, которые не подпадают под данное определение, очевидно, являются делимыми и не утрачивают присущие им признаки в случае раздела.

Биомедицинский клеточный продукт определяется в законодательстве как комплекс, состоящий из таких элементов как клеточная линия (клеточные линии), а также вспомогательных веществ, лекарственных средств и медицинских изделий, следовательно, имеет составные части [11]. Удаление из его состава одного из данных элементов (за исключением вспомогательных веществ) неизбежно влечет существенное изменение характеристик биомедицинского клеточного продукта, что требует прохождения процедуры государственной реги-

страции заново. В результате чего мы можем говорить о его неделимости. Помимо качественного разделения биомедицинского клеточного продукта, невозможен и его количественный раздел. В пример можно привести биомедицинский клеточный продукт, состоящий из нескольких доз. Исключение одной из них не позволит достичь необходимого терапевтического эффекта – своего прямого назначения, а значит лишает возможности охарактеризовать биомедицинский клеточный продукт как делимую вещь.

Цивилистическая доктрина также подразделяет вещи на родовые и индивидуально-определенные [4]. Конечно, с точки зрения вещного права значение имеет индивидуально-определенная вещь, но все же оговоримся, что биомедицинскому клеточному продукту присущи и родовые признаки. В качестве родовой вещи может рассматриваться аллогенный биомедицинский клеточный продукт, который по своей природе более стандартизирован, может быть заменен на аналогичный в случае его утраты. Индивидуальными же свойствами характеризуются аутологичные и комбинированные биомедицинские клеточные продукты, поскольку применяются в отношении ограниченного круга лиц и содержат в своем составе именно их клеточные линии, т.е. персонифицированы, а значит не могут быть заменены аналогом.

Отдельного внимания заслуживает классификация вещей на простые и сложные. Гражданский кодекс РФ оперирует понятием сложной вещи, устанавливая, что под ней понимается такое соединение вещей, которое предполагает их использование по общему назначению, а сделки, совершенные по поводу сложной вещи, распространяются на все вещи, входящие в нее, если условиями сделки не предусмотрено иное. При этом, существование сложной вещи в целом, не означает, что отдельные ее элементы не могут существовать вне ее – в качестве простых вещей. В зависимости от взаимодействия между множеством материальных объектов, входящих в состав сложной вещи, выделяют два вида интегральной связи: функциональная и физическая [5]. Как упоминалось ранее, биомедицинский клеточный продукт может включать в себя различные составные части. Как сложная вещь биомедицинский клеточный продукт состоит из одной или нескольких клеточных линий и вспомогательных веществ в сочетании с лекарственными препаратами и медицинскими изделиями и имеет единое функциональное значение. Исключение одного из данных элементов может привести к утрате его полезных свойств, что делает невозможным реализацию биомедицинского клеточного продукта по прямому назначению – применение данных компонентов в комплексе. Вместе с тем, это не отменяет того факта, что лекарственные средства и медицин-

ские изделия вполне могут существовать вне биомедицинского клеточного продукта в качестве самостоятельных объектов – простых вещей.

Согласно ст. 135 Гражданского кодекса РФ возможна классификация вещей на главные и принадлежности. При этом принадлежность всегда следует судьбе главной вещи и не может существовать в качестве самостоятельного объекта гражданских правоотношений. Биомедицинский клеточный продукт – самостоятельный объект терапии (главная вещь), а любой материальный или программный объект, обеспечивающий, к примеру, его правильную транспортировку или введение в организм человека, не становясь при этом физической частью продукта следует рассматривать в качестве принадлежности вещи.

В цивилистике принято делить вещи на потребляемые и непотребляемые [4]. Такая классификация основана на том, теряют или сохраняют ли вещи свои потребительские свойства в процессе их непосредственной эксплуатации субъектом. Биомедицинский клеточный продукт является потребляемой вещью, так как возможно лишь однократное его использование. Он вводится в организм человека, где в последующем клеточные линии (самостоятельно или в совокупности с иными составными частями) дифференцируются, «приживаются», запуская собственные регенеративные процессы в организме. В конечном итоге биомедицинский клеточный продукт как бы «потребляется» организмом человека, становясь неотделимой его частью, одновременно прекращая свое существование в качестве самостоятельного объекта и его повторное применение невозможно.

Следует также сказать о предложенной Е. В. Васьковским классификации вещей на одушевленные и неодушевленные [2, с. 116]. В данном случае принципиальное значение имеет тот факт, что несмотря на использование для создания биомедицинского клеточного продукта живых клеток (имеющих человеческое происхождение), им в процессе различных модификаций придаются заданные свойства, которые полностью лишают итоговый продукт «живых» признаков, в результате чего биомедицинский клеточный продукт становится классическим примером неодушевленной вещи.

Как видим, биомедицинский клеточный продукт соответствует определению и классификации вещей в цивилистическом понимании. Однако правовое регулирование отношений, складывающихся в процессе обращения биомедицинского клеточного продукта, все еще находится на стадии своего становления, вследствие чего однозначно говорить лишь о вещной правовой природе данного объекта в корне неверно. Так, выделение живых клеток из человеческого организма и их «превращение в про-

дукт» не отменяет генетической связи данных клеток с личностью донора. Абсолютно естественно, что потенциальная ценность материального объекта (биомедицинского клеточного продукта) заключается в нематериальном благе – генетической и биологической информации, что одновременно ставит перед нами вопрос о возможности соотношения биомедицинского клеточного продукта с категорией нематериальных благ и необходимости исследования этических аспектов.

Очевидная проблема, обозначаемая нами в случае однозначного и безоговорочного определения биомедицинского клеточного продукта в качестве вещи – коммодификация органов и тканей человека. Тогда как донор биологического материала для создания биомедицинского клеточного продукта, прежде всего, личность, обладающая неповторимыми внешними и внутренними (душевными) качествами, достоинством, рядом неотчуждаемых прав и т.д. А, казалось бы, прагматичный вещно-правовой подход к пониманию биомедицинского клеточного продукта в конечном итоге может привести не только к коммерциализации отношений, складывающихся в процессе их обращения, но и циничному отношению к личности, рискует изменить вектор как юридических, так и в целом общественных, воззрений на человека и его тело далеко в прошлое, что представляется нам недопустимым.

Результаты. Проведенный анализ позволил нам прийти к выводу, что материальный мир неизменно усложняется, и право вынуждено реагировать на подобные изменения. Биомедицинский клеточный продукт, в целом, соответствует цивилистическому пониманию вещи и может быть определен как материальный объект окружающей действительности, обладающий определенной ценностью для человека, вследствие чего наблюдается стремление последнего к обладанию им. С позиции различных классификаций биомедицинский клеточный продукт является движимой, неделимой, сложной, главной, потребляемой и неодушевленной вещью.

Вместе с тем, правовой режим биомедицинского клеточного продукта еще продолжает формироваться. Говоря о вещно-правовой природе биомедицинского клеточного продукта правильным видится вывод о том, что к нему применимы лишь отдельные элементы вещно-правового режима, но все-таки его правовая природа выходит за рамки классического цивилистического понимания вещи. Следовательно, квалификация биомедицинского клеточного продукта как вещи не является абсолютной и должна быть скорректирована с учетом этических ценностей (человеческого достоинства, здоровья личности, биобезопасности). При этом, сами по себе этические аспекты рассмот-

рения биомедицинского клеточного продукта как объекта гражданских прав выходят за рамки настоящего исследования и нуждаются в дополнительном изучении. Однако, с учетом сказанного, наиболее адекватной на данный момент представляется модель определения биомедицинского клеточного продукта как самостоя-

тельного объекта гражданских прав (выделяемого в группе подобных объектов) поскольку позволит учесть сложность и неоднозначность этой новой биомедицинской технологии на современном этапе, учитывая, что создавался он для достижения «высокой» цели – спасение человеческих жизней.

Литература

1. Бадмаева С. Ю. Объекты вещных прав в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 207 с.
2. Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. - 2-е изд. М.: Статут, 2016. 380 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
4. Гражданское право. В 2 ч. Ч.1: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 543 с.
5. Деханов С. А. Сложная вещь как объект гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2020. №3 (183). С. 34-35.
6. Карташков Д. В. Компоненты человеческого тела как объекты гражданского права // Правоведение. 2021. № 4. С. 404-420.
7. Качмазова Д. М., Кесаева В. А. Классификация вещей как объектов права // Право и государство: теория и практика. 2022. №3 (207). С. 99-101.
8. Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. №7. С. 115-143.
9. Покровский И. А. История римского права. М.: Издательство Юрайт, 2025. 447 с.
10. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. МВД России. С.-Петербург. ун-т. СПб: Лань: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1998. 217 с.
11. Федеральный закон от 23.06.2016 N 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О биомедицинских клеточных продуктах» // Собрание законодательства РФ, 27.06.2016. N 26 (Часть I). ст. 3849.
12. Хатунцев О. А. Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 352 с.
13. Щенникова Л. В. Вещное право: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 240 с.

References

1. Badmaeva SYu. Objects of Property Rights in Russian Civil Law: thesis. Moscow, 2008. 207 p. (In Russ.).
2. Vaskovsky E.V. Textbook of Civil Law. Moscow: Statut, 2016. 380 p. (In Russ.).
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025). Collection of Laws of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Article 3301. (In Russ.).
4. Civil Law. In 2 parts. Part 1: textbook for university students studying in the field of law / edited by VP. Kamyshansky, NM. Korshunov, and V. I. Ivanov. Moscow: UNITY-DANA, 2012; 543 p.
5. Dekhanov SA. Complex Object as an Object of Civil Law. *Pravo i gosudarstvo: teoria i praktika*. 2020;3(183):34-35. (In Russ.).
6. Kartashkov D.V. Components of the Human Body as Objects of Civil Law. *Pravovedenie*. 2021;4:404-420. (In Russ.).
7. Kachmazova D.M., Kesaeva V.A. Classification of Things as Objects of Law. *Pravo i gosudarstvo: teoria i praktika*. 2022;3(207):99-101. (In Russ.).
8. Sklovsky K. I., Kostko V. S. On the concept of a thing. Money. Real estate // Bulletin of Economic Law of the Russian Federation. 2018. No. 7. pp. 115-143.
9. Pokrovsky I. A. The History of Roman Law. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 447 p. 10.
10. Trubetskoy E. N. Encyclopedia of Law. The Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg University. SPb: Lan: Sev.-Zap. Academy of Civil Service, 1998. 217 p.
11. Federal Law of 23.06.2016 N 180-FZ (as amended on 04.08.2023) "On Biomedical Cellular Products". Collection of Legislation of the Russian Federation, 27.06.2016, N 26 (Part I), Article 3849. (In Russ.).
12. Khatuntsev O.A. Subjective Property Rights as a Variety of Absolute Property Rights: Problems of Theory and Practice: thesis. Moscow; 2015. 352 p. (In Russ.).
13. Schennikova L.V. Property law: textbook. stipend. Perm: Publishing House of Perm. University, 2001. 240 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 349.442

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.22>

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КУРОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕДОСТАТКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Роман Владимирович Нутрихин^{1*}, Дмитрий Олегович Буркин²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

¹ Кандидат юридических наук, доцент

nut-roman@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6943-012X>

² Доктор философских наук, кандидат юридических наук

burkindmitry@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1336-6146>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье рассматривается федеральное и региональное законодательство, нацеленное на соблюдение публичных интересов по созданию, сохранению и развитию курортной инфраструктуры применительно к эколого-курортному региону Кавказские Минеральные Воды. **Материалы и методы.** В ходе исследования использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез и статистический, а также частно-юридические методы: сравнительно-правовой, функционального правового анализа, методы выявления коллизий и пробелов в праве с целью формулирования путей их дальнейшего устранения. **Анализ.** В работе подчеркивается, что ни в федеральном, ни в региональном законодательстве нет четкого и достаточно емкого определения понятия «курортная инфраструктура». Существующие нормативные дефиниции остаются крайне неполными и далекими от совершенства, а потому нуждаются в серьезной корректировке. Из-за недостатков федерального законодательства о курортной инфраструктуре страдает правоприменение по всей стране, включая Кавказские Минеральные Воды. В статье приводятся примеры неудовлетворительного состояния инфраструктуры данных городов-курортов, отмечаются причины этого, связанные с недофинансированием со стороны государства и хаотичным развитием соответствующих населенных пунктов, не отвечающим принципам государственно-правовой курортной политики. Выявляются также и некоторые проблемы регионального законодательства, присущие не только Ставропольскому краю, но и другим регионам страны, в тесной связи с недостатками федерального законодательства о курортной инфраструктуре. Делаются предложения по его совершенствованию. Рассматривается Закон Республики Крым от 07.07.2017 г. № 409-ЗРК/2017 «Об особенностях создания в Республике Крым зон с особой архитектурно-планировочной органи-

зацией территории». Предлагается распространить опыт этого регионального закона на другие субъекты Российской Федерации и, в частности, на Кавказские Минеральные Воды. **Результаты.** Предлагается дифференцированный подход к понятию «курортная инфраструктура», внутри которого выделены его функциональные составляющие применительно к режиму ограничения хозяйственной деятельности на курортах. Сформулирован ряд предложений по совершенствованию федерального законодательства.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, градостроительство, курорты, инфраструктура, региональное законодательство

Для цитирования: Нутрихин Р. В., Буркин Д. О. Правовые проблемы развития курортной инфраструктуры на Кавказских Минеральных Водах: достижения и недостатки федерального и регионального законодательства // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 733–743. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.22>

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда – проект 24-28-20164 «Устойчивое развитие курортного региона Кавказские Минеральные Воды: правовое обеспечение в рамках риск-ориентированного подхода», <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.05.2025.

Research article

LEGAL ISSUES OF RESORT INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT IN THE CAUCASIAN MINERAL WATERS: ACHIEVEMENTS AND SHORTCOMINGS OF FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION

Roman V. Nutrikhin^{1*}, Dmitriy O. Burkin²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (Law), Associate Professor

nut-roman@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6943-012X>

² Dr. Sc. (Philosophy), Cand. Sc. (Law)

burkindmitry@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1336-6146>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines federal and regional legislation aimed at observing public interests in creating, preserving, and developing resort infrastructure, focusing on the ecological and resort region of Caucasian Mineral Waters. **Materials and methods.** The study utilized general scientific methods such as analysis, synthesis, and statistics, alongside private legal methods including comparative legal analysis, functional legal analysis, and

methods to identify legal gaps and conflicts to propose solutions.

Analysis. The article emphasizes that both federal and regional legislation lack a clear and comprehensive definition of “resort infrastructure”. Existing regulatory definitions remain extremely incomplete and require substantial revision. Flaws in federal legislation impact law enforcement nationwide, including in Caucasian Mineral Waters. The article provides examples of inadequate infrastructure

© Нутрихин Р. В., Буркин Д. О., 2025

attributed to state underfunding and chaotic development inconsistent with state legal resort policies. The study identifies issues in regional legislation not exclusive to the Stavropol Krai but relevant across Russia, associated with federal legislation gaps. Recommendations are made for improving federal legislation, drawing on the Law of the Republic of Crimea dated July 7, 2017, No. 409-ZRK / 2017, 'On the specifics of creating zones with a special architectural and planning organization of the territory'. It is proposed to extend practices of this regional law to other regions of Russia, particularly the Caucasian Mineral Waters. **Results.** A differentiated approach to the concept of "resort infrastructure" is proposed, defining its functional components concerning the regime of economic activity restrictions in resorts. Several proposals are outlined for enhancing federal legislation. Several proposals have been formulated to improve federal legislation.

Keywords: Caucasian Mineral Waters, urban development, resorts, infrastructure, regional legislation

Введение. Сегодня понятие «курортная инфраструктура» не определено должным образом ни в федеральном, ни в региональном законодательстве. Существующие нормативные дефиниции остаются крайне неполными и нуждаются в серьезной корректировке. Между тем, от качественного определения содержания понятия «курортная инфраструктура» напрямую зависит внимание государства к тем или иным проблемам развития курортов. В инфраструктурном плане практически во всех городах-курортах Кавказских Минеральных Вод сегодня требуется улучшение материально-технической базы санаторно-курортных организаций, бюветов и питьевых галерей, обеспечение надлежащего состояния коммунальной, социальной и транспортной инфраструктуры соответствующих населенных пунктов, осуществление государственного мониторинга состояния недр, проведения работ по консервации аварийных скважин минеральной воды и иных подобных мероприятий.

На Кавказских Минеральных Водах, по данным Общественной палаты Ставропольского края, более 2 600 кв. м. помещений санаториев требует реконструкции, в плачевном состоянии находятся десятилетиями не подвергавшиеся ремонту водопроводы и системы водоотведения. При этом, поскольку законодательство большую часть этих требующих внимания объектов напрямую к курортной инфраструктуре не относит, они оказываются за рамками государственных программ и остаются без должного финансирования. Поэтому столь важно совершенствовать нормы о развитии курортной инфраструктуры как институт законодательства о лечебно-оздоровительных местностях и курортах как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Материалы и методы. Исследовательская стратегия, положенная в основу данной статьи, базируется на анализе норм российского федерального и регионального законодательства, регулирующего развитие и использование курортной инфраструктуры. Работа базируется на традиционных общенаучных и частных методах исследования, применяемых в современной

For citation: Nutrikhin RV, Burkin DO. Legal issues of resort infrastructure development in the Caucasian Mineral Waters: achievements and shortcomings of federal and regional legislation. *Humanities and law research*. 2025;12(4):733-743. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.22>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation – project 24-28-20164 "Sustainable development of the resort region of the Caucasian Mineral Waters: legal support within the framework of a risk-oriented approach", <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>

The article was submitted: 21.01.2025

The article was approved after reviewing: 13.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.05.2025.

юриспруденции: логических методах анализа и синтеза, которые используются нами в рамках диалектического подхода к осмыслению явлений социальной действительности. Сюда же стоит отнести метод функционального правового анализа, статистический и сравнительно-правовой, методы выявления коллизий и пробелов в праве с целью формулирования путей их дальнейшего устранения.

Мы исследуем нормы действующего российского законодательства о курортах применительно к особо охраняемому эколого-курортному региону Кавказские Минеральные Воды, а также практику применения такого законодательства. В данной работе мы сконцентрировались на проблематике правового режима объектов, относящихся к курортной инфраструктуре. Рассматривая правоприменительную практику, можно указать на неудовлетворительное состояние современной курортной инфраструктуры на Кавказских Минеральных Водах. Среди связанных с этим проблем стоит отметить: износ санаторного фонда, минераловодских скважин и систем жилищно-коммунального хозяйства, «точечную» застройку, нарушение архитектурного облика исторических городов-курортов, нежелательное повышение антропогенной нагрузки на курорты без учета экологической емкости данных территорий.

Причины этого часто кроются в несовершенстве существующего законодательства [9, с. 567], не дающего четкого определения курортной инфраструктуры, а потому затрудняющего правоприменение, открывающего пути для всевозможных злоупотреблений, порождающего различные типы рисков. Поэтому мы не просто анализируем нормы действующего законодательства, а используем метод функционального анализа, то есть выявляем правовые коллизии и пробелы в тесной связи с их последствиями в практике правоприменения и теми рисками, которые они порождают. Все это позволяет определить применяемую нами методологию обобщающим термином «риск-ориентированный подход» [8, с. 770]. Он подразумевает анализ законодательства и практики его применения с

учетом рисков, угрожающих курортам Кавказских Минеральных Вод, а также поиск путей их преодоления. Мы пытаемся показать, как различные риски для курортов порождаются несовершенством федерального и регионального законодательства.

Анализ. Законодательство субъектов Российской Федерации в части регулирования развития курортной инфраструктуры ориентируется на федеральное законодательство по данному вопросу и во многом его дублирует. Поэтому региональному законодательству в полной мере свойственны все недостатки федерального – как в части понятийного аппарата, так и в части некоторых пробелов и правовых коллизий.

Проблемы, порождаемые несовершенством понятийного аппарата как федерального, так и регионального законодательства в части развития городов-курортов Кавказских Минеральных Вод уже давно отмечаются исследователями. Фигурирующее лишь единожды в Федеральном законе от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (далее – Закон № 26-ФЗ) понятие «инфраструктура» никак там не определяется. Через него, напротив, в данном законе определяется само понятие «курорт» (ст. 1), которое трактуется там как «освоенная и используемая в лечебно-профилактических целях особо охраняемая территория, располагающая природными лечебными ресурсами и необходимыми для их эксплуатации зданиями и сооружениями, включая объекты инфраструктуры» [14].

Употребление понятия «инфраструктура» в данном контексте представляется несколько странным, так как сводит ее лишь к «зданиями и сооружениями», включающим «объекты инфраструктуры». Между тем, кажется очевидным, что курортная инфраструктура – это не только здания и сооружения, но еще и парки, а также иные зеленые зоны с элементами необходимого благоустройства; оборудованные терренкуры и маршруты для прогулок и занятия спортом; места культурно-досугового времяпрепровождения для курортников (например, благоустроенные природные и исторические достопримечательности) и т.п. Исключать все это из понятия «курортная инфраструктура», ограничивая последнюю только «зданиями и сооружениями», крайне недальновидно.

С другой стороны, понятие «курорт» определяется в Законе № 26-ФЗ через наличие на соответствующей территории зданий и сооружений, не относящихся к объектам инфраструктуры. Понятно, что к таким постройкам, подразумеваемым в федеральном законе, относятся дома малоэтажной и многоэтажной жилой застройки, офисные и торговые центры, кафе, рестораны и т.п. Все это, безусловно, есть и должно быть на курортах, но в этом курорты ничем не отличаются от всех прочих городов, а потому

данный признак нельзя рассматривать как существенный при определении понятия «курорт».

Неопределенность понятия «курортная инфраструктура» давно свойственно как федеральному, так и региональному законодательству. Весьма показательно, что утвержденный Постановлением Правительства РФ № 337 от 12.04.1993 г. «О государственной поддержке функционирования и развития города-курорта Сочи» перечень объектов общекурортной инфраструктуры Сочинского курортного региона, финансируемых за счет средств государственных инвестиционных программ, содержал следующие объекты: объездная автомобильная дорога в обход Адлера; автомобильная дорога «Адлер-Красная Поляна»; объездная автомобильная дорога в обход центра Сочи; аэровокзал; морвокзал; бальнеофизиотерапевтическое объединение «Мацеста»; очистные канализационные сооружения на реке Бзугу; очистные канализационные сооружения в Адлере; водопровод «Сочи-Туапсе»; глубоководный выпуск в море с Навагинских очистных сооружений; котельная районного значения в пос. Лазаревское; глубоководный выпуск в море с Адлерских очистных сооружений; крематорий [10].

Отнесение к объектам «общекурортной инфраструктуры» автомобильных дорог, инженерных коммуникаций жилищно-коммунального комплекса и даже крематория порождают неизбежный вопрос о границах данного понятия. Принципы и подходы, применявшиеся в разное время, как в законах, так и подзаконных актах федерального и регионального уровня к отношениям по развитию курортной инфраструктуры, доходили до того, что включали туда вообще все, что находится на территории населенного пункта, признанного курортом. В иных нормативных актах из этого понятия, напротив, изымались важнейшие инфраструктурные элементы, имеющие принципиальное значение для функционирования курортов.

В ходе внесения изменений в федеральное и региональное законодательство о развитии курортной инфраструктуры Кавказских Минеральных Вод и иных российских курортов это понятие следовало бы представить как комплексное, выделив в нем отдельные виды инфраструктур, для которых можно было бы вводить различные правовые режимы:

1) курортная инфраструктура, непосредственно связанная со сферой курортного лечения – совокупность устройств, зданий, строений, сооружений и иных объектов, являющихся существенным признаком, отличающим курорт от территорий иного назначения: скважины, каптажи, минералопроводы, питьевые бюветы, оборудованные места естественных выходов природных лечебных ресурсов, нарзанные ванны, грязелечебницы, объекты санаторно-курортных учреждений, и т.п. (основная курортная инфраструктура);

2) туристско-рекреационная инфраструктура курортов – музеи, театры, цирки, кинотеатры; достопримечательные места и иные объекты туризма; кафе, рестораны и прочие заведения общепита; гостиницы и отели; парки, скверы, бульвары, доступные для купания водоемы и пляжи, а также другие места, предназначенные для прогулок, развлечения и отдыха, – то есть все то, что есть не только на курортах, но и в других населенных пунктах, однако также необходимо пребывающим на курорт для полноценного отдыха (дополнительная туристско-рекреационная инфраструктура курорта);

3) дорожно-транспортная инфраструктура курорта – дороги, вокзалы, аэропорты, автостоянки, станции и остановочные пункты, общественный транспорт и т.п., без чего также невозможно успешное функционирование курорта (дополнительная дорожно-транспортная инфраструктура курорта);

4) инженерно-коммунальная инфраструктура курорта – все объекты и сети жилищно-коммунального хозяйства, особое внимание к которым необходимо еще и потому, что их ненадлежащее состояние (например, канализации и водопровода) может негативно сказаться на природных лечебных ресурсах курорта, вести к их загрязнению (дополнительная инженерно-коммунальная инфраструктура курорта);

5) жилищно-бытовая и общественно-деловая инфраструктура курорта – жилые дома, магазины, образовательные учреждения, офисы и иные объекты, не имеющие прямого отношения к сфере курортного лечения и отдыха, однако необходимые для функционирования территории в качестве населенного пункта (допустимая побочная инфраструктура);

6) производственная и крупная коммерческая инфраструктура, не связанная со сферой курортного лечения и отдыха – промышленные и сельскохозяйственные предприятия, крупные торговые центры и огромные рынки, существование которых диссонирует с назначением курорта, ведет к увеличению антропогенной нагрузки на него, сопряжено с неблагоприятным воздействием на окружающую среду. Временное существование подобных объектов на курортах может допускаться только из соображений сохранения рабочих мест и иного их социального значения. Создание новых объектов такого рода на курортах допускаться не должно, а уже существующие следует со временем и по возможности ликвидировать (нежелательная побочная инфраструктура).

Нужно также выделить объекты «запрещенной побочной инфраструктуры», существование которых на курортах не должно допускаться ни при каких обстоятельствах – это предприятия, хранилища и т.п., явно загрязняющие окружающую среду и оказывающие заметное негативное влияние на природные лечебные ресурсы.

При этом необходимо выработать критерии отнесения, например, магазинов и рынков к объектам либо «общественно-деловой», либо «крупной коммерческой инфраструктуры», для которых в курортном законодательстве должны устанавливаться принципиально разные правовые режимы. Ведь сегодня законодательство о курортах фактически уравнивает между собой и маленький продовольственный магазин (существование которого, очевидно, необходимо в любом населенном пункте, включая курорты) и крупный торговый центр (которые часто уродуют исторически сложившийся архитектурный облик исторических городов-курортов Кавказских Вод, создают необоснованно высокую антропогенную нагрузку в зонах отдыха, оказывают неблагоприятное воздействие на окружающую среду). То же самое касается и рынков. Отнесение магазинов и рынков к одному из видов побочной инфраструктуры на курортах (допустимой или нежелательной) должно осуществляться, по нашему мнению, исходя из размера их торговых площадей.

Подразделение существующей на курортах инфраструктуры на основную, дополнительную и побочную, а последней – еще и на допустимую, нежелательную и запрещенную (с установлением для каждого вида собственного правового режима) позволит дифференцированно подойти к развитию этих столь разных инфраструктур. Таким образом, будет решено немало проблем, возникающих на практике из-за недостаточно внятного определения понятия «курортная инфраструктура» и отсутствия ясной классификации входящих в него разнородных элементов. Это позволит, в том числе, эффективно решать проблемы превышения антропогенной нагрузки на курорты.

При этом ни федеральное, ни региональное законодательство до сих пор не содержит никакой дифференциации инфраструктуры городов-курортов на собственно курортную и сопутствующую ей побочную. Между тем, очевидно, что курортная инфраструктура способствует развитию территории как курорта, а неконтролируемый рост побочной инфраструктуры, напротив, ведет к ее деградации. Рост этих, по сути, антагонистичных друг другу видов инфраструктур требует от законодателя принципиально разных, а потому строго дифференцированных подходов.

Было бы весьма желательно на современном этапе более четко и детально определить содержание понятия «курортная инфраструктура» в федеральном законодательстве, чтобы дать возможность сориентироваться в этом и законодателям региональным. Проблемы, порождаемые невнятностью соответствующей терминологии, представляют собой не только теоретический интерес, но и имеют сугубо прикладное значение. Например, известно, что п. 3 ст. 16 Закона № 26-ФЗ на территории второй зоны округа горно-санитарной охраны курортов

федерального значения запрещает размещение объектов и сооружений, не связанных непосредственно с созданием и развитием сферы курортного лечения и отдыха [14]. Однако, что именно подразумевается под этими «объектами и сооружениями, непосредственно связанными с созданием и развитием сферы курортного лечения и отдыха», не разъясняется ни в данном федеральном законе, ни в связанных с ним подзаконных актах. На практике это приводит к тому, что правоприменители и правоохранительные органы порой очень вольно трактуют данную норму, произвольно определяя, какие объекты могут или, напротив, не могут возводиться во второй зоне округа горно-санитарной охраны курортов тех же Кавказских Минеральных Вод. Поскольку в городах-курортах вторая зона – это, как правило, центральная и наиболее привлекательная для застройщиков часть населенного пункта, то в итоге неопределенность в терминологии ведет к совершенно очевидным злоупотреблениям и конфликтам. В самом деле, как решить, относится ли, к примеру, ресторан или торговый центр к «объектам, непосредственно связанным с развитием сферы курортного отдыха»? На сегодняшний день это всецело завит от произвольного толкования правоприменителя в каждом конкретном случае. Однако очевидно и то, что во второй зоне просто не может не быть зданий и сооружений другого назначения, которые тоже, в той или иной степени, можно отнести к «развитию сферы курортного лечения и отдыха».

Отсюда видно, что при отсутствии внятного определения «курортная инфраструктура» в основополагающем федеральном законе возникает множество практических проблем, в виду чего и региональное законодательство о курортах развивается в условиях подобной же терминологической неопределенности.

Таким образом, федеральное, а вслед за ним и региональное законодательство в качестве существенного признака, позволяющего назвать «курортом» местность, обладающую природными лечебными ресурсами, выделяет также наличие в этой местности объектов курортной инфраструктуры, обеспечивающих возможность использования указанных ресурсов. Мы уже отмечали недостатки функционирования понятия «курортная инфраструктура» в Законе № 26-ФЗ. Думается, что в случае изменения в этой части федерального законодательства аналогичным образом должно будет скорректировано и законодательство региональное, ориентирующееся на дефиниции и смыслообразующие нормативные конструкции, исходящие от федеральной представительной власти.

Более детальное определение курортной инфраструктуры было дано в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструк-

туры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». При этом там особо подчеркивалось, что понятие «курортная инфраструктура» не включает в себя «объекты системы коммунальной инфраструктуры и автомобильных дорог» [15]. Почему? Исключать дороги и коммунальную инфраструктуру из рассматриваемого нами понятия крайне нежелательно, поскольку они являются важнейшими элементами системы жизнеобеспечения курортных населенных пунктов, могущими к тому же при их ненадлежащем состоянии оказывать вполне заметное негативное воздействие на природные лечебные ресурсы (в случае неисправности канализации и т.п.). Можно еще понять, если данные изъятия из понятия «курортная инфраструктура» были сделаны лишь для непосредственных целей реализации федерального закона о курортном сборе, средства которого изначально не планировалось тратить на дороги и инженерные коммуникации в виду очевидной значительности таких трат. Однако все вышеизложенное приводит нас к выводу, что и это понятие курортной инфраструктуры нельзя рассматривать как универсальное и применимое ко всему курортному законодательству в целом. Соответственно, и субъектам Российской Федерации не стоит заимствовать это определение в свое региональное законодательство.

Важно подчеркнуть, что состояние той же канализации и иных инженерных сетей в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод обеспечивает не только качество жизни их населения, но и качество отдыха, а также санаторно-курортного лечения. Кроме того, неудовлетворительное состояние канализации на бальнеологических курортах ведет к попаданию загрязняющих веществ в почвы, недра и, как следствие, в источники минеральных вод, что чревато их загрязнением и весьма серьезными рисками утраты полезных свойств отдельных природных лечебных ресурсов КМВ, а также бактериологическими и эпидемическими рисками.

По данным Общественной палаты Ставропольского края, ежегодный объем сточных вод в населенных пунктах курортного региона Кавказских Минеральных Вод составляет более 90 млн. куб. м. Масса загрязняющих веществ в этих сточных водах составляет 110 тысяч тонн. При этом изношенность коммунальных сетей в городах-курортах достигает критических показателей:

- в Ессентуках износ трубопроводов городской системы водоснабжения составляет 77%. Насосное оборудование на водозаборах почти полностью выработало свой ресурс и подлежит замене. В замене нуждается также 81% канализационных сетей;

- в Железноводске требуется замена 79,5% ветхих сетей водопровода. По канализации требуется замена 67% ветхих сетей;

- в Кисловодске главный канализационный коллектор города, построенный в 1930 году, в 3

раза превысил нормативный срок эксплуатации, его износ составляет 100%. Разгрузочный коллектор 1969 года не справляется с существующей нагрузкой. Износ ливневой канализации – 90,2% при том, что она покрывает лишь 21,5% территории города;

- в Пятигорске доля водопроводных сетей, нуждающихся в замене, составляет 60%, при том, что уровень потерь и утечек составляет 53,6%. Изношенность водопроводной сети – 94%. Централизованной системой водоотведения обеспечено 100% объектов капитальной застройки и только 74% индивидуального жилищного фонда. 33% коллекторов нуждаются в замене.

Все это говорит о важности включения инженерно-коммунальных сетей в понятие инфраструктуры курортов, чтобы этот существенный аспект их жизнедеятельности не оставался без внимания властей и надлежащего финансирования с их стороны.

Редко обращается внимание на инфраструктуру скважин минеральной воды и их мониторинга на бальнеологических курортах, хотя соответствующие устройства, сооружения и службы должны быть непосредственно отнесены к объектам курортной инфраструктуры, так как их неудовлетворительное состояние чревато прямыми рисками для будущего курортов.

На сегодняшний день, по данным Общественной палаты Ставропольского края, в регионе Кавказских Минеральных Вод разведано и освоено более 20 месторождений минеральных вод. Добыча гидроминеральных ресурсов ведется 26 недропользователями из около 120 скважин. Общее же их количество превышает 370. Серьезную обеспокоенность вызывает крайне плачевное состояние этих скважин и необходимой для добычи и доставки минеральной воды инфраструктурой.

Сегодня загрязнен источник «Нарзан» на центральном участке Кисловодского месторождения, в связи с чем минеральная вода из него используется только после санации для наружного применения в бальнеологических процедурах. Необходимо обеспечить постоянное осуществление государственного мониторинга состояния недр Кавказских Минеральных Вод, который не ведется уже на протяжении нескольких лет. Перечень перспективных проектов (мероприятий) по реализации Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года предусматривал возобновление такого мониторинга [13], однако сроки его начала обозначены не были.

Как уже было отмечено, региональное законодательство о курортах страдает от тех же недостатков в регулировании развития курортной инфраструктуры, что и законодательство федеральное. Это вполне закономерно, поскольку региональные нормативные акты не только создаются в строгом соответствии с федеральны-

ми, но часто их просто копируют. Поэтому в основополагающих законах о курортах в Ставропольском крае понятию и правовому режиму курортной инфраструктуры уделяется столь же мало внимания, как и в Законе № 26-ФЗ. Думается, что изменение федерального законодательства в части углубления и конкретизации правового регулирования развития курортной инфраструктуры станет сигналом и субъектам Федерации к оптимизации их законодательства в данной части.

Закон Ставропольского края от 14.11.2013 г. № 92-кз «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Ставропольского края» [7], являясь крайне небольшим по объему в сравнении с аналогичными нормативными актами других субъектов Российской Федерации, увы, не содержит никаких особых достижений регионального нормотворчества, могущих представлять интерес для развития курортного законодательства на каком-либо уровне. Учитывая, что на территории Ставропольского края находятся такие всемирно известные и значимые для всей страны курорты, как Кавказские Минеральные Воды, этому субъекту Российской Федерации стоило бы принять новый, гораздо более детально разработанный закон в области своей региональной курортной политики. В него стоило бы включить и наиболее принципиальные нормы об инфраструктурном развитии Кавказских Вод.

Стоит обратить отдельное внимание на законы субъектов Российской Федерации, посвященные государственной поддержке населенных пунктов, на территории которых расположены курорты. Такой нормативный акт есть и на Ставрополье. Закон Ставропольского края от 10.10.2019 г. № 74-кз «О государственной поддержке развития муниципальных образований Ставропольского края, расположенных в границах особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации – Кавказские Минеральные Воды» (далее – Закон Ставропольского края № 74-кз). Ст. 3 этого регионального нормативного акта в числе целей указанной государственной поддержки называет: создание современных высокоэффективных и конкурентоспособных санаторно-курортного и туристского комплексов, а также развитие объектов инженерной и транспортной инфраструктуры в курортном регионе КМВ (п.п. 2, 5). Заявляемые, таким образом, инфраструктурные цели государственной поддержки курортных муниципальных образований на региональном уровне находят вполне конкретное выражение в ст. 5, регламентирующей вопросы местного значения, решать которые помогают региональные власти.

При этом согласно ст. 6, наиболее приоритетные направления из числа перечисленных в ст. 5 направлений развития муниципальных образований на территории курортного региона

КМВ определяет Координационный совет по развитию Кавказских Минеральных Вод. Он создается Правительством Ставропольского края, которое утверждает как его состав, так и Положение о совете. Определяемые координационным советом направления развития муниципальной инфраструктуры курортного региона утверждаются Думой Ставропольского края.

Есть в этом региональном законе о развитии курортной инфраструктуры Кавказских Минеральных Вод и некоторые недостатки. Так, вызывает недоумение п. 7 ст. 5 Закона Ставропольского края № 74-кз, которая предусматривает меры государственной поддержки муниципальных образований на курортах КМВ «для организации ритуальных услуг и содержания мест захоронения» [6]. Очевидно, что данный вопрос местного значения никак не связан с развитием курортной инфраструктуры или сопутствующих видов инфраструктур, имеющих значение для функционирования населенного пункта как курорта. Места захоронения имеются не только на курортах, и там они вовсе не обладают какой-либо спецификой, требующей особой поддержки государства в интересах реализации его курортной политики (если это только не строительство крематориев, призванных снизить негативное воздействие на почву и недра).

При всех своих недостатках Закон Ставропольского края № 74-кз все же является передовым актом регионального нормотворчества в области поддержки развития курортной инфраструктуры. В отличие от него Закон Краснодарского края от 15.07.2005 г. № 888-КЗ «О государственной поддержке санаторно-курортного и туристского комплекса Краснодарского края», по сути, не предусматривает непосредственного создания или поддержки региональными властями объектов курортной инфраструктуры. Они лишь создают условия для привлечения лечащихся, отдыхающих и инвестиций в объекты санаторно-курортного комплекса. Исключение составляют только объекты инженерной инфраструктуры курортов Краснодарского края, на развитие которых, в числе прочего, направлены меры государственной поддержки (п. 7 ст. 3) [3]. Поэтому наработки Ставропольского края, нацеленные на более обширную поддержку развития инфраструктурных курортных объектов на территории Кавказских Минеральных Вод, можно только приветствовать и рекомендовать как позитивный опыт другим регионам.

У других субъектов Российской Федерации есть свои правотворческие достижения, представляющие некоторый интерес для обмена опытом между регионами в сфере развития курортного законодательства. Так, в Законе Алтайского края от 24.03.2000 г. № 20-ЗС «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Алтайского края» (далее – Закон Алтайского края № 20-ЗС)

есть ряд интересных норм об инфраструктуре. Так, п. 3 ст. 3 позволяет придать территории статус лечебно-оздоровительной местности (далее – ЛОМ) краевого или локального значения, только если она обладает площадью, достаточной и пригодной для курортного строительства, а также надежными системами энергообеспечения и водоснабжения, способными удовлетворить потребности будущего курорта.

Эта норма, правда, озадачивает тем, что в ней говорится только о ЛОМ, которые именуются в результате «будущими курортами». Однако, во-первых, далеко не все лечебно-оздоровительные местности обычно планируются превращать в курорты. И, во-вторых, ЛОМ тем и отличается от курорта, что курорт обладает всей необходимой инфраструктурой, тогда как для ЛОМ это вовсе не обязательно, достаточно наличия там природных лечебных ресурсов. К чему тогда в качестве обязательного условия признания ЛОМ требовать наличия там площадей для курортного строительства, которое, может быть, и не планируется осуществлять, а также коммунальных систем, которые могут там и не понадобиться?

Думается, что алтайские законодатели имели здесь в виду не только ЛОМ, но и курорты краевого и местного значения, однако упоминание о курортах в этих нормах было упущено. Полагаем уместным предложить региональной представительной власти везде, где в ст. 3 Закона Алтайского края № 20-ЗС фигурируют ЛОМ, прибавить к ним еще и региональные и локальные курорты.

Это, в частности, касается и п. 4 ст. 3, где в числе документов, на основании которых территория признается ЛОМ краевого или локального значения, называется перечень сельскохозяйственных, промышленных и иных предприятий, расположенных в пределах будущей ЛОМ, которые должны подлежать перепрофилированию, перемещению или ликвидации. Это крайне важная норма, позволяющая отделить «нежелательную побочную инфраструктуру» на территории будущего курорта от понятия курортной инфраструктуры. В этом плане алтайские региональные законодатели пошли дальше федерального, пытаясь ввести дифференциацию этих столь разных инфраструктур, которые, увы, в федеральном законодательстве четко не разделены.

Пп. 6-7 Закона Алтайского края № 20-ЗС устанавливают, что утверждаемыми региональным правительством положениями регламентируется не только функционирование целых курортов, но и отдельных санаториев. Эта норма, очевидно, важна именно с точки зрения развития курортной инфраструктуры, ключевым элементом которой как раз и являются санатории. Так, в Положении о санатории краевого и местного значения (утверждается Правительством

Алтайского края) должны быть отражены, помимо всего прочего: его лечебно-оздоровительная специализация, вопросы развития и застройки, благоустройства и т.п.

Ст. 14-15 Закона Алтайского края № 20-ЗС также посвящены курортной инфраструктуре, поскольку регулируют статус санаторно-курортных организаций и порядок использования их имущества. Впрочем, эти региональные нормы почти дословно дублируют ст. 14-15 федерального Закона № 26-ФЗ [1].

Краснодарский край также сформулировал многие нормы своего законодательства о курортной инфраструктуре на региональном и локальном уровне по образу и подобию федерального законодательства. Например, ст. 15 Закона Краснодарского края от 07.08.1996 г. № 41-КЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Краснодарского края» (далее – Закон Краснодарского края № 41-КЗ) касается застройки ЛОМ и курортов краевого и местного значения на территории этого региона. Однако нормы данной статьи не содержат какой-либо ярко выраженной специфики правового регулирования этих важных инфраструктурных отношений, ссылаясь на то, что застройка территорий курортов регламентируется законодательством о недрах, а также иным федеральным и региональным законодательством и осуществляется в соответствии с программами развития ЛОМ и курортов, с документами территориального планирования и разработанной на их основе документацией по планировке территорий. Регулированию деятельности санаторно-курортных организаций посвящены ст. 17-17.1 Закона Краснодарского края № 41-КЗ, но и они мало чем отличаются от соответствующих норм Закона № 26-ФЗ [2].

Закон Республики Крым от 28.01.2015 г. № 76-ЗРК/2015 «О курортах, природных лечебных ресурсах и лечебно-оздоровительных местностях Республики Крым» (далее – Закон Республики Крым № 76-ЗРК/2015) содержит некоторые наработки, могущие быть интересными федеральному законодателю. Это касается, прежде всего, понятийного аппарата, относящегося к курортной инфраструктуре и недостаточно разработанного или вообще отсутствующего в Законе № 26-ФЗ. В частности, ст. 1 Закона Республики Крым № 76-ЗРК/2015 содержит исчерпывающие определения санаторно-курортных организаций разного вида («санаторий» (и различные его виды), «детский санаторно-оздоровительный лагерь круглогодичного действия», «бальнеологическая лечебница», «грязелечебница», «курортная поликлиника», «профилакторий», «СПА» и др.), которые отсутствуют в федеральном законодательстве о курортной инфраструктуре [5]. Подобного детально разработанного понятийного аппарата, относящегося к курортной инфраструктуре, очень не хватает в

федеральном законодательстве, в виду чего было бы неплохо воспользоваться наработками Закона Республики Крым № 76-ЗРК/2015 и на федеральном уровне.

В иных своих частях, относящихся к курортной инфраструктуре (регулирующих деятельность санаторно-курортных организаций, предусматривающих ограничения размещение отдельных объектов в зонах округов санитарной (горно-санитарной) охраны курортов, государственной поддержки объектов санаторно-курортной сферы и т.п.), Закон Республики Крым № 76-ЗРК/2015 мало чем отличается от соответствующих норм федерального законодательства и уже рассмотренных региональных законов.

Среди актов регионального нормотворчества в области регулирования режима объектов курортной инфраструктуры особый интерес представляет другой Закон Республики Крым от 07.07.2017 г. № 409-ЗРК/2017 «Об особенностях создания в Республике Крым зон с особой архитектурно-планировочной организацией территории» (далее – Закон Республики Крым № 409-ЗРК/2017) [4]. Хотя этот нормативный акт и не говорит о курортах напрямую, однако в нем отмечается, что особые архитектурно-планировочные зоны создаются в этом субъекте Федерации с учетом их историко-культурной, экологической и рекреационной ценности (с. 1). Анализ норм данного регионального закона показывает, что в этом субъекте Федерации особые архитектурно-планировочные зоны должны создаваться именно на территории крымских городов-курортов.

В чем же состоят особенности таких архитектурно-планировочных зон применительно к курортной инфраструктуре? П. 2 ст. 4 запрещает в архитектурно-планировочных зонах строительство и размещение любых объектов, а также их реконструкцию и капитальный ремонт, если этим затрагивается внешний архитектурный вид зданий и сооружений. Исключения делаются лишь для тех объектов, которые строятся, реконструируются или ремонтируются за счет средств федерального, регионального или местного бюджета, либо в рамках инвестиционных соглашений и в некоторых других исключительных случаях (п. 3 ст. 4), в каждом из которых капитальный ремонт и реконструкцию в архитектурно-планировочной зоне необходимо согласовывать с Главой Республики Крым (п. 4 ст. 4).

Что же это означает? Похоже, этому субъекту Российской Федерации удалось найти оптимальный правовой алгоритм решения важнейшей проблемы, стоящей на пути успешного развития курортной инфраструктуры. Это точечная застройка городов-курортов, искажение их исторически сложившегося архитектурного облика, систематическое нарушение норм курортного, градостроительного и иного законодатель-

ства, допускаемые органами местного самоуправления [11, с. 202]. Проблема в том, что муниципальные образования на территории городов-курортов вовсе не обязаны заниматься реализацией государственной курортной политики, поскольку органы местного самоуправления, согласно Конституции РФ, не входят в систему органов государственной власти. При этом они предоставляют в пользование земельные участки, выдают разрешения на строительство и т.п. Учитывая высокую степень коррупциогенных рисков данных отношений, нет ничего удивительного в том, что деятельность муниципальных властей в ряде городов-курортов идет вразрез с публичными интересами, выраженными в государственной курортной политике. Вместо эффективного развития курортной инфраструктуры местные власти идут по пути допущения точечной застройки и иных явных нарушений, способствующих неуклонной деградации курортов. Эта проблема в той или иной степени присуща всем городам-курортам [12, с. 84], но особенно она актуальна для Кавказских Минеральных Вод. Республика Крым впервые смогла предложить правовую конструкцию, которая ставит деятельность по застройке городов-курортов под жесткий контроль со стороны органов государственной власти.

Закон Республики Крым № 409-ЗРК/2017 при нарушении требований в архитектурно-планировочной зоне допускает отключение объектов нарушителя от инженерных сетей и оборудования ресурсоснабжающими организациями на основании письменного требования уполномоченного органа (п. 5 ст. 4). Таким образом, любое самовольное строительство или реконструкция объектов в городах-курортах Крыма может быть быстро и эффективно пресечено государственными органами исполнительной власти.

Региональный закон дает им возможность бороться и с так называемыми «долгостроями». Этой цели служит норма п. 7 ст. 4, которая допускает установление повышающих коэффициентов за пользование земельными участками, если строительство на них затягивается, даже если договор аренды был заключен до вступления в силу Закона Республики Крым № 409-ЗРК/2017. Совет министров Республики Крым определяет порядок и основания установления таких повышающих коэффициентов, а также их размер. Проблема «долгостроев» также актуальна для многих городов-курортов на Кавказских Минеральных Водах. Предложенный крымчанами инструмент позволяет оказать давление на нерадивого владельца объекта-долгостроя путем увеличения для него платы за землю с целью стимулировать его к окончанию строительства или к передаче прав на соответствующий объект иному, заинтересованному в этом лицу на взаимовыгодной возмездной основе.

Вызывает, правда, некоторое недоумение упоминание в п. 5 ст. 2 Закона Республики Крым № 409-ЗРК/2017 о нахождении земельного участка «полностью или частично» в границах архитектурно-планировочной зоны. Российское земельное законодательство исходит из принципа недопустимости пересечения границ формируемых зон с границами отдельных земельных участков во избежание создания ситуации неопределенности правового режима отдельного участка, то ли включенного, то ли не включенного в такую зону. Поэтому зоны с особыми условиями использования должны формироваться по границам земельных участков, не пересекая их. В этой части Закон Республики Крым № 409-ЗРК/2017, очевидно, требует корректировки.

Однако в целом он является весьма ценным достижением регионального нормотворчества, дающим возможность поставить деятельность по развитию инфраструктуры в наиболее проблемных зонах городов-курортов под жесткий контроль органов государственной власти. Возможно, федеральному законодателю также следует рассмотреть возможность установления подобных архитектурно-планировочных зон на курортах федерального значения, чтобы их застройка контролировалась федеральными органами исполнительной власти, либо их региональными коллегами в порядке делегирования полномочий.

Результаты. Как в федеральном, так и в региональном законодательстве к понятию «инфраструктура курортов» следует подходить дифференцированно. В нем необходимо выделить разные виды инфраструктур, для которых можно ввести различные правовые режимы: 1) основная курортная инфраструктура, непосредственно связанная со сферой курортного лечения; 2) дополнительная туристско-рекреационная инфраструктура; 3) дополнительная дорожно-транспортная инфраструктура; 4) дополнительная инженерно-коммунальная инфраструктура; 5) дополнительная инженерно-коммунальная инфраструктура; 6) допускаемая побочная – жилищно-бытовая и общественно-деловая – инфраструктура; 7) нежелательная побочная – производственная и крупная коммерческая – инфраструктура; 8) запрещенная побочная инфраструктура. Подразделение существующей на курортах инфраструктуры на основную, дополнительную и побочную, а последней – еще на допускаемую, нежелательную и запрещенную (с установлением для каждого вида собственного правового режима) позволит дифференцированно подойти к развитию этих столь разных инфраструктур. Таким образом, будет решено немало проблем, возникающих на практике из-за недостаточно внятного определения понятия «курортная инфраструктура» и отсутствия ясной классификации входящих в него разнородных элементов.

Федеральное законодательство о курортной инфраструктуре можно существенно расширить и дополнить за счет нормотворческих достижений регионов. Так, федеральному законодателю следовало бы обратить внимание на нормативные дефиниции: «санаторий» (и различные его виды), «детский санаторно-оздоровительный лагерь круглогодичного действия», «бальнеологическая лечебница», «грязелечебница», «курортная поликлиника», «профилакторий», «СПА» и др.

Закон Ставропольского края от 10.10.2019 г. № 74-кз «О государственной поддержке развития муниципальных образований Ставропольского края, расположенных в границах особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации – Кавказские Минеральные Воды» содержит, на наш взгляд, почти эталонный механизм правового регулирования взаимодействия между государственной властью и органами местного самоуправления в целях развития курортной инфраструктуры при решении вопросов местного значения. В этом региональном законе содержится перечень инфраструктурных объектов муниципального уровня, создание и развитие которых может получать

государственную поддержку. Урегулирован порядок предоставления такой поддержки. Данный закон может служить образцом для других регионов, а также при регулировании сходных отношений на федеральном уровне.

Федеральному законодателю и его региональным коллегам необходимо обратить внимание на Закон Республики Крым от 07.07.2017 г. № 409-ЗРК/2017 «Об особенностях создания в Республике Крым зон с особой архитектурно-планировочной организацией территории», который посредством установления архитектурно-планировочных зон вводит жесткий контроль со стороны государственных органов исполнительной власти за застройкой городов-курортов. Аналогичный институт следовало бы ввести и на федеральном уровне в целях воспрепятствования «муниципальному беспределу» в городах-курортах федерального значения, выражающему в их точечной застройке, искажении исторически сложившегося архитектурного облика, систематическом нарушении норм курортного, градостроительного и иного законодательства, регламентирующего развитие курортной инфраструктуры.

Литература

1. Закон Алтайского края от 24.03.2000 г. № 20-ЗС «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Алтайского края» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
2. Закон Краснодарского края от 07.08.1996 г. № 41-КЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
3. Закон Краснодарского края от 15.07.2005 г. № 888-КЗ «О государственной поддержке санаторно-курортного и туристского комплекса Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
4. Закон Республики Крым от 07.07.2017 г. № 409-ЗРК/2017 «Об особенностях создания в Республике Крым зон с особой архитектурно-планировочной организацией территории» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
5. Закон Республики Крым от 28.01.2015 г. № 76-ЗРК/2015 «О курортах, природных лечебных ресурсах и лечебно-оздоровительных местностях Республики Крым» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
6. Закон Ставропольского края от 10.10.2019 г. № 74-кз «О государственной поддержке развития муниципальных образований Ставропольского края, расположенных в границах особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации – Кавказские Минеральные Воды» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
7. Закон Ставропольского края от 14.11.2013 г. № 92-кз «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Ставропольского края» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
8. Навасардова Э. С., Буркин Д. О. Рискоориентированная оценка проведения эксперимента по взиманию курортного сбора на Кавказских Минеральных Водах // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 765–772.
9. Нутрихин Р. В., Свидлова К. В. Некоторые проблемы формирования курортного законодательства в Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 563–568.
10. Постановление Правительства РФ № 337 от 12.04.1993 г. «О государственной поддержке функционирования и развития города-курорта Сочи» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
11. Романова О. А. Правовые проблемы регулирования застройки территорий курортов и лечебно-оздоровительных местностей // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 200–208.
12. Романова О. А. Проблемы правового обеспечения публичности установления ограничений прав на земельные участки и другие объекты недвижимости на примере правового режима лечебно-оздоровительных местностей и курортов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 1 (53). С. 84–91.
13. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).
14. Федеральный закон от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).

15. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.06.2025).

References

1. Law of Altai Krai dated 24.03.2000 No. 20-ZS "On natural healing resources, health resorts and resorts of Altai Krai". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
2. Law of Krasnodar Krai dated 07.08.1996 No. 41-KZ "On Natural Healing Resources, Health-improving Areas and Resorts of Krasnodar Krai". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
3. Law of Krasnodar Krai dated 15.07.2005 No. 888-KZ "On state support for the health resort and tourist complex of Krasnodar Krai". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
4. Law of the Republic of Crimea dated 07.07.2017 No. 409-ZRK/2017 "On the Peculiarities of Creating Zones with Special Architectural and Planning Organization of the Territory in the Republic of Crimea". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
5. Law of the Republic of Crimea dated 28.01.2015 No. 76-ZRK/2015 "On Resorts, Natural Healing Resources and Health-improving Areas of the Republic of Crimea". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
6. Law of Stavropol Krai dated 10.10.2019 No. 74-kz "On state support for the development of municipalities of Stavropol Krai located within the boundaries of the specially protected ecological and resort region of the Russian Federation - Caucasian Mineral Waters". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
7. Law of Stavropol Krai of 14.11.2013 No. 92-kz "On natural healing resources, health-improving areas and resorts of Stavropol Krai". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
8. Navasardova ES, Burkin DO. Risk-oriented assessment of the experiment on collecting resort fees in the Caucasian Mineral Waters. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2024;4:765-772. (In Russ.).
9. Nutrikhin RV, Svidlova KV. Some problems of formation of resort legislation in the Russian Federation. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2024;3:563-568. (In Russ.).
10. RF Government Resolution No. 337 of 12.04.1993 "On state support for the functioning and development of the resort city of Sochi". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
11. Romanova O.A. Legal problems of regulating the development of territories of resorts and health and recreation areas. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;3(100):200-208. (In Russ.).
12. Romanova OA. Problems of legal publicity of the establishment of restrictions on the rights to land plots and other real estate objects on the example of the legal regime of health and recreation areas and resorts. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA)*. 2019;1(53):84-91. (In Russ.).
13. Strategy for the socio-economic development of the North Caucasus Federal District until 2025. *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
14. Federal Law of 23.02.1995 No. 26-FZ "On natural healing resources, health resorts and resorts". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).
15. Federal Law of 29.07.2017 No. 214-FZ "On conducting an experiment to develop resort infrastructure in the Republic of Crimea, Altai Krai, Krasnodar Krai and Stavropol Krai". *SPS "ConsultantPlus"*. (accessed: 09.06.2025) (In Russ.).

Научная статья

УДК 343.352

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.23>

НАКАЗУЕМОСТЬ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЕАЛЬНАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Инна Андреевна Подройкина

Ростовский филиал Российской таможенной академии (д. 20, просп. Буденновский, Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация)
Доктор юридических наук, доцент
919820@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8711-1122>

Аннотация. Введение. В статье отмечается, что на протяжении многих лет государства, включая и Российскую Федерацию, ищут пути противодействия такому негативному явлению как коррупция. Коррупция обозначена в качестве одной из угроз национальной безопасности, а противодействие ей является важнейшим направлением деятельности различных властных структур, общественных организаций. Искоренение коррупции входит в число стратегических национальных приоритетов. В числе коррупционных преступлений особое место занимает взяточничество. Авторы обращают внимание, что, несмотря на предпринимаемые меры по противодействию коррупции, статистика по-прежнему демонстрирует неблагоприятные тенденции, что требует поиска причин этому и разработку новых направлений противодействия как коррупции в целом, так и такому ее проявлению, как взяточничество. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе статистических данных о количестве совершаемых коррупционных преступлений, включая взяточничество, о количестве лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за взяточничество, а также о мерах, применяемых к лицам, совершающим данные преступления. При изучении поставленной темы использовались такие методы, как статистический, формально-логический, сравнительно-правовой. **Анализ.** В статье анализируется уголовное законодательство с точки зрения его

эффективности в части противодействия взяточничеству, определяются векторы развития уголовно-правовых норм с момента принятия уголовного закона. Обращается внимание, что ни ужесточение, ни смягчение наказания за взяточничество не оказали серьезного влияния на динамику взяточничества, что вызывает определенные вопросы, связанные не только с качеством уголовного закона, но и с практикой его применения. **Результаты.** Изучив результаты рассмотрения уголовных дел о взяточничестве, авторы приходят к выводу о том, что потенциал уголовного закона в части наказуемости взяточничества мог бы использоваться судами в большей мере.

Ключевые слова: уголовный закон, наказание, взяточничество, потенциал, коррупция, динамика взяточничества, эффективность противодействия

Для цитирования: Подройкина И. А. Наказуемость взяточничества: законодательный потенциал и реальная судебная практика // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 744–751. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.23>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

CRIMINALIZATION OF BRIBERY: LEGISLATIVE POTENTIAL AND REAL JUDICIAL PRACTICE

Inna A. Podroykina

Rostov Branch of the Russian Customs Academy (20, ave. Budennovskiy, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)
Dr. Sc. (Law), Associate Professor
919820@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8711-1122>

Abstract. Introduction. The article notes that for many years, the states, including the Russian Federation, have been looking for ways to counteract such a negative phenomenon as corruption. Corruption is identified as one of the threats to national security, and countering it is the most important activity of various government structures and public organizations. The eradication of corruption is one of the strategic national priorities. Bribery occupies a special place among corruption crimes. The authors draw attention to the fact that, despite the measures taken to combat corruption, statistics still show unfavorable trends, which requires finding the reasons for this and developing new ways to combat corruption in general, as well as its manifestation, such as bribery. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of statistical data on the number of corruption crimes committed, including bribery, on the number of persons prosecuted for bribery, as well as on measures applied to those who commit these crimes. When studying the topic, such methods as statistical, formal-logical, comparative-legal were used. **Analysis.** The article analyzes criminal legislation from the point of view of its effectiveness in countering bribery,

defines the vectors of development of criminal law norms since the adoption of the criminal law. It is noted that neither the tightening nor the mitigation of penalties for bribery had a serious impact on the dynamics of bribery, which raises certain questions related not only to the quality of the criminal law, but also to the practice of its application. **Results.** Having studied the results of the consideration of criminal cases on bribery, the authors conclude that the potential of the criminal law in terms of punishability of bribery could be used by the courts to a greater extent.

Keywords: criminal law, punishment, bribery, potential, corruption, dynamics of bribery, effectiveness of counteraction

For citation: Podroykina IA. Criminalization of bribery: legislative potential and real judicial practice. Humanities and law research. 2025;12(4):744-751. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.23>

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 21.02.2025
The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. На протяжении многих лет государства, включая и Российскую Федерацию, ищут способы противостояния такому негативному явлению как коррупция. Коррупция обозначена в качестве одной из угроз национальной безопасности, а противодействие ей является важнейшим направлением деятельности различных властных структур, общественных организаций. Ее искоренение входит в число стратегических национальных приоритетов [14].

Безусловно, в последние годы предпринят ряд шагов, демонстрирующих непримиримость в деле борьбы с коррупцией. В средствах массовой информации постоянно освещаются результаты такой борьбы – задержания проводятся как мелких чиновников, так и крупных государственных деятелей, губернаторов, руководителей служб, высокопоставленных лиц правоохранительных органов, вооруженных сил.

Кроме того, в настоящее время создана весьма обширная нормативная база, направленная на противодействие коррупции – приняты отдельные законы [18], программные документы [15], на уровне конкретных ведомств и организаций

разрабатываются соответствующие документы, кодексы этики, концепции и др. акты [4]. Заметим, что в теории уголовного права серьезное внимание уделяется проблеме противодействия коррупции. Анализируется отечественный [19] и зарубежный опыт [20], предпринимаются попытки разработать иное понятие коррупции, отличное от нормативного, выделить ее признаки и дать классификацию коррупционным проявлениям [13], изучается эффективность использования искусственного интеллекта в деле борьбы с коррупцией [8] и др.

В составе нормативной базы особое значение имеет и уголовное законодательство, которое признает преступным и наказуемым различные проявления коррупции, в том числе и взяточничество. Нормы об ответственности за взяточничество многие годы (столетия) выступают барьером на пути коррупционного поведения, устанавливая достаточно строгую ответственность за него. И это не случайно, ведь в числе коррупционных преступлений, именно взяточничество занимает доминирующее положение (рисунок 1) [5].

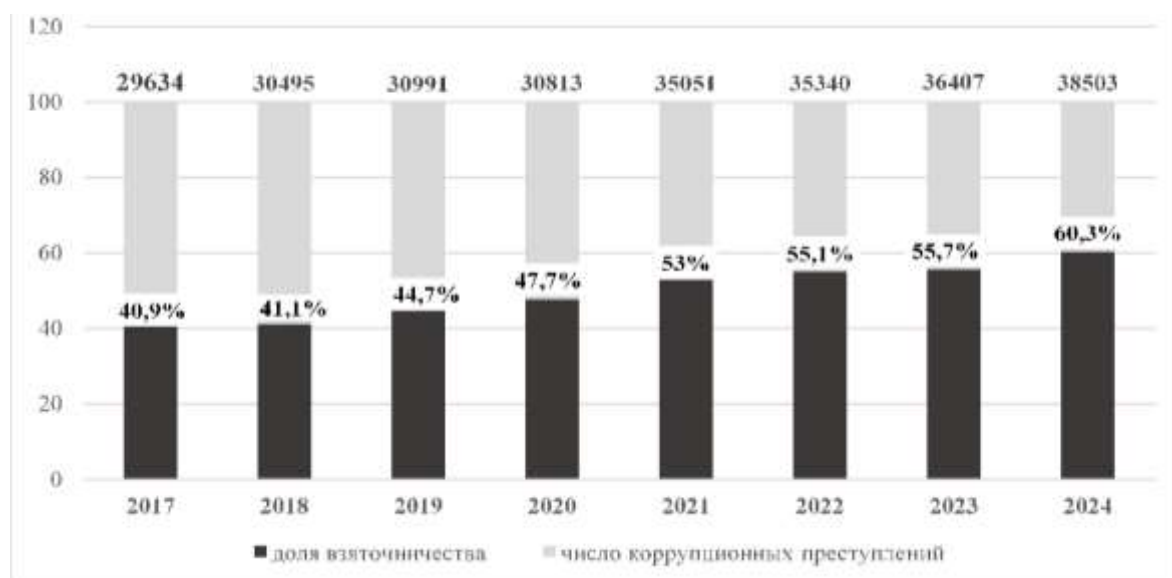

Рисунок 1 / Figure 1. Доля взяточничества в общем числе коррупционных преступлений за период с 2017 г. по 2024 г. / The share of bribery in the total number of corruption crimes for the period from 2017 to 2024

По данным МВД РФ всего в России в 2024 г. было совершено 38 503 преступления коррупционной направленности, из них 23 240 – это преступления, связанные со взяточничеством, что составляет 60,3%. Аналогичная ситуация наблюдается и в предшествующие годы. Видимо поэтому в теории уголовного права такое серьезное внимание уделяется взяточничеству. Так, несмотря на наличие соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [11; 12] и многолетнее существование норм об ответственности за получение/дачу взятки, специали-

сты по-прежнему пытаются уяснить вопросы, связанные с квалификацией данных преступных деяний, а также новых составов, введенных относительно недавно. В частности, поднимаются проблемы квалификации посредничества во взяточничестве и предложения посредничества [3], взяточничества, совершаемого преступным сообществом [1], уточняются признаки предмета [7] и субъекта взяточничества, а также затрагиваются вопросы необходимости унификации законодательства в этой части стран Евразийского экономического союза [2].

Однако, несмотря на все перечисленное – весьма серьёзное внимание и правоприменителя, и законодателя, а также специалистов в области уголовного права к проблемам взяточничества, статистика неутешительна. Так, из приведенных выше данных видно, что доля взяточничества в числе коррупционных преступлений заметно выросла – с 40,9% в 2017 г., до 60,3% в 2024 г., то есть почти на 1/3. Возможно приведенные цифры свидетельствуют о более эффективной работе правоохранительных органов по выявлению изучаемых преступлений. Вместе с тем, такая динамика регистрации коррупционных преступлений не может не вызывать беспокойства, особенно на фоне того, что взяточничество относится к числу высоколатентных преступлений, а значит, представленные данные существенно отличаются от реальной ситуации. Полагаем, что в числе одной из причин непрекращающегося роста коррупционных преступлений, включая взяточничество, является неиспользование в полном объеме потенциала уголовного законодательства в части противодействия взяточничеству.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе статистических данных о количестве совершаемых коррупционных преступлений, включая взяточничество, о количестве лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за взяточничество, а также о мерах, применяемых к лицам, совершающим данные преступления. При изучении поставленной темы использовались такие методы, как статистический, формально-логический, сравнительно-правовой.

Анализ. За время действия уголовного закона он подвергся многократным изменениям, включая и регламентацию ответственности за взяточничество. Изучение новелл УК позволяет сделать вывод о двух векторах уголовной политики, реализуемой в нашем государстве в этой области. Так, в 2011 г. наблюдается весьма серьёзное ужесточение ответственности за взяточничество, которое выразилось в уточнении предмета преступления, в выделении новых квалифицированных видов получения/дачи взятки, во введении самостоятельной нормы об ответственности за посредничество во взяточничестве [16].

Кроме того, несмотря на дополнение ряда санкций статей о взяточничестве таким видом наказания, как штраф, в целом наказание за взяточничество было значительно усилено. Так, например, особо квалифицированный вид получения взятки, предусмотренный ч. 6 ст. 290 УК, по строгости наказания в виде лишения свободы был приравнен к простому убийству. Штраф альтернативно был установлен в новом варианте исчисления – в суммах, кратных взятке, причем в размерах достаточно высоких. При назначении штрафа обязательным стало присоединение к нему лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и др.

Но на динамику регистрации получения/дачи взятки усиление наказания на законодательном уровне особого влияния не оказало (рисунок 2) [10].

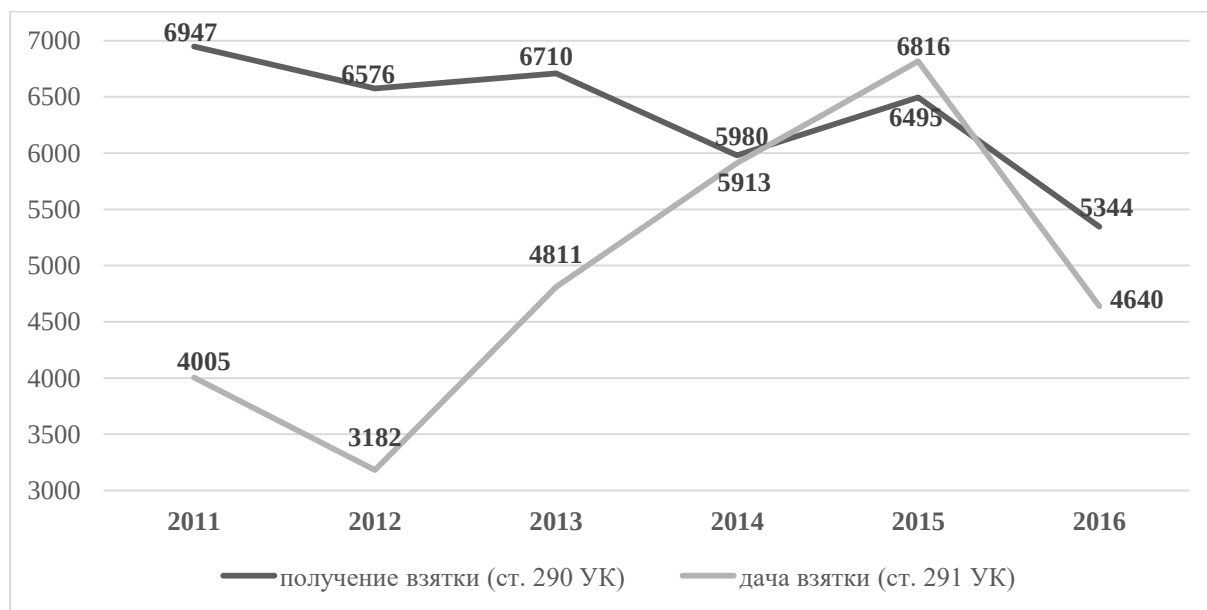

Рисунок 2 / Figure 2. Динамика получения и дачи взятки за период с 2011г. по 2016 г. / The dynamics of receiving and giving bribes for the period from 2011 to 2016

В большей степени это касается дачи взятки. Так, если количество зарегистрированных преступлений по ст. 290 УК менялось разнонаправленно, как в сторону снижения, так и увеличения,

то динамика дачи взятки характеризовалась постоянным ростом показателей (за исключением 2012 года).

Второй вектор проводимой политики в части наказуемости за взяточничество начинает проявляться в 2015 году, когда происходит некоторая либерализация санкций за взяточничество посредством дополнения их (ч. 1 ст. 290 УК, ч. 1 и ч. 2 ст. 290 УК) такими способами исчисления штрафа как в абсолютном денежном выражении и в размере заработной платы или иного дохода осужденного, а также исправительными работами [17].

Наиболее масштабные изменения изучаемых статей прошли в 2016 г. Наряду с уточнением диспозиций, продолжилась работа по систематизации санкций. Штраф как основное наказание теперь определен посредством всех трех способов исчисления, обозначенных в ч. 2 ст. 46 УК, назначение дополнительных наказаний в значительном числе санкций отдано на усмотрение суда, изменились границы дополнительных наказаний в сторону снижения (например, штраф теперь определяется не в конкретном размере, а с указанием на верхний предел). Этим же законом вводится самостоятельная ответственность за мелкое взяточничество, что также следует оценить как проявление либерализации, так как наказание за мелкое взяточничество ниже, чем за основные составы получения/дачи взятки.

Оценивая состоявшиеся изменения уголовного закона, подчеркнем, что если говорить об ответственности в целом, то можно увидеть расширение оснований привлечения к ответственности за взяточничество, которое реализовано не только посредством уточнения соответствующих диспозиций статей Особенной части УК РФ, введением новых составов преступлений и квалифицированных видов взяточничества, но и путем изменения позиции Верховного Суда РФ по ряду вопросов, связанных с их квалификацией (например, относительно оценки дачи/получения взятки при проведении ОРМ как по размеру, так и по моменту окончания) [11].

Что же касается наказуемости, то здесь прослеживается явная тенденция к либерализации ответственности через расширение возможностей индивидуализации наказания посредством ухода законодателя от единственно возможного наказания за взяточничество в виде лишения свободы, допущения назначения штрафа во всех трех способах исчисления с указанием пределов, а также путем передачи на усмотрение суда возможности назначения ряда дополнительных наказаний.

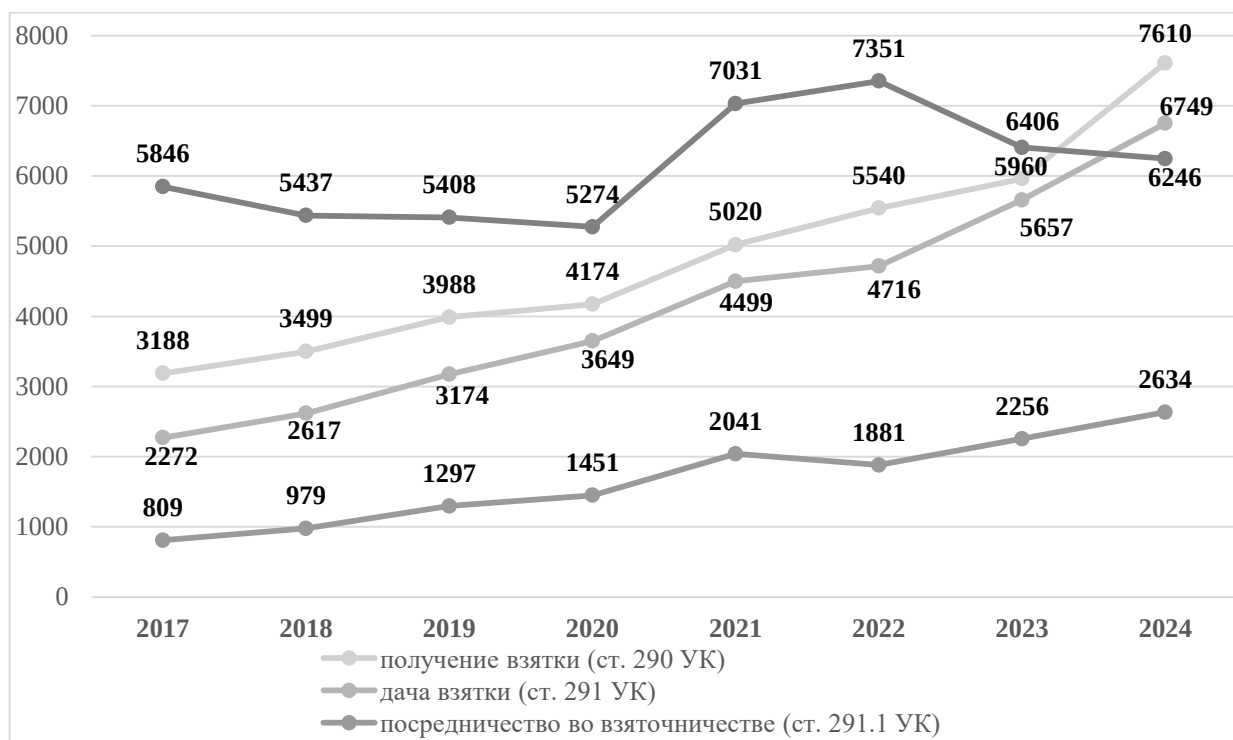

Рисунок 3 / Figure 3. Динамика взяточничества за период с 2015 г. по 2024 г. / The dynamics of bribery for the period from 2015 to 2024

Но, несмотря на некоторое смягчение санкций, наказание за взяточничество по-прежнему является достаточно строгим, отдельные виды взяточничества отнесены к категории особо тяжких преступлений с наказанием до 15 лет лишения свободы. То есть, в настоящее время на уровне уголовного закона созданы достаточно серьезные

механизмы противодействия взяточничеству. Однако статистика она по-прежнему демонстрирует неблагоприятные тенденции роста количества фактов взяточничества (рисунок 3) [5].

Неблагоприятные тенденции роста взяточничества, ставят под сомнение эффективность уголовного закона, ведь исходя из приведенных

данных получается, что ни ужесточение, ни смягчение наказания за взяточничество не оказывают серьезного влияния на динамику взяточничества. Но, прежде чем делать соответствующие выводы интересным видится провести анализ реальной судебной практики с позиции востребованности и применимости существующих в уголовном законе механизмов противодействия данному негативному явлению. Для того, чтобы оценить, насколько

суды используют законодательный потенциал наказуемости взяточничества, изучим результаты рассмотрения уголовных дел судами за 2022-2023 год по ст. 290, 291, 291² УК (данные о посредничестве во взяточничестве в отчетах судебного департамента не представлены).

Выборочно результаты рассмотрения уголовных дел в судах по ст.ст. 290, 291, 291² УК за 2022-2023 г.г. представлены в таблице 1 [6].

Таблица 1 / Table 1

Наказание и иные меры, назначенные лицам, совершившим дачу/получение взятки / Punishment and other measures imposed on persons who committed giving/receiving bribes

	ч. 1, ч. 3 ст. 290 УК		ч. 4 ст. 290 УК		ч. 2, ч. 5, ч. 6 ст. 290 УК		ст. 291 УК		ст. 291 ² УК	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
всего осуждено	562	618	8	16	797	997	2234	2170	2479	2479
лишение свободы	123	144	4	8	455	619	264	280	40	45
условное осуждение к лишению свободы	315	312	3	5	183	199	741	773	43	41
ограничение свободы	1	0	0	0	0	0	2	14	51	63
исправительные работы	4	3	0	0	1	0	26	9	83	83
обязательные работы	1	0	0	1	0	0	10	0	3	5
принудительные работы	1	1	0	0	0	1	1	0	0	1
штраф	109	146	1	2	156	177	1149	1043	2153	2099
условное осуждение к иным наказаниям	0	1	0	0	0	0	5	4	20	9
освобождено от наказания	8	11	0	0	2	1	29	42	84	131
Применены процессуальные меры										
конфискация имущества	52	93	0	3	112	144	102	165	47	91
судебный штраф	2	4	0	0	0	0	50	47	188	107
Прекращено										
по др. основан., включая судебный штраф	16	16	0	0	7	8	617	784	607	533
Дополнительные наказания										
лишение права занимать опр. должности и т.д.	391	427	6	7	585	699	84	81	41	30
штраф	152	191	4	7	289	381	243	273	2	3
лишение званий и т.д.	38	46	0	0	88	101	3	2	0	0
ограничение свободы	0	0	0	0	3	3	5	6	0	0

Исходя из информации в таблице, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, из приведенных данных обнаруживается, что только примерно 2/3 из поступивших в суд дел заканчивается осуждением. Так, за получение взятки осуждено 66,7% лиц в 2022 г. и 81,7% лиц в 2023 г. Доля лиц, осужденных за дачу взятки в 2022 г. составила 76,8%, за мелкое взяточничество – 58,1%, в 2023 г. осуждены 63,4% лиц по ст. 291 УК и 67,7% лиц по ст. 291² УК.

Во-вторых, заметным является достаточно активное использование судами института освобождения от наказания с преобладанием по делам о мелком взяточничестве (в 2022 г. было освобождено от наказания либо оно не назначалось в 84 случаях, в 2023 – в 131 случае). Еще более активно прекращаются уголовные дела по

отдельным составам взяточничества с применением такой меры, как судебный штраф. Доля прекращенных уголовных дел по различным основаниям, включая судебный штраф, по даче взятки достигает почти 25%, т.е. 1/4 от всех поступивших в суд дел (в частности, в 2022 г. она составила 21,2%, в 2023 г. – 22,9%).

Во-третьих, за получение взятки (ст. 290 УК), несмотря на альтернативность санкций, суды по-прежнему избирают в качестве наказания лишение свободы, с доминированием назначения данного вида наказания при осуждении по ч. 2, ч. 5 и ч. 6 ст. 290 УК. Более чем 1/3 лицам, осуждаемым по данным частям, назначается лишение свободы с отбыванием условно – 36,7% в 2022 г. и 31,5% в 2023 г. Причем по основным составам получения взятки эта доля превышает 50% (56% в 2022 г. и 50,5% в 2023 г.). Аналогичная картина

складывается и при осуждении за дачу взятки (в 2022 г. условно к лишению свободы осуждены 33,2% лиц, в 2023 г. – 35,6% лиц) с той лишь разницей, что при назначении наказания за дачу взятки суды как правило выбирают штраф. Так, в 2022 году по ст. 291 УК доля осужденных к штрафу составила 51,4%, в 2023 – 48,1%.

В-четвертых, вызывает определенные вопросы наличие в приведенной таблице осужденных к таким основным видам наказания, как обязательные работы и ограничение свободы (в частности, за дачу взятки и посредничество во взяточничестве). Обязательных работ нет ни в одной санкции за взяточничество, ограничение свободы включено в качестве основного наказания только за мелкое взяточничество. В этой части, либо приведены данные с учетом сложения наказаний по нескольким преступлениям, либо суды допускают ошибки в части применения ст. 64 УК. Здесь следует напомнить, что применение более мягкого наказания, чем предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК возможно (при наличии исключительных смягчающих обстоятельств), только если назначается другой вид наказания из лестницы наказаний более мягкий, чем предусмотрен в санкции. Так как во всех санкциях статей, устанавливающих наказание за взяточничество предусмотрено наказание в виде штрафа, то применить ст. 64 УК с заменой наказания иным более мягким видом ни по одной из них невозможно, в связи с тем, что штраф признается законодателем самым мягким видом наказания. Аналогичные вопросы вызывает и наличие дополнительного наказания в виде ограничения свободы, так как ни в одной из санкций за взяточничество он не предусмотрен, а его присоединение к лишению свободы или принудительным работам возможно, согласно ч. 2 ст. 53 УК, только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК.

В-пятых, обращает на себя внимание практически неиспользование судами такого вида наказания как принудительные работы, что косвенно подтверждает наш вывод, сделанный ра-

нее, что, по сути, данный вид наказания является разновидностью лишения свободы, и ставит вообще под сомнение его существование в том виде, в котором он определен в УК [9].

Результаты. Оценивая судебную практику в части наказуемости взяточничества подчеркнём следующее. В современной редакции УК судам предоставлены широкие возможности, с одной стороны, для эффективного противодействия данному негативному явлению посредством установления достаточно строгого наказания в санкциях соответствующих статей, а с другой – для его дифференциации и индивидуализации. Однако приведенные данные демонстрируют нам, что заложенный потенциал наказуемости используется судами не в полной мере. Это находит отражение в высокой доле прекращения уголовных дел, в том числе в связи с назначением судебного штрафа (по некоторым составам она приближается к 25%), во-вторых, в чрезмерном использовании условного осуждения к лишению свободы, доля которого в среднем превышает 30%, а по некоторым составам – 50%. Не секрет, что при условном осуждении ограничения, налагаемые на осужденного, являются минимальными. Не случайно в теории уголовного права ряд исследователей считает, что условное осуждение по своему принудительному потенциалу мягче, чем любое из назначенных наказаний, особенно в свете существующих редакций ст.ст. 73 и 74 УК, когда даже совершение повторного преступления не влечёт автоматической отмены условного осуждения [21, с. 37].

Думается, что если в числе стратегических национальных приоритетов Российской Федерации обозначено искоренение коррупции (подп. 3 п. 25 Стратегии национальной безопасности РФ), то работа всех ветвей власти в области противодействия взяточничеству должна быть скорректирована и скоординирована, выдержана в едином русле. А значит и потенциал уголовного закона в части наказуемости взяточничества при рассмотрении дел в суде может быть использован в большем объеме.

Литература

1. Данилов Д. О. Взяточничество, совершенное преступным сообществом (преступной организацией) // Законность. 2024. № 11. С. 48–54.
2. Денисов Н. Л. Субъект взяточничества по законодательствам Республики Беларусь и Российской Федерации: сопоставительный анализ и вопросы унификации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1. С. 15–17.
3. Куликов А. В., Ферстер М. Д. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: проблемы квалификации и правоприменения // Российский следователь. 2024. № 11. С. 28–32.
4. Наставление по организации работы по противодействию коррупции в Федеральной службе судебных приставов (утв. ФССП России 30.04.2015 № 0012/8) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.06.2025).
5. Официальный сайт МВД РФ. Статистика и аналитика. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 09.06.2025).
6. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2022, 2023 гг. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.06.2025).
7. Панкратов В. В. Предмет взяточничества: вопросы понимания и толкования // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 85–96.

8. Погодина И. В., Новичкова А. С. Искусственный интеллект в деле противодействия коррупции в таможенных органах: достигнутые результаты и новые возможности // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 21–26.
9. Подройкина И. А., Черенков Э. А. Ограничение по военной службе и принудительные работы: проблемы и перспективы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 9 (28). С. 86–91.
10. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ. Показатели преступности в России URL: crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 09.06.2025).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.06.2025).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.06.2025).
13. Соловьев А. А. Понятие, классификация и признаки коррупции как явления, влияющего на экономическую безопасность государства // Современное право. 2024. № 7. С. 28–32.
14. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2025).
15. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 ред. от 26.06.2023) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 08.06.2025.
16. Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2025).
17. Федеральный закон от 08.03.2015 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2025).
18. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2025).
19. Цирин А. М., Севальнев В. В. Основные этапы развития законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 137 - 147.
20. Чернов С. Н. Правовые и организационные основы борьбы с коррупцией в Китае // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 1. С. 49–53.
21. Чернявский Д. О. Условное осуждение к лишению свободы: законодательные просчеты и их преодоление // Администратор суда. 2019. № 4. С. 36–38.

References

1. Danilov DO. Bribery Committed by a Criminal Community (Criminal Organization). *Zakonnost'*. 2024;11: 48-54. (In Russ.).
2. Denisov NL. Subject of Bribery under the Legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation: Comparative Analysis and Issues of Unification. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija*. 2024;1:15-17. (In Russ.).
3. Kulikov AV, Ferster MD. Promise or Offer of Mediation in Bribery: Problems of Qualification and Law Enforcement. *Rossiiskij sledovatel'*. 2024;11:28-32. (In Russ.).
4. Instructions for organizing anti-corruption work in the Federal Bailiff Service (approved by the FSSP of Russia on April 30, 2015, No. 0012/8). SPS Konsul'tantPljus (accessed: 08.06.2025). (In Russ.).
5. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Statistics and Analytics. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (accessed: 09.06.2025). (In Russ.).
6. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Report on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment for 2022, 2023. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed: 09.06.2025). (In Russ.).
7. Pankratov VV. The subject of bribery: issues of understanding and interpretation. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal*. 2024;1:85-96. (In Russ.).
8. Pogodina IV, Novichkova AS. Artificial intelligence in combating corruption in customs authorities: achieved results and new opportunities. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2024;4:21-26. (In Russ.).
9. Podroykina IA, Cherenkov JeA. Restrictions on Military Service and Forced Labor: Problems and Prospects. *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2012;9(28):86-91. (In Russ.).
10. Legal Statistics Portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Crime Indicators in Russia. URL: crimestat.ru/offenses_map (accessed: 09.06.2025). (In Russ.).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (as amended on 24.12.2019) "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes". SPS Konsul'tantPljus (accessed: 10.06.2025).
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009, No. 19 (as amended on June 11, 2020) "On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official authority". SPS Konsul'tantPljus (accessed: 08.06.2025). (In Russ.).
13. Solov'ev AA. The concept, classification, and characteristics of corruption as a phenomenon affecting the economic security of the state. *Sovremennoe pravo*. 2024;7:28-32. (In Russ.).

14. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". SPS Konsul'tantPljus (accessed: 10.06.2025). (In Russ.).
15. Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 No. 478 (as amended on June 26, 2023) "On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024". SPS Konsul'tantPljus (accessed: 10.06.2025). (In Russ.).
16. Federal Law of 04.05.2011 No. 97-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in Connection with the Improvement of Public Administration in the Field of Combating Corruption". SPS Konsul'tantPljus (accessed: 10.06.2025). (In Russ.).
17. Federal Law of 08.03.2015 No. 40-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". SPS Konsul'tantPljus (accessed: 10.06.2025). (In Russ.).
18. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Combating Corruption". SPS Konsul'tantPljus (accessed: 10.06.2025). (In Russ.).
19. Cirin AM, Seval'nev VV. Main stages of the development of the legislation of the Russian Federation on combating corruption. *Zhurnal rossijskogo prava*. 2024;7:137-147. (In Russ.).
20. Chernov SN. Legal and organizational foundations for the fight against corruption in China. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2025;1:49-53. (In Russ.).
21. Chernjavskij DO. Suspended sentence to imprisonment: legislative shortcomings and their overcoming. *Administrator suda*. 2019;4:36-38. (In Russ.).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.24>

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА МЕТАФОРИЧЕСКИХ КВАНТИТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ / УПОТРЕБЛЕНИЙ НОМИНАЦИЙ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ПРЕДМЕТОВ

Диана Славалиевна Классова

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Аспирант

ilyasovadi4@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-8575-601X>

Аннотация. Введение. В данной статье рассматриваются особенности семантики и прагматики лексем с метафорическим квантитативным значением 'неопределенное большое количество', встречающимся в разговорной речи в процессе номинации большого (больше нормы, меры) количества вещей, предметов, артефактов. **Материалы и методы.** Материалом послужили словарные статьи лексем *арсенал, ворох, громада, груда, завал, кипа, короб, куча, ряд, фонтан, штабель* и фрагменты разговорной речи, включающие данные слова в переносном значении. С помощью общенаучных методов, а также лингвистических, прежде всего метода компонентного анализа, были проанализированы дефиниции словарных статей названных лексем, рассмотрены особенности их семантики, прагматики и их лексическая сочетаемость в повседневном общении. **Анализ.** В ходе работы было охарактеризовано метафорическое квантитативное значение исследуемых слов, показана динамика его формирования на протяжении XX – XXI вв. на материале дефиниций толковых словарей и текстов разговорной речи. Выявлены особенности семантической структуры каждой лексемы в названном значении в ходе анализа ее лексической сочетаемости и в сопоставлении с лексической сочетаемостью номинаций, входя-

щих в изучаемую группу. **Результаты.** Использование названных наименований вещей, предметов, артефактов в повседневной речи в качестве метафорических квантитативных номинаций со значением 'неопределенное большое количество' является специфичным для каждой лексемы и обусловлено ее конкретной лексической сочетаемостью. Степень утраты номинативного значения у изучаемых лексем является разной, с чем связана возможность или невозможность их взаимозамены в аналогичных контекстах.

Ключевые слова: семантика, прагматика, метафоризация, квантитативы, употребление, номинация

Для цитирования: Классова Д. С. Семантика и прагматика метафорических квантитативных значений/употреблений номинаций большого количества предметов // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 752–759. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.24>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF METAPHORICAL QUANTITATIVE MEANINGS / USES OF NOMINATIONS OF A LARGE NUMBER OF OBJECTS

Diana S. Klassova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Postgraduate student

ilyasovadi4@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-8575-601X>

Abstract. Introduction. The article examines the features of the semantics and pragmatics of lexemes with the metaphorical quantitative meaning "indefinite large number", which occurs in colloquial speech in the process of nominating a large (more than the norm, measure) number of things, objects, and artifacts. **Materials and methods.** The material consisted of dictionary entries of lexemes *arsenal, pile, bulk, pile, blockage, pile, box, pile, row, fountain, stack* and fragments of colloquial speech, including these words in a figurative sense. Using general scientific methods, as well as linguistic ones, primarily the method of component analysis, the definitions of dictionary entries of these lexemes were analyzed, the features of their semantics, pragmatics and their lexical compatibility in everyday communication were considered. **Analysis.** In the course of the work, the metaphorical quantitative meaning of the studied words was characterized, the dynamics of its formation during the XX-XXI centuries was shown based on the definitions of explanatory dictionaries and colloquial texts. The peculiarities of the semantic structure of each lexeme in the named meaning are revealed during the analysis of its lexical compatibility and in comparison with the lexical compatibility of

the nominations included in the studied group. **Results.** The use of the named names of things, objects, and artifacts in everyday speech as metaphorical quantitative nominations with the meaning of "indefinite large number" is specific to each lexeme and is determined by its specific lexical compatibility. The degree of loss of nominative meaning in the studied lexemes is different, which is related to the possibility or impossibility of their interchangeability in similar contexts.

Key words: semantics, pragmatics, metaphorization, quantifiers, usage, nomination

For citation: Klassova DS. Semantics and pragmatics of metaphorical quantitative meanings/uses of nominations of a large number of objects. Humanities and law research. 2025;12(4):752–759. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.24>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.05.2025

The article was approved after reviewing: 28.07.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. С середины XX столетия разговорная речь стала объектом многих лингвистических исследований. Так, В. И. Карасик в своей работе «Языковая кристаллизация смысла», говоря о разной степени точности слова в зависимости от обстоятельств коммуникации, выделяет три типа дискурса: фатический, рутинный и креативный [5, л. 119]. Значимость для нашего исследования представляет креативный дискурс, так как он ориентирован на достижение личностью максимальной точности высказывания в коммуникации. При этом знаки, которыми апеллируют между собой коммуниканты, выходят за пределы закрепленного за ними значения в словарной статье и отличаются высокой степенью ассоциативности. А. А. Зализняк в своем труде «Русская семантика в типологической перспективе» выделяет языковую и речевую неоднозначность [4, л. 20]. Языковая неоднозначность, с точки зрения автора, обозначает способность слова иметь различные смыслы, речевая неоднозначность – реализация данного свойства в конкретном высказывании. В последнем случае имеется в виду намеренное использование слова участником речевой ситуации в смысле, отличающемся от его значения. Труды таких исследователей, как А. А. Уфимцева [9], А. Ю. Дейкина [3], В. А. Успенский [8], Л. О. Чернейко [10], посвящены изучению абстрактных существительных как десемантизированных наименований в русском языке. В работах В. М. Грязновой рассматриваются некоторые семантические процессы и особенности семантической структуры определенных групп существительных [1; 2]. Проблематика ослабления или утраты номинативной функции в слове представлена и в диссертациях И. Н. Корсуновой «Дейктические существительные в современном русском языке: состав, семантика, прагматика» [6], А. Н. Мамедовой «Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры» [7]. Однако встречающиеся в повседневной речи переносные значения наименований вещей, предметов, артефактов в качестве обозначений неопределенного большого количества еще не были предметом изучения.

Материалы и методы. Материалом работы послужили словарные статьи лексем **арсенал, ворох, громада, гряда, завал, кипа, короб, куча, ряд, фонтан, штабель** из толкового словаря Д. Н. Ушакова и Словаря современного русского литературного языка (БАС); более 60 примеров контекстного употребления данных номинаций, взятые из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), преимущественно из подкорпуса «Социальные сети», основного и устного подкорпусов.

В ходе анализа с названными единицами языка были применены дистрибутивный, семантический и статистический методы, метод компонентного анализа. Объект исследования – метафорические количественные употребления

названных номинаций вещей, предметов, артефактов. Предметом исследования являются особенности переносного количественного употребления данных имен, а также характерная для них фиксация в толковых словарях русского языка. Цель работы – проследить, как происходил процесс семантического развития (семантической деривации) лексических значений данных наименований на материале словарей и текстов.

Анализ. Для анализа взяты лексемы, обозначающие в своей прямой номинации бытовые, рутинные совокупности: **арсенал, ворох, громада, гряда, завал, кипа, короб, куча, ряд, фонтан, штабель**. Мы объединили их в лексико-семантическую группу (далее ЛСГ) под названием «совокупность вещей, предметов, артефактов», являющуюся частным фрагментом лексико-семантического поля слов со значением ‘большое количество’.

Первая лексема **арсенал** представлена в Сл. Ушакова следующим образом: **Арсенал**. 1. Склад оружия и военного снаряжения (воен.). Сухопутный арсенал. 4. перен. Запас, количество (преим. большое) чего-н. (книжн.). *В его распоряжении целый арсенал пособий* [Ушаков 2013: 21]. Компонент переносного значения № 4 ‘запас’ появился в результате метонимического переноса: ‘клад’ > ‘запас’, компоненты переносного значения № 4 ‘количество’ + ‘чего-н.’ появились при расширении прямого значения. Пример к значению №4 показывает, что употребления с обозначением большого количества начали появляться ещё в первой половине XX века с пометой «книжное».

В БАС переносное значение лексемы **арсенал** строится на основе смежности с прямым значением. Склад, или запас оружия (как в словарной статье Ушакова) становится запасом чего-либо вообще, любых предметов материального мира: вещей, баночек и бутылочек, а также предметов нематериального мира – открытий, обобщений. **Арсенал**. 1. Склад оружия, боеприпасов и военного снаряжения. 3. *Перен.* О запасе, большом количестве чего-л. ♦ *Целый арсенал чего-л. Камердинер приготавливал на столике возле постели целый арсенал разных вещей.* Герцен, Былое и думы. // О совокупности средств, приемов, способов и т.п., имеющихся в распоряжении кого-, чего-л. ♦ *Арсенал чего-л., какой-л.* [У подражателей греческим мыслителям] *кроме живого стремления к истине ..., есть еще громаднейший арсенал сделанных открытий, собранных опытов и неопровержимых обобщений.* Писар. Истор. идеи О. Конта [БАС 2004-2025 Т. 1: 266].

В XXI в. значение большого количества у номинации **арсенал** в разговорной речи становится приоритетным. Примеры далее приведены из НКРЯ. «Тогда и весь **арсенал** родительской критики, поучений и ценных указаний перестает восприниматься на наш счет». [Елена Дьячкова. КЕДы (17.09.2021)]. «Эта программа имеет, к тому же, готовый **арсенал** средств передачи контента в другие программы пакета (Word, Excel)». [М.Ю. Нечаева. Банк данных

«просопография православного Палестинского общества» // «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии», 2019]. *«Исследователь и предприниматель Роджер Сайп ... рассматривает арсенал идей, стратегий и конкретных методик по развитию мозга»* [vk (04.06.2014)]. [https://ruscorpora.ru].

Следующая лексема **ворох** и ее представление в словарях. Сл. Ушакова: **Ворох**. Куча, груда чего-н., сваленного в беспорядке. *Ворох бумаг на столе.* || перен. Множество, масса (разг.). *У меня на сегодня ворох разных дел* [Ушаков 2013: 71]. Перенос строится на основе сходства внешних признаков: номинация беспорядочной кучи конкретных предметов, потеряв зримость, конкретность, в переносном значении приобретает компоненты 'множество', 'масса'.

БАС: **Ворох**. 1. Груда, куча чего-л. рыхлого (обычно о соломе, сене и т.п.). [Фома] *только что проснулся и, лежа среди избы на ворохе свежего сена, смотрел угрюмо в окно.* М. Горький, Фома Гордеев. // О большом количестве чего-л., собранного в кучу. [Дуняшку] *поразили вороха конфет, пряников и множество всяких кукол.* ♦ О большом количестве бумаг, книг и т.п. *Письмоводитель сразу вынес ему ворох.* 2. Перен. Разг. Множество, масса чего-л. *Переделать ворох дел.* [БАС 2004-2025 Т.3: 147-148]. В БАС фиксируется развитие содержания слова: если в прямом значении речь идет об обозначении чего-то рыхлого, то в переносном – о большом количестве любых предметов, собранных в кучу. Уходит специфическая сема 'рыхлость', появляется компонент 'большое количество'. Далее формируется сема 'множество', отличающаяся от 'большого количества' усилением эмоциональной оценки, экспрессией. Лексема начинает сочетаться с номинациями нематериальных предметов, а они не могут быть рыхлыми: *ворох дел, фраз, глупостей, ерунды, идей.*

Примеры употреблений лексемы в современной речи: *«Они имеют право на ... ворох мечтаний, часто противоречащих друг другу».* [Ольга Басюк. Осколки жизней / Цветочница // «Ковчег», 2015]. *«Ворох проблем с домом, которые никто не хочет решать».* [ЖКХ в Воронеже (2008-2021)]. *«А моя кошка нормально переживает 2 недели, пока я уеду на отдых? И такой ерунды – целый ворох!»* [Владислав Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж (2020)]. *«А ведь за этими двумя строчками – какой ворох идей, если вдуматься!»* [vk (24.09.2014)]. *«Тут же на меня обрушился ворох средств массовой информации»* [С. Н. Есин. Дневник (1996)] [https://ruscorpora.ru].

Слово **громада** в Сл. Ушакова представлено только в прямом значении, но содержит компоненты, необходимые для дальнейшей семантической деривации. **Громада**. Огромный предмет, масса больших размеров; очень большое сооружение. *Громады гор. Громады дворцов. Громады кораблей. Громада (о корабле) двинулась и рассекает волны.* Пушкин. [Ушаков 2013: 104].

БАС: **Громада**. О предмете, сооружении и т.п. очень больших размеров. [Дом] *потемнел от дождей, и вся эта громада имела очень печальный вид.* С. Акс. Детск. годы Багр.-внука. // Множество каких-л. предметов, образующих кучу, груду и т.п. ♦ Громада чего-л. *В громаде тлеющих кольчуг, мечей и шлемов раздробленных Себе доспехов ищет он* [Руслан]. Пушкин. Руслан и Людм. [БАС 2004-2025 Т.4: 419].

В БАС отражено семантическое развитие лексемы и формирование переносного количественного значения с семой 'множество конкретных предметов, образующих кучу'. Позднее номинация **громада** в метафорическом количественном значении начинает обозначать неопределенное множество лет, произведений художественной литературы, планов, т.е. происходит расширение объема ее содержания. *«Сложно укомплектованная громада романа обнаруживает несказанную простоту – простоту одной буквы, и по этой простоте, кажется, тоскует современная русская литература...»* [Марианна Ионова. Чайка, которая была буквой // «Октябрь», 2013]. *«Иной раз кажется/ что от пушкинской эпохи нас отделяют горы/ громада лет».* [И.Л. Андроников. Рекомендация Перцову Петру Петровичу (1968)] [https://ruscorpora.ru].

Лексема **груда** в Сл. Ушакова отмечена только в прямом значении. **Груда**. Большая куча каких-н. предметов. *Груда камней.* [Ушаков 2013: 104] В БАС зафиксировано переносное употребление: **Груда**. Большое количество каких-л. предметов, нагроможденных в беспорядке один на другой. *Груда камней.* // О большом количестве, массе чего-л. *Прекрасны вы, берега Тавриды... На небе синем и прозрачном сияли груды ваших гор...* Пушкин. Е.О. *Всю эту груду вопросов разрешить и в жизнь проводить надо будет через ближайших и дальних помощников.* Фурм. Мятёж. [БАС 2004-2025 Т.4: 430-431].

Компоненты прямого значения номинации **груда** позволяют образовать косвенную номинацию. В современном переносном употреблении лексемы специфические компоненты: 'нагроможденных' + 'в беспорядке' + 'один на другой' – исчезли. Если в сочетании **груда** вопросов / соображений, ещё можно допустить их метафорическое возникновение один за одним, расположение один на другом, то к следующим примерам из НКРЯ - **груда** мышц / волос - такие компоненты невозможны. *«Груда мышц, стильная стрижка, модные шмотки, салонный уход».* [Екатерина Покусаева. Катя Покусаева Стилист (07.07.2020)]. *«Стоило заикнуться о чем-то подобном, ... мне на голову обрушивалась удушающая груда разумных соображений».* [Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014]. *«... волос у нее оказалось немало, целая груда, как она их только под шапку убирала».* [Лена Элтанг. Пьяная гавань (2012)] [https://ruscorpora.ru].

Исследуемое слово **завал** в Сл. Ушакова отсутствует, поэтому будет взята его мотивирующая лексема **завалить**. **Завалить**. 1. Наполнить, закидать до краев. Завалить яму. || Перегородить, навалив (в проходе). || Покрыть всю поверхность, набросать повсюду. 2. перен. что. Переполнить (разг.). *Все магазины завалены овощами*. 4. перен. кого-что. Переобременить (разг.). *Служащие завалены срочной работой*. [Ушаков 2013: 144-145]. Прямые значения глагола **завалить** служат основой для появления у мотивированного существительного **завал** переносного значения на основе развития и модификации компонентов 'наполнение', 'преграда', 'завал чего-либо', которые в переносном смысле позволяют метафорически обозначать что-либо, имеющееся в большом количестве и затрудняющее описываемую ситуацию. Значение № 4 исходного глагола и образует исследуемое метафорическое квантитативное значение отглагольного существительного **завал**.

Сравним со словарной дефиницией в БАС. **Завал**. 1. Нагромождение, скопление чего-л. // *Перен. Разг.* Об огромном количестве скопившейся работы. *В городской прокуратуре завал. Это дело поручено расследовать нам*. Лазутин, Суд идет. – *У нас сегодня жилищная комиссия... Дел завал!* Барузд. Само собой. [БАС 2004-2025. Т.6: 59]. Из словарной статьи следует, что семантика переносного значения построена на основе сходства и содержит тот же компонент 'скопление', что и в прямом. Но в косвенной номинации появились компоненты 'огромное количество' + 'работа'.

В современном употреблении происходит расширение значения лексемы, наряду с компонентом 'работа' появляются и другие сочетания: **завал дел, сообщений, фоток** (электронных и нематериальных предметов). *«У Андрея завал на работе, домой приходит уже в ночи, а одной мне не справиться»*. [Юлия Украинская. Дачница со стажем (2022)]. *«В ответ на завал личных сообщений, директа, и всего чего только можно – имущество не бесхозное, самые предприимчивые люди писали с целью напилить и сдать металла»*. [Андрей Гребеников. Фотограф Андрей Гребеников (27.03.2018)]. *«Наверно если бы я разбирала завал фоток на WPP, то я б писала так же»*. [vk (05.02.2016)]. *«Подробно рассказал им и попросил попытаться сделать «деловой» плакат.... Разобрал «завал» бумаг у себя»* [В.И. Конотоп. Дневник (1983)]. [https://ruscorpора.ru].

В Сл. Ушакова лексема **кипа** представлена следующим образом. **Кипа**. 1. Пачка, связка предметов, лежащих слоями. *Кипа деловых бумаг. Кипа тетрадей*. 3. Куча, груда. *Кипа вещей. В углу валялась кипа книг*. [Ушаков 2013: 219]. Значения № 1 и № 2 являются прямо-номинативными. В значении № 3 компонента 'лежащих слоями' уже нет, но оно тоже прямое, указывает на внешний вид конкретных предметов, а не на их количество.

В БАС закреплена уже косвенная номинация на основе прямой, включающая компоненты:

'очень большое' + 'количество' + 'множество'. **Кипа**. 1. Пачка, связка каких-л. предметов, сложенных, лежащих один на другом. // *Разг.* Очень большое количество, множество (книг, бумаг, вещей и т.п.). *Разве не написал я ему кипы писем... и ни на одно из них не получил прямого и честного ответа*. Бел. Письма. 1841 г. *Приходя к завтраку в столовую, Паустовский захватывает по пути адресованную ему почту. Иной раз это целая кипа – книги, письма читателей*. Бек, Докт. Пауст. [БАС 2004-2025 Т.8: 62-63] В значениях сочетаний **кипа писем, приказов, книг** и пр. акцентируется их большое количество. Однако сочетание слова **кипа** с наименованиями бумажных предметов на периферии сохраняет компонент прямого значения 'лежащих один на другом', т.к. для этих вещей характерно именно такое расположение. Подобных примеров много в НКРЯ: *«Только каждый день хочу описать... вот такая кипа бумаг, все в сундучок складывала, писала много дней, когда и по ночам»* [А.И. Соловей. Быстрое течение. Коломна (2012)] [https://ruscorpора.ru].

В современной разговорной речи (по материалам НКРЯ) появляются новые сочетания с номинациями конкретного характера. *«Воз и ныне там, крыша течет, стенки отваливаются, водопровод аварийный, за 7 лет кипа судов и проверок, а отношение к ситуации у нас бодренькое!»* [Чем вам нравится и не нравится Воронеж? (2022)] [https://ruscorpора.ru]. Под **кипой** судов, проверок подразумеваются судебные процессы, возникающие один за другим в большом количестве, компонент прямого значения 'лежащих один на другом' исчезает.

«Кипа полумертвых сервисов, устаревший разъем для выкачивания бабла на переходниках и перепродажа 13-го под шкурой 14-ого тоже как-то оправдываются?» [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (09.10.2022)]. *«Таких отписок у меня уже кипа, а конкретной помощи нет»*. [Форум: Форум о медицинской диагностике (2010)] [https://ruscorpора.ru]. Сочетания **кипа сервисов, отписок** характерны для Интернет-сферы и обозначают только большое количество, компонент прямого значения 'лежащих один на другом' не сохранился.

Следующая номинация **короб** в толковом Сл. Ушакова имеет семантику большого количества в сочетании с частицами *целый, полный* или в устойчивом сочетании *с три короба*. **Короб**. Изделие из луба, бересты, лучины и т.п., служащее для укладки и переноски разных предметов. **Целый короб чего** (вестей, новостей; разг.) – очень много. **С три короба** (наговорить и т.п.; разг.) – очень много. *Написать с три короба руководящих статей*. Салтыков-Щедрин. [Ушаков 2013: 245].

В словарной статье БАС лексема **короб** претерпела лишь незначительные изменения, семантика осталась прежней. В примерах употребления лексема чаще встречается с усилительной

частицей *целый*. **Короб**. 1. Плетеное или гнутое изделие (чаще круглой или овальной формы из луба, бересты и т.п., служащее для укладки, хранения и переноски различных предметов. ~ **Наговорить, наобещать и т.п. (с) три короба, (с) десять, сорок коробов**. Ирон. Ввести в заблуждение, наговорить много такого, чему нельзя верить, принимать всерьез. – *Наговорили мне о тебе с три короба, а ты – карась как карась, – только и всего*. Салт. Карась-идеалист. **(Целый) короб, (целые) коробка новостей, вестей и т.п.** Очень много, множество разных новостей. *Длинноногая Лукерья уже сбегала в Спас-Подмошье и принесла оттуда целый короб новостей*. Ильенк. Больш. дорога. [БАС 2004-2025 Т.8: 470].

В современном языке лексическая сочетаемость номинации **короб** расширилась: метафорическое количественное значение, передаваемое лексемой **короб**, распространяется не только на новости, вести, но и на абстрактные понятия (счастье, идеи), конкретные материальные (корки, сено) и нематериальные объекты (фильмы). Рассмотрим примеры такого употребления лексемы в НКРЯ. «Ведь мы намного их мудрей И каждый час общенья дорог, Не обижайтесь на детей, А подарите счастья **короб**». [vk (27.01.2016)]. «Дело, конечно, не в форме (**короб** «идей», сенсаций и т.п.) и даже не в содержании...» [С.Б. Веселовский. Дневник (1916)]. «Не ест корова **короб** корок, ей **короб** сена дорог». [vk (04.09.2014)]. «– А что, есть у вас хорошие фильмы? – **Целый короб!** – отвечали братья...» [Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004)] [https://ruscorpora.ru].

Далее рассмотрим слово **куча**. Сл. Ушакова: **Куча**. 1. Большое количество чего-н., наваленное в одном месте горкой. *Куча песку*. 2. перен. Большое количество, много (разг. фам.). *У них куча детей. Получить целую кучу неприятностей. Народу собралось – куча!* [Ушаков 2013: 263].

БАС: **Куча**. 1. Что-л., сваленное горкой, грудой. // Разг. О большом количестве, скоплении чего-л. *Справа, в черной куче деревьев, возвышается белый институт благородных девиц*. М. Горький, В людях. 3. Разг. Большое количество, множество. ♦ *Куча кого-, чего-л. Покупателей этих произведений обыкновенно немного, зато зрителей куча*. Гог. Портрет. *Семья моих родителей была большой: детей целая куча – пять братьев и три сестры*. Чижов, Среди миниатюристов. ♦ *Куча дел, хлопот и т.п. Теперь куча хлопот с лабораториею и заказами*. А. Бород. Письма. 1869 г. *Федора достала и себе и мне кучу работы*. Дост. Бедн. Люди. Я еще не очень ясно разбираюсь в этой куче дел. Станисл. Письма. 1924 г. ♦ *Куча глупостей, неприятностей и т.п. Добродетельная женщина наделала кучу глупостей, ... – обезоружила свою дочь нелепым воспитанием*. Писар. Кукольник. трагедия. *Неприятностей куча; что день – то горе, что шаг –*

то напасть. Кольц. Письма. 1838 г. [БАС 2004-2025 Т.8: 825-826].

В БАС значение лексемы расширяется в сравнении со словарной дефиницией в Сл. Ушакова. **Куча** обозначает сначала предметы материального мира, сваленные грудой (*куча соломы*), далее в значении акцентируется компонент 'большое количество', он становится вершинным, речь идет о некотором большом скоплении предметов (*куча кровель, деревьев*). Конечным этапом развития номинативного значения становится количественное эмоционально-экспрессивное значение лексемы **куча**, в котором компонент 'сваленное горкой' исчезает. Лексема сочетается и с конкретными номинациями (*куча денег, зрителей, детей*) и с абстрактными (*куча хлопот, работы, дел; глупостей, планов, проблем, счастья, неприятностей*).

«Вывернутая наизнанку инкассаторская сумка. **Куча** пятидесяти тысяч бумажек. Деньги не говорят, да много творят». [Владимир Вещунов. Пережат // «Дальний Восток», 2019]. «Пошли туда, поскольку неподалеку знаменитый «Харрис-бар», где бывали **куча знаменитостей**, основной из которых Хемингуэй, а вот теперь и Бродский». [Юрий Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019]. «Пишу чаще всего я сам, а он смотрит слова в словарях: у него их целая **куча**». [Владимир Соколов. Заметки переводчика // «Дальний Восток», 2019]. «ЛЕТО: Плюсы: Много свободного времени. ... Можешь свалить за город. **Куча планов**». [vk (31.05.2016)]. «Я как-то внезапно понял, что вокруг на самом деле **куча проблем**». [Александр Мурашев, Красимир Врански. Проснуться в 30 лет. 14.03.2018 // «Сноб», 2018]. «Знаю, что **куча дел** и 24 часа – подождёт твоя куча». [Елена Дьячкова. КЕДы (27.04.2023)]. «...Что бы поставить свой код-пароль, нужно **куча проверок** пройти ...» [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (04.10.2021)]. «Вообщем, впечатлений масса и **куча счастья** – правда, под конец я здорово устала». [А.А. Сарибан. Дневник (1973)]. «Подскажите пожалуйста где указан номер? У меня **куча бумаг**» [CypRus Helpers. telegram CypRus Helpers (06.06.2022)]. «...просто если наказывать то не только РФ там **куча стран** которые ведут себя не очень хорошо по отношению к другим». [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (15.07.2022)]. «Вот тут тоже **куча идей**». [http://www.kuharka.ru/talk/kladovka/kulina/5489.html Торты (2022)]. «Остался всего один день до окончания приема заявок на конкурс красоты #misshse2016 если вы красотка, у вас **куча поклонников** и вы из вышки или у тебя есть такая подруга, то срочно присылай свою или ее заявку@ misshse!!» [vk (15.04.2016)] [https://ruscorpora.ru].

Семантика лексемы **ряд** в обоих словарях идентична. Сл. Ушакова: **Ряд**. 1. Совокупность однородных предметов, расположенных в одну

линию. *Верхний ряд зубов*. 3. только ед., со словом «целый» и без него. Некоторое, немалое количество. *Ряд видных ученых. Путем ряда умозаключений пришел к выводу. Целый ряд обстоятельств помешал осуществлению проекта. Я тогда едва начинал приходить в себя, отправляться ряда страшных событий, несчастий, ошибок. Герцен. Косой ряд. В ряде кого-чего* – в нек-ром, немалом количестве кого-чего-н. *В ряде деревень есть уже электрическое освещение.* [Ушаков 2013: 608].

Квантитативное значение лексемы формируется на основе прямого. В словарной статье Ушакова компонент 'некоторое' позволяет говорить о каком-то количестве, но не обязательно большим. Проанализируем словарные примеры. *Ряд причин, ограничений, умозаключений, обстоятельств* – во всех этих словосочетаниях значение слова *ряд* восходит к прямому значению: здесь *ряд* есть последовательно (линейно), один за другим возникающих данных абстрактных понятий. Из контекстного употребления следует, что речь идет о некотором и немалом количестве. В то же время в примерах *ряд ученых, деревень* уже невозможно проследить отнесенность к прямому значению. Перед нами семантически иное употребление лексемы, обозначающей немалое, т.е. большое количество.

БАС: *Ряд*. 1. Предл. в ряду. Совокупность однородных предметов, расположенных один за другим, один подле другого, в линию. *Только ед. Предл. в ряде. Некоторое количество.* ♦ Ряд чего-л. *В одной из наших газет г. Вернадский поместил ряд статей.* Черныш. Критика и библиогр. (Соврем. 1855, № 5). *Я по ряду признаков вижу, что процесс [в Нюрнберге] будет до мая – июня.* Вишнев. Письма. 1946 г. ♦ Целый ряд чего-л. Много, большое количество чего-л. *В полку сохранился целый ряд воспоминаний о подвигах прежних Лугининых.* Мам.-Сиб. Чел. с прошлым. *Генерал все медлил с открытием совещания, так как ожидал Плотникова, который собирался выступить перед командирами с целым рядом указаний.* Казакев. Весна на Одере. [БАС 2004-2025 Т.24: 169-172]. Словарная лексема в БАС фиксирует расширение значения лексемы: сема 'некоторое количество' (*ряд статей, признаков*) расширяется до компонента 'большое количество', что акцентируется усилительной частицей *целый* (*ряд воспоминаний, указаний*).

Примеры из НКРЯ: «*Тем не менее ряд стран мира в одностороннем порядке увеличили ширину территориальных вод*». [И.С. Колечкин. Сборник задач и упражнений по географии. 8–11 классы. Часть 1 и 2 (2021)]. «*Генетика на современном этапе своего развития решает целый ряд глобальных биологических проблем*». [Молекулярно-генетическая диагностика и современная практика: методы ПЦР и секвенирования (2021)] «– *Сейчас в стране не выпускают самолеты, вертолеты, ЗРК, ... ряд средств поражения*». [Шесть сценариев // «Эксперт», 2014]. «*По его словам, на случай*

захвата наших людей в Анголе ... существовал ряд планов «специальных операций». [Кому не дает покоя слава «Ангольского Рембо» (2004) // «Солдат удачи», 09.06.2004]. «*Тем не менее, существует ряд проблем, связанный с развертыванием распределенной трассировки данных*». [Антон Кочуков. Какие существуют подходы для мониторинга в «облаке»? (2019)]. «*На всё это у меня возникает ряд соображений*». [vk (04.09.2014)]. «... *медики ругаются и требуют «покоя и сна», а открытие магазина и ряд дел невозможны без его личного участия*». [vk (27.04.2015)]. «*Кроме того, проведен ряд проверок совместно с представителями прокуратуры*» [Лёха Ростовский. Блог Ростова (01.03.2015)]. «*В один прекрасный день Чепиков подает в суд иск к ЯнРайГОУ, ... причем ссылается на ряд бумажек, на которых стоит подпись – начальник Управления Евангулов; и.о. начальник ФИНО – Чепиков*». [Б.И. Вронский. Дневник (1954)]. «*Васильков без промедления опустил руку в бесконечный ряд бумаг и аккуратно вытянул формуляр Дмитрия Романовича Роднина*» [Мария Гринёва. Дом счастья // «Менестрель», 2015]. «*И даже ряд идей заводского ДК тоже хотим переработать, чтобы включить в новое пространство*». [Полина Волохова. История России в станках: как будет выглядеть новый промышленный музей в Туле (2017.11) // Афиша Daily, 2017]. [<https://ruscorpora.ru>].

Следующая лексема *фонтан*. В Сл. Ушакова: *Фонтан*. 1. Струя воды, жидкости, с силой выбрасываемая вверх из трубы или отверстия под действием давления. 2. перен., чего. Неиссякающая сила чего-н.; обильное, непрекращающееся проявление чего-н. (книжн.). *Фонтан красноречия. Фонтан слез.* [Ушаков 2013: 726]. Компоненты косвенно-номинативного значения лексемы: 'неиссякающая' + 'сила' + 'обильное' + 'непрекращающееся' + 'проявление' – не позволяют в полной мере говорить о семантике большого количества, тем не менее компонент 'обильное' вносит понятие некоторого множества в трактовку слова, что видно из примеров в словарной статье словаря Ушакова. Полагаем, что Д.Ушаков зафиксировал тот факт, что метафорическое квантитативное значение лексемы *фонтан* находится в стадии становления.

Тот же компонент 'обильный' присутствует в словарной статье БАС. Составляющие переносного значения ('неиссякаемый' + 'поток') в своей совокупности подразумевают проявление чего-либо с большой силой, в большом количестве, множестве. БАС: *Фонтан*. 1. Струя воды, бьющая вверх или вытекающая из трубы под давлением. 2. Перен. Разг. Неиссякаемый, обильный поток (речи, слов и т.п.). *Фонтан чего. Лаврентий чем-то недоволен и сейчас выпустит фонтан ругани.* Станюк. «Чел. за бортом!» 1. [Вольф:] *Вера Александровна... увлеклась красивым фонтаном слов господина Шилова.* А.Н. Толст. Нечист. Сила, 1. [БАС 1948-1965. Т.16: 1474-1475].

Примеры из НКРЯ показывают расширение метафорического количественного значения номинации **фонтан**: лексическая сочетаемость расширяется, так как, кроме наименований, обозначающих жидкость или речь, данная лексема сочетается со словами *перья, счастье* в содержании которых отсутствует компонент 'обильное'. «**Фонтан перьев, истеричные крики попугая и кот, от ушей до кончика хвоста возмущенный тем, что пришлось прервать сладкую дрему**». [Инна Ошевнева. Его высочество Том // «Дальний Восток», 2019]. «**Том, кто поистине счастлив, счастлив везде, ... ибо он открыл фонтан счастья, пребывающий в его собственном сердце**». [vk (03.09.2015)] [<https://ruscorpora.ru>].

Последняя лексема **штабель** представляется интересной для исследования, т.к. в обоих словарях отсутствует переносное количественное значение. В Сл. Ушакова указано, что номинация **штабель** употребляется по отношению к строительному материалу. В БАС лексическая сочетаемость слова **штабель** ('ровно сложенный ряд чего-либо (строительных и других материалов)') расширилась (*уголь, ящики* и пр.).

В НКРЯ мы нашли примеры переносного употребления лексемы. «**Но безумное, с точки зрения Олега, количество пачек – целый штабель – делало их какими-то ненастоящими**». [Виктор Мясников. Водка (2000)] [<https://ruscorpora.ru>] Здесь прямое значение отходит на второй план. Однако компонент 'ровно сложенный ряд' сохранился.

«**У вас и тут, Галочка, поклонников – штабелями**». [Юрий Бондарев. Берег (1975)] [<https://ruscorpora.ru>]. В последнем примере акцент делается не на расположении в ряд, а на большом, огромном количестве поклонников.

Далее мы провели анализ способности изучаемых лексем к взаимозамещению внутри данной лексико-семантической группы. Для выявления совпадающей лексической сочетаемости взяты конкретные примеры из НКРЯ. Наблюдаются примеры одинаковой лексической сочетаемости у ряда слов данной группы.

Со словом *планы* в родительном падеже множественного числа в количественном значении может сочетаться как слово **громада**, так и лексема **завал**. «**Планов как всегда – громада, поэтому ни дня без строчки**». [vk (04.07.2013)]. «**Завал неотвеченных писем, еще более мучительный завал планов**». [А.Д. Шмеман. Дневники (1973-1983)]. [<https://ruscorpora.ru>].

В словосочетании **грода мышц** лексеме **грода** может заменить слово **громада**, но следует отметить, что пример такого употребления является редким. «**Вся его громада мышц и нервов, от темени до пальца на ноге, изнывала и молила о ее прикосновении**» [Владимир Жаботинский. Самсон Назорей (1916)]. [<https://ruscorpora.ru>].

Больше слов в переносном значении проявляют вариативную лексическую сочетаемость в выражении **завал/ворох/громада/грода** дел, т.к. все они обозначают нечто навалившееся, собранное в большом количестве. «**Может, у нее, у следователя Путьто, дел завал и злобное начальство?!**» [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]. «**Ворох дел моих, как белая сажа...**» [vk (27.08.2015)]. «**Громада дел навалилась на всех нас сразу**». [Л.И. Брежнев. Целина (1977)]. «**На нового секретаря свалилась грода дел и бумаг...**» [Владимир Рецептер. Узлов, или Обращение к Кананове (1993)]. [<https://ruscorpora.ru>].

Выводы. Изученные лексемы ЛСГ «совокупность вещей, предметов, артефактов» подверглись процессу семантической деривации, который зафиксирован в словарях (кроме лексемы **штабель**) и функционируют в разговорной речи как количественные в значении // употреблении 'неопределенное большое количество', которое также свойственно неопределенно-количественным числительным *много, немало*. Это связано с тем, что в бытовой разговорной речи носитель русского языка испытывает потребность в эмоционально-экспрессивных лексемах, образно обозначающих приблизительно большие множества, ведь разговорная речь направлена не на точность обозначения, а на эмоциональность и экспрессивность выражения. Процесс семантического развития и возникновения метафорического количественного значения у изучаемых номинаций является живым и активно происходит в современной разговорной речи, что проявляется в том, что метафорическое количественное значение существительных ЛСГ «совокупность вещей, предметов, артефактов» реализуется в лексической сочетаемости с существительными, обозначающими абстрактные понятия. Степень утраты номинативного значения является неодинаковой у разных лексем, что проявляется в возможности или невозможности синонимических замен в аналогичных контекстах.

Изученный материал демонстрирует как специфику семантического развития отдельных лексем, так и разговорной речи в целом.

Словари и источники

- БАС 2004-2025 – Большой академический словарь русского языка (БАС) в 28 томах. М.: Наука, 2004-2025.
- БАС 1948-1965 – Словарь современного русского литературного языка (БАС) в 17 томах. М.: Наука, 1948-1965.
- Национальный корпус русского языка, 2024. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.

Литература

- Грязнова В. М. Лексикографическая фиксация семантических процессов в русской разговорной речи (на материале многозначных существительных) // Вестник Томского государственного университета. 2022. Вып. 484. С. 27-34.

2. Грязнова В. М., Мамедова А. Н. Специфика семантической структуры существительных с мелиоративной оценкой в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения в современном русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 196-204.
3. Дейкина А. Ю. Отвлеченные имена существительные новообразования в «Толковом словаре живого Великорусского языка» В. И. Даля: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Бийск, 1993. 52 с.
4. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
5. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 433 с.
6. Корсунова И. Н. Дейктические существительные в современном русском языке: состав, семантика, прагматика: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Ставрополь, 2015. 29 с.
7. Мамедова А. Н. Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Ставрополь, 2020. 29 с.
8. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. №1. С. 142–148.
9. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1986. 272 с.
10. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1998. 352 с.

References

1. Gryaznova VM. Lexicographic fixation of semantic processes in Russian colloquial speech (based on the material of polysemous nouns). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(484):27-34. (In Russ.).
2. Griaznova VM, Mamedova AN. The specificity of the semantic structure of nouns with reclamation assessment in the significative-denotative component of direct meaning in modern Russian. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*. 2021;(1):196-204. (In Russ.).
3. Deikina Alu. Abstract nouns of neoplasms in the "Explanatory Dictionary of the living great Russian language" by VI Dal: abstract of thesis. Biisk, 1993. 52 p. (In Russ.).
4. Zalizniak AA. Russian semantics in a typological perspective. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury; 2013. 640 p. (In Russ.).
5. Karasik VI. Linguistic crystallization of meaning. Volgograd: Paradigma; 2010. 433 p. (In Russ.).
6. Korsunova IN. Deictic nouns in modern Russian: composition, semantics, pragmatics: abstract of thesis. Stavropol: NCFU publ.; 2015. 29 p. (In Russ.).
7. Mamedova AN. Evaluative-characterizing nouns with weakened or lost nominative function in modern Russian: composition and dynamics of semantic structure: abstract of thesis. Stavropol: NCFU publ.; 2020. 29 p. (In Russ.).
8. Uspenskii VA. About material connotations of abstract nouns. *Semiotika i informatika*. 1979;(11):142–148. (In Russ.).
9. Ufimtseva AA. The word in the lexical and semantic system of the language. Moscow: Nauka; 1986. 272 p. (In Russ.).
10. Cherneiko LO. Linguistic and philosophical analysis of an abstract name. Moscow: MGU; 1998. 352 p. (In Russ.).

IN MEMORIAM

Обзорная статья

УДК 81`42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.25>«ПОСТОЯННО НАБИРАЮЩИЙ ОПЫТ И ЗРЕЛОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ»:
В ПАМЯТЬ О КОЛЛЕГЕ И СОРАТНИКЕ СЕРГЕЕ ЛЕОНИДОВИЧЕ ДУДАРЕВЕЮрий Юрьевич Клычников^{1*}, Андрей Анатольевич Панарин²¹ Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, 357532, Пятигорск, Российская Федерация)Доктор исторических наук, профессор
Klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>² Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, 352901, г. Армавир, Российская Федерация)Доктор исторических наук, профессор
panarin.arm@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9036-2623>

* Автор, ответственный за переписку

Для цитирования: Клычников Ю. Ю., Панарин А. А. «Постоянно набирающий опыт и зрелость исследователь»: в память о коллеге и соратнике Сергее Леонидовиче Дудареве // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 760–764. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.25>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Review article

“A RESEARCHER CONSTANTLY GAINING EXPERIENCE AND MATURITY”:
IN MEMORY OF THE COLLEAGUE AND COMRADE SERGEI LEONIDOVICH DUDAREVYury Yu. Klychnikov^{1*}, Andrey A. Panarin²¹ Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., 357532, Pyatigorsk, Russian Federation)Dr. Sc. (History), Professor
Klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>² Armavir State Pedagogical University (159 Rosa Luxemburg St., 352901, Armavir, Russian Federation)Dr. Sc. (History), Professor
panarin.arm@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9036-2623>

* Corresponding author

For citation: KlychnikovYuYu, Panarin AA. “A researcher constantly gaining experience and maturity”: in memory of the colleague and comrade Sergei Leonidovich Dudarev. Humanities and law research. 2025;12(4):760-764. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.25>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.05.2025

The article was approved after reviewing: 18.07.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Ушёл из жизни Сергей Леонидович Дударев (05.09.1951 – 29.03.2025) – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани (1998), почётный работник сферы образования Российской Федерации (2018). С. Л. Дудареву принадлежит около 900 научных, научных и учебно-методических работ, среди которых 27 книг, включая 13 монографий [1; 2, с. 350–366]. Труды С. Л. Дударева увидели свет более чем в трёх десятках городов России и СНГ, в том числе, в рецензируемых журналах: «Вопросы истории», «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность», «Вестник древней истории», «Российская археология», «Научная мысль Кавказа» и др. Около 40 публикаций специалиста изданы в 11 зарубежных странах (Великобритания,

Германия, Греция, Нидерланды, Польша, США, Турция, Франция, Чехия и др.) [16, р. 1–19; 8, с. 101–113; 17, с. 361–403]. С. Л. Дударев являлся редактором более 120 монографий и научных сборников, членом редколлегий ряда изданий, в т.ч. ВАКовских (например, «Былые годы»).

Научные интересы С. Л. Дударева долгое время были связаны с археологией Юга России. В его трудах исследовался переломный период в жизни региона – революционный переход от эпохи бронзы к раннему железу и его многочисленные последствия. Разным аспектам и проблемам этой темы были посвящены его кандидатская («Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.)» и докторская («Северный Кавказ и ранние

кочевники в предскифскую эпоху (IX - первая половина VII в. до н.э.)» диссертации. Им впервые была выявлена роль предгорно-плоскостной зоны как места выработки оригинального опыта взаимодействия и взаимовоздействия автохтонного населения и кочевников, картографированы соответствующие памятники, определены основные этапы взаимоотношений, показывающие углубление контактов. Заслуги С. Л. Дударева в разработке этого научного направления получили самую высокую оценку в профессиональных кругах археологов. Было отмечено, что «постоянно набирающий опыт и зрелость исследователь высказал немало ценных, неординарных мыслей и наблюдений, проливающих новый свет на историю взаимоотношений разноязычных и весьма пёстрых по своей социокультуре этнических общностей, обитавших вдоль северных склонов Кавказского хребта, где в героическую эпоху раннежелезного века проходила «дорога скифов» (Эсхил), где на стыке двух континентов – Европы и Азии – протекали важные процессы, закладывавшие основы будущего формирования ряда современных народов Кавказа...» [3, с. 118].

В дальнейшем исследователь проявил интерес к средневековой и новой истории народов Северного Кавказа, опубликовал многочисленные статьи и монографии, став тем самым в один ряд с известными кавказоведами региона. В 2022 г. 50-летие профессиональной и научно-творческой деятельности С.Л. Дударев отметил объёмным сборником научных работ о Северном Кавказе XVIII – начала XXI века [14; 4; 11; 7]. Сергей Леонидович выступил активным разработчиком концепции «российскости», которая, не замалчивая отрицательные стороны взаимоотношений России с народами Северного Кавказа, нацелена на то, чтобы всесторонне исследовать положительный потенциал русско-северокавказских контактов, прогрессивность присоединения народов к России для сближения их на современном этапе развития.

В последний период жизни С. Л. Дударев, будучи заведующим кафедрой всеобщей истории АГПУ, активно занимался реализацией новой периодизации всемирной истории, в основу которой был положен интеграционный принцип [13]. Периодизация прошла апробацию в рецензируемых журналах «Восток» (1995) и «Научная мысль Кавказа» (2010), легла в основу преподавания ряда курсов на историческом факультете АГПУ. Сергей Леонидович всегда стремился к тому, чтобы научные разработки внедрялись в педагогическую практику [12]. Он как автор и редактор многих пособий по всеобщей истории был удостоен сертификата Независимого комитета по сертификации учебных материалов. Под его руководством разработаны учебники и учебные пособия, рекомендованные Министерством образования Краснодарского края для преподавания в школах Кубани [9; 10].

С. Л. Дударев родился 5 сентября 1951 г. в г. Грозном в семье учителей (отец работал учителем физики, мать – учителем биологии, старшая

сестра – учителем английского языка). По их стопам пошёл и Сергей, ставший уже университетским преподавателем. Высшее образование С. Л. Дударев получил на истфаке Чечено-Ингушского государственного университета. Именно здесь состоялось его знакомство с молодым преподавателем-археологом, неординарной и яркой личностью Виталием Борисовичем Виноградовым. Он посещал его археолого-краеведческий кружок, ставший истоком и основой научно-педагогической Кавказоведческой Школы. Эта встреча предопределила всю последующую жизнь Сергея Леонидовича. С 1969 г. С. Л. Дударев является участником археологических экспедиций, становится одним из главных помощников своего научного руководителя, а затем и сам возглавляет отряды Предгорно-Плоскостной археологической экспедиции, работавшей на базе ЧИГУ им. Л. Н. Толстого. Раскопки осуществлялись в разных районах Чечено-Ингушетии, на Кавказских Минеральных Водах.

Как отмечал С.Л. Дударев в своей автобиографии, в настроениях студенческой молодёжи в то время господствовал оптимизм. Жизнь кипела, «без разделения на «ваших» и «наших». Чеченцы и ингуши, русские и украинцы, армяне и татары – все были вместе. Их объединяла наука археология и общий наставник, который пользовался нашим безграничным доверием» [5, с. 219]. Романтика раскопок и тяжёлый труд шли рука об руку. Далеко не все стали археологами, историками-краеведами, но на всю жизнь сохранили об экспедициях самые теплые воспоминания. Те же, кто оставался верен общему делу, разделял основные идеи и принципы, становились соратниками, проверенными и надёжными.

После окончания аспирантуры при СОГУ им. К.Л. Хетагурова в 1983 г. в Институте археологии Академии наук Украинской ССР Сергей Леонидович защитил кандидатскую диссертацию (научный руководитель проф. В. Б. Виноградов). К этому времени он уже имел более 40 опубликованных работ, заявил о себе как специалист в области позднего бронзового – раннего железного века Северного Кавказа. Затем С. Л. Дударев работал преподавателем кафедры всеобщей истории (читал историю средних веков Западной Европы), а затем – доцентом кафедры истории народов Северного Кавказа ЧИГУ.

Он стал не только квалифицированным полевым исследователем, научным работником, но и замечательным лектором, со своей особой манерой общения со студентами, сочетавшей требовательность, академизм и тонкий юмор. Как вспоминали студенты тех лет, в качестве куратора Сергей Леонидович организовывал с ними поэтические и музыкальные вечера, экскурсии на археологические памятники и др. А как преподаватель он научил многих работать с источниками, пользоваться понятийным аппаратом, логично строить и правильно оформлять научные статьи, курсовые и дипломные работы.

В связи с трагическими событиями в Чеченской республике В. Б. Виноградову и части его учеников, среди которых был и С.Л. Дударев, пришлось покинуть свою «малую» родину. До отъезда Сергей Леонидович много работал, ему удалось издать монографию, получившую отклики в России и за рубежом [6]. Его активная жизненная позиция, деятельность, связанная с возрождением терского казачества, была замечена противниками-националистами, и в одном из научных сборников его имя было обведено траурной рамкой. Подобные «чёрные метки» в то время получали и другие виноградовцы. Грозненскому периоду жизни С.Л. Дударев посвятил книгу воспоминаний [5], которая с точки зрения теорий повседневности и микроистории является научным изданием, что и отмечалось в соответствующих рецензиях (Ю. В. Артюхович, Г. А. Богданов, Н. Н. Гарунова, А. А. Головлёв, Л. Р. Хут, В. Г. Шнайдер).

С 1992 по 2022 гг. Сергей Леонидович работал в Армавирском государственном университете (ранее – институте, академии). Для многих коллег С. Л. Дударев был примером того, как надо относиться к делу, людям. Если он за что-то брался, то всегда делал это с полной отдачей. И последний сборник, вышедший под редакцией уже тяжелобольного человека, ничем не отличался от более ранних столь же качественных изданий [15].

Он был немногословен и какие-то вещи не декларировал, но все прекрасно понимали, что у этого человека есть чёткие жизненные принципы, которым он не изменял с течением времени. Он умел дружить, неизменно оказываясь рядом в горе и радости, не забывал поздравить с днями рождений и знаменательными датами. Но не прощал предательства и двуличия, безответственности и неблагодарности. В его окружении были такие люди, с которыми С. Л. Дударев вынужденно поддерживал отношения (например, по работе), но они являлись «нерукопожатными», и это было хуже любого выговора или порицания. О нравственных качествах Сергея Леонидовича свидетельствует и такой факт: в соавторы своих работ он ставил давно ушедших из жизни краеведов, которые в своё время помогли ему в выявлении и изучении археологических древностей.

В 1998 г. С.Л. Дударев возглавил кафедру всеобщей истории. Среди читаемых им дисциплин назовём: «Историю средних веков», «Глобальные проблемы человечества», «Историю крестоносного движения на Восток», «Археологию северокавказского региона», «Этнополитическую историю Северного Кавказа в древности и средневековье» и ряд других. Поле его научных интересов было поистине огромным. Расширение читаемых курсов помогло приобрести знания, которые позволили учёному и педагогу смотреть на данные археологии, региональной и всеобщей истории с разных ракурсов, взаимодополнявших друг друга. В сборниках научных работ Сергей Леонидович наиболее полно предстаёт и как ар-

хеолог, и как кавказовед, и как специалист по всеобщей истории.

Почти 20 лет (с 1995 г.) С. Л. Дударев сотрудничал с Государственным унитарным предприятием «Наследие» министерства культуры Ставропольского края. Он приезжал в совместную международную экспедицию А. Б. Белинского (Россия) и Г. Харке (Великобритания), как профессионал был привлечён к обработке и осмыслению накопленного археологического материала, который нашёл отражение в ряде публикаций, как в России, так и за её пределами.

Широкий взгляд на научные проблемы и энциклопедические знания позволили Сергею Леонидовичу в 1999 г. в Институте востоковедения РАН (г. Москва) защитить докторскую диссертацию сразу по двум специальностям – «Всеобщая история (Древний мир)» и «Археология». Источниковую базу диссертации составили материалы почти 1500 погребений и отдельных комплексов, которые были тщательно проанализированы и систематизированы в многочисленных таблицах. С. Л. Дударев всегда отличался особой скрупулезностью в подходах к исследованию исторических памятников, самостоятельно осуществлял не только описательные, но и чертёжные работы, создавал точные и качественные рисунки найденных предметов.

С 2000 г. Сергей Леонидович руководил аспирантурой по всеобщей истории, которой раньше в АГПУ не было. Среди 8 её выпускников – специалисты по археологии, всеобщей истории (средние века; новое время), историографии и источниковедению, отечественной истории, что является ярким свидетельством интересов и возможностей научного руководителя. 17 лет С.Л. Дударев являлся членом Диссертационного совета при Ставропольском (Северо-Кавказском) государственном университете, выступая оппонентом и рецензентом многих работ молодых учёных.

Проф. С.Л. Дударев стал действительным членом (академиком) Международной Академии информатизации (при ООН) и Общественной академии наук, культуры, образования Кавказа (при МГИМО (У) МИД России), членом Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени, членом-корреспондентом «Центра археологии и культурной истории Причерноморья» при Институте доисторической археологии университета Мартина Лютера в Халле-Виттенберге (Германия).

С. Л. Дударев имел поощрения и награды от администраций г. Армавира и Краснодарского края, Министерства образования и Федерального собрания РФ. Российским Лермонтовским комитетом Сергей Леонидович удостоен медали за личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности.

Через всю жизнь Сергей Леонидович пронёс верность Кавказоведческой Школе и её основателю проф. В. Б. Виноградову, которому посвятил

немало статей. После смерти своего учителя он возглавил коллектив, который в разное время включал 10 докторов и 50 кандидатов исторических наук. Под его редакцией вышли многочисленные сборники научных семинаров и конференций, проведены Международные (с участием учёных из Армении, Абхазии, Белоруссии, Венгрии, Италии, Словакии, Франции и др.) Виноградовские чтения (I-III), Школа отметила своё 60-

летие (2023 г.), заработал её сайт, научные работы коллектива прошли регистрацию в Реестре баз данных с выдачей соответствующего сертификата и др. Для коллег по кафедре и научной работе уход Сергея Леонидовича Дударева – тяжёлая и невосполнимая утрата. Но то, что им сделано, несомненно, оставит глубокий след в отечественной науке и педагогической практике.

Литература

1. Библиография научных, научно- и учебно-методических работ доктора исторических наук, профессора Сергея Леонидовича Дударева (1973 – 2016) // Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Вып.3. Армавир, Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 74 с.
2. Библиография научных, научно- и учебно-методических работ доктора исторических наук, профессора Сергея Леонидовича Дударева (2016-2021) // Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы (к 70-летию С.Л. Дударева): Международный сборник научных статей. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. С. 350-366.
3. Виноградов В. Б. Вдоль «дороги скифов» на стыке континентов и культур (послесловие редактора) // Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1991. 122 с.
4. Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
5. Дударев С. Л. «Это было недавно, это было давно...». Армавир; Ставрополь: Сервисшкола, 2008. 272 с.
6. Дударев С. Л. Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. 402 с.
7. Дударев С. Л. К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 382 с.
8. Дударев С. Л. К этнокультурной атрибуции «киммерийских» погребений Северного Кавказа // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. Pod redakcją Jana Chochorowskiego. Kraków, 2004. С. 101-113.*
9. Дударев С. Л. Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани. Учебно-методическое пособие для учителей общеобразовательных учреждений Краснодарского края. Изд. 3-е перераб. и доп. Армавир: РИО АГПА, 2013. 120 с.
10. Дударев С. Л. Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани. Учебное пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений Краснодарского края. Изд. 4-е перераб. и доп. Армавир: РИО АГПА, 2013. 320 с.
11. Дударев С. Л., Пелих А. Л., Савенко С. Н., Цецхладзе Г. Р. Археологические источники о происхождении и этнополитической истории народов Северного Кавказа (проблемы изучения). Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 394 с.
12. Лекции по истории средневекового Востока / Научно-методические материалы в помощь студенту / под ред. С.Л. Дударева. Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. 152 с.; ил.
13. Основные этапы всемирной истории: учебное пособие / под ред. В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева. Армавир: Графа, 2009. 260 с.
14. Сборник научных работ С. Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. 558 с.
15. Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. / отв. ред. С. Л. Дударев. Армавир, 2025. 172 с.
16. Dudarev S. The Mastering of Iron-Working by the Peoples of the Northern Caucasus (Soviet and Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century) // *Ancient West&East. Volume 3, No. 1. Brill: Leiden-Boston, 2004. P. 1-19*
17. Vinogradov V., Dudarev S. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien // *Eurasia Antiqua. Band 6. Berlin, 2000. S. 361-403.*

References

1. Bibliography of scientific, scientific and educational-methodical works of Doctor of Historical Sciences, Professor Sergei Leonidovich Dudarev (1973-2016). News of the scientific and pedagogical Caucasian studies school of VB Vinogradov. Issue 3. Armavir, Stavropol: Design Studio B, 2016. 74 p. (In Russ.).
2. Bibliography of scientific, scientific and educational-methodical works of Doctor of Historical Sciences, Professor Sergei Leonidovich Dudarev (2016-2021). In Problems of Archeology and History of the Caucasus and Europe (on the 70th anniversary of SL Dudarev): International collection of scientific articles. Armavir: ASPU; Stavropol: Design Studio B, 2021. Pp. 350-366. (In Russ.).
3. Vinogradov VB. Along the "Scythian Road" at the Junction of Continents and Cultures (Editor's Afterword) in Dudarev SL. From the History of the Connections of the Population of the Caucasus with the Cimmerian-Scythian World. Grozny: Chечeno-Ingush State University named after LN Tolstoy; 1991. 122 p. (In Russ.).
4. Dudarev DS, Dudarev SL. The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid-twentieth century. Armavir; Stavropol: Design Studio B; 2017. 402 p. (In Russ.).
5. Dudarev SL. "It was recently, it was a long time ago...". Armavir; Stavropol: Service School; 2008. 272 p. (In Russ.).
6. Dudarev SL. Relationships between the tribes of the North Caucasus and the nomads of South-Eastern Europe in the pre-Scythian era. Armavir, 1999. 402 p. (In Russ.).

7. Dudarev SL. On the history of the North Caucasus of the 18th – early 21st centuries. Collection of scientific articles and reviews. Armavir: ASPU; Stavropol: Design Studio B; 2022. 382 p. (In Russ.).
8. Dudarev SL. On the ethnocultural attribution of the “Cimmerian” burials of the North Caucasus in Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. Pod redakcją Jana Chochorowskiego. Kraków, 2004. C. 101-113. (In Russ.).
9. Dudarev SL. Ethnic tolerance and interethnic peace in Kuban. A teaching aid for teachers of general education institutions of Krasnodar Krai. 3rd revised and enlarged edition. Armavir: RIO AGPA, 2013. 120 p. (In Russ.).
10. Dudarev SL. Ethnic tolerance and interethnic peace in Kuban. A teaching aid for students of grades 10-11 of general education institutions of Krasnodar Krai. 4th revised and enlarged edition. Armavir: RIO AGPA, 2013. 320 p. (In Russ.).
11. Dudarev SL, Pelikh AL, Savenko SN, Tsetskhladze GR. Archaeological sources on the origin and ethnopolitical history of the peoples of the North Caucasus (study problems). Armavir; Stavropol: Design Studio B; 2020. 394 p. (In Russ.).
12. Lectures on the history of the medieval East / Scientific and methodological materials to help students / edited by SL Dudarev. Armavir: Design Studio B; 2015. 152 p.; ill. (In Russ.).
13. The Main Stages of World History: A Textbook / ed. by VB Vinogradov and SL Dudarev. Armavir: Grafa; 2009. 260 p. (In Russ.).
14. Collection of Scientific Works by SL Dudarev. Moscow: Ilekxa, 2011. 558 p. (In Russ.).
15. The North Caucasus in Historical and Archaeological Dimensions. / ed. by SL Dudarev. Armavir, 2025. 172 p. (In Russ.).
16. Dudarev S. The Mastering of Iron-Working by the Peoples of the Northern Caucasus (Soviet and Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century). Ancient West&East. Volume 3, No. 1. Brill: Leiden-Boston; 2004. p. 1-19.
17. Vinogradov V, Dudarev S. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien. Eurasia Antiqua. Band 6. Berlin; 2000. s. 361-403.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2025. Том 12, № 4

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков.
2025. Т. 12. № 4. 203 с.

— Свободная цена —

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка М. И. Толмачев
Дизайн обложки С. Томицкая

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Подписано к печати 19.12.2025

Усл. п. л. 23,72
Заказ 55

Дата выхода в свет 25.12.2025

Уч.-изд. л. 22,86
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2